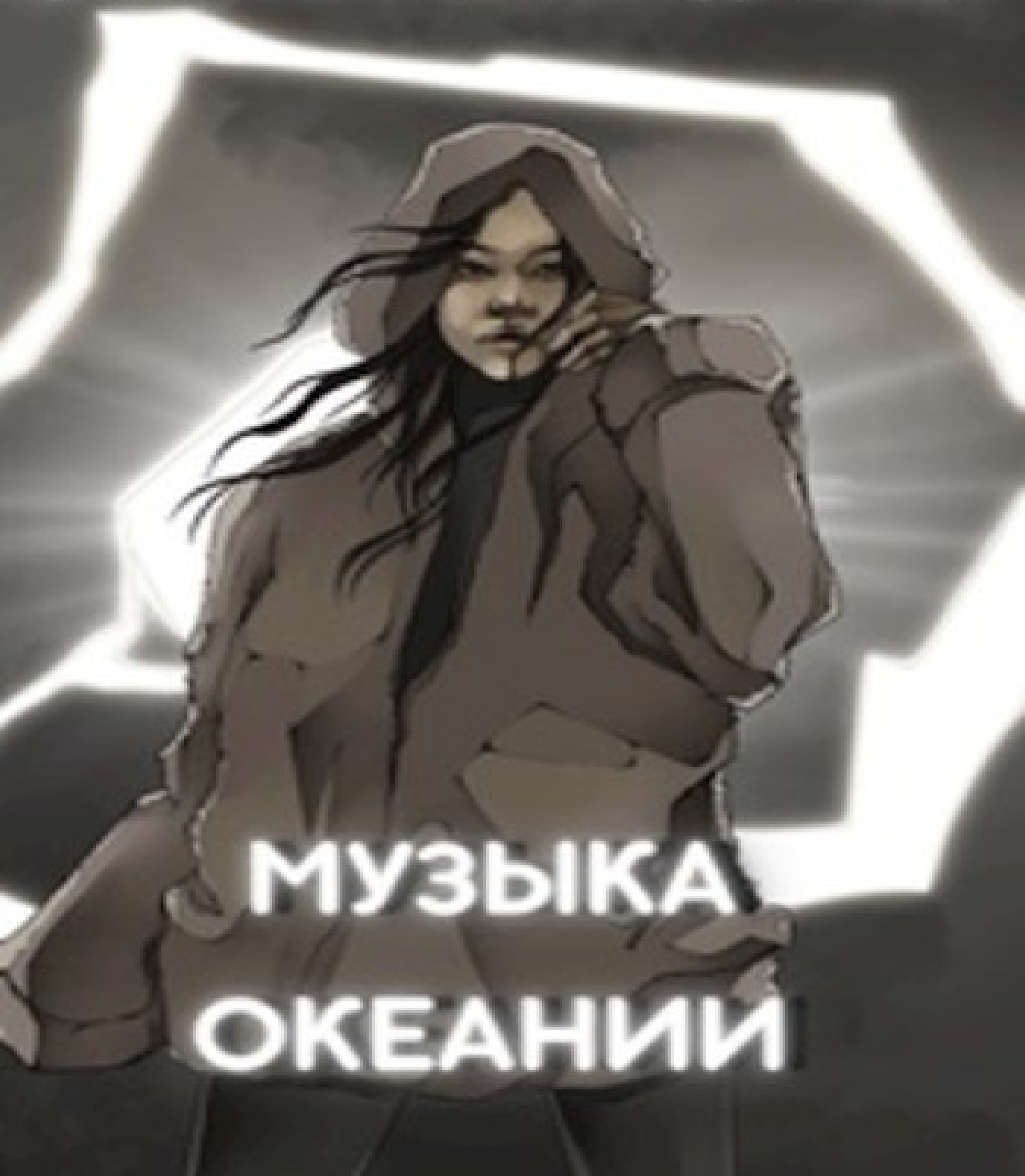

Полина Ледова

ЦИКЛ "МИФПАНК ОДИССЕЯ"

МУЗЫКА

ОКЕАНИИ

Холодный и прекрасный мир Элласа замер на грани катастрофы, и до сих пор не ясно, что уничтожит его первым — гражданская война, ядерный взрыв или освободившиеся из царства смерти тени. Мир скован льдом и снегом, весна никогда не наступит больше. Выжить можно лишь одним способом — найти дорогу к таинственной стране под названием Океания. Не все смогут отыскать её, не все дойдут до конца. Две сестры, две певицы и бывший наёмник отправляются в эту снежную одиссею по руинам гибнущего мира.

Греческая мифология в антураже апокалипсиса.

507 день после конца отсчёта

Вокзальная пыль была повсюду. Она забивалась в нос и глаза, она цеплялась за складки одежды, оставляя серые пятна на белых воротничках привилегированного класса. Этих людей называли детьми Акрополя, потому что они работали на государственный аппарат. Среди них были и предприниматели, разжившиеся на конце света, а ещё их жёны и любовницы в соболиных шубах. Однако вокзал уравнивал всех, ведь помимо богачей, которые могли позволить себе билет на поезд, сюда стекалась и вся грязь со сточных канав, заставляя высокопоставленные лица воротить нос от отвращения.

Вокзалы всегда собирают вокруг себя не только путешественников, но и крыс. Грязные бродячие собаки, которых привлекает суета, запах еды из вокзальных закусовых, но больше всего — тепло. Потому что в холодные, и, как никогда длинные зимние дни, единственное место, куда можно податься — это вокзал. Эти существа даже не пытались походить на людей, всё больше уподобляясь тараканам, они прятались в тёмных углах, там, куда не падут взгляды зорких полицейских. Они боялись, что их прогонят, опасно жмурились, поглядывая на недовольных таким соседствам сытых богачей. Они часто пили, стараясь с головой провалиться в немое забытьё. В этом состоянии не было ни холода, ни голода, оно помогало сбежать от жизни ненадолго. Опустившись однажды в эту пагубную яму, почти никто из них не выбирался наружу. Они медленно разлагались в ней.

Никто из посетителей вокзала, никто из служащих не задавался вопросом, а все ли из этих скукоженных спящих дворняг живы? Не нуждался ли кто в скорой помощи? Лишь растормоша этот муравейник, подняв их на ноги, полицейские или охранники иногда находили кого-то одного, кто так и оставался лежать на полу. Ничего удивительного в этом не было. Полицейские лишь поспешно, чтобы не пугать публику, выволакивали тело наружу и небрежно скидывали его в ближайшую сточную канаву, оставляя воронам, собакам, а может, и людям. Никаких панихид или похорон. У них не было имён для надгробных камней, не было истории, чтобы зачесть над телом меморандум, не было ни веры, ни денег, чтобы отпеть по ним заупокойную и оплатить погребение. Никто не горевал по ним, никто не вспоминал о них после их кончины. Ненужные миру серые души, отверженные, забытые даже самими собой. Только меньше их не становилось. Эта яма завлекала внутрь, и, хотя, ничего привлекательного в ней не было, слишком многие продолжали сигать в её глубь.

Они прятали свои опухшие от суррогатного узо бородастые грязные лица. Эти существа спали днём, потому что ночью, когда вокзал пустел, их всегда гнали прочь. И вот тогда, открывая мутные, подслеповатые глаза, они сталкивались уже совсем с другим миром, в котором приходилось не прятаться, а именно выживать. Ночь была беспощадна к своим обитателям. Она источала зловонный смрад смерти. Эти каракатицы, с трудом пробираясь по её улицам, искали наживу.

В вечер пятьсот седьмого дня на вокзале Сциллы произошла одна любопытная история. Мало кто из присутствовавших смогли запомнить её. Если бы они были чуть внимательнее, то может, беды бы не случилось.

В зале ожидания нечем было дышать из-за мощных работающих на полную силу нагревателей. Люди, сидевшие на деревянных скамейках, обмахивались веерами и утренними грошовыми газетами «Фантасмагория», купленными при входе у щуплого

мальчика, явно страдавшего рахитом. Они сняли тёплую зимнюю одежду, небрежно сложив меховые шубы и пальто на небольшом столике перед скамейками, и то и дело поглядывали на них, чтобы кому-то из оборванцев, снующих по вокзалу и просящих милостыни, не пришло в голову украсть чужое добро.

Экспресс до Харибды опять задерживался. С тех пор, как все города, лежащие между последними столицами, отменили, расписания поездов претерпели роковые изменения, людям приходилось порой часами ждать тот единственный экспресс, что был способен преодолеть всю Ойкумену за какие-то трое суток. В другую сторону поезда не ездили. Сциллу и Харибду разделяли почти десять тысяч километров. После того, как случился катаклизм и началась всеобщая паника, власти приняли решение о немедленной сепарации Сциллы и Харибды от остальной части Ойкумены. Все их силы, влияние и военный потенциал был заточен именно в двух самых крупных городах, долгое время соревнующихся за звание столицы страны. Понимая, что денег на восстановление всех городов Ойкумены, что пострадали во время катаклизма попросту не хватит, власти призвали всех к миграции в сторону одной из северных столиц. Остальные города, что лежали на востоке, юге и западе страны получили статус «отменённых земель», и разом лишились любых возможных поддержек государства. Атмосфера хаоса витала в воздухе. Народ чувствовал, что правительство готовилось схлопнуться, а это не могло не вызывать бунтарских настроений. Жители Сциллы подозревали, что им чего-то недоговаривают или даже бесцеремонно врут. Все запомнили первый катаклизм, а потому спешили покинуть город. Большинство из них нацелились на Восток, в Харибду. Объяснялось это тем, что катаклизм грянул именно с запада, остановившись на Сцилле. Хоть власти и утверждали обратное, люди стремились покинуть западную столицу, так как подспудно слышали дрожь костей города от поступи второй волны катаклизма.

Была ещё Гиперборея, вторая страна, но для Ойкумены она была врагом с многовековой историей жестоких войн, а потому любые контакты с ней были строжайше запрещены.

Все эти уважаемые кириосы и кирие купили билеты на поезд ещё три недели назад. Тот день, когда жители собрались на переполненном вокзале, датировался третьим днём первой недели восемнадцатого месяца после конца отсчёта времени, точнее, от дня, когда власти признали начало конца света, и приняли решение запустить новый отсчёт. Никаких меток для обозначения месяцев и годов было решено не вводить, ведь катаклизм принёс с собой понижение средней температуры примерно на два-три градуса каждый месяц. Это могло показаться мелочью по началу, но уже в первый год лето так и не наступило, а градусник держался лишь чуть выше нуля. Вечная зима стала проклятием для всего Элласа. Была и ещё одна причина, почему многие отправлялись в сторону Харибды. Именно там, на северо-западе, согласно легендам, лежали врата в Океанию — волшебную страну. Находясь на грани отчаянья, многие поверили и в эту сказку.

Но две души, из собравшихся на вокзале Сциллы, не были заинтересованы в скором прибытии поезда. Для начала, следует сказать, что оба они уже успели потерять вкус к жизни, и готовы были принять любой удел, а может даже, ждали, когда же их, наконец, смоем смертоносной волной конца света.

Однако тот, кто держался в тени, мог позволить себе билет на поезд. Второй же, будучи гордым представителем своего социального класса, не имел ни денег, ни тёплой одежды, ни дома, ни даже имени. Он не ел уже больше суток, и куда больше года не ел досыта. Правда, всего полтора часа назад, у него была бутылка узо, но она слишком быстро иссякла. Сейчас

он спал на угловом сиденье, опершись о стену и пытаясь сохранить хрупкое равновесие. Голову страшно ломало от слишком рано нахлынувшего похмелья, зато остальные чувства слегка притупились. Он был зверски пьян, и тошнота сводила с ума от любой даже самой неокрепшей мысли. Фактически, он не спал, он просто провалился в этот пьяный омут. Его здорово качало, и порой, резко вздрагивая, он ронял изуродованную голову на грудь, в конце концов, вовсе замерев в этом положении. Тонкая струйка слюны вырвалась из разбитых губ и повисла в нескольких сантиметрах от его колена.

Благочестивые дети Акрополя, проклинавшие это омерзительное соседство, неловко жались подальше, с мольбой поглядывая на полицейских в янтарной форме, надеясь, что они примут хоть какие-то меры, но служители закона и сами брезгали этими существами, предпочитая не встречать до тех пор, пока они не становились заметными. Запертые же на вокзале кириосы и кирие, не могли покинуть скамью, ведь в таком случае их место бы оказалось занято, а ждать стоя никто не хотел.

Жара и адский смрад, исходивший от бездомного, подвергали их решимость всё большим сомнениям, но пока ещё никто не набрался смелости открыто позвать полицейских и попросить их разрешить проблему. Всё же, их нельзя было назвать жестокими, они получили в своё время хорошее образование и воспитание, а их учили в том числе и терпимости к опустившимся на социальное дно, вот только никто никогда не запрещал им осуждать и презирать пьяного бродягу. Они отводили глаза, стараясь не смотреть в его сторону и не вдыхать тошнотворный запах перегара.

Все кроме одного, смотрящего на нищего непрестанно из противоположной стороны зала.

Но терпению аристократии всё же пришёл конец. Пьяница покачнулся вперёд и исторг из себя поток отвратительной рвоты. Все сидящие по близости подскочили моментально, и вот только тогда зал ожидания разорвался от неудержимого гвалта возмущения. Кто-то сразу устремился за полицией, запричитал, кирие заохали, пряча глаза, но эта картина уже плотно отпечаталась у них в памяти.

Сцена могла бы длиться ещё долго, но тут невзрачный на вид мужчина, одетый в чёрный длинный плащ, поднялся со своего места. По какой-то необъяснимой причине, он отвлек внимание людей на себя. В его неспешной и властной походке скрывалась хромота, он использовал тонкую чёрную трость в качестве опоры. Постукивая по плитке на полу, она предавала ему ещё больше таинственности. Мужчина, подошёл к нищему, который, видимо, не справившись с равновесием, уже лежал прямо рядом со зловонной лужей. Человек в чёрном вдруг, к удивлению всех собравшихся, опустился на одно колено, и, свободной от трости рукой, извлёк из кармана платок, протянув его пьянице. Не выказав ни капли брезгливости на своём ровном и ничем непримечательном лице, он заглянул прямо в глаза бедняку.

— Пойдёмте со мной на свежий воздух. — Его голос был глубоким и гортанным, манера речи — ровной и спокойной. — Он поможет вам оклематься.

Бродяга, ещё не придя в себя, никак не мог понять, что от него хотели, но вид благородного кириоса, вставшего на колено подле него, моментально произвёл впечатление и вызвал у него неконтролируемое чувство доверия. Словно случай сам дал знак — ещё не канула в бездну вся человеческая доброта. Он принял у кириоса белоснежный платок, утерев остатки слюны с губ и небритого подбородка.

Станный мужчина помог бродяге подняться с пола. Когда тот, стоя на ватных ногах,

протянул ему платок назад, кириос лишь кротко покачал головой, ничего не произнеся вслух.

Держа его под руку, сам опираясь на трость, человек в чёрном повёл его наружу из вокзала, туда, где гудели северные ветра. Никто из присутствующих не проронил ни слова, не попытался никак прокомментировать поведение незнакомца. Они ещё недолго смотрели за ним вслед, но не нашли в себе смелости ни восхититься им, ни осудить.

Мужчина вывел бродягу из вокзала и остановился с ним на углу небольшой площадки под козырьком крыши. Затем он вытащил из кармана своего плаща портсигар, инкрустированный аквамаринными камнями, лёгким изящным движением раскрыл его и протянул бедняку.

— Газету, кириос? — донёсся сломанный осипший голосок.

Обернувшись, человек в чёрном встретился взглядом с худым мальчиком, одетым в потёртую синюю курку, и давно уже прохудившиеся ботинки, которые точно никак не спасали в такую холодную погоду. В руках он держал с полдюжины «Фантасмагорий».

Незнакомец смерил мальчишку долгим задумчивым взглядом. За всё это время его лицо так и не выразило ничего, походившего на эмоцию, лишь глаза, при внимательном рассмотрении, выдавали неутомную бурю самых разных мыслей и чувств, но кто в наши дни смотрит в глаза человека?

— Давно здесь стоишь? — спросил незнакомец у мальчика.

— С самого утра. — Ответил он, прочистив горло. Кажется, голос он сорвал уже давно.

— Каждый день?

— Да. — Ответил он. — Мне ещё повезло, возле вокзала много людей. Чаще всего их раскупают до вечера, пока ещё не так холодно. Сегодня только что-то никак...

— Иди домой, — посоветовал мужчина.

— Нет, нельзя. Я должен продать газеты и отнести выручку в редакцию, иначе не получу плату. Хозяин разозлится.

Кириос прищурился, бросил беглый взгляд на бродягу, который только сейчас осмелился вынуть себе сигарету из портсигара, и теперь стоял с потерянным видом, ожидая, когда ему предложат огня.

Человек в чёрном протянул мальчику свою трость, явно поняв, что от пьяницы было нерационально требовать даже такой мелочи.

— Подержи, — попросил он всё тем же серым голосом.

Мальчик испуганно схватил трость, и заворожённо уставился на круглый чёрный набалдашник. Чуть ниже его шёл рифлёный металл, чтобы было удобнее держать трость, зажав её в ладони, вот только мальчику всё равно показалось, что ручка была какой-то странной.

Порывшись в кармане вновь, незнакомец протянул мальчишке бумажную купюру, при виде которой у него открылся рот. Ста талантов могло бы хватить и на завтрашний день.

— У меня нет сдачи! — воскликнул тот испуганно, прыгая взглядом с кириоса на трость, с трости на купюру, с купюры на кириоса.

— Бери. И иди домой. — Спокойно произнёс мужчина.

Он протянул руку, вытащив из пальцев мальчика свою трость, вновь опершись на неё, и вложил бумажку в нагрудный карман его куртки. Затем забрал из невольных рук оставшиеся газеты, сложил их в трубочку и убрал куда-то внутрь своего плаща.

— Пстой, — окликнул его мужчина, одновременно с этой фразой чиркая спичкой и

поджигая сигарету бродяги. Мальчик, готовый бежать прочь, тут же остановился, вновь воззрившись на удивительного кириоса. — Куришь? — спросил он кратко, на этот раз зажигая сигарету уже для себя. Только сейчас мальчик нашёл в себе сил поразиться тому, как быстро незнакомец орудовал различными предметами, даже с учётом того, что одна его рука была занята тростью.

— Нет, — покачал тот головой.

Зажав сигарету в губах, человек в чёрном покивал, словно одобряя ответ.

— Тогда бери, — сказал он в следующее мгновение, вынимая сигарету изо рта, а другой рукой, с тростью, зажатой меж средним и безымянными пальцами, протягивая ему плоский длинный свёрток.

Сделав неловкий шаг навстречу к кириосу, мальчик понял, что тот протягивает ему плитку шоколада. Улыбка расцвела на лице ребёнка, слишком рано познавшего горечь лишений, чтобы как следует успеть распробовать сладости детства.

— Спасибо вам! — воскликнул он, приняв подарок.

— Уже ночь пала, — невесело произнёс человек, оглядывая сгущавшиеся сумерки, — беги домой. Спокойных снов. — Сказал он, только на этот раз его голос едва уловимо похолодел.

— Спасибо! — повторил мальчик снова, как можно быстрее поспешив скрыться подальше от этого странного незнакомца.

Лишь докурив сигарету до середины, и восхитившись невероятному качеству табака, бродяга, наконец, нашёл в себе силы заговорить. Его хриплый голос звучал неуверенно, язык заплетался, да и сам он был слишком сильно потрясён всем происходящим на его глазах, хотя, скорее всего, уже и забыл о мальчишке, торговавшем газетами.

— Да кто ж ты такой? Ты гляди: меня так просто не провести! Богач, что ли, да?

Незнакомец заговорил далеко не сразу, с удовольствием смакуя сигарету, и выпуская из ноздрей струйки густого дыма. Сколько бродяга ни вглядывался ему в лицо, он так и не сумел запомнить ни одного яркого признака, ни одной выразительной черты. Кириосу могло быть как тридцать лет, так и пятьдесят, ничто не выдавало в нём ни его профессии, ни его происхождения.

— Меня зовут Никто. — Произнёс, наконец человек в чёрном. — Я не богат. У меня есть деньги, но нет права тратить их на себя. Я решил вам помочь, потому что я знаю цену жизни, и я знаю, что бывает с теми, у кого она не стоит и гроша. — Он оглядел глазами площадку возле вокзала. Мальчишки уже и след простыл, а лёгкие хлопья снега всё падали и падали на землю, заматывая собой очертания города, превращая всё в бесконечную белую глушь. — Давайте не будем терять времени. Вы хотите выпить?

Бродяга не до конца понимал его, разум всё ещё был мутным, соображать давалось не легче, чем пытаться рассмотреть объявление на соседнем здании сквозь стену снегопада. Хотя, может, будь бродяга трезвым, не лети снег так густо, и умей он читать, это бы помогло ему. Но из всего, что сказал человек в чёрном, он понял только одно — выпивка, поэтому бродяга заулыбался своей щербатой улыбкой, предвкушая празднование за счёт своего доброго покровителя.

— Да, а чтобы и не выпить с хорошим человеком? Пойдемте... э-э, да как же вас зовут всё-таки? Да ну и пойдёмте.

С этими словами он докурив сигарету, так что в пальцах остался жалкий огрызок не больше ногтя мизинца, бросил его в снег, и сам зашагал вперёд, явно направляясь в

ближайшую отсюда пивнушку спиралью ниже, и раза в три дешевле, чем все круглосуточные питейные заведения вокзала. Никто двинулся следом за ним, идя также неторопливо, как и покачивающийся пьяница, но ровно, лишь припадая на правую ногу.

— А вы, кириос... мм как же вас зовут? Никто, говорит... ну да ладно, — подался в рассуждения бродяга, — вы вот не такой, как те, что на вокзале. Сразу видно, вот он — добрый-то человек! А вы знаете что? Я теперь всегда, когда буду пить, буду выпивать всегда за ваше здоровье.

— Счастлив слышать, — сказал Никто негромко. — Расскажите мне, чем вы занимались раньше?

— Да я-то? — переспросил бродяга. — На заводе работал. А потом, знать, сами слышали, всех гнать оттуда стали, фабрики позакрывали, я вот как с полгода, наверное, не работаю.

— Дом у вас есть? — спросил кириос, заранее зная ответ.

— А-а-а, да что там, нет, конечно. Раньше был, мы с женой снимали квартиру на Краю, а потом померла она. Да давно уже, честно сказать, не помню, когда.

— С тех пор вы пьёте? — спросил Никто.

— Да, я и раньше, бывало, выпивал. Кто ж выпить не любит из нормальных мужиков? Вы-то пьёте?

— Да, — сухо и прямолинейно отозвался кириос.

— Ой! Ну вот и говорю же! — обрадовался пьяница, кажется, найдя себе собутыльника. — Вот и хорошо!

С этими словами он одобряюще постучал человека в чёрном по спине, от чего у него возникло чувство, что он поколотился в каменную дверь.

— А вы-то, добрый человек, кем работаете, это гдей-то столько денег можно получать, чтобы и сигареты, и вот так вот-то всё?

Тут бродяга успел заметить, что они завернули куда-то ни в ту сторону; вместо улицы, ведущей к пивнушке, они оказались в тёмном закоулке.

— Я раньше работал на одну фирму, — заговорил вдруг Никто куда громче, чем обычно, словно на сей раз прятаться уже было не от кого. — Но потом провалил очень важное задание. И теперь я оказался в ещё худшей западне, чем вы. — Говоря всё это время, лицо мужчины не менялось, он был спокоен и сдержан, его трость продолжала стучать по асфальту, оставляя следы на свежевыпавшем снеге. — По условиям договора, я не имею права тратить свои деньги на роскошь, не могу продать свою квартиру или купить ещё одну. Вот только за годы я скопил очень много денег, а деть их некуда. — Он стукнул тростью по своей правой ноге и слегка поморщился от этого жеста. — Понимаете, они списали меня со счетов из-за производственной травмы. Уволили, лишили меня работы. А уйти я не могу. Я всё равно принадлежу им, это тоже было в договоре. Я знал, когда подписывал. Я согласился стать ничем, стать тенью, но я тогда не знал, что доживу до своей пенсии. Что стану живым мертвецом, Никем. Не думал, что они посадят старого пса на короткую цепь. Иногда мне кажется, что я давно мёртв. Много лет назад, безнадёжно мёртв. — Никто так и не выдал ни единой эмоции, словно говорил о чём-то постороннем и далёком.

— Это же где вы работали-то? — удивился бродяга, лишь теперь, кажется, почуяв запах западни.

— В компании «Скиес», мой друг. — Ответил он всё также ровно. — Раньше они звали меня Цербером, а теперь просто Бешеным Псом. — Он вдруг остановился неподвижно.

трость стукнула об асфальт заново и ледяным звоном разнеслась вдоль по безлюдному чёрному коридору сгустившихся сумерек. — Они правы, видимо. Потому что хромой пёс болен. Болен и зол. И он не может уснуть, у него постоянно чешутся клыки от того, что он слишком сильно привык к вкусу горячей крови.

— Эй, это о чём вы сейчас? — успел обронить бродяга, но в следующий же миг Никто резко и быстро повернул рукоятку своей трости против часовой стрелки. Тонкий длинный клинок с свистом рассёк воздух, оставив одну-единственную ровную черту на горле бродяги. Затем, вторым движением руки, мужчина обрушил рукоятку оружия на голову своей жертвы, и та безвольно рухнула на мягкую перину снега.

Выждав с несколько секунд, совершенно без чуждой ему гордости, но с чувством удовлетворения, Никто разглядывал результат своей работы. Алая кровь быстро пропитывала снег, расплзаясь всё дальше и дальше. Новые снежинки сыпались на грешную землю Сциллы, замечая свежие следы двух пар сапог и одной трости. Единственными свидетелями этой сцены были тени, но они не проронили ни слова, и даже не удосужились наградить главного героя осуждающим взглядом.

Человек, который больше прославился под именем Цербера, чем под своим собственным, вздохнул тяжело, пальцы слегка подрагивали, где-то внутри него затрепетало удовлетворение, и он с удовольствием провёл языком по сухим губам, словно желая слизать с них кровь. Из правого больного глаза даже выскользнула маленькая слезинка, но куда скорее из-за ветра и холода, нежели от жалости. Лишь спустя минуту все эти чувства ослабли и рассеялись. Ему вновь показалось, что он не чувствует ничего, даже холода. Никто наклонился, осторожно погрузил лезвие клинка в чистый белый снег и стёр с него кровь, затем вернул оружие в ножны, так, что оно опять притворилось безобидной тростью простого калеки. Не одарив свою жертву больше ни единым взглядом, он уверенно зашагал прочь с мрачного переулка в рябящее марево снегопада.

Глава I. Сёстры

517 день после конца отсчёта

В ту страшную ночь Вестании не снилось снов, она вообще никогда их не видела или не запоминала, сама не знала почему. Настоящий кошмар начался, когда её разбудили. Она почувствовала, как руки затрясли её, пришлось открыть глаза. Свет в комнате ярко горел.

— Скорее, собирайтесь! — Мама никогда ещё не выглядела такой испуганной, как теперь. Но что происходит? С чего ей будить их прямо посреди ночи?

— Мам... — но Вестания осеклась, увидев её глаза. Красные от слёз, испуганные и очень серьёзные. — Что происходит?

В последнее время Алкиона была сама не своя. Задерживалась на работе в Шумах приходила домой нервная и обеспокоенная, постоянно суетилась. Вот и сейчас, металась по их с Теренеей комнате, подсказывала то к одной, то к другой дочери, попутно хватала их вещи из шкафа и складывала в раскрытый на полу старый кожаный чемодан. Сегодня она тоже пришла очень поздно. Вестания уложила сестру, и сама легла спать часов в одиннадцать вечера. Сколько же времени сейчас?

— Мама! — с верхнего яруса кровати запищала, проснувшись, Тереня. Кажется, она тоже испугалась от непонимания того, что происходит.

— Собирайтесь, девочки, времени нет. — Ответила Алкиона как можно более ровно. — Они собираются закрыть выезд из города. Будут обыски и... возможно, это последний шанс уехать из Сциллы на ночном поезде. Я достала билеты, скорее!

— Обыски? Но мы же ничего не сделали... — воскликнула Вестания, но мать всё не переставала подгонять их, поэтому пришлось помочь ей в сборах.

— Торопитесь, одевайтесь, я сложу оставшиеся вещи, выходим через десять минут, бегом!

Они говорили и раньше о том, чтобы уехать из Сциллы, но Вестания не могла поверить, что они будут покидать дом в такой спешке. Словно они какие-то преступницы, но ведь это не так... Тут она зачем-то вспомнила о подругах, о том, что не попрощается с ними и никогда их больше не увидит. Это не было чем-то новым, многие покидали Сциллу. Её парень, Эллин, уехал вместе со своей семьёй в самые первые дни после конца отсчёта. Недавно родители Тефии увезли и её с братом, они тоже отправились куда-то на восток, в сторону Харибды. По примерным прогнозам, Сцилле давали от нескольких месяцев до двух лет. Местные затаили дыхание в ожидании второй смертельной волны. Первая уничтожила около десяти тысяч жителей западной столицы по мнению журналистов из газеты «Фантасмагория» и до миллиона — если верить слухам. Власти скрывали данные, как и не раскрывали причину катаклизма. Было лишь ясно, что какая-то неведанная сила разрушает их мир.

— Мы поедem в Океанию? — Тереня поднялась с кровати и стояла растерянная посреди комнаты в ночной сорочке, потирая заспанные глаза.

— Не носи чепухи, — огрызнулась Вестания на сестру, заразившись маминой суетой. — Тебе сказали одеваться, не тормози!

Тереня всегда была такой докучливой! Что взять с глупой двенадцатилетки, к тому же с такой инфантильной и наивной. Тера вечно придумывала всякие небылицы, верила в сказки и вообще не умела вести себя хоть чуточку серьёзно. Постоянно приходилось

выслушивать её глупости про волшебную страну Океанию, где по небу летают киты. Откуда она только это брала, неужели из песен своей ненаглядной Эльпиники? Вестания помнила себя в её возрасте, она уже тогда не верила в подобный бред. Но надежды на то, что Тереня хоть когда-нибудь повзрослеет, у неё не было.

Весте совсем не была по нраву её роль старшей сестры. Приходилось забирать Теру из младших классов вместо того, чтобы гулять с друзьями. Дома она старалась избегать младшую. Веста бы с радостью свела общение к нулю, но это было невозможно пока они жили под одной крышей. А теперь придётся и вовсе переживать совместную поездку. Её уже подташнивало от одной только мысли оказаться запертой в одном купе с Тереней.

Кажется, мелкая смирилась с колкостью, наверное, уже привыкла. В серых сонных глазах на миг всё же сверкнула обида, но она хотя бы принялась рыться в вещах, выбирая, что надеть.

— Веста, не ссорьтесь! — осекла её мать и, кажется, поняв, что испугала своей спешкой младшую дочь, присела на краешек кровати и притянула Теру к себе. — Океания очень далеко, туда не так просто попасть. — Смягчилась Алкиона, погладив ворох нечёсаных волос Теренеи. — Она всегда впереди на...

— ...пятнадцать секунд, я знаю! — Тера снова завела свою пластинку. — Нужно обогнать само время, чтобы попасть в неё. Но если мы очень поспешим, то сумеем. Ведь там мы точно спасёмся от конца света! Поедем туда, мам?

Алкиона вдруг закашлялась в кулак. Вестании не понравился этот хрип, раздавшийся в лёгких матери. Она простыла где-то неделю назад, но продолжала задерживаться на работе каждый день. Как же она перенесёт дорогу? Может, удастся найти врача в поезде...

— Сначала нужно покинуть Сциллу. — Сказала Алкиона, когда приступ прошёл. — Иначе не получится. Если где-то и есть дорога в Океанию, то она лежит на северо-востоке.

— Это правда, — согласилась Тера. — Обещаешь, что мы найдём её?

— Обещаю, — улыбнулась Алкиона.

Вестания сдержалась и промолчала. Мать всегда поощряла эти фантазии Теры. Она тоже верила в Океанию, как и многие другие, но ей хватало ума мыслить трезво. Даже если волшебная страна из древних легенд и была настоящей, то вот способа попасть в неё, ещё никто не нашёл.

— А ты пообещай, что будешь очень смелой. И будешь слушаться меня и Вестанию.

— Хорошо, — согласилась Тереня.

Вестания опять поймала себя на мысли, что и общаться с Терой приходится так, словно ей лет семь.

Когда со сборами было покончено, они оделись в зимнее и второпях покинули дом. На улице стояла глубокая ночь. Вестания удивилась тому, какими тихими и пустынными становились улицы Сциллы по ночам. Свежевыпавший снег хрустел под ногами и звук был таким громким, что в сердце невольно закрадывалась тревога, как будто они совершали что-то незаконное и их могли поймать.

— Во сколько отходит поезд? — прошептала Вестания, желая хоть как-то разбавить напряжённое молчание. Говорить громко она не решилась, шёпот и так прозвучал предательски звучно.

— Ровно в три, если не будет задержки.

Регулярность и постоянство ушли из привычной жизни, оставшись где-то в прошлом, когда ещё никто не говорил о близости конца света. Когда-то давно, до вечной зимы.

Последняя осень была полтора года назад. Потом только холод и страх. Конец летоисчисления, города и целые регионы, которые отменили, списали со счетов. Смерти и исчезновения, отмены поездов, задержки, закрытые на карантин школы и больницы. Мир окунулся в хаос. Вестания видела всё, что происходило, но будучи подростком, никак не могла на это повлиять, и бороться тоже не могла. Она прятала страх и пыталась казаться невозмутимой, но на поверку просто замыкалась в себе. Наверное, такое смятение испытывали и взрослые тоже, все они были бессильны бороться с грядущей гибелью мира. Сгенерированный машинный голос Диктора по радио каждый день успокаивал слушателей, обещая, что власти контролируют ситуацию и не допустят новой смертельной волны, но никто уже давно не верил ему.

В последний день осени они спокойно спали, не подозревая ни о какой беде, а проснулись уже в хаосе рухнувших надежд. Было очень холодно, за ночь температура упала ниже нуля и упрямо продолжала стремиться вниз. Сёстры не пошли в школу в тот день, потому что радиоприёмник сам включился, и голос Диктора объявил, чтобы все оставались дома до дальнейших распоряжений. Втроём с мамой они просто сидели на кухне, завернувшись в одеяла, и смотрели, как от дыхания к потолку поднимаются крошечные облачка пара. Мама зажгла газовую плиту, но та мало помогала, потому что было очень холодно, а холод, вдобавок ко всему, порождал ещё и страх.

Спустя час дом сотрясся от очень сильного толчка, стены задрожали, заходили ходуном и Вестания боялась, что дом обрушится, но он устоял, на кухонной стене только появилась трещина, и в комнате Алкионы выбило окно из рамы.

Внезапно сразу после толчка стало очень темно, несколько электрических лампочек замигали, огонь на плите потух, и мама бросилась выключать газ. Тереня завизжала от страха, потому что на улице тоже стало темнеть, словно весь свет исчез. Мама тоже боялась, но она не показывала виду, как только могла, успокаивала их, обнимала, целовала и повторяла, что всё будет хорошо.

Темнота за окном была маняще странной. Вестанию гипнотизировал этот мрак, и она долго смотрела в окно, никак не могла отвлечься от него. Всё это длилось несколько часов. Стены больше не дрожали, но тьма за окном... она была такой инородной. Казалось, что материя черноты живая и осязаемая, и что она была способна проглотить их живьём.

Но она отступила, свет вскоре вернулся, лампочки опять загорелись, затем заработал специальный радиоприёмник, который нельзя отключить. В домах богачей в Истеме, как говорят, стояли ещё и видеомониторы, но Вестания ни разу таких не видела, кажется, на них можно посмотреть только различные заседания властей и какие-то политические фильмы с пропагандой.

Диктор приказал им не покидать своих жилищ без острой необходимости до дальнейших распоряжений. Тем не менее спустя некоторое время из окна они увидели, как на улицу стали выходить люди. Постепенно их становилось всё больше и больше. «Если будет ещё одно землетрясение, и потолок обрушится, ни одни боги нас не спасут», — сказала мама тогда. Они решили тоже выйти наружу.

Тереня устроила сцену в своём духе. Начала хныкать, что никуда не пойдёт без своих безделушек, а Вестания так сильно разозлилась на неё, что не сдержалась и со всей силы шлёпнула сестру по губам. Это сработало. Она продолжала плакать, но больше не упиралась и не упрячилась, Вестания буквально сгребла её в охапку и потащила на выход. Укутанные в зимние полушубки, они вышли на улицу. Люди брели, как пьяные, оглядывали друг друга,

выискивая знакомых и родственников. Кто-то плакал и стонал, кто-то был в крови и просил помощи. Испуганные, полураздетые, растрёпанные, в слезах. Некоторые здания не выстояли и превратились в руины. Алкиона сказала дочерям, что им нужно добраться до центральной площади и выслушать официальное заключение властей.

Вестания поняла не сразу. Перебегала глазами с одного на другого, но в каждом видела лишь воплощённый хаос и страх, как будто всё на свете сломалось в это утро, даже в самих людях, но потом она вдруг начала что-то замечать... Сперва ворона на углу дома. Чёрные перья покрывал тонкий слой инея, из-за чего она казалась словно посеребрённой. Крылья были раскрыты, словно смерть застала её в миг полёта. Замёрзшие глаза, открытые, напоминали глаза мороженых карпов, которых мама приносила на ужин неделю назад, только были маленькими и чёрными, а вот выражение в них было точно такое же. А потом... потом Вестания увидела и человека. Это был первый раз, когда она смотрела на мертвеца.

Он лежал на животе, лицом вниз, в глаз воткнулся камешек дорожного гравия. Больше всего поразили волосы, они застыли и топорщились из его головы, заледенелые, жёсткие, как проволока. Мама закрыла Теренею глаза, а Вестания не могла оторвать от него взора.

Позднее, когда они добрались до площади, где уже собралось достаточно народу, Диктор, наконец, объяснил ситуацию, ссылаясь на слова властей, которые должны будут дать официальное заявление в течение часа. Диктор сказал, что мир постигла глобальная катастрофа. По его словам, наибольший удар пришёлся по Гиперборею, в Ойкумене в основном пострадали пограничные регионы страны и западная часть континента. «Крайний восток, — сказал он, — скорее всего, уничтожен». С Акрополем в Термине пытались установить связь. Уцелела Харибда, а Сцилла понесла минимальные потери.

К вечеру стали известны ещё некоторые детали. Власти сказали, что с этого момента все города, что не лежали между двух столиц, Сциллы и Харибды — приобретают автономный статус и будут называться «отменённые земли». По официальной и принятой версии, мир дрогнул от ужасной снежной бури и теперь температура будет понижаться.

Тут же появились и различные версии причин катастрофы. Одни говорили о настоящем «запланированном» конце света, даже нашлись древние фолианты, предрекавшие его, активисты винили властей, кричали об испытаниях химического оружия массового уничтожения, верные правительству роптали на Гиперборею, жрецы говорили о гневе Крониона, которого многие отказывались признавать единственным богом; были также разные прогнозы на будущее: говорили, что после обнуления счёта мир ждёт прекрасное преобразование, говорили, что зима будет вечной, что грядёт вторая волна, что люди умрут без еды, что температура будет всё падать, что нужно ехать на юг, что выстоит только Харибда и Гиперборея, что нужно искать Океанию... Теренея тогда и уцепилась за последнее.

— Прячьтесь! — тревожный голос матери вырвал Вестанию из призмы воспоминаний. Алкиона схватила дочерей за руки и заставила забежать за широкую колонну ближайшего от них здания. — Ни звука, ни шороха!

Вестания оторопела. В конце улицы действительно послышался хруст снега от сапог, но ведь...

Ведь мы ничего не сделали!

Её пугало это новое ощущение погони, новые правила, которые так внезапно ворвались в их жизнь. Вестанию вообще сбивали с толку перемены, она очень боялась принимать на себя новые роли, брать ответственность, взрослеть... Если бы только можно избежать

взросления, оттянуть эту ношу как можно дальше.

Они стояли в нише здания, скрытые мраком глубокой ночи. Мать прижала девочек к шершавой стене колонны, заслонила своим телом. Вестания была уверена, что, если бы военные открыли стрельбу, она бы, не задумываясь ни на миг, легла под пули, загородив их. Эта жертвенность, на которую постоянно шла Алкиона ради них с сестрой, всегда вызывала в Вестании стеснение, даже стыд. Она часто пыталась поставить себя на место матери, но никак не могла обнаружить в своей душе похожего чувства. Может, когда у Вестании будут дети, она будет испытывать то же самое, но пока оставалось лишь корить себя за подобное малодушие.

Шаги приближались. Краем глаза Вестания заметила два силуэта, когда они сровнялись со зданием. Золотистая форма была отчётливо видна даже в таком скупом освещении. Патрульные янтарной полиции держали автоматы в руках. Их она опасалась и в дневное время. Голос Диктора из динамиков заверял, что солдаты находятся в режиме боевой готовности только для того, чтобы предотвращать акты террора и обезопасить мирное население, но только Вестания давно уже не слышала про террористов, а про беспричинные аресты рассказывали даже одноклассники в школе. И почему-то она была уверена, что попадись они им сейчас, посреди ночи, можно напрочь забыть о побеге из Сциллы.

Патрульные почти миновали здание с колоннами, но тут Вестания ощутила даже сквозь зимний полушубок, как сотряслась за её спиной Алкиона, сиюсь превозмочь вспышку кашля. Сквозь гул прихлынувшей к голове крови, Вестания услышала хрип, расцарапавший лёгкие мамы. Она обернулась, посмотрев ей в лицо и холодная волна ужаса расползлась по животу. В глазах Алкионы стояли слёзы, она плотно вжалась губами в ворот своего мехового пальто, стараясь изо всех сил сдержаться. Было видно, как кашель душит её, так, что она не может даже сделать вдох. Мать никогда не простит себе, если из-за неё их схватят, Вестания знала это, но помочь ей была бессильна.

Один из солдат вдруг замер, уже пройдя дом с колоннами мимо. Он не оглянулся, но чуть повернул голову в их сторону, прислушиваясь. Мать охватила ещё более сильная конвульсия, она едва держалась, чтобы не закашляться. Не в силах стоять на ногах, Алкиона беззвучно скрутилась, присев на корточки и вжала голову в колени.

Тереня, тоже заметив мамины мучения, уже открыла было рот для вопля ужаса, но Вестания в последний момент успела зажать ей рукой губы и с силой стиснула в объятьях, чтобы та не смогла и шелохнуться.

Кто бы зажал рот мне...

Вестания набрала полную грудь воздуха, боясь, что частое дыхание выдаст её. Она была уверена, что не сделай она этого, тоже не сдержалась бы от крика. Хаос нарастал, сознание заметалось, как заводная птица. Ладонь, зажимавшая рот сестре, вспотела и стала такой скользкой. Вестании казалось, что, если она отпустит Теру, та немедленно заорёт. На маму она даже смотреть боялась, как и на солдат. Веста зажмурила глаза и не дышала, специально вдавливая набранный воздух в лёгкие, надеясь так заглушить панику.

Она медленно начала считать в голове секунды.

Раз-два.

Небо-земля.

Ещё немного и их схватят.

Три-четыре.

Скрип снега под сапогами.

Выше-шире.

Голова закружилась. Пальцы потеряли чувствительность.

Скрип-скрип.

Вестания пропадала. Уносились куда-то за единственной формой, которая сохранилась в пустом коконе сознания.

Пять-шесть.

Единственное, что вело её. Единственное, что сохраняло баланс.

Счастье есть.

Это была спираль.

Бесконечная кривая, которая уплывала в самую глубь, истончаясь, превращаясь сначала в молекулы, потом в атомы, и в кварки. Крошечная, тоньше самой границы мироздания, но всегда невероятно прочная нить.

Скрип-скрип.

Семь-восемь...

Лёгкие горели в груди, истратив последний воздух. Ей казалось, что только так она может сдвинуть кашель матери, вопль сестры, грохот своего сердца.

За миг до потери сознания, Вестания одновременно открыла глаза и сделала жадный вздох. Обессиленная рука соскользнула со рта Теренеи, и сестра отпрянула от неё.

Скрип-скрип.

Шаги патрульных затихали вдали. Лишь когда они перестали слышать их, раздался сдавленный кашель Алкионы. Мать ещё долго не могла заглушить его, и за всё это время сёстры не проронили ни слова.

— Простите, — прошептала мама лишь когда сумела совладать с голосом. — Они чуть было...

— Перестань, мам, — Теренея обняла Алкиону, по щекам девочки тонкими ручейками бежали слёзы.

Вестания не нашла в себе внутренних сил присоединиться к их объятьям. В отличие от Теры, она всегда ощущала некую границу между собой и матерью. Возможно, та сама её воздвигла, переложив часть обязанностей на старшую сестру, заставив её раньше повзрослеть. Ей казалось, что мать отделила её от себя, сделав не своей дочерью, а подругой, и такая роль отнюдь не была близка Весте. Где-то глубоко в сердце она испытывала обиду на Алкиону. Как только в их семье появилась Теренея, она стала любимицей мамы, ребёнком, которому доставалась вся её любовь и нежность. Вестании же пришлось стать «старшей», «взрослой», «ответственной», но именно этих качеств она так и не смогла обрести.

— Пойдёмте, — позвала она маму с сестрой, дав им немного времени на нежности, — пока улица пуста.

К счастью, по пути им больше никто не встретился, зато, добравшись до вокзала, они поняли, что не одни этой ночью покинули дом. Даже в такой поздний час площадь кипела от жизни. Люди кутались в шали и шарфы, старались скрыть лица за капюшонами, тянулись к зданию вокзала. Они несли весь свой скарб — чемоданы, тюки, рюкзаки, дорожные сумки, главное — свои жизни, отчаянно надеясь сохранить хоть что-то из прошлого. У входа, словно бестелесные тени, слонялись бездомные, вопрошая монету-другую у тех, кто мог себе позволить билет на поезд. Их грязные искорёженные лица давно утратили человеческие черты, Вестании они показались бесформенными кусками засохшей глины. На парковке, где останавливались машины, в вызывающе открытых нарядах шныряли девушки, предлагая себя

за деньги. Они тоже выглядели сломанными, не смотря на самоуверенность и кажущуюся бойкость. Некоторые были чуть старше Вестании. Как же по-разному складывались судьбы в Сцилле...

Алкиона провела дочерей как можно быстрее, она держала Теренею за руку и делала всё, чтобы та не смотрела на окружающую их изнанку города. *Пытается скрыть правду, как всегда.* — Вестания часто замечала, как неискренне иногда вела себя Алкиона по отношению к ним. Она никогда ничего не рассказывала об их отце, сколько бы сёстры не расспрашивали её, а ещё изо всех сил пыталась сделать так, чтобы мир казался им хотя бы на грамм лучше. Кажется, для Теры она подобрала подходящие шоры, именно поэтому младшая была такая наивная. Вестания же протестовала против этой лжи во благо, она сама сумела разглядеть всю грязь, скрытую за красивым фасадом. Вместе с Тефией они иногда прогуливали школу, слонялись по заброшенным зданиям, выпивали и курили. Тогда она и поняла, насколько серый и обшарпанный город, в котором они живут, как рьяно он не подчинялся законам, сколько в нём обитало паразитов. Это знание с одной стороны напугало её, с другой — закалило, и уж точно Вестания увидела то, куда не хочет попасть.

Вокзал был переполнен людьми. Сотни пар глаз приклеились к табло, которое оставалось неумолимым: «Следите за обновлениями». Они ждали уже несколько часов, Вестания заметила свернувшиеся клубками тела детей и женщин на железных скамьях, мужчины спали прямо на полу и на своих рюкзаках. Те, что пришли недавно, как и они, ещё держались, сесть им было всё равно некуда. Фигуры шатались взад-вперёд по вокзалу, требовали у работников информации о поезде, где-то в толпе истошно орал младенец.

У Вестании начала кружиться голова от такого количества шумов, запахов, лиц, суеты. Теренея, кажется, тоже испугалась, прижалась к Алкионе, стиснув её руку, озираясь по сторонам, не зная, как реагировать на происходящее.

— Сюда, — мама подвела их к единственной свободной стене, к которой можно было прикинуть в ожидании, всё остальное пространство: стулья, скамьи, ниши — оказались занятыми. Люди просто искали хоть какую-то точку опоры, чтобы скоротать бесконечные часы.

Интересно, как они все попали сюда? Как объяснили своё присутствие патрульным? Неужели тоже бежали скрытно?

— Билетик? Может, найдётся хоть один билетик? — стенала женщина без устали, приставая то к одной, то к другой группе путешественников. Разумеется, её просьба оставалась без ответа, в такое смутное время билеты на поезд были на вес золота. Как только маме удалось скопить на целых три? Вестания не удивлялась, что та постоянно пропадала на работе.

Я бы тоже могла зарабатывать. Но она захотела, чтобы я закончила учёбу. Что даст ещё год школы, если кассиров всё равно берут без образования? Неужели, она бы стала копить на академию? Нет, для меня — нет. Только для Теры.

Вестания вновь испытала произвольный укол зависти к сестре, которой всё доставалось проще. Не удержалась, и просто беспричинно наградила её щелбаном по носу.

— Эй! За что? — взъелась Теренея.

— Просто так, — ответила Веста. — Отгадай загадку, пока ждём поезда.

— Давай! — Теренея обрадовалась, приосанилась, раскрылась. На сонном лице зажглось подобие улыбки.

— То идёт, то стоит, не двигаясь с места. Забирает своё, без права и чести.

— Не знаю, — задумалась Тереня. — Поезд?

— Неправильно.

— Всё правильно! Поезд идёт и стоит, Веста, ты опять обманываешь! Мам, скажи ей.

— Время, — ответила Алкиона. — Правильный ответ — время.

Вестания согласно кивнула.

— Сколько у нас его осталось? — спросила Тереня, мгновенно погрузившись в грусть. — Сцилла скоро падёт. Как далеко мы успеем уехать? Ведь волна продолжит поток, она не остановится на одной Сцилле, пока не затопит весь Эллас.

Только бы не начинала опять про Океанию, — взмолилась Вестания. — Что угодно, лишь бы...

— Надеюсь, мы успеем...

Благо, мама прервала Теру:

— Следи, чтобы мы не сбились с маршрута, а двигались строго на северо-восток. У тебя же есть с собой твой компас?

Компас — старый, потёртый, достался Теренее на прошлый день рождения, это был якобы подарок от отца, хотя Вестания прекрасно понимала, что Алкиона купила его сама на какой-то барахолке. На задней стороне компаса была гравировка: «Никогда не теряйся».

Лично она никогда не получала подарков от папы. Для Терении, зачем-то закатывался этот нелепый театр с подарками, оставленными под кроватью, с тайными посланиями почтой. Вестания ни на секунду не сомневалась, что Алкиона старалась так загладить вину их отца перед младшей дочерью. Конечно, с Вестой-то уже слишком поздно налаживать контакт, можно хотя бы попытаться оправдаться перед глупой Теренеей. Она-то отца обожала, хоть ни разу в жизни его не видела. Он пропал без вести, когда той было всего полтора года. Конечно, как бы Тереня ни старалась, она не могла вспомнить ни одной мельчайшей детали. Вестания, которая в последний раз видела отца в семь лет, должна была хранить какие-то образы в памяти, но как бы странно это ни было, она не помнила ничего конкретного. Не знала, даже примерно, как он выглядел, не помнила его голос, если только хранила самые скользкие и обрывчатые воспоминания, которые казались скорее самообманом.

Глаза Теренеи вдруг округлились. Она пробежалась руками по карманам.

— Компас! Я забыла его...

О нет! — Вестания съёжилась, предчувствуя какой истерикой обернётся сейчас это упущение.

— О, детка... — мать погладила её по голове.

— Давай вернёмся за ним! Пожалуйста, это же папин подарок...

— С ума сошла! Мы не успеем на поезд, — разозлилась Вестания. — Не конец света, ничего.

— Мам? — Сестра пыталась обрести поддержку в глазах матери, но в эту минуту их разговор прервал новый голос.

— **ВНИМАНИЕ!** — вдруг зазвучал откуда-то сверху из динамиков Диктор, — Состав «Восточный Вестник» пребывает на станцию Сциллы через пять минут. Просьба всем пассажирам пройти на платформу и подготовиться к посадке. Поезд пробудет на станции не более семи минут.

Ни Алкиона, ни девочки, не успели даже двинуться с места, когда толпа людей ломанула к дверям, сметая работников вокзала на своём пути. За несколько секунд вокзал

ожил и зажуужал как пчелиный рой.

— Подождём немного, — сказала Алкиона, не желавшая втягивать дочерей в давку. — Через пару минут очередь ведь рассосётся...

Ожидание, увы, ничего им не принесло. Людей было так много, что они заполнили единой массой проход к дверям. Вскоре стало ясно, что если не поспешить за ними, то можно не успеть погрузиться за отведённое время.

Алкиона молча потянула дочерей в поток людей. Они мгновенно оказались в душном и жарком аду. Беженцы давились, натыкались друг на друга. Вопреки спешке, двигались они медленно, продираясь в две единственные двери, ведущие к платформе. Тот, кто останавливался, отбившись от близких, неминуемо оказывался сбитым с ног, правда падать в такой тесноте тоже было некуда, поэтому его просто несли дальше, заплетающегося и потерянного. Пожилые люди гневно бранились на тех, кто наталкивался на них, но сами ничуть не хуже пинали шедших впереди. Когда платформа, видимая через грязное стекло вокзальных окон, озарилась светом, люди пришли в окончательное безумство. Мужчины стали локтями прорывать себе дорогу в толпе, крики упавших, потонули в общем шуме. Вестания чувствовала пальцы Алкионы, впившейся в её локоть. Мать делала всё, чтобы удержать дочерей, проталкивая их вперёд к дверям.

Наконец, им удалось выбраться на платформу. Резкий ветер, приумноженный проносящимся вдоль платформы поездом, сорвал с Вестании капюшон. На выходе толпа людей хоть немного рассеивалась, расползаясь по платформе. Перед глазами кружил водоворот тел и лиц, больше всего Вестания боялась пропасть в нём, потерять мать и сестру.

— Не спешите, пусть бегут, — Алкиона прочитала её мысли и опасения. — Главное, нам держаться рядом.

С громким металлическим скрежетом двери поезда открылись. Люди на платформе, наконец, выстроились в упорядоченные цепочки и стали поспешно втискиваться внутрь. Вялые лампы фонарных столбов на платформе освещали поезд. Это был лучший образчик «Ойкуменских железных дорог», состав уже старый, но в прошлом использовавшийся лишь элитой. На покрытом инеем и наледью боку была различима витиеватая надпись: «ВОСТОЧНЫЙ ВЕСТНИК». Вестания слышала о нём: его назвали в честь самого первого почтового паровоза, запущенного во всём Элласе. Тот мастодонт возил письма и посылки на северо-восток из обеих столиц, в те земли, что после катаклизма стали называть «отменёнными». А теперь они и сами поедут туда, в край, которого не существует.

Они вошли в поезд в числе последних. Длинный узкий коридор был забит пассажирами, которые ещё не успели расположиться в купе. Внутри оказалось очень жарко и душно, Вестании сразу захотелось поскорее раздеться. Она с нетерпением ждала того момента, когда они втроём разложат вещи и, наконец, заснут, но пока приходилось снова ждать, когда проход хоть немного расчистится.

— Купе номер восемь, почти в самом конце, — объявила Алкиона неутешительно.

— А я буду спать на верхней полке? — спросила Теренея у матери.

— Да, если захочешь. — Отозвалась Алкиона, прикрываясь рукой, чтобы скрыть кашель. — У вас двоих нижние полки, но всегда можно поменяться.

Вестания смутилась. Не собиралась же мать карабкаться на верхнюю ради них двоих? Это уж совсем излишняя жертвенность.

— А мы будем одни в купе?

— Конечно нет. Поезд битком, не видишь, что ли? — Ответила ей Вестания.

Они почти добрались до нужного купе, а Тера всё никак не могла успокоиться.

— С кем же мы поедем? — Округлила младшая глаза.

Какая ей разница? Неужели не может помолчать ни минуты?

Вестания уже собиралась вновь приструнить сестру, но в этот момент они подошли к восьмому купе, в котором находилась пожилая женщина с мальчиком чуть постарше Теренеи. *Их двое? Они должно быть ошиблись...* — подумала Вестания, но как только мысль оформилась в её голове, её резко озарило жуткое осознание...

— Мама?! — Вестания обернулась на мать, но не смогла больше вымолвить ни слова.

— Ой... у нас места тридцать два и тридцать четыре, вы же... — запричитала незнакомая женщина.

— Всё в порядке, — остановила её жестом Алкиона, — я провожающая, сейчас уйду.

— А, ну что ж... — женщина, постаравшись придать себе отвлечённый вид, стала копаться в своих вещах.

— Мама? — воскликнула Теренея. — Что...?

Втроём они все застыли поражённые на миг, затем Алкиона собралась с духом и протянула Вестании билеты, тщательно спрятанные во внутреннем кармане.

Билеты.

Только два билета.

Веста держала их в руках и не могла поверить глазам. В голове билась тупая и роковая цифра. *Два. Только два.*

— Простите меня, девочки, — проговорила мать, борясь со слезами, — но я не смогла собрать достаточно денег. Вчера сообщили, что «Восточный Вестник» будет последним поездом, который покинет Сциллу официально. Но я обещаю вам, я найду способ уехать, просто это случится чуть позже.

— Мама! — Теренея не сдержалась, камнем рухнула в объятия матери. — Мама! Скажи, что это неправда! Скажи, что тоже поедешь с нами!

— Милая... — Алкиона гладила её по спине и из последних сил сдерживала слёзы.

— Давай мы будем спать на одной полке с Вестой или с тобой, а ты поедешь с нами! Пожалуйста! Я могу спать не на верхней, а на полу...

— Я бы с радостью, Тера, но так нельзя. Меня высадят... — сказала мать. — Всё в порядке. Я обещаю, что приеду к вам. Ждите меня в Термине, это последний город, уцелевший в отменённых землях. Я обещаю, что привезу тебе твой компас.

Вестания чувствовала себя невероятно растерянной. Она переводила глаза с матери на незнакомую женщину, которая намеренно долго копалась в вещах. Мальчик, ехавший с ней, вообще не смотрел на них, устремив взгляд в окно.

— Но... Мам! — Вестания столько всего хотела ей сказать. Как сильно она боится, и что вообще не представляет, что они будут делать одни в этой Термине, куда им идти. И о том, что не хочет ехать с Терой без неё. О том, что та поступила подло, сказав правду лишь сейчас, ведь знала, что они бы не согласились... Но она так и не нашла в себе сил сказать ничего из этого.

Алкиона вновь полезла во внутренний карман и протянула ей свёрток из жёлтой бумаги. Вестания сразу поняла, что это пачка денег. Она молча спрятала их за пояс своих штанов и прикрыла свитером сверху. Мать довольно кивнула.

— Ты уже взрослая, красавица моя, — сказала она Вестании и обняла её в след за Теренеей. — Пообещай мне, что будешь смелой. И что позаботишься о сестре.

Вестания почти возненавидела мать за эти слова. Она не хотела больше всего на свете быть смелой и следить за Теренеей, но в этот час предстоящей разлуки не нашла в себе сил возразить. Она вообще боялась говорить, чувствовала, что немедленно заплачет, стоит лишь попытаться. Вместо слов, она поцеловала маму в горячую щёку. *Да у неё жар!*

Алкиона вышла в коридор и взглянула в проход. В её глазах дрожали так тщательно сдерживаемые слёзы.

— Мне пора, поезд скоро отправится. Пока.

Пока.

Вестания так и не нашла в себе сил проронить даже это крошечное слово. Как только мать исчезла в проходе, она без сил рухнула на свободную нижнюю полку и уткнулась лицом в стену.

Где-то из коридора она услышала громкий плач Теренеи, которая ринулась вслед за матерью. Она ещё так долго кричала. И ныла. И рыдала. Наверняка, подняла на уши весь вагон, но Вестания уже не могла и не хотела всё это видеть и слышать.

Она закрылась от всего происходящего. От мокрых глаз Алкионы и её прощания, от стонов Теренеи, от слов утешения незнакомой женщины, от молчаливого мальчика. От Сциллы и от всего Элласа. Вестания лежала лицом к стене и наконец дала волю слезам.

514–516 дни после конца отсчёта

Пятна света проплывали мимо окна, временами озаряя пустой вагон третьего класса, больше напоминавший поле брани наутро после окончания великой битвы за новые территории. За разбитым окном, наскоро заклеенном чёрной изолентой, гудел безудержный зимний ветер, крупные хлопья снега постукивали о стекло и прилипали к нему, скрывая этот продажный, ненужный город. С лихорадочным дребезжанием мигала старая электрическая лампочка, грозя перегореть в любую минуту, но всё ещё освещая вагон время от времени.

Колёса «Харона» стучали по рельсам, поезд проделывал свой ежедневный маршрут из Края Сциллы в её Истому. Он отошёл от станции на Краю в полшестого утра. Платформа, как и обычно в это время, была пустой, лишь один-единственный пассажир вошёл в вагон третьего класса, да и то, вернее было бы сказать, «ввалился», так как шёл он тяжело, хромя на правую ногу и шатаясь из стороны в сторону. Он незамедлительно занял место подальше от разбитого окна и, укутавшись в съеденный молью шарф грязно-синего цвета, уснул полулёжа, прислонившись к стене вагона и задрал ноги на соседнее сидячее место.

К шести пятнадцати, когда надорванная лампочка, наконец, замолчала, возможно, источив свои силы, а возможно, отключённая машинистом, пассажир приоткрыл левый глаз (правый сильно опух от чьего-то удара, гноился и болел), выглянув из старого шарфа. Паровоз достиг первой остановки, ещё не в Сердцевине, но в Шумах, промышленном районе Сциллы. В вагон вошли рабочие фабрик, возвращавшиеся домой после ночной смены. Даже за стенами «Харона», за его дребезжанием колёс, невозможно было спрятаться от вездесущего гула заводов, воя сотни генераторов, поющих в унисон под аккомпанемент тысячи машин.

Большая часть пассажиров осталась на платформе в ожидании, когда паровоз отвезёт рабочих сначала в Сердцевину, а затем несколько счастливых — в Истому, район для богачей. Сердцевина была местом попроще, но, во всяком случае, обустроенной частью города. «Обустроенными» в Сцилле назывались те места, в домах которых были горячая вода, газ и электричество. Остальные рабочие остались ждать возвращения «Харона» из Сердцевины, чтобы попасть в свои чёрные, тесные и промёрзшие лачуги на Краю. Может, у кого-то из них был небольшой очаг с углём и дровами, чтобы согреться в бесконечную зиму, но большей части этих усталых серых лиц предстояло мёрзнуть, зажавшись в углу под тремя одеялами, ни одно из которых не приносило спасения от мороза.

«Харон», поезд-паромщик прибудет в Сердцевину спустя двадцать минут, затем примерно за десять достигнет и Истомы, таким образом весь его путь занимает час пятнадцать минут. Время, за которое можно было пересечь всю Сциллу насквозь, от её центра до самых трущоб. «Харон» вернётся в Шумы за замерзающими рабочими в семь пятнадцать, а к девяти часам доставит туда дневную смену. Так он продолжит курсировать весь день, сделает перерыв в час пятнадцать дня, достигнув Истомы. Затем возобновит свой маршрут до одиннадцати ночи, высадит дневную смену на Краю и пронесётся без остановок обратно в Истому, потому что никто не оставит «Харон» в Крае на всю ночь. И никто по доброй воле не останется там.

Вагон внезапно наполнился людьми. Они шумели и разговаривали. Ещё больше голосов загудело, когда поезд миновал Сердцевину. Пассажир больше не мог спокойно спать. Теперь

он просто притворялся невидимкой, совершенно не желая привлекать излишнего внимания к своей персоне. К его сожалению, не найдя места в первом и втором классе, всё больше людей наполняли последний вагон, создавая всё больше шума и суеты. Каждый из их голосов раздавался в голове пассажира боем праздничных колоколов и оркестром барабанов. От сильного похмелья его затошнило, больной глаз опять заслезился, и пассажир провёл языком по потрескавшимся губам, мечтая о воде. Он бы мог сойти уже сейчас, в Сердцевине, но не был уверен в том, что найдёт в себе сил подняться и выйти из вагона, поэтому решил остаться на своём месте и дать ещё один круг через Сциллу, может быть, к тому моменту он почувствует себя лучше.

Но тут, спустя десять минут, вагон заполнился уже лицами совсем иного толка. Граждане сладкой Истома вошли внутрь, явно недовольные таким грязным окружением и соседством. На беду же пассажира, им стало не хватать мест.

— Эй, бродяга! — загремел голос над самым его ухом, громче, чем все заводы Шумов. — Эй! Ты оглох что ли?

С трудом приоткрыв всё тот же левый глаз, пассажир взглянул на богато одетого кириоса в сером плаще и цилиндре, в его компании также была молодая дама в зимнем пальто с меховой оторочкой, на её миленькое личико падала тень от капюшона. Щёки были слегка подрумянены морозом, в голубых глазах читался лёгкий испуг и смущение от того ужаса, что царил в вагоне третьего класса.

— Чего вам нужно? — спросил пассажир, которого начало тошнить ещё больше от звука собственного голоса. Жар вдруг прихлынул к лицу, отогнав даже зимний мороз, кажется, у него поднялась температура.

— Уходи отсюда, — отозвался джентльмен, явно из тех самых богачей, заселявших Истому. — Ты занимаешь два места и от тебя разит за милю. Твоё место в тамбуре.

Его прямолинейность ничуть не смутила пассажира. Он повидал в своей жизни достаточно, чтобы удивляться или оскорбиться на грубость.

— Я калека, — ответил пассажир как можно ровнее. — Нога болит, — чуть высунувшись из шарфа, он взглянул на соседнее сидение, где покоился его рваный ботинок. — Так легче.

— Рассказывай! — Рывкнул кириос в ответ, отодвинув свою спутницу в сторону. — На вас на кого ни плюнь, все поголовно инвалиды. Убирайся отсюда, уступи место даме!

Пассажир вновь перевёл больной глаз на девушку. Та отвернулась, задумчиво глядя в запотевшее окно, словно желая разглядеть в нём силуэты заснеженной Сциллы. Только этот город уже погряз в белой пурге чьих-то несбывшихся мечтаний. Мужчине стало жаль её. И он слишком хорошо сознавал, что никогда не заслужит её жалости в ответ.

Кажется, кириосу надоело ждать. Прежде чем пассажир успел отреагировать, его схватили за шиворот и швырнули на пол. Боль в ноге фонтаном взвилась к мозгу, так, что в глазах всё побелело, как если бы он прижался лицом к окну.

Слегка придя в себя, пассажир хотел подняться и ответить. Раньше ему бы это удалось, но он был всё ещё слишком пьян, слишком измождён и, возможно, болен. Он едва нашёл в себе сил приподняться на руках, как волна слабости сломила его, тут же оборвав эту попытку.

Распластавшись на полу дребезжащего вагона, пассажир сумел разглядеть людей, устремивших свои любопытные глаза на него. На лицах было лишь удивление, толика интереса, большей частью презрение. Милая девушка, пришедшая с кириосом в сером

пальто, не смогла подавить испуганного возгласа, но больше никак не выразила своих чувств.

— Да вы что, рехнулись все? — донёлся вдруг грубый и немелодичный женский голос, словно разлаженная гитара.

Обернувшись на звук, пассажир увидел перед собой девушку со слишком сильно размалёванным и опухшим лицом, чтобы можно было судить о её возрасте. Посреди двух расплывшихся и размазанных пятен теней и туши искрились два голубых глаза, румяна ещё сильнее выделяли острые скулы, на подбородке, пониже алых губ, топорщился назревший белый прыщ. Облегающий и ничего не скрывавший наряд слишком явственно выдавал в ней представительницу древнейшей профессии. Оторочка из поддельного меха окружала вырез декольте, и шерстинки возле её округлых грудей волнительно подрагивали от ветра из разбитого окна.

Шлюха стремительно зашагала по направлению к джентльмену и, обронив небрежное: «отвали в сторону», с силой отпихнула его так, что он приложился боком к краю соседнего сиденья и неприятно поморщился от этого. Затем она опустилась к пассажиру, который к этому моменту уже успел принять сидячее положение, вытянув вперёд больную ногу.

— Эй, друг, давай-ка подниматься, — проговорила она, закидывая руку пассажира себе за шею. — Ты как, ничего?

— Спасибо, — выдавил он в ответ, невольно угодив взглядом прямо в глубину её декольте.

— Да что вы себе позволяете? — воскликнула девушка, вошедшая в вагон вместе с кириосом. По её возмущённому голосу и лицу можно было судить, что она намеревалась сказать что-то ещё, только проститутка не позволила ей даже начать свою реплику.

— А ты клюв закрой, целка недотраханная! Попробуй мне только сунуться, я тебе, сучка, мигом глаза выцарапаю! — и она продемонстрировала свои длинные ногти, окрашенные красным лаком в тон губам. — Ублюдки-богатеи! Взяли моду соваться в наш вагон, так ещё со своими понтами приходите! Валите нахер отсюда! — Не унималась она.

— Шлюха дешёвая! Да как ты смеешь?! — Вступился кириос за свою даму. — Я сейчас позову охрану, они вышвырнут вас обоих из поезда на полном ходу!

— Зови сколько хочешь, а в жизни ни один янтарь не сунется в этот вагон! — отозвалась проститутка, помогая пассажиру подняться с пола. — И вообще, тебе ещё самому придётся ему объяснять, какого хрена ты столкнул инвалида на пол!

— Умерь пыл, — негромко произнёс пассажир, пытаясь приоткрыть второй глаз. — Эти разборки ни к чему не приведут. Мне скоро выходить. Пошли лучше в тамбур.

— Неужели ты не хочешь выгнать их отсюда? — Спросила шлюха. — Этих двух ублюдков?

Пассажир оглядел вагон. Десятки глаз следили за этой сценой, в большей части их жило терпкое желание выдворить кое-кого прочь из вагона, и отнюдь не храбрую проститутку с жалким калекой. Однако больше всего на свете ему сейчас не хотелось привлекать излишнего внимания.

— Не нужно этого, пойдём. — С этими словами он снял руку с её плеча, хотя она и попыталась удержать её там.

Пассажир заметил, что юная дама прячет пристыженные глаза в пол, избегая встречаться с ним взглядом. Её кавалер, пытаясь совладать с гневом, вновь обнял свою спутницу. Пассажир невесело усмехнулся, глядя на них двоих, кажется, их аргументы иссякли. Тогда он, не проронив больше ни слова, захромал прочь, тяжело опираясь о

поручни на спинках сидений и всё ещё морщась от пронзительной боли в ноге. Одарив молодую пару самым своим ледяным взглядом, проститутка проследовала за хромящим пассажиром в тамбур «Харона».

Вот та красота, которой я достоин. — Мрачно подумал он, переведя здоровый правый глаз с юной девушки, которая теперь вовсе не торопилась занять освободившееся место, на проститутку, пошатывающуюся из стороны в сторону то ли из-за алкоголя, то ли из-за сапог на высоких каблуках.

Вульгарная, вызывающе-броская, опошленная сотней глаз, облапанная двумя сотнями гадких рук, само порождение порока, в которой тем не менее осталось больше тепла, чем в богине красоты и любви.

— Сигареты есть у тебя? — спросила шлюха, в глазах которой теперь горело знакомое пассажиру желание никотина, куда более сильное, чем голод и жажда. Её отвратительный голос заглушал даже стук колёс поезда, покидавшего границу с Истомой. Оба стояли в тамбуре, прислонившись к исписанным краской стенам. Революционные надписи гласили: «СКАЖИТЕ НЕТ НАСАЖДЕНИЮ ЛОЖНЫХ ЗАКОНОВ!», «ДОЛОЙ ПРАВИТЕЛЬСТВО УБИВАЮЩЕЕ НАРОД!», «УРА КОНЦУ СВЕТА!», «СЛАВЬСЯ ЯДЕРНАЯ БОМБА!» последняя, ту, которую пассажир видел уже не впервые, но не знал её смысла: «С НАМИ ТЕНЬ АЛКИДА!»

Пассажир небрежно полез в карман, свободной рукой удерживаясь за поручень, и довольно быстро извлёк оттуда чёрный портсигар, украшенный голубоватыми камнями. Сняв крышку, он протянул его проститутке. Внутри покоилась дюжина сигарет марки «Карелия».

— Вау! — не сдержалась она, — скажи честно, у кого ты его спёр? Это сапфиры? Или просто дешёвая подделка?

Пассажир не сразу понял, о чём именно говорила блудница, замямвшись. Она не дала ему ответить, когда её «сладкий» голосок задрезжал снова:

— Можно я пару-тройку возьму про запас? У тебя тут их набита куча, а ты мне ещё должен за твоё спасение. Чёрт! На твоём месте я бы шкатулку кому-то загнала, она точно целое состояние стоит.

Не дождавсь разрешения, она вынула из портсигара пять сигарет, зажала одну в губах, а затем особенно изящным жестом, засунула остальные за косточку лифчика, прямо вглубь своего декольте, так что те оказались между её упругих грудей, скрытые ими от глаз.

— Это аквамарин, не сапфиры, — отозвался пассажир, с трудом оторвав глаза от её глубокой ложбины, где теперь покоились четыре «карелии». Он вынул из заметно опустевшего портсигара ещё одну сигарету, достал из кармана спички, поджёг одну, сначала дал закурить девушке и затем затянулся сам.

— Да не важно, — бросила она. — По-моему глупо носить с собой такую ценность. Ладно, ты где выходишь?

— В Сердцевине, — отозвался пассажир, втягивая дым вглубь лёгких, выпуская его из ноздрей и с наслаждением ощущая, как вместе с ним улетает прочь боль из ушибленной ноги.

— Ты живёшь что ли там? Или как?

— Да.

— Давай провожу до дома, сегодня скользко, а я гляжу, у тебя с ногой не всё в ладах. А там, если надумаешь, можем покувыркаться разок-другой. Я сегодня всё равно выходная.

— И сколько мне это будет стоить? — спросил пассажир, оглядывая девушку и пытаясь прикинуть её цену.

— Дай подумать... Обычно я беру триста, при условии, если клиент не просит чего-то особенного. Но, сам знаешь, там надо отстёгивать процент сутенёру, поэтому для тебя сделаю скидку — двести талантов, и мы все останемся довольны. — С этими словами она улыбнулась, обнажив не самые ровные зубы в мире.

— Давай так: я плачу четыреста и прошу что-нибудь особенное.

— Например, что? — она вдруг стала соблазнительной, словно ядовитая змея. Изогнулась, выпятила грудь вперёд, кокетливо махнула головой, так что светлые волосы разбрызгались по плечам.

— Ты будешь лежать с закрытыми глазами и молчать. — Ответил напрямую мужчина.

Она захохотала так громко и раскатисто, что пассажир поморщился от этого звука, десяток поминальных колоколов загремели в его голове, ещё не прошедшей после долгой попойки.

— А ты смешной! — тут же вставила она. — Что, член зачесался при виде меня? С фантазией у тебя небогато.

— Ты согласишься? — настаивал он, показывая тоном, что говорит вполне серьёзно.

— Знаешь, как я обычно говорю? Покажи мне свои таланты, чтобы увидеть мои. — С этой фразой она игриво развернулась, продемонстрировав ещё одну удачную часть своего тела, слегка прикрывтую короткой юбкой.

— Ты думаешь, у меня нет денег? — спросил пассажир, краем глаза приметив, что поезд подъезжает к станции Сердцевины.

— Я не знаю, ты не выглядишь как кто-то, кто купается в деньгах. Чем промышляешь?

— Я думал, ты уже догадалась. Я вор. — Ответил пассажир.

— Ах! Тогда это всё объясняет.

«Харон» прибыл в Сердцевину, издав пронзительный гудок. Пассажир слегка покачнулся, когда состав остановился напротив платформы. Тут раскрылись двери.

— Пойдём, — позвал он её. Девушка надула губки и, взяв его под руку, сошла вместе с ним с поезда.

— Итак, — задрезжал её голос, когда поезд, гремя колёсами, унёсся прочь в сторону Шумов, — как зовут хромого ворешку?

— Что, если я предпочту остаться инкогнито? — спросил он. — В конце концов, я не обязан называть тебе своё имя, если плачу деньги.

— Ну, право такое ты имеешь, — согласилась она. — Только за таинственность могу потребовать доплату. Не люблю, когда люди строят из себя тайных агентов.

— Назовёшь цену утром, — ответил мужчина, — Не волнуйся, у меня хватит денег, чтобы оплатить любые твои услуги.

— Почему бы тогда не купить одежду почище? — спросила девушка. — Выглядишь, как последний бродяга.

— Прости, но эту тему я тоже не обязан обсуждать со шлюхой.

Она слегка поморщилась от этого слова, не то чтобы действительно оскорбилась, услышав его, но, кажется, оно всё же слегка резало ей по ушам.

— Эхо, — сказала она. — Клиенты говорят, это потому, что я отзывчивая.

— Очень милое имечко, — оценил он. — Давно ты промышляешь таким замечательным делом, Эхо?

— А вот это уже я не обязана обсуждать с клиентами! — огрызнулась она. — Если тебе что-то не нравится, я не напрашиваюсь ни на что! Я уже сказала, что сегодня выходная, значит, просто могу пойти к себе домой отоспаться перед завтрашним вечером.

— Но ты чуешь запах денег из моего кармана, так? — правый уголок его губ взвился чуть вверх. — Ладно, прости за грубость. — Тотчас переменялся он, почувствовав, как ослабла хватка Эхо, державшей его под руку. — Ты помогла мне в поезде, а я веду себя по-свински.

— Ладно, проехали, — согласилась она. Рука ухватилась сильнее. — Может, я могу тебя всё же как-то называть? Обычно клиенты просто придумывают себе всякие идиотские имена. Что-то такое... знаешь, крутое, типа берут себе имена богов или древних героев. Мне иногда даже кажется, что я уже перетрахала весь учебник истории.

Ты в школе-то училась? — Хотел спросить мужчина, но воздержался от этой реплики.

— Никто, — ответил он. — Зови меня просто Никто.

— Это самое тупое из всех придуманных имён, которые я хоть когда-то слышала! — заявила Эхо, с подозрением заглянув в его заросшее щетиной лицо. — У тебя совсем плохо с фантазией, воришка несчастный?

— Пусть так, но имя не самое плохое, ты должна согласиться. Если вдруг твой сутенёр спросит тебя, кто тебя трахал вчера, ты честно ответишь — Никто.

— У тебя и с чувством юмора не срослось, бедняга? А, да, впрочем, что я спрашиваю, какая вообще разница? — отмахнулась Эхо. — Чёрт с тобой. Пусть будет Никто.

Некоторое время они шли молча. Два серых силуэта на белоснежном зимнем холсте чьего-то незаконченного пейзажа.

— Ты же, что... — прервала вдруг тишину шлюха, — женат? Дети есть? Сколько тебе, лет сорок?

— Как ты думаешь, Эхо, у воров часто бывают жёны?

— Да хрен его знает, — отмахнулась она. — Мне кажется, либо вор скрывает от жены свой промысел, либо она ворует вместе с ним, либо её просто нет.

— Третий вариант. — Коротко ответил он.

— Ну, а девушка? Или ты только шлюхами дешёвыми и побираешься всегда? — спросила она своим грубым сорванным голосом.

— Нет у меня никого. Я не часто снимаю шлюх... Ты, наверно, первая за последний год.

— Ого! — восхитилась Эхо. — А это уже не слабо! Ладно, ну а друзья? Домашнее животное? Хоть кто-нибудь?

— Нет.

— Тогда ты точно Никто, — согласилась она. — А ты жалок! Знаешь, я всех клиентов делю на типажи, кто-то снимает шлюху, когда ему надоедает жена, кто-то хочет позлить её, другие просто ищут что-то новое, есть даже те, кто влюбляется в шлюху, но чаще всего членом. А вот таких, как ты, мало. Кто вообще согласится провести ночь с проституткой только затем, чтобы не быть одному?

— Никто, — ответил он угрюмо.

— Ага, верно. Никто, — усмехнулась Эхо. — Что, совсем всё так хреново? Не самые лучшие времена настали?

— Не знаю... думаю, хороших времён и не было никогда.

Она прищурилась, недоверчиво покосившись на него, её густо-разукрашенные глаза сложились в две узкие щёлки, словно трещины на разбитом зеркале.

— Что? — не понял он, перехватив её взгляд, задержавшийся на нём так долго.

— У тебя очень странное лицо, — сказала Эхо.

— По мне, так совершенно обычное, — возразил Никто.

— Ага! А вот в том-то всё и дело. Сколько смотрю на тебя, не могу его запомнить... или понять вообще. Не вижу, как ты выглядишь.

— Ты придумываешь, — спокойно отозвался он. — У многих такие лица. Ничего особенного в нём нет.

Кроме опухшего глаза, — подумал он.

— Вот именно, что у многих. — Сказала она, не отрывая своего едкого оценивающего взгляда. — Ты слишком похож на кого угодно. Тебя как будто вообще нельзя узнать. А уж мне-то поверь, я хорошо лица запоминаю.

— А что насчёт членов? — ухмыльнулся он, сам не понимая, хочет ли оскорбить Эхо, или просто сменить тему.

В большей степени сработал первый вариант.

— Какой же ты козёл! И приспичило мне тебя пожалеть в поезде. — Выкрикнула она, постепенно выводя его из себя. — Что с тобой не так? Чего вообще ты от меня хочешь?

— Просто, чтобы ты лежала, как труп, и не шевелилась, закрыв свой поганый рот! — Ответил он ей той же агрессией, но тотчас пожалел о сказанном. Было поздно. В её взгляде сверкнул испуг понимания, а Никто резко пожалел о только что сказанном.

— Подожди... я поняла. Голос, твои эмоции. — Запричитала она испуганно. — Да ты просто псих! Херов извращенец...

— Давай не будем об этом, ладно? — его голос стал слишком уязвимым, выдавая его с поличным.

— Нет уж, подожди, — возразила она. — Подожди-ка. Я тебе вообще нравлюсь? Тебе же начихать, да? Лишь бы я не шевелилась, как труп...

— Эхо! — разозлился Никто окончательно, замерев вдруг посреди улицы и резко развернув её к себе. — Это что, так сложно для тебя? Я плачу деньги, ты раздвигаешь ноги и всё! Да кому ты вообще нужна? — прорычал он сквозь зубы вдруг как-то совсем сурово, сжимая её запястье в руке, будто намереваясь переломить его. — Размалёванная потаскуха! Я уже купил тебя, ты моя на сегодня, не пытайся убежать. — Никто почувствовал, как в нём вскипел небывалый гнев по отношению к Эхо.

— Отвали от меня! — заорала она во всю глотку. Тут Никто обратил внимание на то, что на улице они были не одни. — Неужели ты думаешь, что я совсем тупая?! Я никуда не пойду с тобой!

— Сколько тебе надо денег?! — прошипел он, сквозь плотно стиснутые зубы. — Скажи мне, я заплачу ещё больше. Но ты пойдёшь со мной!

Она рванулась, попытавшись высвободить запястье из его кулака. Не справившись с этим, Эхо с размаху ударила его второй рукой по щеке, и всё же сумела вырваться, воспользовавшись замешательством мужчины.

— Ты сраный козёл! Надо было бросить тебя в том поезде, и какого только хера я сунулась?! Никуда я с тобой не пойду! — Кричала она, отбегая в сторону от него, взрывая свежий снег ногами.

Оказавшись на безопасном расстоянии, она уверенно зашагала прочь по устланной белым дорожке. Несколько пар удивлённых глаз смотрели на них двоих. Улица не была многолюдной, но свидетели нашлись. Зрачки острых глаз, острых, как брошенные в горного

медведя копыа, смотрели на них.

— Эхо, подожди! — закричал человек, бросившись за ней вслед. Её отпечаток руки стыл на его щеке. Шлюха уверенно шагала на своих высоких каблуках, из-за чего её шаг не был широким, зато ритмичным, как стук секундной стрелки.

Он почти догнал её на повороте, в сточной канаве, чуть присыпанной снегом, валялась туша какого-то мёртвого животного — некрупной собаки, или средней крысы или трёхмесячного ребёнка.

— Остановись, Эхо! — вновь позвал он. — Извини!

— Отвали от меня! — огрызнулась она, — У меня холодок по спине от твоего голоса.

— Эхо! — повторил он, чувствуя, как его затылок прожигают их глаза, разноцветные глаза, стремившиеся, как можно лучше запомнить его.

— Убирайся нахер! — крикнула она. Голос пушки, давшей осечку. — Я уже сказала. Я не лягу с тобой. — Но тут почему-то её голос стал тише и глуше и даже зазвучал не с таким дребезгом. — Мне мерзко. Не притворяйся Никем. Я знаю, что ты такое.

После этих слов Никто уже не смог бежать за ней и не решился попытаться остановить её. Она скрылась из виду, постепенно проглоченная белым вездесущим отчаянием скорого конца света. Эхо ушла.

Он оглянулся назад. Эти глаза, эти яркие полночные звёзды, они притаились за облаками, всё ещё поглядывая на Никого, но лишь искоса или исподлобья. Задрав ворот своего плаща, так, чтобы спрятать от них лицо, он неровно зашагал прочь, сильно припадая на правую ногу и боясь поскользнуться на заледенелой дороге, густо усыпанной свежим снегом, словно несбывшимися желаниями. Он почти бежал от них, скрываясь от этих глаз, но больше всего от той брошенной Эхо фразы и, должно быть, от самого себя.

Никто проспал до самого вечера и ещё долго не мог найти в себе сил подняться. Голова болела, словно кто-то неустанно колотил по ней молотом. В конце концов, когда часы пробили семь, он всё же заставил себя отправиться в ванную.

Взглянув в грязное зеркало, обильно разукрашенное разводами и засохшими каплями воды, он с отвращением поморщился при виде своего лица. Правый глаз — бордовый шар на фоне здорового синяка. Небольшой кровоподтёк на краешке губы. Четырёхдневная щетина, которая ему вообще никогда не шла, она сразу делала его похожим на бродягу. Но во всём остальном... Никто задумался. Он и сам не мог себя описать. Всё, начиная от цвета волос, заканчивая чертами лица, было таким неважным. Ему даже порой казалось, что его вообще невозможно отличить в толпе, но опыт показывал, что это было не так. Работодатели, члены «Скиеса», во всяком случае, узнавали его, правда, это не те люди, которые умели забывать даже самые мелкие детали.

— Ты — просто тень, — сказал он своему отражению. Затем на него накатила новая волна тошноты, и он решил всё же освободиться от дряни, сунув два пальца в рот.

Придя в себя, Никто умылся, смывая с лица пыль и грязь. Затем, преодолевая всё ту же неужёмную головную боль, побрился.

«А руки не дрожат», — подумал он с интересом. Раньше ему запрещали пить, во всяком случае, так много, как он пил теперь. Три дня Никто провёл на Краю, перебираясь из одного кабака в другой, теряя счёт дням, засыпая прямо за барной стойкой, пробуя бесчисленные курительные смеси, в каждой из которых всегда был свой фирменный ингредиент.

Отложив бритву, он задержался на ней взглядом. Отточенное лезвие блестело, как в

день покупки, хотя прошло много лет. И когда он точит её? Он и сам не помнил. Возможно, делал это машинально.

Никто вернулся в комнату. Разобранная старая кровать, стол и стул, шкаф для одежды. Начальство не любило, когда их сотрудники жили на широкую ногу, тем не менее оснащало их всем необходимым для удобства, а ценнее всего в Сцилле было отопление и горячая вода.

Чтобы было не так паршиво, Никто включил радио. Мужской неестественно-выразительный голос зачитывал прогноз погоды. Голос был одним и тем же на протяжении многих лет ещё до конца света. На самом деле, он никому не принадлежал, его искусственно сгенерировали какие-то исследователи в Акрополе, считалось, что он удовлетворял представления всего населения Ойкумены о том, как должен звучать голос идеального Диктора. Кто именно набирал текст сообщений, держалось в строжайшем секрете, но стоило отдать им должное, они хорошо справлялись со своей работой. Голос никогда не запинаясь и был способен живо реагировать на собеседника, если в том возникала необходимость. Использовали Диктора не только на радио, но и для прочих нужд, для любых звуковых объявлений. Тем не менее в народе его называли не «Диктор», а «Диктатор», ибо, разумеется, власти активно использовали его доверительные тональности в своих собственных целях.

— Кому только теперь нужен прогноз погоды? — огрызнулся Никто, ложась обратно на кровать и положив голову на сцепленные сзади руки. — Не сложно предсказать. Холод и снег до конца света.

«И теперь опять к новостям, — не унимался Диктатор, — Ближайшей ночью, а именно после полуночи пятисот семнадцатого дня от вокзала Сциллы отправится последний поезд в сторону Харибду. Напоминаю, что ранее власти приняли решение упразднить все несанкционированные побег из Сциллы в мёртвую часть мира, в связи с этим экспресс «Восточный Вестник» прекратит своё движение. Не удивительно, что цены на билеты и ажиотаж вокруг них возросли втрое! Вокзал Сциллы никогда не был так перегружен, как в последние дни. Даты, когда железнодорожное сообщение будет восстановлено пока остаются неизвестными. Власти пока не готовы комментировать ситуацию. Ответа на главный вопрос всего человечества: «Когда закончится конец света?» — пока нет, и нет уже восемнадцать месяцев, две недели и пять дней. Но мы будем обязательно держать вас в курсе! Оставайтесь с нами! Мы вернём...»

Никто подозрительно взглянул на радиоприёмник. Голос Диктатора внезапно сменился белым шумом, затем пронзительным свистом помех. И тут сквозь шипение и гул до него донёсся глухой и грубый мужской голос, который быстро и чётко скандировал лозунги: «ЛИШЬ АНАРХИЯ ОСТАНОВИТ ПРОИЗВОЛ ВЛАСТИ! ДОЛОЙ НАСАЖДЕНЫ ЛОЖНЫХ ЗАКОНОВ! ВОССТАНЬТЕ С НАМИ! ПУСТЬ ЯДЕРНАЯ БОМБА РАССТАВЛЯЕТ ВСЕХ НА СВОИ МЕСТА! СЛАВА ЯДЕРНОЙ БОМБЕ! СЛАВА АНАРХИИ! ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ, И МЫ ВЫСТОИМ! С НАМИ ТЕНЬ АЛКИДА!»

Кто такой Алкид? — в очередной раз задался вопросом Никто.

Тут же в приёмнике раздалось новое шипение, вернулся голос Диктатора, который уже успел попрощаться со слушателями:

«Мы приносим свои извинения за доставленные неудобства. К сожалению, технические неполадки, с которыми мы уже разобрались, — последняя фраза особенно быстро и туманно, — не позволили вам услышать дивный голосок нашей любимой музыки Эльпиники. Поэтому специально для вас она споёт свою новую песню «Льдина». Не пропустите и

оставайтесь с нами!»

Мы плывём на льдине

В иллюзорном мире,

В облаках дельфины

Проплывают мимо...

— зазвучал тут же тонкий женский голос. Никто поднялся, подошёл к приёмнику и выключил дурацкую песенку.

— Хрен тебе, — обронил он небрежно. — Террористов и то слушать интересней!

Гудящая тишина комнаты начала сводить его с ума уже спустя несколько минут. Никто не знал, просто не мог придумать, чем себя занять. Уже не в первый раз за последние месяцы его посещала идея устроить уборку: беспорядок в комнате давно захватил власть, только вот он не видел никакого повода, чтобы всё-таки сделать это. Он практически не бывал дома, либо бесцельно бродя по городу, либо отправляясь на Край и проводя там бессчётные дни.

Когда всё это закончится? — задавал он тот же вопрос, что терзал умы всего мира, только в отличие от них, Никто интересовал не итог конца света, а окончание его собственной никчёмной, как он давно смирился, жизни.

Однако определённая миссия у него всё же была.

Он пролежал в комнате около получаса с закрытыми глазами. Душный, спёртый воздух пропах похмельем по утрам, сквозь крошечную щёлку в задёрнутой занавеске проскальзывал нерешительный поток света от уличного фонаря, и на его блеклой полоске, пробравшейся в затемнённую комнату, плясали вальс крошечные снежинки пыли.

Никто пытался не думать ни о чём. Раньше он намного лучше умел владеть своими мыслями, раньше у него это очень хорошо получалось, а теперь он чувствовал, как дрейфует в океане пустоты. Всё яснее понимал, как тяжело ему стало сосредотачивать внимание на чём-то одном. В голову лезли странные запутанные мысли, в которых он не мог разобраться. Как будто ему нужно было подумать об очень многих вещах, но только он пытался начать, все темы вдруг сменялись на новые.

Ему снился сон? О чём он был?

Никто старался вспомнить, но уже не мог. Сон утонул, ушёл на самое дно, как только он оторвал голову от подушки.

Он влез рукой в карман потрёпанного грязного плаща, вынул узорный портсигар, закурил одну сигарету, не поднимаясь с кровати. С первой же затяжкой дым вытурил из головы все посторонние мысли. Никто почувствовал малую толику облегчения, как будто ему удалось уладить свои проблемы.

Только сейчас он понял, что уснул в той же одежде, в которой пришёл домой. Склонил голову на бок. На плече красовался кровавый бурый след. Его ли это кровь? Он помнил, что дрался с кем-то, кто оставил ему синяк на глазу и разбитую губу. Вспомнил про глаз, и тот незамедлительно откликнулся ленивой болью. Нога молчала с самого утра, хотя недавно ей изрядно досталось. Что было вчера? Или сегодня? Сколько он всё-таки успел проспать? Считать ли за «вчера» то, чем он занимался этим утром до того, как заснул?

Никто затаился снова. Глубоко. Пепел выстроился высоким столбиком на кончике сигареты.

Наверное, нельзя курить в постели. Обычно не рекомендуют. Говорят, большинство бытовых пожаров происходят именно из-за этого. Что тогда напишут в ежедневном

некрологе «Фантасмагории»? Уснул с сигаретой. Какая тупая нелепость.

«Не всё ли равно?» — подумал Никто и затянулся снова. Пепел от новой затяжки осыпался ему на грудь. Он неряшливо размазал его пальцем.

— Не всё ли равно? — повторил он вслух, словно соскучившись по звуку, даже по собственному голосу.

Пролежав ещё с мгновение, он понял, что больше не вынесет этого безумия. Резко поднялся с кровати и сел. Затянулся в последний раз. Затушил остаток «карелии» о голую стену, окрашенную когда-то, видимо, очень давно бежевой краской. Теперь цвет больше походил на грязь.

— Нужно пройтись. — решительно заявил он пустоте.

305 день после конца отсчёта

Жёлтые огни софитов плыли по залу, порой высвечивая лица людей, но их было столько, что они всё равно неизбежно терялись в этом живом море. Вторя барабанам, из каймы сцены в воздух поднимались огненные всполохи, заставляя зрителей визжать от восторга. Но так сильно их впечатляли даже не спецэффекты, зал каждый раз погружался в экзальтацию от одного её появления на подмостках, когда она спускалась к фанатам и позволяла им трогать себя. Они так страстно ловили её взгляд за толстым слоем грима, её руки, когда те выпускали флейту или переставали бродить по клавишам клавесина. Все эти тысячи тысяч, так страстно желавших хоть немного приблизиться к её гению, её идеалу, её красоте.

Нашей красоте...

Если бы Ника умела завидовать ей, то уже бы точно давно задохнулась от этого терпкого яда. В обратном, она, как никто другой, понимала этих людей в толпе. На Эльпис можно было любоваться часами, где бы та ни находилась, она притягивала к себе взгляды, и так было всегда. Ещё в юности, когда они только познакомились, Ника тоже могла позволить себе лишь любование ею издалека. Такие девушки обречены сверкать на подиуме и разбивать сердца мужчинам, готовым удавиться за шанс украсить её изящный палец бриллиантом. Она будет нравиться всегда всем, но позволит себя любить лишь одному человеку.

Эльпис пала на колени перед залом, выгнулась всем телом назад, прижавшись к полу, завершая пленительный танец древнего божества. Её золотистые локоны рассыпались по полу, точь-в-точь непорочная лилия в самом буйстве своего цвета. Музыка стихла, и она самозабвенно пропела последние строки припева:

Звон колёс сполна напоит

Наши мысли-поезда...

Твоё сердце-астероид —

Просто навшая звезда.

Свет плавно погас, погрузив зал во мрак на несколько секунд. Из крошечной черноты толпа взорвалась аплодисментами и воплями. Когда софиты опять зажглись, Эльпис уже стояла посреди сцены, простерев к ним руки и радостно улыбалась. Она поклонилась несколько раз, поймала на лету брошенный ей букет, затем, проигнорировав другие цветы, отвесила публике воздушный поцелуй и изящно развернувшись, зашла за кулисы.

Ника вздрогнула. Лицо Эльпис преобразилось в тот же момент, как девушка покинула пятно прожектора. От одухотворённой улыбки не осталось и следа, её сменило выражение недовольства. Она отдала Нике букет и, не произнося ни слова, направилась прямо к себе в гримёрку.

— Они просят бис, — кинула ей в след Ника, различив в криках призыв исполнить ещё одну песню.

Эльпис замерла в проходе и покачала головой.

— Если хочешь, иди сама. Я устала.

— Передохни и выйди к ним разок. Всего одна песня.

Эльпис опёрлась рукой о стену. За гримом было не так просто прочесть волну её

сложных эмоций.

— Не будет бисов сегодня. Всё плохо, звук в зале отвратительный, я не буду больше здесь выступать.

Она проигнорировала попытки персонала её остановить, прорвалась сквозь них вниз по лестнице и уверенно зашагала к гримёрке.

К Нике подошла Леда, организатор концерта. Это была немолодая женщина с тугим пучком на голове. Выглядела она изящно, словно голодная гарпия в ожидании смертоносного броска и деловой костюм сидел на ней отлично.

— Выйди на «бис». — Отрезала она холодным голосом.

— Мне нужно к ней, — Ника бросила рассеянный взгляд на букет бордовых пионов в своих руках. Цветы были пышными, на самом пике своей зрелости и источали дурманящий аромат. Такие точно не простоят дольше пары дней.

Только Ника знала, как утешить Эли, когда у той случались эти припадки отчаянья. Если поспешит прямо сейчас, то может успеть развернуть этот поезд, несущийся в бездну мрака. В противном случае, та опять закроется, даже от неё, и будет пить вино всю ночь. В последнее время Эльпис всё чаще пила, впадая в оцепенение. У них было много концертов за последний месяц, выступали почти каждый вечер. Кажется, Эли просто не справлялась с обрушившейся на неё ношей.

Леда остановила её, загородив проход рукой.

— Она уже своё спела. Твоя очередь.

Ника глянула на кипящую толпу фанатов из-за занавеса. Расходиться они точно не собирались.

— Они хотят её, а не меня. Вы же знаете.

— Они хотят Эльпинику. — Леда оставалась непреклонной. — Одна из вас сдулась. Ты нужна именно для таких случаев.

Эльпиника была особенным проектом для агентства «Оморфия». На расцвете своей карьеры они действительно выступали вдвоём в мелких харибдских барах, но когда в один из вечеров их заметил Пигмалион, то предложил контракт только Эльпис.

Пигмалион владел «Оморфией», компанией, отбиравшей лучших музыкантов и певцов для того, чтобы превращать их в муз — любимцев публики по всей Ойкумене. Для большинства исполнителей это был единственный способ прославиться и разбогатеть, ведь только «Оморфии» позволялось организовывать крупные концерты и проводить турне. На радио опять же, государство допускало только тех, кто сотрудничал с «Оморфией». Пигмалион, вне всяких сомнений, был на короткой ноге с самыми высшими чинами Ойкумены, если и сам не относился к ним. Ника всегда знала, что он был больше, чем просто продюсером. К его мнению прислушивались, с ним всегда считались, что ещё показательней — его боялись, притом все.

Как раз Пигмалион и был одним из тех, кто рискнул погнаться за сердцем Эльпис. Очарованный её безусловным талантом, красотой и дерзким нравом, он хотел превратить её в главную звезду харибдской сцены. Ника никогда его не интересовала, и девушка была честна перед собой — на месте Пигмалиона, да и вообще кого угодно, она бы тоже предпочла Эли, а не себя. Кому нужна серая мышь, невзрачная тень, если можно выбрать само божественное создание? Вот только директор «Оморфии» не знал тогда, что его богиня уже дала обет любви и преданности другому существу, той самой неброской мыши. Они никогда не планировали скреплять свой союз законным браком, да и это было невозможным

на территории Ойкумены с её консервативными законами. Девушкам было достаточно просто иметь возможность провести свои жизни бок о бок, разделяя не только сцену, но и кровать.

Эльпис не предала её тогда, даже получив возможность добиться всего, о чём она мечтала. Она наотрез отказалась выступать без Ники, обосновав это тем, что они пишут музыку и стихи вместе. Была и ещё одна немаловажная деталь. Эльпис и Ника были невероятно похожи внешне, почти как сёстры-близняшки. Природа и судьба сыграли с ними невозможную шутку. Они наделили двух людей совершенно разными характерами и одинаковой внешностью, а потом заставили их встретиться в жизни. О своей схожести они догадались не сразу, Эльпис любила прихорашиваться, подчёркивая и украшая свою и без того сногсшибательную красоту, в то время как Ника намеренно носила тогда мешковатые вещи, прятала лицо за ненужными ей очками. Если бы не Эльпис, она так и осталась бы синим чулком, прозябающей свою молодость неудачницей.

Это она превратила Нику в себя. Как истинное божество, приблизила к своему образу и подобию. Перекрасила волосы в светлый цвет, подобрала одежду, научила наносить макияж. С небольшими манипуляциями, их двоих действительно было невозможно отличить малознакомому человеку. Для сцены, конечно, приходилось использовать более сложный грим, скрывающий черты лица. Это открывало дорогу к массе интересных ходов во время выступлений. Иногда Эльпиника исчезала в одной точке сцены и тут же появлялась в другой, повергая публику в восторг. В свои концерты они вносили очень много театральных приёмов, создавая настоящее шоу для зрителей. В тёмные времена, когда Эльпис простужалась, или, что случалось чаще — впадала в депрессию, Ника подменяла её уже в роли дублёрши. Перед любым концертом им всегда подбирали одинаковый макияж, причёску и костюм, даже если выступала одна Эльпис, а Ника оставалась за кулисами до конца. «Оморфия» вскоре поняла, что им действительно не обойтись без обеих девушек, они слишком дополняли друг друга, да и по контракту, платили им, как одному единственному солисту. Все деньги и славу получала Эльпиника — муза, которую они сложили из себя двоих. Прямо как андрогини-перволюди. Цельная, самодостаточная, бесконечно прекрасная.

Ника слишком хорошо понимала своё место в этом совместном проекте. Одной ей не нужна была ни слава, ни даже деньги, она не любила стоять на сцене перед толпой голодных до зрелищ людей. Мать отдала её в музыкальную академию в пригороде Харибды, надеясь, что она навсегда сгниёт в местной филармонии. Так бы и случилось, Ника была бы даже рада такому исходу. Она бы предпочла на всю жизнь остаться второй арфой в оркестровой яме, лишь бы у неё была музыка. Ника не имела никаких амбиций. Так всегда говорили её учителя и ругали за это. «Музыкант должен гореть!» — твердила её учительница по фортепиано. Ника не умела гореть, просто по своему складу ума. Она могла высиживать бесконечные часы, оттачивая мастерство, но инструмент требовал не только отдачи времени, но и души. Клавишные она забросила давно, они не терпели её механичности, зато подчинила себе арфу. Нике в общем-то было не так важно на чём играть. Просто музыка долгое время была единственным способом расслабить её и унести с собой в какой-то другой, лучший мир.

Набрав полную грудь воздуха, она вышла на сцену. Вой толпы мгновенно оглушил, раскатившись по всему концертному залу. Тысячи людей громко скандировали имя своей любимой музы.

Не моё имя.

Обманка, которую они придумали с Эльпис, всегда помогала ей справиться с боязнью сцены. Ника представляла, что покидает своё тело, под силой музыки превращается в кого-то иного, в лучшую форму человеческого существа. За её спиной выросли широкие серые крылья. Она перерождалась в Эльпис, единственную на всём белом свете, кого она искренне любила, кто видел в ней самой что-то большее.

Музыканты, вышедшие на сцену вслед за ней, ловили её взгляд, спрашивая, что им сыграть. Ника подошла к микрофону, дождалась, когда толпа стихнет и нежно пропела:

Слышишь, звук тяжёлый замогильный

Это волны бьют о старый борт

То ли в космосе моря цвет чернильный

То ли мы с тобой под толщей вод.

Мелодия разлилась по затихшему залу вместе с голосом Ники. Эту песню, «Корабль в небе», она написала сама, со сцены её исполняли нечасто. Эльпис бы точно исполнила на бис что-то более бодрое и энергичное, но раз уж в этот раз решала Ника, то ей захотелось подарить публике немного лирического, чуть напряженного настроения.

Но нельзя дышать в космосе,

И нельзя летать под водой.

Но душа твоя всё просится

В край за небом и за луной.

Зал подхватил строки припева, чуть покачиваясь в такт волнообразным переливам музыки. Ника не стала исполнять танцев, она просто стояла посреди сцены, прикинув к микрофону, закрыв глаза и уносясь вслед за небесным кораблём. Чёрные воды космического моря вели её всё дальше из концертного зала Харибды, куда-то к огромным огненным шарам, чей свет доносился до них лишь через призму сотен тысяч лет, Ника летела навстречу им на своих серых крыльях, с каждым взмахом поднимаясь всё выше.

Песня закончилась, она открыла глаза и тяжело задышала, в финальные строки пришлось вложить все силы. Зал рукоплескал ей.

Нам.

— Спасибо за этот вечер, — сказала она со сцены. — Пусть каждый из вас найдёт на небе свою звезду.

А мне нужно идти к своей.

Леда встретила её за кулисами прохладно. Она явно была недовольна выбором песни. Ника не стала оправдываться перед ней, она больше не желала тратить на организаторшу ни секунды, сердце подсказывало, что Эльпис нуждалась в ней сейчас, поэтому она поспешила в гримёрку.

— Можно? — спросила Ника, тихонько проникнув внутрь.

Комната утопала в цветах ещё со вчерашнего выступления, запах от десятков букетов наполнял гримёрку сладким буйством роз, лилий, тюльпанов, гиацинтов, нарциссов и левкой. Посреди этого цветника восседала их королева — Эльпис стирала грим с лица.

— Тебе всегда можно, — ответила она без тени нежности, слишком отстранённая от всего земного.

Ника положила букет пионов, который всё ещё держала в руках на туалетный столик перед Эльпис и приобняла подругу за плечи.

— Звук на сцене не так уж и плох, — попыталась приободрить её Ника. — Я только что оттуда.

— Я слышала. Ты пела «Корабль». Это было хорошо. Надеюсь, кто-нибудь из них разрыдался. Если не от ужасного звука, то хотя бы от чувств.

— Ты зря так завелась. Концерт был удачным. Ты взорвала зал.

— Хотела бы взорвать его к чертям. И всех этих идиотов, которые не в силах отличить музыку от дребезга.

Эльпис в ярости смела букет пионов на пол.

— Они завтра развалятся. Ненавижу мёртвые цветы! И вот эти розы, — она покосилась на соседний букет, стоявший в вазе, — Головы уже поникли, выброси его, он меня бесит!

— Хорошо, но... — Ника чуть насупилась и отпрянула от подруги. — Это же я тебе подарила вчера, ты не помнишь?

Эльпис резко переменялась в лице, согнав с себя спесь. Она обернулась к Нике и поймала её руку.

— Прости...

— Ничего... Это просто цветы. Если тебе не нравятся... — Ника потянулась к букету белых роз, но Эльпис остановила её.

— Стой. Не глупи. — Длинные ногти умоляюще впились в кожу. Эльпис тяжело выдохнула и приникла щекой с полустёртым гримом к её руке. — Я просто очень устала. Вчера был концерт, сегодня... а звук всё никак не наладят. Меня в холод бросает каждый раз, когда я слышу этот дребезг во время песни. Неужели, только я одна его слышу?

Эльпис закрыла лицо руками. Выглядела она невероятно подавленной и усталой. Ника не удержалась и погладила её по голове, зарываясь пальцами в локоны пышных волос, затем принялась распутывать косу, собранную на затылке.

— Хочешь, я выступлю в следующий раз вместо тебя? — предложила она. Перспектива проводить весь концерт самой немало напрягала её, да и организаторы могли не согласиться на такое. Ради Эльпис она готова была попробовать что угодно, лишь бы ей стало немного легче.

Голова под руками покачалась отрицательно.

— Нет. Это неправильно. И Пигмалион будет против.

— Ты не хочешь поговорить с ним? — Предложила Ника. — Может, попросить о перерыве в расписании.

Эльпис взобралась с ногами на кресло и задумчиво посмотрела в зеркало, на их с Никой отражение. Она успела снять грим только с правой половины лица и теперь напоминала очень грустного арлекина. Сквозь белые разводы краски проступала розоватая кожа.

— Он не станет отменять концерты. Это же будет настоящий скандал. Представляешь? Недовольные фанаты, возврат средств... нет. Надо доиграть всё, что осталось.

— Ещё пять концертов впереди. Ты уверена?

По её лицу Ника понимала, что Эльпис ни в чём сейчас не уверена. Она давно знала её, ещё с Академии. Эльпис была человеком настроения, или, как бы выразилась мать Ники — «психичкой». Её душевное состояние напоминало хаотический океан. То она беззаботно веселилась, смеялась, постоянно ввязывалась во всевозможные авантюры, вздымалась к самым небесам, как самая смелая волна, то вдруг опадала, обращаясь в белоснежную пену и, обессиленная, разметалась по берегу. С Эльпис было не просто жить. Никогда не знаешь, в каком нраве она проснётся утром, будет ли это один из хороших ярких дней или она опять замкнётся и будет молчать сутки напролёт. За годы Ника привыкла к этим перепадам, и научилась маневрировать по беспокойным водам. Главной её задачей всегда становилась

поддержка, будь то очередное весёлое приключение или совместное распитие вина в тягучем молчании.

Ответить Эльпис не успела, в этот момент Пигмалион вошёл в гримёрку, как всегда без стука, не утруждая себя нормами приличия. Он всегда наглядно демонстрировал, кто хозяин в «Оморфии», и ничуть не стеснялся этого статуса.

— Поздравляю с отличным выступлением! — сказал он, проходя прямо к девушкам.

— Хоть кому-то понравилось, — невесело усмехнулась Эльпис, опустив ноги с кресла и вновь принялась с непринуждённым видом стирать макияж с лица.

Пигмалион, высокий мужчина сорока пяти лет со всегда педантично выбритым лицом, носил исключительно дорогие костюмы, Ника могла поклясться, что он и спал в них. Девушке всегда казалось, что он похож на военного, армейская выправка неизбежно выдавала его. Она знала, что помимо «Оморфии», у него были ещё какие-то дела, кажется даже в правительстве, потому что он частенько навещался в харибдский Акрополь, а в местной газете «Экклесия» она не раз видела фотографии Пигмалиона с высшими чиновниками. Поговаривали, что он отчаянно рвётся в правительскую службу, хочет занять пост министра культуры. Ника не до конца понимала его планы, но точно знала, что с таким человеком лучше держаться всегда настороже.

В руках он держал громадный букет белых лилий. Цветы сочились соком, а их терпкий запах вкупе с ещё несколькими десятками букетов, превратили гримёрку в потенциально опасное место. *Ещё пять минут и у меня разовьётся аллергия на цветы,* — поняла Ника.

Бесцеремонно, впрочем, как и всегда, Пигмалион вытащил из вазы букет белых роз, подаренных Никой вчера, и водрузил перед Эльпис лилии. Девушки обменялись взглядами в зеркале, но дружно промолчали.

— Ты блистала как никогда! — заявил Пигмалион уверенно.

— Неужели ты был в зале? — удивилась Эльпис, сменив свой недовольный тон на лёгкий флирт.

Ника ума не могла приложить, зачем та всегда заигрывала с этим снобом. Ей казалось, что тем самым Эли нарывалась на неприятности для них обеих. С другой стороны, без флирта с мужчинами Эли — это не Эли. Они когда-то давно обсуждали её манеру общения с представителями сильного пола. Эльпис тогда убедила Нику, что ей нравится видеть слюни, текущие у них изо рта при виде неё, игратья, а затем отшивать. В плане отношений Эльпис не интересовали мужчины, но крутить она ими любила.

— Конечно, — заверил её Пигмалион. — Я бы ни за что не пропустил твоё выступление. Финальная песня на бис была отличная.

Ника не сводила глаз с Эльпис, хотела подметить хоть едва заметную смешинку, но у той на лице ни единый мускул не дрогнул. Удивительным оставалось то, что даже Пигмалион, без сомнений влюблённый в свою музу, мог не заметить подмены. Она могла бы списать это на грим, расстояние, освещение, но ведь такие вещи как голос, подача и энергетика точно отличались. Если публика и догадаться не могла об их играх, то уж директор агентства знал историю Эльпиники.

— Качество звука хромало. — Строго процедила Эльпис, решив избежать подробностей в обсуждении своего потрясающего «биса», который она сама пропустила. — Я не буду выступать в «Олимпусе» до тех пор, пока они не придумают хоть что-то с этим скрежетом на высоких частотах. Seriously, неужели я одна его слышу? Так недалеко докатиться до больничной палаты.

Пигмалион поцеловал её в макушку и приобнял за плечи.

— Я поговорю с звуковиками, — пообещал он. — Но выступать придётся. Люди требуют билеты, мы объявили ещё два дополнительных концерта здесь. Если опять будет фулхауз, можно запустить турне по стране.

— Что, прости? — Эльпис вырвалась из его рук и развернулась в кресле, уставившись на Пигмалиона.

— Никто не сообщал о ещё двух концертах. — Поддержала подругу Ника.

Пигмалион не удостоил её ответа, даже не взглянул на неё. Он всегда вёл себя так, словно они с Эльпис были наедине. *Или, как если бы мы правда были с ней одним человеком...*

— Я сообщаю сейчас, — пожал он плечами.

— Нет-нет... исключено! — Эли замахала руками. — Я и так работаю на пределе. Эльпиника это же не те девочки, что открывают рот под фанеру и кривляются в коротких юбках на потеху толпы. Мы выдаём качество, высочайший уровень. Ты понимаешь, сколько я вкладываю в каждую песню, в каждый номер...

Он схватил её порхающие запястья и уложил на колени, присев рядом, чтобы говорить, находясь с ней на одном уровне. Прямо как заботливый родитель общается с капризным ребёнком.

— Никто не требует от тебя такого фанатичного перфекционизма. Будь проще, Эли, — Нике резануло это обращение. Только она одна могла так нежно называть свою девушку. — Билеты продаются хорошо, сейчас самое время хоть немного начать поживать на лаврах.

— Ты что, не понимаешь, что я так не могу?!

— В конце концов, — Пигмалион выпрямился и стал двигаться к выходу из гримёрки. — Эльпиника может позволить себе выступать в два раза чаще. Боги, да хоть параллельно в двух городах! Пользуйтесь этим. Сейчас то время, когда нужно делать упор на количество. Если ты считаешь, что устаешь, то пусть выступает вторая.

— Я не этого хочу! — выпалила Эльпис, почти срываясь на истерику. Обстановка накалялась. Ника понимала, как остановить эту бурю, но ничего не могла сделать, пока Пигмалион находился в одной комнате с ними.

Уже стоя у двери, он остановился, развернулся к ней и холодно изрёк:

— Концерт уже объявлен. Мы не будем его отменять. У тебя есть контрактные обязательства и там сказано, что решения о выступлениях принимает компания, с тобой их лишь согласуют и ставят в известность. Поэтому решайте сами, каким составом вы выйдете, но выступления обсуждению не подлежат.

С таким железным вердиктом Пигмалион покинул гримёрку. Наверняка он понимал, что разозлил своими словами Эльпис и не хотел видеть её нервный срыв. Ушёл, делая вид, что она в порядке, оставив все вытекающие проблемы на голову Нике. Это было вполне в его духе. Нику просто поражала эта показушность, простота с которой он закрывал глаза на истинные чувства своей фаворитки, при том постоянно делая вид, что ценит и заботится о ней. При том, Ника была уверена, что с точки зрения Пигмалиона это вполне нормально. Его устраивала вся та фальшь, с которой он жил, и в которую искренне верил. А может, ему было просто наплевать.

Эльпис не смогла справиться с переполнявшей её сердце лавиной, а Ника в свою очередь, не успела ничего предпринять. Разъярённой львицей она схватила вазу с цветами, которые принёс Пигмалион и швырнула её в дверь, за которой он скрылся. Покорёженные

головки цветов, брызги стекла и воды взорвались как фейерверк, забрызгав всю гримёрку. Эльпис заворожённо смотрела на этот бардак, эмоция ярости, казалось, впечаталась ей в лицо, она ничего не сказала и даже не закричала. Зная её, Ника догадалась, что подругу просто очень впечатлила сцена разбивающейся о дверь вазы. Эльпис любила такое — яркое, отчаянное, громкое, невероятно красноречивое. Такие вещи она называла «настоящими». Она вообще была зациклена на идее натуральности, истинности, правды в единственном её проявлении. Может, потому что сама слишком часто и слишком много притворялась, врала, лукавила.

Ника не смела прервать очарование, напавшее на подругу. Она стояла над Эльпис, словно ожидала какого-то знака, жеста, слова, хоть чего-то, чтобы вновь получить право заговорить.

— Эли? — наконец осмелилась она прервать затянувшуюся паузу.

— Это было очень красиво, — произнесла Эльпис, с трудом выдавив слова из себя.

Красиво... но вдруг Пигмалион услышал? Что, если до его ушей донесся звук разбивающейся вдребезги вазы? Примет ли он этот звук на личный счёт? Воспримет, как предательство со стороны своей подопечной?

В отличие от Эльпис, Ника была свободна от его мнения. Она могла возражать и быть честной в первую очередь с самой собой. Эльпис приходилось гораздо сложнее, она всегда играла разные роли, не оставляя себе даже возможности для искренности.

— Поедем домой? — предложила Ника. Она видела и отчётливо понимала, что в данную минуту невозможно требовать от подруги чего-то большего. Эли слишком устала, она была истощена происходящим, в конец выбилась из сил. В худшие моменты она заливала внутреннюю боль вином. В чуть менее болезненные — предпочитала отмалчиваться в одиночестве.

— Хорошо. — Эльпис сдалась без боя. — Поехали.

Личный водитель предоставлялся от имени компании. Он довёз девушек до отеля «Резиденция», самого элитного места в Харибде. Им пользовались даже чиновники, когда приезжали в Харибду по делу. Иногда, когда Эли и Ники пытались сбежать от постоянного надзора, они садились на канатную дорогу, соединяющую левый и правый берег реки Итаки. Подобный путь вместе с ними проделывали ещё несколько сот пассажиров каждое утро и вечер. Только среди них Ника чувствовала себя на своём месте.

— Постой, я закажу чай, — сказала Ника, когда они были на стойке регистрации, но Эльпис сделала вид, что не слышит её. А может, она просто была слишком усталой, чтобы отвечать или реагировать. Как бы то ни было, девушка уверенным шагом прошла мимо стойки и, словно несомая ветром, влетела в открытые двери лифта. Прежде чем Ника успела её окликнуть, дверь закрылась и лифт уполз наверх.

Что ж. Не первый раз и не последний.

Она постаралась убедить себя в том, что ничего особенного не происходит, что это не ссора, а просто эмоциональный всплеск. Ника была уверена, что чай придаст Эльпис сил, он всегда помогал раньше.

— Можно чайник травяного в наш номер? — спросила она, обратившись к девушке на стойке. Ею оказалась совсем ещё юная метиска с удивительными глазами цвета фиалки.

— Конечно, кирие, — уважительно ответила девушка, сверкнув дежурной улыбкой. Манера её речи была чудной, как будто она немного растягивала слова.

Девушка проворно нырнула в служебное помещение и поставила греть воду. Где-то

внутри пламенной нотой вспыхнула газовая конфорка.

Метиска вернулась, сохраняя скромную и чуть стеснённую улыбку. Интересная внешность. Кожа смуглая, волосы чёрные, но прямые, а не курчавые. Узкий разрез глаз и их пронзительно синий цвет выбивались из образа, заставляя её выглядеть очень необычно и оттого притягательно. Тонкая, как струнка, изящная, какая-то маленькая и очень чужая в Харибде.

— Как тебя зовут? — спросила Ника сама удивившись своей прямоте.

— Психея, кирие, — ответила она, послушно кивнув головой. При этом сама как-то подобралась, напряглась. Может, испугалась, что кирие будет жаловаться на неё начальству.

— Красивое имя. Откуда ты, Психея? — Ника поймала себя на мысли, что не может перестать разглядывать её.

Психея потупилась. Кажется, она не любила отвечать на этот вопрос.

— Пацифида, кирие.

— Ты из поселения антропосов? — Ника нахмурилась. — Ты не похожа на тамошних аборигенов.

— Мой отец был родом с юга, кирие. — Фиалковые глаза не ввали. Её взгляд был таким холодным и упёртым. Только истинные северяне обладали этим несокрушимым внутренним стержнем. — Он исследовал север с длительной экспедицией и успел завести там жену. Я родилась в столице отмененных земель — Ууракулисе, как зовут его местные, или Блуждающем городе. Это самое большое племя, которое странствует вдоль всего побережья океана вслед за мигрирующими северными оленями. Их мясо и шкуры кормят мой народ уже тысячу лет. И хоть я прожила там недолго, всего пять первых лет моей жизни, я никогда не забуду синюю гладь океана, уходящего за границы мира.

— Как ты оказалась здесь, в Харибде?

— Это долгая история, кирие, — пожала плечами Психея.

— Рассказывай, — настояла Ника. Пожалуй, Эльпис нужно было недолго побыть одной.

— Отец забрал меня. Наверное, даже украл. — По её глазам, как по океану, пробежала лёгкая рябь. Видимо причиной был северный ветер, Ника сомневалась, что этой девушке были известны слёзы. — И привёз на юг, в Арту. Я очень плохо помню все обстоятельства, и он никогда мне ничего не рассказывал о моей матери. Мы разругались и год назад я ушла от него и сбежала сюда, в Харибду. Он хотел дать мне образование и цивилизацию. Хотел, чтобы я навсегда забыла своё детство, а мне каждую ночь снился океан и олени, бегущие вдоль берега. Юг я терпеть не могла. Мне всегда было жарко, у меня обгорала кожа, вездесущее солнце слепило глаза. Юг — чуждое мне место. Может, я и забыла язык предков, забыла лицо мамы, но я всегда буду помнить, кто я.

Удивительная история Психеи тронула Нику. Она слышала о том, что в городах действительно можно встретить антропосов, что некоторые из них сбегают в Термину, а может и в Гиперборею. Всё-таки кочевая жизнь, полная лишений подходит не всем. В Академии, где она училась, антропосов выделяли в отдельную расу, говорили, что их племена изживают себя, что численность постоянно снижается из-за кровосмешения и экстремальных погодных условий, делающих женщин бесплодными. Но она встречала и редкие исследования, которые утверждали обратное — авторы, которым действительно доводилось побывать на Пацифиде, утверждали, что племена аборигенов обладают сильнейшими генами, что они резистентные ко многим болезням и невосприимчивы к морозам.

Тут Психея опять переполошилась. Она пропустила момент, когда чайник закипел и вода с шумом пролилась на огонь. Метиска поспешила уладить проблему на кухне и через несколько минут вынесла Нике поднос с чаем и двумя фарфоровыми чашками.

— Хорошего вечера, кирие, — пожелала Психея.

— И тебе! Спасибо за историю, — поблагодарила Ника, поспешив в номер с подносом в руках.

Ника вложила кружку в податливые холодные пальцы Эльпис. Та всё ещё не могла прийти в себя, смотрела куда-то в кишасий людьми город сквозь затемнённое панорамное окно. С высоты двадцатого этажа «Резиденции» — одного из самых высоких зданий Харибды, вид открывался отличный. В солнечный день можно было любоваться Итакой и даже увидеть шпиль радиовышки на другом конце Харибды. Увы, этим вечером шёл мокрый снег и всё небо было затянуто бесцветной поволокой. Ни звёзд, ни надежды на что-то лучшее.

Ника села рядом с ней на широкий диван с бархатной чёрной обивкой и прикрыла ей ноги пледом. *Забавно. Мы живём здесь уже почти год, но это всего лишь дорогой гостиничный люкс. Здесь нет ничего нашего. Даже фотографий. Вот бы иметь свой дом. Обставить его цветами, готовить яичницу по утру. Обнимать её до глубокой ночи и просыпаться вместе в обед. И видеть её улыбку...*

Когда-то давно у них было всё это. Ника помнила, как хорошо им было вдвоём в последние годы учёбы в Академии. Они писали музыку и пели каждый день, в выходные даже не выходили из общежития. Потом она поймала себя на мысли, что воспоминания всегда кажутся более красочными и тёплыми сквозь призму времени. Память ведь очень избирательна, не исключено, что спустя годы она будет с такой же ностальгией вспоминать и «Резиденцию»... *но... нет. Если Эли несчастлива, то и воспоминания будут не жёлтыми, а голубыми.*

— Знаешь, о чём я подумала? — спросила Эльпис, поднеся к губам горячий чай, от которого исходил сладкий пар. — Интересно, какую музыку слушают в Океании?

Океания — волшебная страна из древних мифов, была главным предметом исследования Ники, пока та училась в Академии. Она искала не просто доказательства её существования, но и способы проникнуть в неё. Многие люди считали, что Океания — лишь сказка, но не Ника. Проведя уйму часов в библиотеках, корпя над книгами, она не подвергала никаким сомнениям факт её реальности, просто эта реальность существовала в другом измерении, очень близким к миру Элласа. Разница составляла всего пятнадцать секунд, в этой цифре сходились все известные ей источники. Если бы человечество могло переступить через время, они бы оказались именно там. Ника была убеждена, что все ответы можно найти в развалинах древнего храма на далеком севере.

Она хотела отправиться туда, но карьера Эльпиники после окончания учёбы так быстро закрутилась, что на археологические экспедиции не осталось времени. Ника думала о том, что обязательно это сделает, но планы постоянно съезжали из-за концертов и гастролей.

— Вот мы с тобой поём песни об Океании. — Задумчиво протянула Эльпис. — О летающих китах, море и мечте. А где-то, за пределом пространства совсем другая муза поёт о вечной зиме, контрактных обязательствах и безнадёге.

— Надеюсь, что нет, — усмехнулась Ника.

— Ты бы хотела попробовать её найти? — спросила Эльпис серьёзно.

— Хотела бы. Но не сегодня.

— Тебе ведь не нравится «Эльпиника»? Ты не фанат сцены. Просто терпишь всё это ради меня.

Эльпис не часто говорила о чувствах Ники в силу своего эгоцентризма, но, когда делала это, угадывала невероятно точно.

— Когда-нибудь мы будем делать только так, как хочешь ты. — Пообещала ей Эльпис, всё также задумчиво глядя вдаль, словно сияясь рассмотреть врата в Океанию в вязкой массе вечернего неба.

— Но ты же не бросишь сцену. Ты не можешь. — Возразила ей Ника.

— Зато ты можешь бросить меня. Если так и продолжишь постоянно опекать. Тебе просто надоест однажды. Я тебе говорила давно, я плохой человек. Никогда не ценю людей, которые рядом со мной. Делаю только то, что сама хочу. Даже твои цветы хотела сегодня выбросить. Это ужасно, я знаю.

— Я не брошу тебя. Никогда, — произнесла Ника уверенно. — Что бы ни случилось.

Эльпис перевела на неё свои глаза, всё ещё затуманенные пеленой слёз. Невероятные глаза, те самые, в которые Ника так слепо влюбилась ещё в юности. Истинно голубые, необозримые, бездонные. И да, Эли говорила ей тысячу раз, что у неё они точно такие же, но это была ложь.

— Никогда не говори такого. Никому, даже мне.

— Только тебе одной. — В своей жизни мягкотелая Ника умела твёрдо стоять лишь на двух вещах. Реальности Океании и своих чувствах к Эльпис. В любых других спорах она готова была уступить, но эти две константы были несокрушимы.

— Когда закончим с туром, отправимся на север, — пообещала ей Эльпис. — Возьмём перерыв и попробуем найти Океанию. Может... получится...

...убежать.

Ника точно знала, что та хотела сказать, но не произнесла вслух.

Они ещё долго сидели, глядя в окно на город, постепенно погружавшийся в сон до тех пор, пока у Ники не стали слипаться глаза. На миг ей даже показалось, что она правда видит её в вихрях облаков — огромную красивую страну с белокаменным фасадом, вокруг которой медленно проплывают чёрные киты.

518 день после конца отсчёта

Ночь прошла в слезах и привкусе отчаянья. Вестания не могла уснуть до самого утра. То её будил плач Теренеи с верхней полки (она зачем-то всё же полезла наверх, но их соседи по купе не возражали), то грохот колёс под туловищем «Восточного Вестника», ночью набравшего невозможную скорость. Она смущалась и терялась каждый раз, когда слышала шевеления незнакомых ей женщины и ребёнка с соседних полок. Кажется, они тоже не спали, или спали очень плохо. В редкие моменты, когда её сознание переходило в ядовитую дремоту, на неё накатывал потусторонний ужас, и Вестания опять просыпалась. Миллион вопросов ярились в голове, как рой диких пчёл. Она совершенно не знала, что теперь будет делать, куда им идти в Термине, где ждать маму, что ей самой делать с Теренеей? Как они вообще переживут все эти дни в компании незнакомых людей?

Я не готова. Мама! Я не готова!

Это была самая болезненная мысль, с которой она никак не могла смириться. Да, по законам Ойкумены Вестания уже могла считаться совершеннолетней, в следующем году она должна была поступить учиться в университет, если бы не начался конец света. Какой смысл получать образование, когда мир обречён на гибель? Вестания даже не до конца понимала, зачем ехать из Сциллы, если рано или поздно это случится со всем Элласом? Неужели мама правда верила в Океанию и в то, что они смогут найти её? Нет, скорее она просто не могла поступить иначе. Она хотела продлить им жизнь на сколько возможно долго. Лишний год, лишние пара месяцев. Если двигаться всё дальше на восток, то можно попытаться обогнать смертельную волну. Но как далеко у них хватит сил зайти?

Когда первые лучи солнца стали пробиваться сквозь занавеску, Вестания всё-таки провалилась в тяжёлый и колючий сон. Сновидений она никогда не видела.

Она проспала совсем недолго. Уже через несколько часов женщина, спавшая напротив неё, встала и принялась тихо рыться в своих вещах, затем вышла из купе ненадолго и вернулась, принеся с собой ароматный чёрный кофе в железных чашках. Вестанию разбудил именно этот запах, и она поняла, что безумно ослабла от всех переживаний и страхов, что больше всего на свете мечтает о глотке горячего кофе и хоть о какой-то еде.

— Хочешь, я тебе тоже принесу, милая? — женщина наклонилась к ней и проговорила громким шёпотом прямо над красным от слёз лицом Вестании. — Твоя сестра спит, мой Асфо тоже, не будем их будить пока что. А мы с тобой пошепчемся немного за чашкой кофе.

Вестания переступила через неловкость и стеснение и покивала в ответ. Неожиданная доброта незнакомки оказалась именно тем, чего ей так не доставало. *Во всяком случае, она по-настоящему взрослая в отличие от меня.*

Через несколько минут они уже сидели за столиком, низко склонившись друг к другу, чтобы не разбудить спящих и потягивали горьковатый чёрный кофе. Поезд весело дребезжал, пронесившись мимо махрового леса, украшенного снежными шапками.

— Как вас двоих зовут? — спросила женщина. На вид ей было лет пятьдесят, но она сохранила медный цвет длинных волос, убранных в косу. Лицо её было мягким, тронутое морщинами, под глазами лежали глубокие складки, кожа вокруг губ немного обвисла, но Вестания всё равно находила её красивой. Была в ней какая-то твёрдость и уверенность, которых ей самой так сильно не доставало сейчас.

— Вестания. — Ответила девушка. — Это моя сестра, Тереня. — Она жестом указала на верхнюю полку над собой.

Незнакомка с удивлением повела бровями. Это не смутило Весту. Их с сестрой имена действительно были редкими, если не уникальными, поэтому к похожей реакции она давно привыкла.

— Необычные имена, очень красивые. — Оценила она.

— Наш папа много путешествовал. Наверное, поэтому. — Про отца Вестания не знала почти ничего, даже его имени. Этот факт про путешествия она придумала сама, нужно же было хоть как-то объяснить такой специфический выбор.

— Меня зовут Ариадна, — прошептала женщина, она сидела, сцепив руки на столе перед лицом и постоянно жестикулировала пальцами. — А мальчика — Асфо, Асфодель.

— Он ваш сын? — Спросила Вестания. Её ввело в заблуждение то, как Ариадна представила его, назвав просто мальчиком.

— Ну, можно сказать и так, наверно. Если только приёмный. Я нашла его совсем одного на улице год назад. Видимо потерял родителей в ходе катаклизма, я не знаю. Он немой и такой... *особенный*. Может, шок на него так повлиял, а может, родился таким. Мне стало жаль его, он выглядел потерянным и несчастным, в каких-то обносках, среди бездомных и прохожих, потешавшихся над ним. Я спасла его, забрала к себе. Такие, как он, в одиночку не выживут в мире. Особенно теперь. Мои дети выросли и уехали. Мужа нет давно. Поэтому вот такая радость мне выпала на старости лет.

Вестания взглянула на мальчика, спавшего на верхней полке за спиной Ариадны. Его глаза были закрыты, но она могла поклясться, что он не спал. Лицо не выражало совершенно никаких эмоций, оно было ровным и бледным, но самым удивительным оказались волосы, как это она сразу не заметила? Они были белоснежными, как свежевывпавший снег.

Сомнительная радость заботиться о чужом ребёнке, который даже поблагодарить тебя не может.

— Я слышала вчера, когда вы с мамой прощались... Ты уж прости меня, девочка, но деться было некуда. Так жалко вас стало, но решила сразу не встречать, дать вам время немного успокоиться. С печалью всегда так. Нельзя сразу пытаться утешить чужое горе. Человек — он ведь не машина, ему нужно время и право на слёзы. Но ты только не переживай теперь, насколько смогу, я о вас тоже постараюсь позаботиться. Если, конечно, вы сами этого захотите.

Вестания не могла поверить ушам. Эта женщина, усыновившая беспризорного ребёнка, предлагала и их с сестрой взять под свою опеку. Она, конечно, знала о таких сердобольных людях, которые не могут пройти мимо чужой беды, но никогда не встречала их в жизни.

— Спасибо вам... но я пока, и сама не знаю, чего мы хотим. И что делать дальше. Сначала нужно придумать хоть какой-то план.

— Это правильно. Не спеши. Сначала нужно добраться до места. Здесь многие в поезде сойдут в Харибде. Вы тоже?

— Мама говорила, что нужно попасть на конечную станцию. В Термину.

— Это правильно, — покивала женщина. — Мы тоже едем туда. Но беда в том, что в Термине сейчас неспокойно. Ты же знаешь, это отменённые земли. Власти не хотят, чтобы туда приезжали люди. Говорят, что Соппротивление вербует людей по всей стране и зазывает их туда. Там готовится восстание против правительства.

В этот момент в купе вошёл контролёр для проверки билетов. Пришлось разбудить

Теренею. Вестания поднялась и помогла ей спуститься. После проверки младшая сходила умыться и привела себя в порядок. Потом они продолжили разговор с Ариадной уже втроём.

— Ты как, поспала, детка? — спросила её женщина с невероятной теплотой в голосе.

Теренея покивала, кажется, стесняясь разговаривать с незнакомкой.

— Не переживайте, я уверена, ваша мама поедет следующим же поездом. Мы поселимся в гостинице вчетвером и подождём её там. Я не брошу вас до тех пор, пока она не приедет.

Но что, если ждать придётся долго? Мы же даже не сможем связаться с ней. Как мы найдём друг друга? Вестания сомневалась, что Ариадна согласится остаться в Термине больше, чем на пару недель. Время было беспокойное, к тому же они не знали, какая обстановка царит в отменённых землях. Если слова Ариадны верны, и там разгорается гражданская война, то задержка может быть не менее опасной. У неё голова шла кругом от всех этих мыслей.

— Куда ехать дальше, после Термины? — спросила Теренея.

— В отменённые земли, на северо-восток.

— Но там Гиперборея, — удивилась Вестания. — Мы не сможем пересечь границу.

— О Гиперборее нет никаких вестей с момента катаклизма.

Это была правда. Диктор по радио упрямо убеждал всех в том, что извечный соперник Ойкумены уничтожен смертельной волной. Поверить в это было сложно. Вестания могла бы предположить, что часть страны действительно пострадала, может просто удар затронул север, где как раз пролегла граница, поэтому Гиперборея отказалась от продолжения вооружённого конфликта, сосредоточилась на своих проблемах.

— В любом случае, границу нам пересекать необязательно. Если двигаться на восток, то мы попадём в колыбель человечества — полуостров Пацифида. Это земли антропосов, местных аборигенов, которые занимают все ничейные земли ближе к побережью океана. Ни Гиперборея, ни Ойкумена не трогали их, условия жизни там слишком тяжёлые, полезных ресурсов никто не обнаружил, поэтому с ними просто торговались, обменивая продукты на шкуры и китовый жир. Среди них есть шаманы, которые общаются со своими богами. Они могут знать, как...

— ... попасть в Океанию! — обрадовалась Теренея, — Вы тоже верите, что она существует и что туда можно попасть?

— Не то, чтобы верю, — улыбнулась Ариадна. — Но куда-то двигаться нужно. Была старая сказка... ну или легенда о том, как туда попасть. Если зима продлится дольше, если температура так и будет снижаться, то Эллас не просуществует долго. Жизнь на материке никогда не была простой, а после катаклизма ситуация лишь продолжит усугубляться.

Вестания сдержалась. Осаждать сестру она привыкла, но спорить со взрослым человеком, тем более согласившимся самоотверженно помочь им, было бы попросту невежливо. Её удивляло, что многие сознательные люди, включая мать и Ариадну могли всерьёз поверить в сказку про Океанию. Оставалось надеяться, что у этой женщины действительно был некий план, и она могла помочь им выбраться из этой передраги. Веста боялась даже представить, что они отправятся в путь сквозь заснеженные перевалы в компании незнакомки и её приёмного сына. Если только мама согласится на это, когда они встретятся вместе. *Поскорее бы ты добралась до Термины! Потому что я не знаю, что делать.*

Внимание девушки привлёк мальчик, всё ещё лежавший на верхней полке. Она вдруг поняла, что он внимательно смотрит на неё, но не вступает в разговор. Два серых глаза

изучали Вестанию. При этом выражение его лица казалось задумчивым и отстранённым. Ариадна сказала, что он нем, но мог ли он слышать их? Понимал ли о чём они говорили? Был ли согласен на то, что эта женщина везёт его на другой конец света?

По напряжённому лицу Вестании, Ариадна поняла, куда та смотрит. Она поднялась и проверила мальчика. *Асфодель. Она так назвала его.*

— Спустишься к нам? — спросила женщина мягко. Ответа она не получила. Асфодель смотрел на неё взглядом зверя, в его лице не считывалась ни толика понимания. Кажется, он вообще не умел взаимодействовать с людьми.

Дикий. Как антропосы.

Конечно, Вестания никогда в жизни не видела северных жителей, и понятия не имела, как те должны были себя вести, но они казались ей именно такими — аборигены, не знакомые с цивилизацией.

Ариадна заставила мальчика приподняться на верхней полке, стянула с него одеяло и помогла спуститься. Тут взгляду Вестании предстала верёвка вокруг лодыжки Асфоделя. Оказывается, всё это время другой её конец был привязан к железному поручню на стене.

— Он что, связан? — От внимания Теренеи тоже не скрылась эта особенность содержания мальчика.

Ариадна оказалась сбитой с толку этим вопросом.

— А? Ну да, как же ещё. Он не очень разумный. Приходится... иначе может начать бродить по вагону и беспокоить соседей. Так же тоже нехорошо.

— Но... так ведь нельзя! — возмутилась Теренея.

— Тера! — шикнула на сестру Вестания.

Тем временем Асфодель спустился с верхней полки. Он оказался долговязым и худым подростком в поношенном сером свитере, который явно был ему велик. *Если на такой рост и удобу можно вообще раздобыть подходящую одежду,* — отметила Веста. Однако парень не выглядел несчастным или испуганным. Сам он, кажется, не обращал особого внимания на свою привязь.

— Подождите нас, девочки, мы скоро придём, — проворковала Ариадна, не обратив внимания на возмущения младшей. Она отвязала верёвку от поручня и повела Асфоделя в сторону уборной. Парень покорно засеменил за ней, сильно сутулясь и как будто стесняясь своего роста.

— Что ты себе позволяешь? — набросилась Вестания на сестру, как только их шаги в коридоре стихли. — Она заботится о нём, нам повезло, что нам согласились помочь просто так. Ты ничего не знаешь о поведении этого психа и обвиняешь женщину, приютившую его!

— Веста, она держит его на привязи! — ответила Теренея не менее озлобленным тоном. — Как животное!

— Может, если бы не привязывала, он бы сбежал. И сам попал бы в беду.

— Сама подумай, с чего ему сбежать от приютившей его женщины? — Теренея оказалась невозможно настойчивой в этом споре. — Ты тоже ничего о ней не знаешь, почему решила, что ей можно доверять?

Потому что я хочу довериться кому-то, кто старше и опытней. Потому что одна я не справлюсь без мамы. Потому что я не хочу отвечать ещё и за тебя.

Вестания ничего не сказала Теренее. Она почувствовала себя слишком уставшей после тяжёлой бессонной ночи. Ей было необходимо хоть какое-то уединение. И оно у неё было. Верный способ очистить мысли от постороннего.

Окно внутри купе запотело. За ним лежали бесконечные сугробы и леса, скрывавшие тысячу опасностей. Вскоре им предстояло окунуться с головой в них. А пока...

Кончиком пальца она нарисовала на стекле небольшую спираль.

— Мне надо подумать. Не трогай меня, — попросила она. — Ариадне скажи, что я отдыхаю.

Вестания растянулась на кровати, но вместо того, чтобы закрыть глаза и уснуть просто уставилась на спираль и довольно скоро провалилась в её плавные линии.

Она делала это и раньше. Особенно если не знала, как поступить. Если чувствовала себя загнанной, пойманной в ловушку. Прямо как теперь.

Дуга. Плавный поворот. Дуга. Окружность. ещё дуга. Круг. И так до бесконечности. Круг. ещё круг.

Вестания следовала взглядом за спиралью. Всё равно снаружи нет ничего, кроме бесконечного снега, но даже если бы там что-то было, она бы не придала значения. Для неё не существовало ничего, кроме этой спирали, сцепленной в сердцевине, закольцованной, бесконечной. Она скользила взглядом за спиралью, до тех пор, пока у неё не начинала кружиться голова. Вот тогда Вестания окончательно теряла связь со своим сознанием, уносясь в магическую сердцевину. Стекло вскоре запотело заново, но следы от её пальца оставались видны ещё долго.

Вниз. В самый низ воронки смерча. Постепенно спираль, нарисованная на стекле окна, становилась объёмной, постепенно Вестания оказывалась в самом её средоточии, ощущая несравнимое могущество, превосходство над этим гигантом. Изгибы линий обволакивали её, она превращалась в очередной штрих, очередным поворотом в бесконечной спирали, и она продолжала скользить всё ниже, к самой глубине...

Тереня часто замечала, ещё в Сцилле, как Вестания смотрит часами в одну точку. Это стало происходить с ней особенно часто после катаклизма, хотя спирали она замечала в доме и раньше, наверное, всё время, что помнила сестру.

Тереня знала, что катаклизм изменил что-то в Весте, точнее не само происшествие, а та темнота за окном, глубокая, бархатная, это был самый тёмный цвет, который Тера когда-либо видела в своей жизни и он внушал неконтролируемый ужас, как будто ты смотришь напрямик в загробный мир, вот только Весту он скорее манил. Она смотрела прямо в окно очень долго, хотя мама и Тереня пытались ей помешать. Вестания так и не смогла тогда объяснить им, что она увидела в этой темноте, но с тех пор она периодически впадала в такое же оцепенение, впиваясь взглядом в свои спирали. Это могли быть рисунки, выполненные ручкой на полях тетради, пальцем на запотевшем стекле или чёрной сажей прямо на стене возле её кровати дома, в Сцилле. Спирали заполняли окружение Вестании, но сколько Тереня не пыталась расспрашивать её, старшая сестра никогда ничего не объясняла, чаще просто делала вид, что не понимает, о чём идёт речь. Тера усвоила лишь одно — лучше не трогать Весту во время её медитаций, иначе та могла разозлиться и опять устроить ей головомойку.

Тереня совершенно не хотелось общаться с их соседкой по купе, поэтому она вскоре притворилась, что очень увлечена ведением дневника, а сама тем временем наблюдала за ней и за мальчиком, которого Ариадна привязала на сей раз под столиком, разделявшим их спальные места.

— Скажите, если он помешает, — попросила женщина. — Обычно он смирный, но

сами понимаете... никогда не знаешь, чего ожидать от...

Тереня заверила её, что беспокоиться совершенно не о чём. Тогда Ариадна занялась вязанием — достала из своего багажа спицы с красной пряжей и принялась колдовать, издавая едва различимый металлический перестук, который почти скрывался за шумом колёс поезда.

Через какое-то время Ариадна отложила рукоделие и, перевернувшись на бок, заснула. Вестания так и оставалась во власти спирали. Продолжала смотреть на неё, лишь изредка моргая, зато её зрачки слегка подрагивали.

Спустя ещё минут пятнадцать Тереня впервые увидела, как шевельнулся Асфодель. Он медленно поджал под себя левую ногу и немного выпрямился под столом. Тереня так удивилась, что затаила дыхание, словно наблюдала за экзотическим животным в зверинце. Мальчик не смотрел на неё, его взгляд был отсутствующим и потерянным, он пялился в пол перед собой.

— Асфодель? — прошептала Тереня, боясь разбудить Ариадну.

Мальчик не отреагировал на её зов, но она не хотела сдаваться. Его вид пробуждал в ней страшную жалость.

Тера отложила дневник и тихо сползла на пол, села напротив, надеясь привлечь его внимание.

— Меня зовут Тереня, — прошептала девочка. — Мне двенадцать лет. Тебе примерно столько же? Ты не знаешь?

Асфодель молчал.

— Это твоё настоящее имя, да? Поэтому ты не отзываешься на него. Если ты сможешь сказать мне, как тебя зовут на самом деле... или написать, то я буду звать тебя настоящим именем.

Тереня подползла к нему чуть ближе. Когда расстояние между детьми сократилось до метра, Асфо вдруг поднял голову. Его взгляд пронизал Теру и умчался куда-то дальше, пройдя сквозь неё навывлет, как пуля. Глаза у него были необычными, как будто не человеческими вовсе.

Тереня отстранилась, боясь спугнуть Асфоделя.

— Я тебя не обижу. Честное слово. Я бы хотела с тобой подружиться. У тебя есть друзья? Может, были когда-то?

Немигающие серые глаза продолжали смотреть сквозь Теренею.

— Если она обижает тебя, — прошептала девочка чуть слышно, кивнув в сторону спящей (как она надеялась) Ариадны, — дай мне знать. Я и моя сестра постараемся что-то придумать. Я не обижу тебя, честное слово. Я никогда не вру.

Искренность казалась Теренее важнейшим качеством в людях. Её всегда сильно удивляло, с какой простотой врали взрослые, да и другие дети вокруг. Она не понимала, какое право имели люди пользоваться окружающими даже для достижения своих целей. Ей казалось гораздо приятнее и легче сохранять открытость и честность.

Тереня хотела попытаться дотронуться до него, но стоило пошевелить рукой, как она заметила, что брови Асфоделя слегка вздрогнули. *Наверное, не стоит проявлять такую настойчивость. Он пока недостаточно привык, мы ведь знакомы меньше суток. Возможно, он вообще очень сложно привыкает к новым людям.*

Она приняла решение не пытаться насаждать на Асфо, поэтому вернулась обратно на краешек кровати и продолжила наблюдать за ним с расстояния.

Мальчик долгое время не двигался. Он напоминал ей рептилию, которая тщательно обдумывает каждое своё движение, пристально рассматривает и изучает пространство, куда собирается перебраться.

Прошло почти полчаса, прежде чем Асфодель очнулся от этого оцепенения. К удивлению Теренеи, его движения вдруг перестали быть такими запрограммированными, стали больше напоминать человеческие. Он достал из кармана катушку с намотанной на неё тонкой леской и, взявшись за кончик, подбросил так, что та укатилась к двери поезда. Тогда Асфо резко потянул нитку на себя, притянув назад, смотал леску и опять отправил её в полёт. Он продолжал подбрасывать катушку, не обращая никакого внимания на присутствующих с ним в одном купе посторонних.

Теренея удивилась, что он осмелился заняться этой незатейливой игрой у неё на глазах. Она следила за ним ещё какое-то время, а потом катушка залетела слишком высоко и застряла в пространстве между её полкой и стеной. Асфодель настойчиво дёрнул леску несколько раз, но та лишь сильнее раскрутилась.

Теренея смущённо покосилась на Асфо, словно опасаясь, что он будет возражать, влезла ладонью в щель и высвободила катушку, положила её на пол и подтолкнула к мальчику.

Он поймал катушку, снова скрутил, словно ничего особенного не произошло. Каждой клеткой кожи Теренея ощутила, как взгляд серых глаз впервые задержался на ней на единственное мгновение. Затем Асфо подбросил катушку снова. Та опять ударилась о дверь и отскочила на пол, но в этот раз мальчик не торопился тянуть её обратно. Теренея переводила взгляд с него, на игрушку, та оставалась неподвижной почти четверть минуты.

Асфо смотал леску, опять обжёг её беглым взглядом, бросил катушку ещё раз и опять стал чего-то ждать.

Быть не может! — вдруг догадалась Теренея.

Она нагнулась и подтолкнула катушку к нему, Асфодель поймал её, скрутил леску, вновь повторил те же самые действия, опять стал ждать хода Теры. Та вновь подыграла.

Это было похоже на очень странную и глупую игру, но Теренею польстило, что ей разрешили поучаствовать в ней.

От очередного броска катушки, Ариадна проснулась и зашевелилась на кровати. Тогда Асфодель поспешно свернул моток лески и спрятал своё сокровище в карман. На этом игра резко прервалась.

Теренея не хотела общаться с Ариадной, поэтому живо вскарабкалась на свою верхнюю полку и продолжила писать дневник, поглядывая в окно.

Снег, как сахарная пудра, висел за окном бесконечным ворохом, подвенечной фатой. «Восточный Вестник» нёсся слишком стремительно, чтобы можно было рассмотреть отдельные снежинки, снегопад просто затмевал силуэты изнурённых редких деревьев, он походил на белый туман, скрывающий за своим таинственным запретным маревом истинные формы привычных вещей. Колёса иногда натыкались на ледяные глыбы на рельсах, отчего локомотив словно спотыкался на полном ходу, и вагон резко подпрыгивал, заставляя Теру задержать дыхание от опасения, что «Восточный Вестник» может сойти с рельс, но из раза в раз всё обходилось, и они по-прежнему ехали в неизведанную белизну отменённых земель, в которой, если прижаться щекой к окну и заглянуть вдаль, полотно небес сходилось с покрывалом земли, не образуя на стыке горизонта ни единого шва.

Дневник Теренеи. 518 дней после конца отсчёта.

Мама часто в детстве рассказывала о таинственном месте. Это была страна на стыке времён. Там всегда тепло, но не жарко, а вместо снега с небес сыпется жемчуг. Он летит очень медленно и сонно, и очень плавно опускается на землю, покрывая её неустойчивым и шатким слоем жемчужин оттенка водяной лилии. Мама говорила, что эта страна расположена не в этом времени и не в этом месте, но она существует в сердцах тех, кто верит в неё. Она всегда на пятнадцать секунд впереди нас. Всегда недостижимая и желанная. И там живут люди. Они собирают этот жемчуг и делают из него украшения, каких ещё не видывал свет. А ещё у них вместо неба над головой море, поэтому жемчуг и падает оттуда. Порой можно увидеть, как где-то над головой проплывают киты, взмахивая огромными хвостами, а за ними несутся стайки разноцветных рыбок. И ночью, когда становится темно, там распускаются ночные цветы, настолько яркие, что заменяют фонари, а вверху, там, где море — зажигаются морские звёзды.

Я никогда не видела этого места, но это именно та страна, в которую я хочу попасть в конце нашего пути. Когда я опять сказала об этом Вестании, она разозлилась. Вернее, это была не просто злость, а самый настоящий страх. Она сказала, что этого мира, Океании, не может быть, что это детские сказки, а потом её голос изменился, и она сказала, что мы всё равно едем не туда. Почему-то она никогда не говорит, куда именно. Просто вперёд, подальше от Сциллы.

Сегодня ночью я проснулась оттого, что почувствовала, как поезд остановился. Я сразу выглянула в окно, думала, что смогу увидеть город и, возможно, понять, где мы. Если город и был, то очень крошечный, потому что, пока я пыталась протереть стекло и разглядеть хоть что-то, поезд снова тронулся, и мы проехали платформу и табличку с указателем.

С той стороны окно покрыто узорами мороза, внутри оно сильно запотеваает, но это не огорчает меня. Как бы то ни было, всё равно невозможно увидеть ничего путного, мы всегда едем сквозь бездушное ледяное безмолвие в такую же бескрайнюю и пустую снежную даль. Сегодня мне удалось рассмотреть ещё один указатель, но он, как и все, оказался покрашен чёрной краской.

Неизвестность пугает нас. Мне не нравится эта женщина — Ариадна, наша соседка по купе. Я хотела бы верить, что всё будет хорошо, что мы дождёмся маму и поедем искать Океанию... Но кто знает, что будет?

Вестания сливалась со спиралью воедино. Она чувствовала, как дуги этой пружины постепенно, одна за другой, углубляются в сердцевину её сознания, как острая проволока спирали протыкает её сомнения и страхи, как время замедляется, ослепительный пейзаж за окном сереет, делается блеклым и скучным, а затем растворяется где-то позади единственного элемента, за которым закрепился смысл.

Спираль была настоящей, всё остальное не несло ни толики того совершенства. Только этот сужающийся серпантин её святой горы. Вестания почувствовала, как немота постепенно пронизывает её тело, от кончиков пальцев рук, эта восхитительная волна милосердной смерти ползла по венам к плечам, чтобы дотянуться своим ледяным перстом до груди и проткнуть заострённым когтем сердце.

— Вестания! — услышала она где-то вдалеке, на поверхности, голос Теренеи. Он был

слишком недосыпаем, чтобы отвечать на зов. Слишком тихий, чтобы его можно было услышать.

Через несколько минут призыв повторился.

— Вестания! — звала она.

Зрачки Вестании вздрогнули, она моргнула резко и, потеряв связь со спиралью, обернулась к Теренее.

— Что? — раздражённо спросила она. Вдруг множество красок вернулось в её жизнь, почти ослепив на мгновение. Вестания ненавидела покидать спираль так быстро, особенно ненавидела, когда её заставляли выходить оттуда.

Сестра стояла возле неё. Выглядела она очень обеспокоенной. Вестания отметила, что соседние полки пусты. Ариадна и мальчик куда-то делись.

— Тут кое-кто хочет с тобой поговорить, — тихо сказала Тера. — Они сказали, что они из Сопротивления.

В дверях Вестания увидела молодых мужчину и женщину с очень серьёзным выражением лиц.

516 день после конца отчёта

Вагон «Харона» наполнялся и пустел с тем, как одинаково белые станции проносились мимо окна. Никто равнодушно поглядывал то на паутинку треснувшего стекла, то на торопливых людей, приходящих и уходящих, бегущих и вечно спешащих, суетливых, взволнованных, полных каких-то решений, полных жизни, имеющих слишком мало свободного времени, не важно, богатых или бедных. Они точно не могли позволить себе такой роскоши, как колесить в вагоне поезда из одного конца Сциллы в другой, бесцельно уставившись в окно и задумчиво разглядывая пассажиров. У них не было времени даже на то, чтобы подумать о своих личных делах. Никто же мог день напролёт заниматься только этим, но он всё равно не находил себе места, не знал, куда себя деть.

Влюблённые, обиженные, счастливые, одинокие, умные, голодные, они все слишком сильно отличались от него. Он был иным.

«Я Никто», — думал он, в одно и то же время и завидуя, и жалея их.

Он получал странное наслаждение от подслушивания чужих разговоров, словно на некоторое время становился частью того незнакомого ему мира, к которому уже очень давно себя не относил. И больше всего ему было любопытно, мог ли он стать одним из них, был ли он всегда Никем, с самого рождения оказавшись под несчастливой звездой.

Вообще без звезды.

Или всё же когда-то давно он мог примкнуть к ним.

Но теперь уже всё равно слишком поздно.

Я Никто. Просто тень.

А они не настоящие люди.

Просто манекены.

Иногда ему хотелось не думать, но прогнать запутанный клубок мыслей из своей головы он не мог. Их было слишком много. Они роились там стаями чёрных мух. И он уже не понимал себя самого. Не мог осознать, чего он вообще хочет, и к чему стремится. Что делать со своей жизнью? Или лучше просто умереть? Или нет.

Никто не знал.

И всё же у него была цель. Одно-единственное дело, которым он теперь мог заниматься. Отголосок его прежней жизни, если таковая была.

Никто выглядывал людей.

Был уже вечер, когда «Харон» прибыл на Край. Истошно заскрипели колёса по железным рельсам, словно раненое животное, сея отчаяние где-то глубоко внутри. Вагон снова опустел и снова наполнился неустанными людьми. *Когда же вы, наконец, остановитесь, когда останетесь на одном месте? — раздражённо подумал Никто. — Разве нельзя вам просто остановиться? Зачем куда-то бежать, итог будет всё равно один. Вы все знаете, что конец света ползёт всё ближе к вам. И лишь упрямые глупцы считают, что его можно избежать. Как вы могли стать такими безнадёжно слепыми, чтобы позволить себе игнорировать, смириться? Это ведь не просто смерть одного... даже не массовое самоубийство. Это полное тотальное умерщвление человечества. А вы всё вертитесь, всё надеетесь, вы слушаете бред властей, пытающихся изо всех сил удержать воду в ладонях. Только они не в состоянии противостоять этой силе...*

Никто оторвал глаза от мёртвой точки. Тяжело, взгляд за день стал ленивым, отказывался подчиняться. Его внимание в общем марафоне Сциллы привлекла единственная танцовщица, что двигалась не вперёд, как остальные, а кругами — по спирали.

Она, не находя себе места, передвигалась от одного пассажира, к другому, вот только нужды в свободном сиденье она не испытывала. Ею двигали совершенно иные мотивы, и Никому довольно скоро стало понятно, какие именно. Он следил за неугомонной бурей эмоций, сменявшихся на её лице. От удивления к радости, от апатии к гневу, глаза то изумлённо загорались, то тускнели, теряясь в беспросветной дымке пустоты.

Спутанный колтун русых волос был покрыт коркой старой грязи, перепачкано было и её жёлто-серое лицо, и руки, больше напоминавшие две коряги. Из той одежды, которую Никто сумел рассмотреть за кучей потерявших вид лохмотьев, на ней было надето застиранное до дыр коричневое платье. Она была босой. Ступни — два ало-синих осколка человеческой плоти. Он не пытался рассматривать её ноги, слишком много всего они перенесли, тем не менее сама она никак не выказывала боли, шла вполне бодро, хоть и спотыкалась иногда, скорее всего, она отморозила пальцы ног настолько, что уже и не чувствовала их. Когда она приблизилась к Никому, он сумел разобрать слова, которые женщина лепетала своим неровным голосом, то нечленораздельно, то слишком громко и резко.

— Почернел зелёный мох, платье девушки в горох! Нет! Что же вы говорите, кириосы? Где это грабители? Что же? Вы видели! Они украли моё кольцо, точно вам говорю! — она снова нагнулась к полу, погрузив руки в небольшую лужицу грязи от талого снега и осторожно ощупала её. — Я, кажется, где-то здесь его оставляла... да-да, точно, оставляла. А ВАМ — она резко обернулась к какому-то мужчине. — ВАМ Я ВООБЩЕ-ТО ПОРУЧИЛ ЕГО ОХРАНЯТЬ! А-ха-ха! — засмеялась она тут же непринуждённо. — Боги с ней, с серьгой! Я вот вам расскажу, кирие, что со мной произошло на прошлой неделе... значит, так было дело. Вышла я на улицу — день-деньской весьма не плох, платье девушки в горох... Вышла, и всё думаю, куда же я вторую серьгу-то дела? Была, вроде, всегда со мной, никто не брал. А её украли! А, потом, значит, вижу, поезд едет, да быстро так... вы же знаете, да...

По большей части пассажиры старались игнорировать её. Некоторые поглядывали украдкой, не смея справиться со своим любопытством, другие раздражённо щурились глазами. Даже с большим интересом Никто принялся следить за реакцией других людей на несчастную сумасшедшую, чем за ней самой. Что-то внутри него с благоговением урчало, радуясь тому, как нелепы всё же были эти существа, мнящие себя людьми. Никто хотел выждать ещё пару минут, не желая привлекать к себе слишком много внимания. Он надеялся, что сумасшедшая всё же благополучно доберётся до тамбура, до этих же пор он получал странное удовлетворение от их жалких потуг осмыслить, что роилось в голове женщины.

«Наивные, — подумал Никто со странным самодовольством. — Куда вам это понять...»

Но постепенно, вместе с тем, как женщина, не найдя сопротивления, становилась всё решительнее, начинала наклоняться к пассажирам, по очереди беседуя с каждым, и ведя всё тот же самый монолог с кем-то невидимым, раздражение пассажиров начало возрастать. Они ещё не осмеливались прогнать её, испытывая некоторую степень сожаления, только вот брезгливость преобладала и над ним.

Поднявшись со своего места, Никто пошёл ей навстречу, слишком хорошо понимая, что долго их терпение не продлится.

— Пойдём со мной, — шепнул он сумасшедшей, обхватив её за плечи и потянув за

собой к тамбуру. Обратил внимание на то, что серьга в ухе была действительно только одна. Кажется, ничего особенного — позолоченный металл, который часто в Сцилле выдавали за золото, и маленький светло-зелёный камень. Несомненно, просто стекло.

Женщина, изумлённо воззрившись на него, испуганно пролепетала:

— А вы знаете, где я её оставила?

— Да, конечно. — Заверил её Никто. — Пойдём, я отведу тебя домой.

Женщина не сопротивлялась, позволив человеку довести её до самой двери тамбура. Всё прошло на изумление гладко, ни один пассажир даже не удостоил Никого хоть сколько бы сосредоточенным взглядом. Его ладонь уже легла на ручку двери, как вдруг поверх неё опустилось что-то тёплое.

— Кириос! — произнесла женщина, сидящая возле самого выхода. Никто уставился на неё, пытаясь понять, чего следовало от неё ожидать. — Вы знаете эту женщину?

Западня. Западня. Ты угодил лапой в капкан, старый хромой пес.

Он посмотрел в её встревоженные глаза, такие глубокие, как две синие бездны. Красивое, но немолодое лицо, зато губы сложены в лёгкой доброй улыбке, словно уста блаженных. Светлые волосы, наполовину жёлтые, наполовину седые, убраны в пучок, но несколько прядей выбились, окружив овал её спокойного лица, которое не пощадили годы, но при этом оно всё ещё хранило простое человеческое счастье. Никто впервые видел её. Чаще всего он запоминал лица тех, кто встречался ему на улицах. Может, просто не обращал раньше на неё внимания. Интересно, запомнит ли она его?

— Да, — произнёс он достаточно быстро и непринуждённо, потому что знал наверняка. — Я, к сожалению, не помню её имени, но встречал её раньше, знаю, где она живёт. Хочу отвести к родным.

— Её зовут Лисса. — Произнесла немолодая женщина. — Они раньше жили где-то в Шумах, недалеко от головного цеха, в застройке домов для семей рабочих.

Возле головного цеха. Тогда не мудрено, что она сошла с ума. Заводы дребезжали почти круглосуточно, в домах звук был не таким громким, чтобы потерять слух, вот только мозги не всегда справлялись с гулом тысячи генераторов, с маршем машин, которые строили, смешивали, делили, собирали, плавил и везли без устали. В Шумах производили всё, что продавали в Сцилле, может, только кроме продуктов. Раньше их поставляли из Патры, города чуть севернее Сциллы, во всяком случае, зерно. Овощи везли из центральных Эйона и Кардицы, фрукты — с юга страны, так любимых многими берегов Сельге, но теперь, в расцвет вечной зимы дефицит продуктов питания был неизбежен. Урожай не всходил, почва была проморожена насквозь. Запасы подходили к концу, цены на хлипкие полусгнившие кочаны капусты и картофелины поднялись до небес, и среди бедняков уже встречались неоднократные случаи цинги. *Только какая разница, если всё равно мы все умрём.*

— Я отведу её, — повторил Никто. — Не следует беспокоиться.

Женщина взглянула на сумасшедшую, которая с потеряннм видом теперь принялась ощупывать потёртый плащ Никого.

— Похоже, она вас знает. — Женщина улыбнулась чуть шире, слегка показав свои желтоватые, но ровные зубы. — Я тоже выхожу в Шумах, на ночную смену. Я и сама бы довела её, но боюсь опоздать...

— Да, я понимаю, — кивнул Никто.

— Брех, стох, бох-бох-бох, платье девушек в горох, — опять забубнила Лисса, кажется, заскучав и завертевшись на одном месте. Никто сжал её плечо чуть сильнее, надеясь, что она

не выкинет ничего неожиданного.

— Думаю, мы лучше постоим с ней в тамбуре.

— Конечно, — кивнула женщина. — Спасибо вам за вашу доброту.

Эта реплика смутила Никого. Только бы Лисса не ляпнула ничего. Кто, правда, поверит ей?

Он отворил дверь. Зимний холод пахнул из тамбура, вмиг промчавшись вдоль всего вагона. «Харон» уже подъезжал к Шумам, чтобы высадить ночную смену рабочих, подхватить тех из дневной, кто отправится в сторону Сердцевины, а за остальными он вернётся в одиннадцать. Сейчас в Шумах стоял единственный час тишины. Прежде чём заводы опять возобновят свою симфонию, пройдёт сорок минут. Из-за этого стук колёс паровоза и его периодические краткие гудки звучали дико в этой стеклянной тишине.

— Машины гудели: дрох-рох-рох, платья девушек в горох, — пропела Лисса свою глупую песенку.

— Да, точно, Лисса. — Согласился Никто. — Ты помнишь меня?

— Я, да, конечно, помню, — закивала она и громко засмеялась. — Ещё как! А вы же к нам как-то на завтрак приходили, нет?

— Да, всё правильно, Лисса.

— А вы ко мне тогда приходили-то?

— Нет, я знакомый твоего мужа.

— А-а-а! Му-у-ужа моего, — кивнула она. — А я вот кольцо потеряла... серьгу, то есть. — Она небрежно коснулась рукой пустой дырочки на ухе. — Горох, горох... А вы найти поможете?

— Да, конечно, помогу.

— Тогда ладно, — закивала Лисса, как-то нехорошо посмотрев на Никого. — А скажите, пожалуйста, а я вам нравлюсь?

Её голос зазвучал смущённо, но смотрела она на него теперь так, словно очень хотела соблазнить.

— Конечно, нравишься, Лисса, — ответил Никто, — только кто же без обуви ходит по улицам?

— Ой, вы знаете, мне все ботинки малы стали так, у меня-то нога ка-а-ак вырастет! — заговорила она, путаясь в словах и произнося их нечётко. — И так мне больно ходить в них во всех, да вы смотрите, ботинки слишком большие, туфельки мои, вон как ноги мне надрали, вон как. Больно мне, больно ходить!

— Не волнуйся, я помогу, — сказал Никто. — Понесу тебя на руках, пока моя нога не болит.

— А-ха-ха! — засмеялась Лисса. — А у вас что же, тоже нога большая стала, да? Да вы посмотрите, какая она у вас огромная-то! Ох-ох-ох, платье девушек в горох!

Поезд прибывал на станцию. Тишина Шумов начинала сводить с ума. Уже скоро, очень скоро генераторы заработают заново, похоронив под своим гулом все прочие звуки, раздавив голоса и расплющив стоны. Тормоза «Харона» проскрипели самую грустную сонату на свете, такую безнадежную, что она почти буквально царапала своими нотами сердце.

Чье сердце камень, тот не сожалеет о содеянном, — упрямо сказал себе Никто, хотя сам сильно сомневался в этой мысли. Он извлёк из кармана шприц и быстро проверил иглу, пока ещё не было свидетелей.

— Зачем мы с тобой существуем, Лисса? — спросил он обречённо, но сумасшедшая

ничего не успела ответить, как вдруг двери открылись, впус­тив в тамбур ледяной зимний ветер, от которого Никто невольно поёжился. Руки были молниеносны. Он вса­дил иголку ей в шею и ввёл раствор, затем незаметно скинул шприц в щель между поездом и платформой. Прежде чем Лисса успела взвизгнуть, Никто подхватил её на руки, и вышел из «Харона», который тут же покинули ещё дюжины две человек.

— Эй! — закричала Лисса, не ожидая такого отношения к себе, — ты что чудишь?

— Тихо, я несу тебя домой, не переживай. Всё хорошо.

— А если я не хочу?! Мне вот надо же серьгу свою отыскать, я говорила уже!

Она брыкалась в объятьях Никого, но, кажется, ему не составляло труда удерживать её, прижимая к себе сильными руками. *При желании я мог бы сломать тебе рёбра одной рукой*, — подумал Никто, ощущая под её лохмотьями съёжившееся от холода хрупкое тело, видимо, никогда не встречавшееся с избытком еды.

— Вам не слишком тяжело? — спросила женщина из вагона, догнавшая их.

Опять ты! — разозлился Никто. — *Какая тебе, чёрт возьми, разница?*

— Нет, не беспокойтесь.

— Пойдёмте, я провожу вас немного, покажу дорогу. Вы не отсюда? — спросила она, и на её лице возникла эта неуместная для Сциллы доброта. Лёгкая улыбка разбила её бескровные губы, а на щеках от невыносимого холода расцвели алые розы.

— Из Сердцевины, — ответил Никто.

— Но работаете не здесь. — Прозвучало как утверждение, хотя, разумеется, она не могла знать в лицо всех рабочих. — Куда ехали? — удивилась она.

— Были дела на Краю. — Сухо сказал он.

— Работаете там?

— Я на пенсии.

В её взгляде сверкнуло сомнение, брови насупились, а веки опустились, чуть спрятав моря глаз. Тут Никто заметил ещё одну деталь. На щеках и горле прятались буроватые пятна, кажется, покрашенные косметикой, может, пудрой, он не знал. Она была больна. Теперь он рассмотрел и испарины на лбу. Все признаки зимней лихорадки. Он слышал об эпидемии, её называли вторым концом света. Он также знал, что эта болезнь заразна, но только на последней стадии, когда человек уже не может двигаться. Тем не менее заболевших госпитализировали сразу, отправляя в больничные палаты, до отказа заполненные такими же больными. Лекарства от неё не было, их просто отрезали от остального населения, оставляя умирать вдали от дома и родных. Как же ей удалось скрывать признаки так долго? Как она умудрилась бороться с приступами слабости, головокружением, кашлем, с высокой температурой? Неужели никто не заметил этого?

— Вы не выглядите стариком. — Улыбнулась она. Синие глаза заблестели.

— А вы не выглядите работоспособной сейчас. Вы больны. — Достаточно прямолинейно ответил Никто. Может, это поможет отвадить её от расспросов.

Лисса, кажется, успокоилась в его руках. Нести её становилось сложнее, они двигались в гору по очищенной от снега дороге, что вела к головному цеху. Нога начинала ныть.

— Пожалуйста! — прошептала она одновременно с тем, как искры счастья в её глазах сменились ужасом. — Не говорите никому! У меня дети, я должна спасти их! Как только накоплю достаточно денег мы уедем из Сциллы.

— В Харибде вам немногим лучше будет, — возразил Никто. — Через неделю вы станете опасной даже для своих детей!

— Нет! — возразила она. — Мы поедem не в Харибду, а дальше, в отменённые земли. Говорят, что Сопротивление выкупило часть билетов на последний экспресс. Может, они запустят ещё составы...

Она знает что-то о Сопротивлении? Неужели, кто-то способен поверить в силу ядерной бомбы?

— Вы знаете, кто такой Алкид? — осмелился спросить Никто.

— Что? — женщина прищурилась. — Нет. Никто не знает. Он руководит Сопротивлением. Это всё.

— Понятно, — кивнул Никто.

— Вы обещаете никому не рассказывать? — взмолилась она снова.

Я и есть Никто. Тень.

— Да, — лениво согласился он. Кому вообще ему рассказывать? И зачем? Чтобы просто разрушить последние дни её жизни? Нет, он не так поступал.

Никто взглянул на Лиссу. Слава великим богам, её веки сомкнулись, и она уснула! Во всяком случае не ляпнет ничего лишнего.

Он высвободил правую руку, забросив свою ношу на плечо. Нашупал в кармане связку денег и протянул незнакомке.

— Здесь немного, но вам хватит, чтобы уехать раньше. «Восточный Вестник», кажется, отправится через сутки. Другого поезда может и не быть. Уезжайте.

— Что вы... Нет, я не могу принять...

— Берите. Я серьёзно, — сказал Никто холодно. — Вам они нужнее.

— Спасибо! Спасибо вам огромное! — запричитала женщина, глядя на свёрток как на чудо. — Я буду молиться за вас.

— Нет, не надо, — качнул он головой. — Я не стою молитв.

— Тогда никто не стоит, раз вы так говорите.

— Я и есть Никто, — ответил он.

— Нет, вы ошибаетесь, — она покачала головой. — Вы хороший человек, я вижу. Нельзя терять веру. Нельзя забывать о том, кто ты.

Ты ничего не знаешь, бедняжка, — подумал Никто. — *Поставив лишь одну свечу за меня, ты рискуешь назвать на себя гнев сотни душ.*

— Удачи вам. И вашим детям, — ответил он. Дорога раздваивалась. Одна её полоса тянулась ко входу на завод, вторая ускользала в полусонные закоулки старых домов.

Он понёс Лиссу дальше, по чёрному гравию дороги. Женщина, постояв с несколько секунд, напряжённо глядя вслед мужчине, вскоре пошла к заводу.

Никто слишком хорошо помнил эти кирпичные обшарпанные стены. Словно дома никогда и не были новыми, словно их специально построили такими шаткими и безнадёжно холодными. Сквозь заиндевелые окна, как сквозь открытые раны, гуляли сквозняки, и несчастные, приговорённые жить в них, старались изо всех сил защитить эти ножевые ранения, заклеить обрывками старых газет, заколотить как можно плотнее, чтобы удержать хрупкие крохи тепла, уготовленные для них местной котельной, явно экономящей свои ресурсы для тех, кто не мог платить налоги должным образом. В этой луже грязи ежедневно зарождалась новая жизнь. Местные не походили на большинство тех, кто жил на Краю, они старались сохранить осколки благородства, не принимая испорченную и извращённую сторону Сциллы, однако постоянная нужда безнадёжно отталкивала их к далёким доисторическим временам, когда женщины рожали от пяти до семи детей с надеждой на то, что хоть один

или двое из них сумеют дожить до двадцати и завести свою семью. Оборванные, вечно голодные дети носились стайками мальков по этой прибрежной луже. Они, в отличие от взрослых, хоть и успели уже вкусить бедности, отчаянно отказывались прогнуться под ней. В их юных сердцах ещё горело столько жизни и нерастроченной энергии, они играли в снежки, когда Никто со спящей Лиссой на руках шагнул внутрь этой суеты, смеха и тепла. Они словно издевались над концом света, превращая вечную зиму, катаклизм, с которым столкнулось человечество, в простую детскую игру.

Никто недовольно надулся, когда ребята заметили его. «Почему они узнают меня в отличие от остальных? Когда-то это может сыграть плохую шутку...»

— Привет, Никто! — заголосили дети, подбегая к нему. — А куда ты несёшь сумасшедшую Лиссу?

Он и сам не успел понять, когда десяток голодных блестящих глаз уставился на него, мигом забросив свои забавы.

— Привет, — отозвался Никто, постаравшись изобразить улыбку на своём каменном лице. — Вы знаете, где она живёт? Дома кто-то есть?

— Нет, за ней тётка следит, она, должно быть, работает сейчас, ночью. — Оттараторил парень лет десяти с огромными голубыми глазами, под которыми прятались фиолетовые синяки. — Наверное, утром вернётся.

— Спасибо, Лаэртес... Она уснула, вот только боюсь, не замёрзнет ли совсем, — сказал Никто. — Отнесу её пока к себе, постараюсь согреть.

Парень прищурился, его явно не устраивал такой поворот событий. «А может, догадался о чём-то...»

— Мы не видели тебя? — с сомнением спросил Лаэртес, предчувствуя вкус взятки.

— Как всегда, — очень серьёзно ответил Никто, прогнав чуждую ему улыбку. — Кто я? — спросил он, быстро обежав глазами остальных ребят, словно проверяя, может ли он всё ещё рассчитывать на них.

— Никто! — отозвался хор птенцов единодушно.

— Отлично, — кивнул человек. Он прекрасно понимал, что его отношения с мальчишками слишком рискованные, детям нельзя верить тайны. Только укрыться от их вездесущих глаз он не мог. Они были повсюду в Шумах и слышали слишком много даже в часы, когда генераторы работали в полную силу. Куда лучше подкупать их регулярно, нежели пытаться скрываться от них. — Поищи в кармане, — сказал он Лаэртесу.

Мальчик неуверенно приблизился к мужчине. *Да он ведь боится меня!* — понял вдруг Никто. *И не понимает, какую опасность сам представляет для меня, как я боюсь его — того, что он может сделать, может погубить меня.* Лаэртес нерешительно потянулся рукой к чёрной пропасти в пальто мужчины. Остальные, затаив дыхание, смотрели на него. Должно быть, ни один из них не осмелился бы совершить нечто подобное, влезть рукой в карман человека, полного тайн. Только Лаэртес был старше остальных, он был их лидером, а лидеры никогда не боятся.

С секунду Никто ощущал присутствие чужой руки в его кармане, и, ему пришлось отдать должное парню, тот действовал уверенно. Сначала изъяс алое яблоко, вопросительно взглянул на человека с женщиной на руках, тот кивнул ему, дал знак продолжать поиски. Лаэртес вернулся в карман и вынул свёрток, полный шоколадных конфет.

— Пусть твоя рука никогда не дрожит и впредь, — шепнул Никто мальчику так, чтобы остальные не слышали. — Когда-нибудь это может спасти тебе жизнь.

Лаэртес в последний раз взглянул в лицо страшному человеку и коротко покивал с очень серьёзным видом. Затем шагнул назад к остальной гурьбе, демонстрируя всем подношение. Мальчишки встретили его радостными возгласами.

— Последнее, — крикнул Никто так, чтобы все слышали его. — Кого вы видели?

— Никого! — отозвались дети дружным хором. — Спасибо! — загудели они затем наперебой.

— Теперь прочь отсюда, — скомандовал он им, и стайка рыбок бросилась делить добычу.

Лаэртес задержался на секунду. Кажется, конфеты уже вырвали из его рук, он стоял с яблоком и оглядывался вслед Никому.

— Она больна, её тётка говорила уже. Не лихорадка, но всё равно. Поэтому... просто, чтобы вы знали...

— Я понял. Ты всё сделаешь правильно, Лаэртес? — спросил Никто очень серьёзно. Пусть парень знает, что нет здесь места шуткам. — Скажешь, что нужно.

— Да, — уверенно ответил мальчик. — Вы можете не бояться... Они тоже ничего не скажут.

— Я верю, — пришлось опять насладиться улыбкой на губы, чтобы не пугать парня окончательно. Лаэртес всегда нравился Никому. Такие не несут чепухи даже в детстве, не болтают без дела. — Беги к остальным.

Тот кивнул, бросив очередное «спасибо» на прощание и, надкусив сочное яблоко, побежал догонять друзей.

Никто шёл по заметно опустевшей улице к последнему дому. В трёхэтажном строении не жили уже много лет, крыша обвалилась в половине здания, стёкла из оконных рам были выбиты. Никто вошёл внутрь, предварительно оглядевшись по сторонам, убедившись, что рядом нет ни души. Лисса слегка зашевелилась в его руках, приоткрыла глаза, устремила эти безумные проруби на человека.

— Это куда ты меня привёл? — спросила она сонно.

— Тихо, Лисса, — ласково произнёс человек. — Я живу здесь, мы с тобой немного отдохнём вместе, а потом я верну тебя домой.

— А я не хочу! У меня дела есть, есть работа, ещё мне за ребёнком смотреть! Ну! Отпусти меня! Сейчас же! — она завертелась в его стальных руках. Удерживать её становилось сложнее, Никто устал нести её, нога тоже начинала болеть.

— Не кричи, Лисса, всё будет хорошо, — проговорил он, теряя терпение.

— Отпусти меня! Я закричу, я позову мужа! Я-а...

И тут час тишины подошёл к концу. Заводы взвыли во все глотки, погрузив Шумы в безумную какофонию непрекращающегося гула. Крик Лиссы мигом потонул в них.

313 день после конца отчета

Ника отчётливо видела, как силы Эльпис подходят к концу. Они играли уже пятый концерт без перерыва, а впереди их ждало лишь больше и больше выступлений, которые добавлял им в программу Пигмалион. Она и сама уже не помнила, когда в последний раз высыпалась, не только из-за репетиций. На фоне общего напряжения у Ники развилась бессонница и она не понимала, как только держится Эльпис. В последние дни они не разговаривали по душам, по возвращению в номер Эльпис принимала душ и сразу ложилась спать. Ника пыталась сморить себя чтением нудного романтического романа, который недавно подвернулся ей на прилавке, но даже это средство не помогало. Каждую ночь у неё уходило не меньше трёх часов на то, чтобы всё-таки заснуть, но сон всё равно был нервным, горячим, заставлявшим её то и дело просыпаться. Две ночи назад в этом душном ночном бреду ей привиделась Эли с перерезанным горлом. Вырвавшись из лап кошмара, вся в холодном поту, она принялась ощупывать тело подруги рядом с собой, тем самым разбудив и её. Уснуть в ту ночь у обеих больше не получилось.

Вот примерша ругалась на неё сегодня:

— Твои мешки будут видны даже под слоем белил! Полуночничайте вместе, раз на то пошло, иначе я и второй такие синячищи подрисую!

Можно было лишь догадываться, как тяжело приходилось Эльпис в эти дни. Она упорно отказывалась поменяться с Никой, как всегда, брала всё самое тяжелое на себя. *И потом она ещё будет притворяться эгоисткой.* Ника всё также смотрела на свою любовь из-за кулис, скрытая от всего зала темнотой сцены. Лишь одна из них была удостоена софитов. Самая яркая в её жизни звезда, голос которой сладко пел:

*В царствии теней
На белых лепестках
Уснула мирным сном
Царевна.*

Эту песню написала сама Ника. Она была о смерти, спящей на асфоделевом лугу где-то в Аиде. Эту легенду передавали уже много лет из поколения в поколение. Не исключено, что и конец света начался из-за того, что смерть оставила свои дела, предоставив людей самим себе. Ника назвала песню «Гранатовые зёрна», с чем Эльпис всегда спорила. «При чём вообще тут зёрна? Песня же о безответной любви. Прекрасная девушка спит и грезит о своём герое, которого и вовсе не существует». Ника пыталась её убедить тем, что гранат — один из символов загробного мира, плод самой смерти, но Эли с ней не соглашалась, поэтому официально песня называлась «В плену сна».

*Что шепчет ей Морфей,
Всыпая в глаза прах?
Лишь только об одном
Способна грезить —
О том, кто когда-то,
Лишь о нём, без конца...
Горсть зёрен граната
Отделяют нас ото сна,*

Ото сна,

Ото сна,

От вечного сна...

Вдруг Ника почувствовала, как в её груди что-то оборвалось. Эли уже переходила к припеву, но её голос дрогнул. Только теперь она заметила, что лицо подруги залито потом, тушь размазалась по векам. *Она плачет!* Музыканты уже исполняли припев, но Эльпис опустила микрофон и склонила голову, пряча слёзы от зала. Руки потянулись к ушам, словно желая оградиться от чего-то. Ещё секунда и её ноги подкосились. Микрофон с треском и воем упал на пол. Ника забыла всё на свете и рванулась на сцену, но тут её локоть сжали стальной хваткой. В отчаянье Ника принялась вырываться, её мир сузился до Эли, лежавшей на сцене без сознания.

— Занавес! — раздался голос Леды, и плотная чёрная штора отрезала сцену от обеспокоенно перешёптывающейся публики. Музыка смолкла в тот же миг.

Ника добежала до Эльпис вперёд медиков и служащих сцены. К её облегчению, глаза подруги чуть приоткрылись.

— Что с тобой? Как ты? — запричитала девушка.

Эльпис не ответила. Её взгляд казался потерянным. Она тяжело дышала и не шевелилась.

— За кулисы, живо! — приказала Леда грозным шёпотом и двое работников подхватили тело солистки. Оно показалось Нике обмякшим, безвольным, словно неживым.

Она попыталась пойти за ними, но Леда накинулась, словно коршун, схватила за запястье и грубо уволокла со сцены в другом направлении.

— Я хочу пойти с ней! — выговорила Ника, как тут же получила острую пощёчину.

— Ты с ума сошла?! Чуть всё не угробила! Какого чёрта дёрнулась на сцену?

— Это вы сошли с ума! — набросилась на неё Ника. — Вы и Пигмалион с его дополнительными концертами! Пустите меня к ней, я должна...

Леда отвесила ей вторую затрещину.

— Ты должна сейчас выйти на сцену, сказать, что ты в порядке и продолжать петь. Ты здесь за этим, девочка. — Она тыкала Нике в грудь длинным как коготь пальцем, чуть изогнутый нос напоминал клюв хищной птицы.

Гнев переполнял сердце Ники. Она чувствовала, как ладонь наливается силой, превращаясь в медвежью лапу, больше всего она хотела ударить в ответ, а потом броситься к Эльпис.

Когда она была почти готова это сделать, Леда чуть смягчилась, выдохнула, опустила руку, голос слегка потеплел:

— Там полторы тысячи человек в зале. Они заплатили деньги за концерт своей любимой певицы. Выйди и спой для них. Об Эльпис позаботятся врачи, ты там всё равно ничем не поможешь, но сделаешь пользу для всех нас, если её заменишь. Ей это сейчас тоже нужно от тебя.

Ника глубоко вздохнула. Ничто так не прочищает голову, как воздух.

— Хорошо. — Сдалась она.

— Давай на сцену, живо. — Больше эта женщина не собиралась с ней нянчиться. Если она и была способна на мягкость, то эти проявления длились не дольше вспышки молнии. — Всем приготовиться. Играйте с того же места, — раздавала она распоряжения музыкантам и работникам сцены. — Всё, Эльпиника наготове. Проигрыш перед припевом. Начали!

Занавес!

Музыка почти утонула в аплодисментах. Сколько прошло с момента падения Эли? Минута? Пять? Ника потерялась во времени. Что ж, она наверняка выглядела достаточно растерянной и взъерошенной, чтобы публика поверила в то, что Эльпиника только что потеряла сознание. Но как истинный артист продолжила выступать и провела отличный концерт. Может, они простят и голос Ники, который хоть и был похож на пение Эльпис, всё-таки не дотягивал до такой величины.

Руки дрожали, так что микрофон чуть заметно трясся. С первых рядов наверняка могли это заметить. Она натянула на лицо улыбку. Зал сочувствовал ей.

Ей.

Нам.

Они переживали за свою музу, были рады видеть, что та в порядке. Это тронуло Нику даже сейчас.

Хоть они и не знают, в порядке ли она. И я тоже не знаю.

Она собрала всю волю и запела припев:

Однажды ты оживёшь,

Хотя бы на половину

Однажды ты изорвёшь

Терновник и паутину.

Ты разобьёшь

Все выходы и все входы,

Будешь кружиться

До восхода

Нового дня.

Музыка постепенно наполняла её, стирая волнение и дрожь. Мысли всё ещё витали где-то далеко, за сценой, рядом с её любовью, но песня вытесняла и их. Чувства и переживания перерастали в слова и голос, отдавали им свою инерцию. Творчество всегда работало именно так. Истинный шедевр мог родиться только из страданий и боли, гениальное исполнение песни могло получиться, только путем перенесения мук на себя. Возможно, Ника ещё никогда не пела так превосходно, как этим вечером.

Царевне нужен герой,

Что сам шагнёт за край

И зарядит ружьё

Гранатом.

Разгонит чудищ рой,

И сотни хищных стай,

Чтоб пробудить её

Из мрака.

Зал аплодировал и подпевал ей. Она видела, как в толпе вспыхивают огоньки спичек и зажигалок. Это тронуло сердце Ники: *Это для тебя, Эли, они показывают тебе путь из мрака ночи. Пожалуйста, найди его.* Часть Ники, которая не до конца сдалась приливу вдохновения всё ещё переживала, но уже стала более подконтрольной, как будто отчуждённой от происходящего, не способной повлиять на реальность. Что случилось с Эли? Обморок? Кажется, она ничего не ела вчера вечером, а возможно, что и сегодня перед концертом. Если бы только обморок от переутомления и ничего действительно серьёзного.

Мать Ники умерла пару лет назад от оторвавшегося тромба. Быстрая и внезапная смерть. С тех пор Ника ни разу не посетила её могилу. Они были в ссоре и не общались в последние годы жизни матери. Кирие Паллада, как она всегда требовала себя называть, отличалась очень сварливым нравом, не удивительно, что отец оставил их, когда Нике было десять лет. Мать очень негативно восприняла решение дочери «распевать глупые песенки со сцены», она любила музыку, но исключительно оркестровую, другой для неё не существовало в принципе. Ещё она не любила Эльпис, считая, что та плохо влияет на её дочь, а когда во время одной из ссор, Ника заявила, что они состоят в отношениях, Кирие Паллада признала, что дочери у неё больше нет. Ника переживала тогда, но не сильно. За своё детство она слишком устала от гнёта материнского авторитета, поэтому с головой окунулась в работу, творчество и Эльпис.

*Но кому же под силу
Оживить вновь её?
Чтоб она пробудилась —
Не поможет никто...
Никогда
И никто
Не поможет никто.*

Финальный припев зал полностью пропел вместе с ней. Ника стала чуть увереннее на сцене, она танцевала, стараясь почувствовать себя Эльпис и двигаться в точности, как та, повторяя её плавные божественные движения. На последних строчках, когда музыка пошла на спад, она подошла к краю сцены и взглянула в зрительный зал. Обычно она старалась этого не делать, её слишком пугали люди и их пристальные взоры, устремлённые на неё. Но только не в этот вечер. Если Эльпис не боялась смотреть своей публике в глаза, то и она не испугается. Она пропела им:

*...будешь кружиться
До восхода
Нового дня.*

Зал рукоплескал. Она видела их лица. Это действительно были люди, каждый со своей судьбой и историей. И они все не пожалели денег в эти тяжёлые времена на заре конца света, они пришли сегодня сюда, чтобы ненадолго забыть о проблемах. Музыка — это терапия. Когда бы не начался закат мира, музыка всё равно должна играть. Иначе зачем вообще жить, если кругом слышны только вопли ужаса?

— Спасибо за вашу поддержку, — сказала Ника. — Со мной всё уже хорошо, мы продолжаем этот вечер.

Она сыграла весь оставшийся концерт до конца. Исполнила ещё шесть песен Эльпиники. Волнение накатывало всякий раз в перерывах между композициями. Взглядом она всякий раз пыталась поймать Леду за кулисами, но та ни жестом, ни взглядом так и не дала понять, что с Эли всё в порядке. Это порождало новую бурю тревог. Ведь если той плохо, Леда точно не даст ей об этом знать до конца концерта. Но Ника же видела лицо Эли, открытые глаза. Кажется, она очнулась. Или ей показалось? Почему тогда Эли ничего ей не сказала? С другой стороны, молчание было привычной реакцией Эльпис на стресс. Она не относилась к той породе людей, что любят делиться своими проблемами с другими, даже с самыми близкими. Если ей было плохо, она просто молчала, в лучшем случае, отмахивалась одной-двумя фразами.

Ника точно знала, что должна отыграть концерт хорошо. В одном Леда была права, Эльпис это тоже было нужно. Они ведь сами придумали всю историю с Эльпиникой, решили, что будут меняться в случае чего. И вот этот случай действительно настал. Но сердцем Ника чувствовала, что должна сделать ради Эли больше. Идея пришла в голову в самом конце концерта. Ника даже не успела её как следует обдумать, она просто сразу поняла, что это будет единственно правильным решением.

И никакого «биса» сегодня, Леда. Пусть Пигмалион идёт к чёрту.

После последнего номера Ника махнула рукой служащим, чтобы оставили занавес. Она подошла к краю сцены и взглянула на зал, уже освещённым потолочными люстрами. Люди аплодировали ей стоя.

— Спасибо вам за замечательный вечер и вашу любовь. Ради неё мы все и стараемся, создавая нашу музыку, — Ника указала рукой на музыкантов у себя за спиной, чтобы публика могла почтить и их овациями. — Я понимаю, как сильно вы любите нашу команду и ждёте новых концертов. Однако, в последнее время их было очень много. — Зал погрузился в тишину, поглощая каждое её слово. Ника не могла этого видеть, но почувствовала спиной пристальный и испепеляющий её взгляд Леды. — И как вы могли заметить по сегодняшнему вечеру, иногда у наших сил бывает предел. К глубокому сожалению, я вынуждена объявить, что Эльпиника берёт небольшой перерыв. — В зале поднялся ропот. — Все заявленные концерты будут отменены. Разумеется, вы сможете получить свои деньги назад в кассах концертных залов. Мне действительно нужно немного восстановить здоровье, и мы с вами обязательно встретимся в следующем сезоне всего через несколько месяцев. Я очень надеюсь на вашу поддержку и понимание. Спасибо вам. — С этими словами Ника поклонилась и устремилась со сцены. В спину ей раздавались ободряющие крики и аплодисменты, но уже далеко не такие бурные, как прежде. Настроение у публики заметно увяло.

Настоящие фанаты точно смогут это принять, — решила она уверенно. — *А с «Оморфией» я справлюсь.* Теперь она точно знала, что выстоит любой ураган Леды, выдержит десяток её пощечин. Сможет противостоять даже самому Пигмалиону. Если речь шла о здоровье Эльпис, она готова была выдержать всё.

К её удивлению, организаторша не набросилась на неё, напротив, она не проронила ни звука. Просто стояла и таким взглядом смотрела на Нику, словно с той давно уже всё кончено. Девушка не собиралась с ней припираться теперь.

— Где она? — это было единственное, что буравило мозг Ники.

Леда молча указала ей на гримерку раскрытой рукой. Видимо, серьёзный разговор состоится позже. Ника бросилась бежать по коридору, расталкивая суетящихся рабочих закулисья. Наконец, она распахнула дверь.

Пигмалион уже был здесь. Сидел на табуретке возле кушетки, держа Эльпис за руку. Та лежала неподвижно, глаза чуть приоткрыты. Не пошевелилась, никак не отреагировала на появление Ники.

— Что с ней? — выкрикнула Ника, прерывая любые возможные реплики Пигмалиона.

— Врач осмотрел её. Давление очень низкое, потеряла сознание. Но почему-то не разговаривает. В остальном всё хорошо. Просто утомилась.

Ника сдержалась от того, чтобы наброситься на Пигмалиона и обвинить его в переутомлении Эли. Она села на край кушетки и постаралась заглянуть в глаза подруги. Её глубокие синие озёра, в которых плескались серебристые рыбки. Ответа в них не было,

зрачки упрямо смотрели в пустоту, а сама Эли, кажется — в бездну космоса. Ника дотронулась до её щеки, погладила бархатную кожу под слоем грима. Затылком она чувствовала, как внимательно Пигмалион следил за ней, но она слишком много вытерпела за вечер, чтобы придавать этому значение.

— Эли? Слышишь меня? Эли? — зашептала Ника. Ей показалось, что зрачки девушки чуть дрогнули, когда она назвала её имя. Слезы в уголках глаз подёрнулись и заскользили по щекам крошечными ручейками.

— Пускай отдохнёт одна, — сказал Пигмалион, отпустив руку Эльпис и поднялся с табуретки. — Пойдём поговорим с тобой о том, что ты наговорила на сцене.

Он всё слышал. Конечно слышал, гримерка находилась совсем близко от зала. Ника готова была выдержать любой натиск.

Леда ждала их сразу за дверью. Эти двое не обменялись ни единым словом, но Нике показалось, что они оба точно знают, что хотят сказать ей сейчас. Словно они могли читать мысли друг друга.

Они зашли в один из небольших офисов. Пигмалион занял место за столом, пригласив Нику жестом сесть в кресло напротив. Леда осталась стоять возле владельца «Оморфии», словно проглотила штык.

— Ника, ты, как и Эльпис внимательно читала наш договор? — спросил Пигмалион совершенно спокойным голосом.

— Да, кириос. — девушка из всех сил боролась с желанием высказать всё, что думала. К счастью для неё, она умела держать себя в рамках. Привычка, воспитанная матерью.

— Я не припомню там строчки о том, что ты имеешь право выдвигать какие-либо заявления от лица компании. — Пигмалион сохранял на удивление ровный тон, но Ника про себя отсчитывала секунды до того момента, когда бомба взорвётся. — Объясни, пожалуйста, в чём дело?

— Эльпис не справляется. Вы сами видели в каком она состоянии. Моя ответственность в том, чтобы заботиться о ней.

— Я тоже забочусь о ней. И о тебе. Об Эльпинике в целом, — темп речи Пигмалиона заметно ускорился. — И вашим успехом и благосостоянием, всем что вы имеете — вы обязаны мне. Ты думаешь, вы незаменимы? Леда, подскажите, мы можем обойтись без Эльпиники?

— Конечно, кириос, — ответила та механично.

— А знаешь, что ещё мы можем сделать? — Пигмалион треснул кулаком по столу и указал пальцем на Нику. — Засудить вас двоих и сдернуть с вас три шкуры за концерты, которые ты отменила! — От переходил на крик. — А ещё мы можем отобрать у вас права на все ваши песни, потому что по закону бренд Эльпиники принадлежит нам! И до самого конца света, если тот случится, вы будете выступать в борделе, прося подачки!

Ника держалась изо всех сил, старалась пропускать все нападки мимо себя.

— Звёзды зажигаются и гаснут, Ники, деньги остаются. — Заявил Пигмалион чуть спокойнее и ровнее. — Завтра Эльпис выступит в эфире на радио и объявит, что концерты состояться. Придумаем какую-нибудь легенду, пока не поздно и будем успокаивать людей до тех пор, пока они не ломанули требовать деньги назад. Ты меня услышала?

— Да, кириос.

— До свидания.

Ника вернулась в гримёрку Эльпис и была удивлена обнаружить ту сидящей за

туалетным столиком.

— Эли, как ты? — спросила Ника. Она прошла вглубь помещения и поймала себя на мысли, что помимо цветов слышит в воздухе и смрадный запах гнили. Наверное, часть букетов уже давно пора выбросить.

Лицо в отражении было отсутствующим. И всё же она смыла с себя грим. Совсем как ребёнок, который притворяется спящим только в присутствии взрослых.

Ника взяла её за руку и прижала к своей щеке.

— Ты поговоришь хотя бы со мной? Я правда переживала, Эли!

— Я хочу домой, — обронила Эльпис небрежно.

Дом... какое хорошее слово, жаль, что у нас его нет.

— Поехали. Я попрошу водителя...

— Нет. — Прервала она. — Не на машине.

Через час они добрались до канатной дороги и сели в один из вагончиков. Вечер был поздним, контролёр торопил их садиться побыстрее:

— Закрывается! Я уж думал всё, но езжайте-езжайте!

Внутри кабины было, пожалуй, ещё холоднее, чем снаружи. Железные стенки покрывала едва заметная корка льда. Они уселись на одной стороне, Эльпис прикинула головой к плечу Ники и девушки смотрели в заиндевелое окно на скованные льдом воды реки Итаки.

— Мне жаль, Эли, — Ника поцеловала её в макушку. — Я пыталась их остановить.

— Угу, — равнодушно выдавила Эльпис. Казалось, что даже попытка заговорить причиняла ей мучения.

— Ты ведь не злишься на меня? — Ника решилась задать вопрос, который мучал её всё время до того, как они сели в вагончик.

Эльпис не ответила. Вместо этого стянула с Ники перчатку и сцепила их пальцы вместе. Этого Нике было даже более чем достаточно. Просто смотрела на реку, держа свою девушку за руку.

В середине реки лёд был не таким толстым, и бурное течение умудрялось дробить его. Эти отколотые льдины натыкались друг на друга и топорщились словно клыки страшного чудовища, а между их острых краёв неслась неугомонная Итака. Её чёрные воды были едва различимы в такой темноте, но снег на льду белел, очерчивая ровные контуры. *Словно разбитое зеркало,* — думала Ника.

Уважая желание Эльпис молчать, она больше не заговаривала с ней первой. Когда они спустились с канатной дороги, та сама подала голос:

— Сначала в магазин зайдём.

Ника шла следом за ней по ночным улицам. Что удивительно, даже находясь на эмоциональном пределе своих возможностей, Эли выглядела невероятно красивой. Пышные светлые локоны выбивались из-под капюшона, и в них отражались отблеском неоновые вывески прилавков. Улица была вымазана в них, со всех сторон на девушек сыпались призывы купить что-нибудь прямо сейчас, хотя половина магазинов уже закрылась. Они проходили мимо ларьков с гирсом, откуда исходил сладчайший запах жареного мяса, когда Ника вспомнила, что они обе не ели уже очень давно. Даже думала окрикнуть Эли, но ту было не остановить. Она быстро шагала по улице, чеканя каблуками по асфальту ритм Харибды, и белый шарф, перекинутый вокруг шеи, развивался на ветру. Она проигнорировала двух мужчин сомнительной наружности, которые с задумчивым видом

курили возле магазина и присвистнули, завидев Эльпис. Певица взбежала по ступенькам в желтое пятно магазина. Ника последовала за ней.

— Закрываемся! — предупредил старый скорченный продавец.

— Мы быстро, — пообещала Ника.

Эльпис действительно не собиралась тянуть время. Она точно знала, зачем сюда пришла. Когда Ника прошла сквозь ряды несвежих овощей и морозильники с прошлогодними куриными голеньями до соседнего зала, Эльпис уже возвращалась на кассу. В каждой руке она держала по две бутылки красного вина.

— Ещё пачку «Касетины», — добавила Эльпис, выложив деньги на прилавок.

Ника не стала комментировать её выбор. Эльпис сама прекрасно понимала, что курить ей нельзя, иначе посадит голос. Но порой соблазн оказывался выше и брал над ней верх, особенно когда она находилась в состоянии стресса, как сейчас.

Старик-продавец долго перебирал в смуглых сморщенных руках деньги, которые высыпала Эльпис. Та не выдержала:

— Сдачу не надо. — Схватила бутылки и ломанула на выход.

— Эли, подожди! — Окрикнула её Ника, бросившись вслед.

На улице Эльпис вновь встретили оценивающие смешки.

— Пошли на хер! — Крикнула она им, и, не останавливаясь, поспешила к гостинице с четырьмя бутылками в руках.

— Эли, подожди! — Ника едва догнала её. Хотела забрать одну из бутылок, уже схватилась за горлышко, но бутылка выскользнула из их рук и разбилась об асфальт. Алые брызги расплескались вокруг, забрызгав ноги девушек, несколько капель попало на белый полушубок Эльпис. — Прости... — выдавила Ника.

Взгляд Эли опять стал таким же заворожённым, как когда она смотрела на разбивающуюся об стену вазу. Брызги вина на снегу, бордовые, почти кровавые пятна, тёмно-зелёное стекло — крупные осколки вперемешку с совсем мелкими. Картина, сотворённая безумным художником.

— Ничего. Это красиво, — оценила Эльпис. — Трёх достаточно. Пойдём.

Когда они добрались до двадцатого этажа «Резиденции», время перевалило за полночь. Эльпис вальяжно сбросила с себя верхнюю одежду и завалилась на диван. Из ящика на журнальном столике она достала штопор и откупорила первую бутылку.

Ника сходила на кухню, принесла один бокал и поставила его на столик. Эльпис перевела вопросительный взгляд с бокала на неё.

— Я не буду, если что, — пояснила Ника. Голова и так болела, ей ужасно хотелось спать, пусть она и знала, что не сомкнёт глаз.

Эльпис проигнорировала её слова, налила половину бокала, стукнула о него краешком бутылки, издав тонкий стеклянный звук и жадно глотнула из горлышка. Ника глубоко вздохнула и взяла бокал, лишь слегка пригубив вино. Вкус у него был паршивым. В свои винные ночи Эльпис всегда выбирала самое дешёвое пойло.

И всё-таки, не смотря на усталость и весь этот мерзкий день, они были вместе. И пили вместе. Молча и опустошённо. И Ника могла долго рассматривать Эли, то, как постепенно её синие глаза застилает туман, как багровеют губы и наливается кровью лицо. Они не разговаривали, но при этом между ними всё равно происходил диалог. Она считывала жесты Эли, то, как та отпивала из горла, то, как менялось её лицо с каждым новым залпом. Как в глазах зарождались слёзы. Как она плакала и рыдала, утирая лицо руками. Курила, прямо в

люксе «Резиденции», сбрасывая окурки в первую опустевшую бутылку. И всё это происходило в абсолютной тишине, и не было ничего более правильного, чем этот вечер.

Напряжение, исходящее от Эльпис, постепенно нарастало, заполняя всю комнату вместе с винными парами и дымом. Последние полчаса она плакала без всхлипов и рыданий, слёзы просто катились из опухших ярко-синих глаз. Ника почти физически ощущала на себе её боль.

— Эли, если ты захочешь поделиться, я выслушаю, — напомнила она на всякий случай.

Девушка медленно повернула голову на её голос. Даже в таком виде — вся зарёванная, опустошённая и бессильная, она оставалась невероятно красивой. Всем своим сердцем Ника любила её и хотела утешить в эту тяжёлую для них минуту, но не могла этого сделать до тех пор, пока Эли не позволит этого.

— Я не могу больше выступать, — сказала Эльпис. Последняя бутылка уже подходила к концу, да и пачка сигарет заметно опустела.

— Может, расскажешь? — предложила Ника.

Эльпис опять отпила.

— Я слышу шум. Он похож на дребезг. Или скрежет. Придумаешь из этого песню?

— Ты говорила про шум на сцене. Это о нём? — Ника и сама заметно опьянела, слова тяжело давались ей.

— Нет, уже не на сцене. Я слышу его всегда. Всегда, понимаешь? Раньше он был тихим и пропадал надолго. А теперь вообще всегда. Ники, я не могу больше, — она опять заплакала, потянулась к ней, и Ника приняла её в свои объятия.

— Тише, тише, — успокаивала её Ника. — Тебе просто надо отдохнуть... надо... нам всем. Я пыталась сегодня, Эли. Ты же слышала? Я пыталась как могла... — вся боль за любимую вылилась из сердца. Ника не могла больше с собой справиться и тоже разрыдалась.

— Но он не позволил, так? — Она оторвала голову от её груди. — Что он хочет? Чтобы я выступила с опровержением?

Ника покивала.

— Но я не могу. Не могу выступать больше... О-о-о, Ника! — Эльпис резко села, зажав уши руками. — Это невыносимо! Не говори только, что музыка в Океании звучит именно так!

— Тебе нужно поспать, Эли, пойдём...

После долгих уговоров, Эльпис, наконец, удалось затащить в кровать. Она уснула прямо в одежде. Ника заведомо готовилась к очередной бессонной ночи, но, к своему удивлению, вырубилась без памяти и не просыпалась до самого утра.

Ей снилась далёкая жемчужная страна, а ещё нежные переливы арфы.

517 день после конца отчёта

В проёме купе стояли двое незнакомцев. Одной из них была невысокого роста бледная рыжеволосая девушка, на вид ей можно было дать лет тридцать. Второй — парень, пожалуй, ещё моложе — не старше двадцати пяти. Внешне он казался привлекательным, но что-то в его внешности сразу показалось Вестании странным. То ли острые, лисьи черты лица, обрамлённого золотистыми волосами, то ли эти узкие голубые глаза. Его лицо как будто выделялось, выглядело слишком непохожим на другие лица.

— Здравствуйте, кто вы? — сумела выдать из себя Вестания, мигом засуетившись и подскочив с места. Ей стало неловко от того, что её застали врасплох, пока она наблюдала за спиралью.

— Не против, если я прикрою дверь? — спросила девушка, не представившись. Голос её был мягким и располагающим к себе. Кажется, у неё была манера заигрывать с детьми, добавляя весёлых ноток в интонацию. — Вы едете одни? — Не дождавшись разрешения, она задвинула дверь и щёлкнула замочком.

Холодок пробежал по спине Вестании, она осознала, что они в одночасье оказались заперты в купе с двумя незнакомцами.

— Заглуши немного радио, — распорядилась рыжеволосая, и парень, словно заранее предугадав её просьбу, прошёл по купе и дотянулся до приёмника, висевшего почти под самым потолком над столиком. В мгновение ока он извлёк из кармана отвёртку и принялся колдовать с устройством.

— Но оно не играло, — смутилась Тереня.

— Поезд напичкан жучками, — чуть слышным шёпотом объяснила девушка. — Нам это ни к чему.

Через несколько минут парень-блондин показал ей оттопыренный большой палец и отошёл от стола, оставшись стоять возле входа. Девушка же села на свободное место, где раньше спала Ариадна.

— Девочки, с вами едет мама? Мы должны поговорить и с ней. — Продолжила рыжая с непринуждённым видом.

— Вы не ответили кто вы, и что вы делаете в нашем купе, — напористо заявила Вестания, пытаясь совладать со страхом.

— Не кипятись, девочка. — Рыжеволосая понизила голос до шёпота. — Здесь никто вам не желает зла. Меня зовут Веспер, это Фрикс. Мы из армии Сопротивления, но вы ни в коем случае не должны произносить эти имена вслух если рядом есть незнакомцы. Это очень серьёзно и может быть опасным для вас.

Сопротивление! Вестания почувствовала, как холодеют пальцы рук. Во что они вязывались?

— Я Тереня, а это Вестания, — встряла Тера в самый неподходящий момент. Кто её просил открывать рот?

— Очень красивые имена, очень необычные, — улыбнулась ей Веспер.

— Что вам надо от нас? Мы не имеем никакого отношения к Сопротивлению, — затараторила испуганная Вестания.

— Вообще-то, имеете. Ты не сказала, где ваша мать. — Настаивала Веспер.

— Она не поехала с нами, — ответила Теренея. — Билетов было всего два...

В голосе сестры вздрогнули ещё не до конца унявшиеся слёзы. Вестании тоже стало горько от недавнего воспоминания.

— О, малышка... Мне жаль, — Веспер произнесла это с неподдельным теплом в голосе. Эмоции на лице тоже казались искренними. — Фрикс, ты помнишь её? Она ничего не сказала про третий билет для себя. Если бы знали, может что-то придумали для неё.

Вестания немало удивилась этому комментарию.

— Вы знали маму? Это вы продали ей билеты? Объясните!

— «Восточный Вестник» — это премиум-поезд, и последняя надежда покинуть Сциллу. — Принялась объяснять Веспер. Фрикс, не проронил ни слова, просто стоял рядом и молча слушал их разговор. — Разумеется, билеты на него стоили баснословных денег. Сопротивление своими силами смогло выкупить некий процент билетов, чтобы продавать их по меньшей цене среди тех, кто вызовется вступить в наши ряды добровольцем. Мы с Фриксом специально прибыли в Сциллу для этого задания, для вербовки. Сейчас мы проводим учёт войска в наших рядах. У вашей матери не хватало талантов на покупку даже двух билетов, но мы согласились, потому что она была в отчаянье, и говорила, что пойдёт на всё ради Сопротивления. Не хочу оскорбить её, но в военные времена, как сейчас, эти слова для нас весят много. Если бы только она сказала, что ей нужно три билета... ох, как жалко получилось, девочки. — Сокрушалась Веспер.

У Вестании в голове не укладывалось всё то, что рассказала им девушка. Неужели для Алкионы так важно было вывезти их из Сциллы, что она пошла на сделку с Сопротивлением? Пообещала им что угодно, любую помощь... Вестании начинало казаться, что она совершенно не знает их собственную мать.

— Послушайте... — заговорила Вестания, — я совершенно не понимаю, чего вы хотите теперь от нас. Я не могу отвечать за слова нашей мамы. Она нам ничего этого не рассказала.

— Я же уже сказала. Мы с Фриксом вербуем людей. Я предлагаю вам тоже вступить в Сопротивление.

— Это абсурд! — Возмутилась Вестания. — Вы, может, не заметили, но... мы дети Теренея всего двенадцать...

— Ой, детка. — Вздохнула Веспер. — Военные времена требуют взрослых людей. Мне тоже было двенадцать, когда я оказалась одна на улице и стала учиться выживать. В шестнадцать Фрикс уже был шпионом, а в восемнадцать — правой рукой лидера Сопротивления.

— Но мы не такие, как вы. — Сказала ей Вестания. — Я не умею ни пользоваться оружием, ни шпионить за кем-то.

— Вестания, — лёгкая улыбка тронула губы Веспер. — Мы не плохие люди, чтобы отсылать двух девочек на бой. Но Сопротивление существует только за счёт людей. И есть очень много работы, которая была бы посильной вам двоим. Это могут быть даже такие простые вещи, как готовка и уборка. Вы едете в Термину. Ты уже придумала, куда вы пойдёте там? У вас есть дом, друзья? Сопротивление может позаботиться о вас.

— Послушайте, — прервала её Вестания жестом. — У нас с сестрой совершенно другие планы и мы, правда, не подходим на эту роль. Мне жаль, что мама пообещала вам что-то, что я не в состоянии дать. Спасибо, что продали ей билеты, но она взяла их ради нас, а сама не смогла поехать.

— Ладно, у нас ещё много дел. — Вздохнула Веспер, кажется решив ослабить

давление. — Запомните: если вы передумаете, или даже просто станет грустно и захотите поболтать, вы сможете найти нас с Фриksom в купе номер пять, вагон десять. Дверь обычно закрыта, стучите три раза. Вот так, — Костяшкой пальцев Веспер постучала по столику — два коротких раза и один протяжённый. — Запомнили?

— Да, Веспер, — ответила Тереня. — Мы придём, спасибо.

— Пока малыш. С нами тень Алкида! — Веспер кивнула Фриксу, тот отворил купе и двое молодых людей пошли дальше, видимо, в соседний вагон.

Убедившись, что их никто не слышит, Вестания не удержалась и вновь набросилась на Теренею:

— Тера! Кто тебя просил так отвечать!

— Что? — растерялась сестра. — Я ничего не...

Вестания постаралась собрать всё своё терпение, чтобы достучаться до Теренеи:

— Ты обещала, что мы зайдём к ним. Мы не станем к ним заходить. Ни в коем случае!

— Но почему?

— Тера, это опасные люди. Они действуют против правительства. Они... ну, террористы, понимаешь? У нас будут большие проблемы, если мы продолжим с ними общаться.

— Но ведь мама сама связалась с ними. Возможно, она бы хотела, чтобы они присмотрели за нами.

В словах Теренеи могла быть правда. Но почему тогда мама ничего не сказала? Не дала никаких инструкций. *А решения принимать предстоит только мне.* Вестании казалось, что скорее всего никакого чёткого плана у Алкионы не было, она просто хотела спасти их всеми правдами и неправдами. Даже если ради этого пришлось вступить в сговор с Соппротивлением. Это было похоже на маму. Хоть и в корне неправильно, и даже несправедливо по отношению к ним двоим.

— Мы можем пойти с Ариадной. — Предложила Вестания. — Она собирается ехать дальше на крайний север искать Океанию. Ты ведь тоже этого хочешь. Потому что Соппротивление нас туда не отпустит. Они захотят, чтобы мы работали на них.

— Я не доверяю Ариадне, — упорствовала Тереня. — Та, кто связывает детей не заслуживает доверия.

— Но зато запросто поверила двум бандитам, что заходили сюда, так? — разозлилась Вестания.

— Они, во всяком случае, никого не связывают, — побурчала Тереня с обидой. — Я общалась с ним, пока вы спали. С Асфоделем. Он... странный, но совсем не такой неуправляемый, чтобы так поступать. Мы даже пообщались с ним, правда он не говорил, но... в общем, мне показалось, он опасается Ариадну. Что-то с ней нечисто. Веста, пожалуйста, поверь мне!

В серых глазах Теры дрожали слёзы. Она была очень испугана и Вестания лишь сейчас смогла это осознать.

Вестании стало немного не по себе от слов сестры. В конце концов, из всех людей вокруг полностью доверять она могла только ей одной. Может, не стоило вечно так давить на неё, она ведь тоже сильно переживает из-за мамы, а Вестания так заиклилась на своих чувствах, что даже не могла её поддержать. Как ни крути, она была старшей, пусть ей это и не нравилось, пусть она не была готова к свалившейся ответственности, она теперь вела их двоих, и уж Тера точно никуда не пойдёт без неё. В Весте отозвались слова Веспер о том,

что военным временам требуются взрослые люди. Ей предстояло повзрослеть уже сейчас.

— Хорошо, — сдалась Вестания. — Я верю. Нужно как следует всё взвесить, прежде чем принимать решения. Но и ты должна пообещать, что будешь меня слушать и не совершать глупости без моего ведома.

— Обещаю, — кивнула заплаканная Тереня.

Продолжить разговор они не смогли, потому что в этот момент дверь купе опять открылась — внутрь вошли Ариадна с мальчиком.

— Девочки! Вы так и сидите целый день голодные, — запричитала Ариадна. — Сходите в вагон-ресторан, нужно обязательно поесть.

Вестания действительно ощутила, как голод отзывается в пустом животе. За всеми переживаниями она и думать забыла о еде.

— Если с деньгами не очень, я могу одолжить, — прошептала Ариадна, склонившись к Весте.

— Нет, всё в порядке. Мы, и правда, скоро пойдём туда. — Пообещала она. — Но сначала, можете рассказать об Океании? Вы говорили об антропосах и о какой-то легенде, но не рассказали, что это.

Ариадна опустила на свою полку, оставив Асфоделя на полу. Мальчик быстро нашёл себе место под столом и, бездвижный, замер там.

— Ох. Вы наверняка тоже её слышали. Это сказка об Орфее и Эвридике.

— Да, конечно! — обрадовалась Тереня. — Это двое детей, которые смогли попасть в Океанию, обманув саму Смерть.

— Верно, — сказала Ариадна. — История очень известная, её до сих пор издают в пересказе для детей, но, когда я была маленькой, её рассказывали немного иначе.

— Расскажите, — попросила Вестания.

— Орфей и Эвридика очень рано остались без родителей. Шёл сотый год самой первой войны с Гипербореей. Весь Эллас сочился от пролитой крови, и казалось, мир никогда больше не придёт на наши земли. Познав голод и лишения, отважный Орфей решил попытаться найти спасение в другом мире, так он отправился искать Океанию, взяв с собой свою младшую сестру Эвридику. Никто точно не знает: говорили, что дети на самом деле не родные друг другу, что братом и сестрой они стали, лишь потеряв своих родителей, и потянувшись друг к другу в желании обрести новую семью. Как бы то ни было, они отправились в этот путь вдвоём: пересекли тысячи лесов и гор, ступали по разрушенным и разорённым городам, укрываясь от вездесущих врагов. Единственная ценная вещь, что была у Орфея — это старинные часы, которые он снял с тела его покойного отца, но как бы голодно им не было, Орфей ни за что не продавал их, и берёт, как зеницу ока. А вот свою сестру он сберечь не смог. Сердце Эвридики не выдержало горя при виде повсеместного страдания, она долго угасала и умерла от безысходности и отчаянья. Орфей же не собирался мириться с её смертью. Убеждённый вернуть сестру, он сошёл добровольно в царство Смерти, чтобы её отыскать. Там, в мрачном Аиде, он бродил среди погибших и не упокоенных душ, и сам чуть было не стал таким же, как они. Лишь часы, доставшиеся ему от отца, помогли ему выбраться. Стрелка часов указала Орфею на Эвридику и он смог отличить её от других теней, скитавшихся по Аиду. Тогда сама Смерть смилостивилась над ними, и разрешила детям покинуть свой край, открыв для них врата напрямик в Океанию, где они жили долгие годы после и смогли, наконец, обрести счастье и мир.

Тереня слушала Ариадну прямо-таки заворожённо. Что-то подсказывало Вестании, что

та версия, что читала Тера, была не настолько мрачной.

— И как это должно помочь нам? — спросила Веста, когда Ариадна закончила. — Вы же не собираетесь спускаться в Аид? Сказки сказками, но никто не сможет оттуда вернуться.

— Я считаю, — сказала Ариадна, приосанившись, — что речь в этой легенде идёт о некоем ключе, открывающем врата, то есть о тех самых часах Орфея. Вся часть про Аид — это лишь образ тех самых врат, а Эвридика — символ искомого, то есть самой Океании. В хороших и старых историях всегда находится множество иносказаний, за которыми кроются простые ответы.

— Но где, в таком случае, взять этот ключ? — спросила Вестания.

Ариадна кивнула на мальчика, спрятавшегося под столом.

— Для этого я и взяла с собой Асфоделя. Смотрите.

Она полезла в свой чемодан, достала из него мешочек и высыпала содержимое перед мальчиком. По полу купе рассыпалось множество металлических пластин, шестерёнок, винтиков и прочих на первый взгляд, бесполезных железок.

Асфодель разом оживился, подполз поближе к сокровищам, воодушевленно разглядел их, а потом пододвинул к себе и сразу же принялся перебирать их одну за другой. Отсеив нужные от ненужных, он начал поспешно собирать их воедино, закручивая крошечные гайки прямо своими ловкими пальцами. Эта сцена заворожила Вестанию, он поднимал детали, и так быстро понимал их предназначение, сразу же находил для каждой место в том неведанном механизме, который пытался собрать. Спустя пару минут он, кажется, закончил. Отвел пальцем крошечный рычажок вверх, и прямо на глазах три шестеренки размером с ноготь пришли в движение одна за другой. Со сладким звуком порядка они зажжужжали, сделав пол-оборота.

Асфодель оглядел вторую грудку деталей, оставленных без внимания сначала, поискал глазами ещё подходящие элементы, но, кажется, ничего не нашел и только теперь перевел взгляд на Ариадну.

— Достаточно пока, — сообщила она ему. — Как видите, он, не смотря на свою особенность, а скорее благодаря ей — обладает удивительным талантом к сборке различных механизмов. Я убеждена, что он способен собрать тот прибор, который поможет открыть врата в Океанию.

Вестания не знала, что думать. Представление, которое устроила для них Ариадна, не внушало ей доверия. Она отказывалась всерьёз поверить, что идея действительно отыскать Океанию имеет хоть какое-то логическое обоснование. Полагаться же ценою жизни на умалишенного мальчишку, потому что похожая история описывалась в старой сказке... *Нет, это определённо плохая идея.* А на второй чаше весов у них лежали только террористы.

— Но как должен выглядеть этот ключ, открывающий врата? — Тереня точно прониклась словами Ариадны чуть глубже. Хотя она и не доверяла женщине, но верила в сказочную страну до потери пульса. — Что, если Асфодель просто не сможет его собрать, так как у вас не найдётся подходящих деталей? Вы же понятия не имеете, как выглядит замочная скважина, и что вообще подразумевается под часами Орфея.

Ариадна, однако, казалась непоколебимой в своём плане. Её лицо не выразило ни толики сомнения, она кивнула на притихшего мальчика под столом.

— Я не верю в совпадения. Этому меня научила жизнь. Ничего не происходит случайно. Этот мальчик попался мне на пути именно тогда, когда я начала задумываться о

возможности попасть в Океанию и найти способ подобрать верный ключ. Видели бы вы, как здорово он справляется с замками. Любой взломщик-злоумышленник был бы счастлив, попади Асфодель в его руки. Он из любой шпильки способен сотворить отмычку. Неисправные механические приборы в его руках сразу становятся не хуже новых. У мальчика воистину золотые руки.

С этими словами она протянула руку к Асфоделю, желая погладить его по белоснежным кудрям, но мальчик тут же отстранился, весь сжался, заполз глубже под стол и смотрел на них оттуда исподлобья. *Нет, не на нас. Он не смотрит на людей. Наверное, ещё ни разу не посмотрел.* Взгляд стальных глаз был устремлён сквозь полотно реальности, как сквозь кухонную тюль. Асфо внушал Вестании всё большие опасения.

Ариадна сверилась с часами.

— Девочки! Что же вы так и не поели? Поторопитесь, вагон-ресторан закроется через полчаса. — А когда вернётесь, пообщаемся за чаем.

От Вестании не скрылось, как скривилась Тера от этого предложения. Младшей стоило поучиться манерам. Во всяком случае не вести себя так вызывающе.

Вагон-ресторан в экспрессе «Восточный Вестник» выглядел очень помпезно. Пол был устлан багровым ковром с орнаментом, окна украшены ажурными золотыми занавесками. Между столиками с изящными скатертями, стояли колонны и растения в горшках. Здесь было оживлённо и шумно и, к огорчению Вестании, свободных мест она не увидела.

— Веста, смотри, это они! — Тереня указала на дальний столик, где расположилась парочка из Сопротивления. К ужасу Вестании, те тоже их заметили, рыжеволосая девушка жестом подзывала их к себе. — Мы сядем с ними? Больше мест нет.

Вестании казалось, что она проваливается в глубокий колодец, из которого уже никогда не выберется. Но делать и вправду было нечего, при виде блюд на столах, живот скрутило тугим спазмом. Она медленно пошла к столу Веспер и Фрикса, который пока был пустым за исключением бутылки рецины и двух бокалов.

— Садитесь, иначе останетесь голодными, здесь как раз два места. — Улыбнулась Веспер.

Тереня с радостью шлёпнулась на стул возле девушки. Вестании оставалось занять место по соседству от её молчаливого спутника. Эти двое выглядели и вели себя с ними совершенно открыто и дружелюбно, вот только она боялась предположить, чем придётся расплачиваться за эту доброту.

Веспер пододвинула сестрам пару меню.

— Выбирайте, что угодно. За наш счёт.

— У нас есть деньги, — возразила Вестания.

— Двум несовершеннолетним девочками лучше помалкивать о деньгах. Они вам ещё пригодятся, но я не позволю вам платить, пока вы с нами за одним столом, — строго предупредила её Веспер.

— Но это не означает, что мы согласились. — Предупредила её Вестания.

— Без проблем, — подмигнула рыжая. — Расслабься немного, мы не обидим. Я позвала вас чтобы просто была какая-то более разговорчивая компания. А то видишь, с кем приходится работать, — она указала пальцем на Фрикса, — начинаю говорить сама с собой.

Вестания уже хотела спросить, почему Фрикс молчит, когда к ним подошёл официант, и принял заказ. Она выбрала стейк с овощами на пару, Тереня заказала мусаку, Веспер взяла себе салат и озвучила официанту выбор Фрикса, который ткнул пальцем в строчку

меню, где значилась рыба.

— Он что, глухонемой? — опередила её Тереня, когда официант ушёл.

Её вопрос вызвал ухмылку у Фрикса и заставил Вестанию ткнуть сестру в колено под столом. Когда уже она научится вести себя нормально?

— Если б всё было так просто. — Отозвалась Веспер. — Здесь небезопасно говорить с таких вещах, но в общем, Фрикс возложил на себя обет молчания. Он молчит уже... сколько? — спросила она у парня, тот выставил перед собой четыре пальца, потом задумался и оттопырил ещё один, но тотчас убрал. — Да, где-то четыре-пять лет.

— Круто... а зачем? — спросила Тереня.

Тебе бы тоже не помешало научиться молчать. — Подумала Вестания.

— Чтобы доказать... кое-кому свою преданность, — уклончиво ответила Веспер. — Он разговаривает только... с одним человеком. Но не будем здесь об этом. В общем, поверьте, он так много болтал раньше, что вы должны радоваться его молчанию.

Вестания покосилась на Фрикса. От него исходила очень сильная энергетика, словно все произнесённые вслух слова переносились на мимику и на этот взгляд... глаза Фрикса были невероятно странными и словно знакомыми. Она никак не могла разгадать их.

— Так куда ваша мама хотела отправить вас? — Спросила Веспер. — У вас есть свой план?

— Мы едем до Термины. Потом хотим дождаться её, и отправиться дальше, на северо-восток. — Вестания чуть не проронила опасное слово «наверное», потому что сама не до конца понимала, куда именно они едут. *Просто подальше от Сциллы, от новой волны.*

— Мы хотим найти Океанию, — вставила своё Тереня.

— Достойная цель. На северо-восток, значит, — протянула Веспер. — Но нужны будут ездовые собаки и нарты. И много провизии. Ещё, как минимум, ружьё, чтобы отстреливаться от волков и охотиться на мелкую дичь.

— Мы постараемся всё это найти. — Уверенно сказала Вестания.

— Вдвоём? — усомнилась девушка, и обменялась обеспокоенным взглядом с Фриksom. — Звучит неубедительно. Это тяжёлая дорога даже для взрослых мужчин.

— Мы что-нибудь придумаем. — Пообещала ей Вестания. — Может, найдём других странников. Объединимся с какой-то группой.

— Поменьше доверяйте другим странникам, — посоветовала она. — В такое смутное время как сейчас, у людей зачастую могут быть не самые чистые помыслы.

Словно мы можем доверять вам, — поймала себя на мысли Вестания. — *Вы хотите сделать из нас рабочую силу.*

— А вы не хотите поехать на поиски Океании? — спросила Тереня. — Вы же из Термины, оттуда гораздо ближе ехать.

— Нет, малышка. У нас с Фриksom есть долг, мы не можем просто всё бросить. Что бы ни происходило в мире, мы приносили клятву стоять за своё дело до конца.

Им принесли блюда, и на некоторое время все четверо отвлеклись от разговоров, приступив к трапезе.

Вестания не могла отделаться от чувства скованности. Она даже завидовала Тере, которая тут же набросилась на еду, и поглощала запеканку с волчьим аппетитом. Веста же ловила себя на том, что будто старается произвести впечатление на активистов, ест аккуратно и медленно, небольшими порциями. Её саму это начало раздражать, но сопротивляться новому чувству она тоже не могла.

— Вестания, — Веспер произнесла её имя протяжно, словно пробуя его на вкус или сомневаясь в том, что произносит его верно. — Прости за грубость, я забыла предложить тебе вина. Хочешь?

— Да, благодарю. — Веста сама бы никогда не попросила, но её так и распирало при виде капелек воды, сползающих с бутылки. Холодная, сладковато-душистая. Больше всего хотелось хоть немного расслабить уставшую голову.

Веспер тут же окликнула официанта и тот вернулся с ещё двумя бокалами.

Тереня одарила её возмущённым взглядом и пнула ногой под столом.

— Эй! Ты что, пьёшь? — удивилась она.

— Да, а что такого? — отозвалась Вестания. — Мне семнадцать, это не запрещено.

— С каких пор?

— Не твоё дело.

— А мне можно?

— Нет, ты ещё маленькая.

Веспер посмеялась над их препираниями, но от Вестании не скрылась какая-то перемена в её лице. Словно мышцы напряглись сильнее нужного. Это выражение было чуть различимым, почти неуловимым, но всё-таки она заметила. Будто Веспер что-то причиняло не только радость, но и боль.

Фрикс налил ей рецину. Она тотчас пригубила напиток. В нос ударил вязкий и такой знакомый запах смолы. Ей вспомнился дом. Сцилла и Тефия, её единственная подруга. Конечно, Тереня ничего не знала, Веста не стала бы ей рассказывать ничего подобного, но вдвоём с Тефи они прогуливали уроки. Забирались на верхний этаж заброшки недалеко от школы и пили там вино весь день. К вечеру трезвели и возвращались домой, жевали снег, чтобы хоть немного сбить запах. К счастью, мама приходила домой так поздно, и была такой усталой, что она ничего не замечала. *Или притворялась, что не замечает.* Теперь уже Вестания затруднялась отличить притворство от правды. Её мир слишком пошатнулся, она больше ни в чём не могла быть уверенной.

Она поставила бокал на стол, но в этот миг поезд подскочил на заледенелых рельсах, и вагон резко подпрыгнул. Она схватилась за бокал, который опасно накренился. Оказалось, что Фрикс сделал то же самое. Через мгновение тряска закончилась, а их руки неотвратимо соприкоснулись. Осознав произошедшее, она отдёргнула ладонь от ножки бокала и потупила взгляд. Почему ей стало так страшно от этого прикосновения? Пальцы словно обожгло, но не огнём, а ледяным холодом. Фриксу в обратном, скорее понравилось это мимолётное касание. Уголок его губ пополз вверх. Вестания заметила, как на щеке от этой ухмылки образовалась маленькая ямочка и ей стало неловко от обуревавшего её роя чувств.

— Сколько поезд пробудет в пути? — спросила Тереня. Веста была уверена, что сестра заметила их с Фриксом неловкую сцену, и хотела сменить тему.

— Ещё двое суток, — ответила Веспер. — Вечером послезавтра мы прибудем на станцию. Если вы не пойдёте с нами, вам придётся придумать, как покинуть состав безопасно.

— Что вы имеете в виду? — Мысль о том, что их поджидает некая опасность заставила Вестанию серьёзно напрячься.

— Властям прекрасно известно, что кхм... некая запрещённая в Ойкумене организация собирает людей под своим флагом. Поэтому по приезду всех ждёт неминуемый допрос. Обычные вопросы о цели визита, о месте проживания в Термине, будут спрашивать имена

тех, с кем вы общались в поезде. Не было ли среди пассажиров симпатичного молчаливого блондинчика, потому что за его голову назначена награда во всех отменённых землях. Ну и всё в таком роде.

Сердце Вестании вновь сжалось от страха.

— Мы обеспечиваем безопасный сход только тем, кто готов присоединиться к ним. Остальным придётся пройти через допрос. Так что стоит подумать трижды, девочки.

— Но... что, если на допросе им не понравятся наши ответы?

— Арест, — отозвалась Веспер, отпивая рецину, так что голос её отдался в стенках бокала.

— Но мы не преступницы! — возразила Тереня.

— Поверь, девочка, эти люди разбираются лучше вас.

— Вы можете что-то посоветовать? Что нужно сказать, чтобы обойти допрос.

— Да, но не бесплатно, — подмигнула Веспер. — Вы знаете, как с нами связаться. Сейчас нам с блондинчиком пора отбывать.

С этими словами Веспер попросила счёт, не глянув, положила мятую купюру в пятьсот талантов и поднялась из-за стола.

— Пока, девочки, — махнула она рукой.

Проходя позади Вестании, Фрикс опёрся рукой о спинку её стула и словно невзначай тронул её пальцем по плечу, заставив желудок девушки перевернуться.

— Что думаешь? — спросила Тереня.

Вестания допила оставшееся в бокале вино и покачала головой.

— Завтра подумаю. — От усталости — бессонной ночи, пролитых слёз, переживаний и страхов, у неё буквально закрывались глаза.

Девочки ещё недолго пообщались с Ариадной, на этот раз Вестания рассказала им чуть больше о них двоих, их маме, о жизни в Сцилле. О важных делах они больше не говорили. Вестания почти не помнила, как уснула, провалившись в вязкое болото, где не происходило ничего.

Она надеялась беспробудно спать до утра, но вдруг что-то вырвало её из сна. Движение, или точнее смена обстановки вокруг. Она открыла глаза и увидела стоящий у двери силуэт худого мальчика, чьи белоснежные волосы блестели в огнях станции за окном, мимо которой они проезжали.

Почему он не связан? Почему не спит?

Тут произошло нечто странное. Вестания бы подумала, что и сама не успела до конца очнуться ото сна, но сновидений она никогда не видела, чтобы так сильно обмануться. Поезд прогремел мимо станции на полном ходу. Огни за окном разом сгинули, погрузив купе в полный мрак. Прошло несколько секунд, прежде чем глаза Вестании привыкли к темноте и ей стало достаточно блеклого света ночных звёзд. Она осознала, что Асфодель исчез. Прямо так, на ровном месте.

Но люди не исчезают. Он должно быть вышел в коридор. Но как я не услышала звука открывавшейся двери?

Нет, такого точно быть не могло. Вестания точно знала, что даже ночью в коридоре горел зеленоватый приглушённый свет на потолочных лампах. Она бы увидела, если бы дверь открывалась.

Нужно найти его. И вернуть в купе.

Ариадна мирно храпела на нижней полке напротив. Тереня не шевелилась. О том,

чтобы разбудить их, девушка не успела подумать, непонятное чувство тайны звало её в пустой ночной коридор поезда. Она поднялась со своего места и, стараясь производить как можно меньше шума, прокралась к двери.

Дверца была закрыта изнутри. Они запирали её на ночь. *Но это невозможно!* Она оглянулась, удостоверилась, что Асфоделя действительно не было в купе, и только затем прошмыгнула наружу.

Коридор был пуст и непривычно тих. Кроме мирного храпа десятков пассажиров и стука колёс никакие звуки не нарушали тишины. Куда мог деться Асфодель? Куда вообще он мог пойти? Вестания огляделась и пошла к ближайшему туалету, надеясь, что мальчик просто встал ночью по нужде. *Но он должен был быть связан! Как это произошло?*

Она и сама не понимала, почему ей было так важным найти его сейчас, почему она не разбудила Ариадну, и не отправилась на поиски вместе с ней. Можно было бы взять Теру. С каждым шагом дыхание становилось всё более взволнованным.

Вестания проверила дверь туалетной кабинки, та была незаперта и внутри точно никого не было. Вдруг ей показалось, что она увидела какое-то движение краем левого глаза. Словно кто-то задел серую занавесь её бокового зрения. Она подошла к двери, ведущей в тамбур, и открыла её.

Ледяной воздух ударил в лицо. Грохот колёс оказался оглушительно громким, сквозь щели на дверях состава влетал снег и оседал на стенках тамбура. Посреди этой сцены спиной к ней стоял Асфодель. Его белые кудри дрожали от влетающих сюда порывов ветра.

— Эй! Пойдём назад, — попыталась окликнуть его Вестания, как на её глазах произошла сцена, которую она так и не сумела объяснить.

Мальчик обернулся к ней одной головой. Серые глаза вновь посмотрели куда-то мимо, насквозь. Его рука легла на ручку двери, ведущей в соседний тамбур. Она увидела, как он надавил на неё, желая и открыть и...

...пропал.

Просто по мановению ока Вестания оказалась в тамбуре одна. Она бросилась к двери, возле которой исчез Асфодель, опустила её, и дёрнула со всей силы. Ещё и ещё раз.

Дверь была заперта.

519 день после конца отсчёта

Последние дни Никто провёл в каком-то душном забвении. Началась странная бессонница, объяснения которой он сам так и не смог найти. Его начинало тошнить от того одиночества, в которое он превратил свою жизнь. Нужно было отыскать что-то, кого-то, кому он мог подарить будущее, только все люди, что попадались ему на глаза, лежали на самом дне смердящей ямы. В большей мере они нуждались в освобождении от мучений, чем в помощи.

Или это он сам терял связь с миром? Память с годами искрошилась, Никто плохо помнил какие-то обрывки своей жизни, которые, тем не менее, никак не умаляли его грехов. Что-то глубоко внутри — какой-то маленький червячок подгрызал стержень, на котором до сей поры покоилась его чистая совесть. Никто совершал много зла, но раньше это называлось работой, и несло ему оправдание. Теперь же нет ничего. Лицом к лицу с прошлым. Червяк лишал его смысла жизни, он назойливо внушал, что когда-то давно Никто сделал неверный выбор, и теперь мог лишь расплачиваться за него. Но уже слишком поздно. Потому что некоторые пятна нельзя отмыть. Он тот, кто он есть. Он тот, кем его сделали. Он тот, кого он ненавидел. Он Никто.

Прошлой ночью он попытался уснуть. Прилёг и сомкнул глаза минут на тридцать. Ему снился сон. Очень запутанный, лихорадочный, мучительно долгий. Единственное, что он запомнил из сна — он был уродливым чудовищем и жрал какую-то падаль. Из-за этого с самого утра во рту был привкус зловонной гнили, который Никто так и не сумел перебить. Больше он спать не пытался.

Проходя мимо вокзала, он метнул рассеянный взгляд на затворённые двери. Когда там отбыл последний экспресс «Восточный Вестник»? Что же они теперь будут делать, бедные, несчастные, торопящиеся куда-то людишки, куда денутся, как начнут проводить свои пустотелые дни? Раньше у них хотя бы было занятие — покупать билеты за бешеные деньги, компостировать их, просиживать на вокзале в ожидании, как обычно, опаздывающего состава, что заберёт их из одной беды и отвезёт в другую.

Всё равно все они находились между Сциллой и Харибдой. С той или с другой стороны, эти два чудовища всё равно останутся здесь. Первая тварь неистово нападает, поминутно хватая и унося души каждой из сотни своих голов; вторая затаилась рядом — пожирает тысячу за раз без разбора, раскрывая свою гигантскую пасть и заглатывая тонны воды вместе с кораблями. Они обе бессмертны, от них нет спасения, как нет спасения и от конца света. Рано или поздно они все канут в их утробах. *Ведь мы уже там, — думал Никто. — На самом дне брюха.*

Конец света для Никого наступил уже много лет назад. Он не чувствовал себя живым. Может, потому что он был давно мёртв. Очень давно и совершенно безнадежно.

Как я здесь оказался? На привокзальной площади? И куда я шёл?

Он отказывался связывать своё нынешнее потерянное состояние с пагубным пристрастием к алкоголю и наркотикам. По большей части он почти не чувствовал себя живым из-за того, насколько сильно ему хотелось очутиться в цветастой пучине беспомысленности. Его тянуло на Край, в место, которое представляло собой не дно, но самую глубину этой сточной канавы, потому что от дна можно было оттолкнуться ногами и

попытаться всплыть. Глубина не знала пределов.

Мальчика нет, — подумал он с ледяным сожалением. Вернее, теперь его вакантное место занял старик лет шестидесяти. Он протягивал газеты прохожим, буквально подпихивал их под самые носы кириосов, но не выкрикивал ничего, сохранял тишину. *Зря всё-таки...* — рассеянно подумал Никто, но упустил эту мысль, не успел осмыслить её до конца, как она унеслась из его головы, словно снесённая прочь порывом бездушного ветра.

И тут его блуждающие глаза выхватили из шайки оборванных бродяг знакомое ему лицо. Девушка сидела прямо на ступеньках возле входа в вокзал, скрестив ноги, обутые в высокие сапоги. Один каблук был сломан, второй — длинной спицей погряз в сугробе. На ней был надет осенний плащ, как всегда, с глубоким вырезом декольте, на плечи наброшена рыжая горжетка, то ли лиса, то ли кошка.

Девушка выглядела скверно. Светлые волосы закрывали лицо, словно напрасно пытаясь скрыть два вызывающе ярких синяка — под левым глазом и на подбородке. В руках она держала бутылку дешёвого ципуро «Миф». На её щеках застыли чёрные ручейки макияжа.

Изголодавшийся зверь зарычал, оскалив кривые желтоватые клыки. Нет! *Не сейчас, нет!* — но зверь уже давно не слушал мужчину, он сам управлял им.

Словно споткнувшись на полном ходу, Никто прижался спиной к ближайшему фонарному столбу, так, чтобы его не было видно с места, где сидела девушка, от остальных прохожих он отвернулся, глядя в глубокий сугроб.

Что ты делаешь? Остановись! По пальцам рук проскользнула краткая дрожь. Такого не случалась с ним даже после выходных на Краю. В лицо мигом ударил жар, и Никто попытался совладать с ним, приложив замёрзшую, красную от холода руку к щеке. Лицо горело. Как сумасшедшее в груди стучало сердце. Ничего хорошего в этом состоянии нет, оно было ему знакомо. И он знал, что зверь попытается сделать. Трёхголовый монстр неистово рычал и пронзительно лаял. *Нельзя! Нельзя!* Но он уже почуял кровь. Вкус падали во рту вспыхнул ещё ярче.

У него мало вариантов. Либо подойти и увести её отсюда, либо пройти мимо. Он бы выбрал второй вариант, безопасный, тот, что выбирали все другие прохожие. Зачем связываться в чужие проблемы? Голос Диктатора же не предупредил их с утра, что им придётся поднимать из снега избитую и пьяную шлюху. Может, они бы согласились, если бы им дали время подумать. Они могли бы выйти из дома пораньше на двадцать минут; если остановят свой бег сейчас — непременно опоздают. Люди не привыкли соображать быстро: они окажутся на другом конце города, когда пожалеют о том, что не остановились и не помогли. И они миллион раз согласятся с тем, что окружающие стали злыми, что никто никому не помогает, будут сетовать на равнодушие в толпе. Беззаботное лицемерие, но их нельзя винить. Они просто люди. Бегут слишком быстро и думают слишком медленно.

Пройти мимо. Просто пройти мимо. Кто-то, да и остановится рано или поздно, кто-то поможет ей. Но не Никто. Слишком высок риск, больше нельзя. Это не он, это зверь.

Эти брошенные осколки разбитых скульптур. Мутное отражение людей. Никто продолжал смотреть в сугроб.

Сугроб, — попробовал он слово на вкус.

Глубокое, от него немели пальцы, в нём крылась смерть. Очень много снега и очень много этих бестолковых брошенных душонок на дне ямы. Кто их будет поднимать оттуда? Сугроб — это гроб для нищих. Очень скоро и её засыплет снегом, заметёт, оставит плохо различимый холмик. Они все останутся валяться там, припорошённые смертью, только та

так и не явится за ними. Смерть спит где-то на перине среди белоснежных цветов. Для таких, как они, был только Никто.

— Эй! — окликнул её Никто, выйдя из-за столба и неуверенно зашагав ей навстречу, — что ты здесь делаешь? Нельзя здесь сидеть, пойдём!

Два потерянных мутных голубых глаза рассеянно заметались, пытаясь найти его.

— Отвали от меня! — огрызнулась она своим дребезжащим голосом, которому алкоголь явно не добавил нежности. — Не твоё вообще дело! Не трогай! — она отмахнулась, когда Никто попытался поднять её.

Мужчина наклонился к ней поближе. Запах духов, смешанный с потом и смрадом алкоголя. Ногу пронзило искромётной болью, надо было взять с собой трость.

— Эхо, пойдём отсюда, — позвал он снова, — холодно.

Она взглянула ему в глаза.

— Ты меня знаешь? Мы что, трахались?

— Нет. Ты не помнишь меня? — На самом деле Никто был не удивлён услышать это.

— Нет! Чего тебе надо тогда? — прогнусавила Эхо.

— Ты далеко живёшь? Эхо! — она, кажется, не слышала его, никак не отреагировав на вопрос. — Что произошло?

— Хочешь расскажу, что произошло?! — зашлась она криком, — Этот пидор не заплатил мне! Вот так! Я пыталась отнять у него деньги, и он избил меня! Что, идиот, мне делать? Я работать не смогу ещё неделю теперь.

— Я дам денег, сколько нужно, — сразу же вставил Никто. — Где ты живёшь?

— Ты кто вообще? — спросила она, уставившись на него, — Тебе чего нужно от меня?

— Хочу отвести тебя домой и убедиться, что всё в порядке.

— Да ладно! — отмахнулась она снова. — Вы все одинаковые! Тоже хочешь меня трахнуть?

— Да, но не сейчас. — Он начинал злиться. — Не пока ты в таком состоянии. Пожалуйста, пойдём.

Она, наконец, поддалась, вложив свою руку в его. Вот только помочь ей встать оказалось сложнее, чем он себе представлял. Сломанный каблук вкупе с его больной ногой и критическим отсутствием трости не нёс ничего хорошего. Пришлось почти тащить Эхо, забросив её руку себе за плечо. Нога застонала от этого решения.

— Твою мать! Это мои единственные сапоги, — отметила она, покачиваясь из стороны в сторону, проваливаясь на левую ногу, на которой не доставало каблука, но не выпуская наполовину початой бутылки из руки.

— Не страшно. Что-нибудь придумаем...

— Хочешь? — прервала она его, подставив бутылку прямо под нос.

— Нет.

— Да ладно! Давай, пей уже!

Никто с сомнением взглянул на мутную жидкость. *Да хрен с ним*, — подумал он, взял ципуро и опрокинул в себя. Сделал два больших глотка, заставивших его зажмуриться, затем утёр губы рукавом, стараясь подавить отвращение.

— Лучше? — проскрипел её голос со сдавленным придыханием.

— Ненамного. — Признался Никто, возвращая ей ципуро.

— Вот и я о том же! — простонала Эхо обречённо.

— Ты не сказала, где живёшь.

— А-а... — протянула она. — Недалеко, я дойду сама, ты только отпусти. — Она попыталась вырваться, но Никто удержал её на месте.

— Нет, сама ты точно не дойдёшь. Где ты живёшь?

— Дом девяносто семь по спирали Прозы.

Это было минутах в пяти по спирали, тянущейся от вокзальной площади. Дома в Сцилле вообще часто образовывали собой спирали и окружности. Город делился на четыре главных района — Край, Сердцевина, Шумы и Истома. Спираль Прозы была ближе всех от вокзала, но район вовсе не считался престижным. Вокзалы тянули к себе в первую очередь всю чернь. Дома там не отапливались котельной, только за счёт каминов и печей. Цены же на уголь заметно подскочили в последнее время. Горячей воды тоже не было.

— Хорошо. Это недалеко. — Согласился Никто. — Тебе есть чем топить?

— Что? — переспросила Эхо. Из-за ципуро слово прозвучало, как разномастная клякса.

— Дрова? Уголь? — спросил он.

— А-а... нет, только мебель.

— Отлично. — Оценил Никто не без сарказма.

— Тебе что-то не нравится, что ли? — взвилась Эхо.

— Ладно... я разберусь.

— Ты кто вообще? — вдруг снова опомнилась девушка.

— Никто.

Она как-то странно насупилась после этого ответа, затем с задумчивым видом сделала большой глоток из бутылки и замолкла на какое-то время.

— Курить есть у тебя? — спросила она, когда они свернули на спираль Прозы.

Никто рассеяно сунул руку в карман и выудил портсигар.

— Последняя, — произнёс он. Последнюю сигарету, как и последнюю пулю, берегли для себя. Он не был уверен, откуда взялся такой закон, но он существовал.

Эхо покосилась на него недоверчиво.

— Покурим? — предложила она.

Ещё одно правило курильщиков. Последнюю сигарету нельзя отдавать, зато можно разделить.

Никто поджёг кончик и сделал глубокую затяжку. Дым заскользил в лёгкие, сладко обволакивая их серым ядом. Он передал сигарету Эхо, та тоже затянулась, сосредоточив свои бездонные глаза на маленьком алом огоньке. Её рука дрожала, так что фильтр к губам она подносила медленно и придерживала снизу большим пальцем, чтобы случайно не выронить.

— Что уставился? — огрызнулась она, поймав его взгляд.

— Ничего.

Она с недовольным видом протянула ему сигарету.

— Оставь, — отмахнулся Никто.

— Нет уж! — настояла Эхо. — Кури.

Прозвучало как приказ. Так они и обменивались «карелией», прежде чем Эхо, в последний раз приложив к губам крошечный кончик обугленного фильтра, не метнула его в сугроб.

Сугроб — гроб для сгоревших.

— Первый этаж, — проговорила она в следующий раз, лишь когда они дошли до дома. — Всё, отпусти, я дальше сама.

Никто не смог отвести глаз, когда она влезла рукой в вырез декольте и извлекла оттуда

ключ. Он позволил ей самостоятельно попасть в замочную скважину и ввалиться внутрь квартиры.

Не говоря ничего девушке, он закрыл за ней дверь, забрал ключ и поспешил в ближайшую лавку, где торговали углём, прямо на повороте в последний изгиб спирали. Там Никто купил мешок угля, вязанку дров и пачку «Карелии», подумав ещё недолго, зашёл в магазин и взял консервные банки с готовым супом, бекон и яйца. На всё это у него ушло 347 талантов, половина той суммы, что он носил с собой, а он привык всегда иметь на руках все свои деньги, за исключением тех случаев, когда отправлялся на Край. *Ладно, всё равно надо будет скоро показаться в офисе.*

Вернулся к Эхо он спустя минут двадцать. Открыл дверь, вошёл внутрь её дома. Девушка, кажется, сумела добраться до кровати. Во всяком случае, в коридоре он нашёл только рыжую горжетку.

— Гелиос! — раздался вдруг крик Эхо из ближайшей комнаты. — А ну вернись!

С остервенелым лаем в коридор выбежало (или выкатилось) чёрно-белое лохматое чудовище ростом вдвое ниже колена мужчины. Зверь домчался до Никого, с явным намерением напасть, но в последний момент остановился на месте, оскалив белые зубы, оцетинился и замер напротив мужчины.

— Чучело, назад, — окликнула его Эхо снова, выйдя в коридор. Она не успела переодеться, только сняла с себя сапоги и теперь стояла в чулках, соблазнительно обтягивающих её длинные изящные ноги. По колену поехала стрелка. — К ноге! Живо!

Пёс ещё удостоил Никого предостерегающим рыком, затем развернулся и засеменял к хозяйке. Только теперь мужчина заметил, что у собаки не хватало задней лапы, хотя этот изъян почти не мешал ему скакать, пусть порой и неуклюже заваливаясь на бок.

— Ты нахрена вернулся? — спросила Эхо, потрепав пса по холке, приглаживая оцетинившуюся шерсть.

— Я принёс уголь для топки, — сказал Никто. — И поесть.

— Пф! — отозвалась женщина пренебрежительно. — Тоже мне дело!

— Мне кажется, тебе нужна помощь, — сказал Никто. — Можно я войду?

Эхо смерила его недовольным взглядом. Левый глаз сильно опух, под ним назревал знатный синяк. Девушка покачнулась, оступившись, запутавшись в ногах, но в последний момент успела ухватиться за дверной косяк. Она больше не плакала, но обида в глазах сменилась гневом, вызовом. Даже в таком состоянии, будучи на взводе, растрёпанной, в грязной одежде, она была желанной, Никто лишь сейчас отдал себе отчёт в том, насколько сильно она его привлекала.

— Делай, что хочешь, хрен с тобой, — заключила Эхо, вернувшись в дальнюю комнату и уведя за собой трехлапого пса, который ещё раз обернулся на человека, подозрительно блеснув чёрными глазами.

Никто, наконец, вошёл внутрь её квартиры, всё ещё не выпуская из рук мешок с углём, дрова и бумажный пакет с продуктами. Комнат было две: зал, за ним спальня. Кажется, Эхо всё же наврала насчёт мебели, её почти не оставалось, кроме старого глубокого кресла с красной обивкой и уже пустого книжного шкафа, явно приготовленного для следующей топки. Книги, около пятнадцати, были свалены на полу. Никто бросил на них рассеянный взгляд. В основном исторические романы. Интересно, читала ли их Эхо, или они достались ей от предыдущих жильцов? *Скорее, второе,* — решил Никто. В зале находился и камин. В своём выводе на счёт книг мужчина убедился, взглянув на кострище. Тысячестраничный

том; обуглился так, что названия не прочитать. Никто развёл огонь в камине. Когда тот достаточно занялся, он сел в кресло, одиноко стоящее в центре пустой комнаты, провалившись в мягкую обивку. Только теперь он почувствовал, как сильно устал. Он не спал третий день, не мог уснуть, что-то внутри него бесконечно клокотало, лишая его возможности забыться. Сердце, казалось, хотело выпрыгнуть из рёбер, так, что он постоянно слышал его неумолкаемый стук каждый раз, когда пытался заснуть, лёжа в кровати. А ещё мысли. Эти грязные ужасные мысли, эти крысы, снующие по его разуму.

Возле ножки кресла Никто заметил бутылку ципуро. На дне ещё оставалось достаточно жидкости. Он поднял её и отпил пару глотков. Затем уставился на пляшущие языки огня, словно пытаясь угадать в них какие-то образы, предзнаменования о плачевном будущем.

Вдруг, Никто сам не понял, как это произошло, но он очнулся от лёгкой дрёмы, подкравшейся незаметно. *Сколько я спал? Должно быть, недолго... огонь ещё горит, а в комнате уже стало тепло...*

Он поднялся, подбросил в камин ещё несколько поленьев, затем решил, что пора заняться обедом. Эхо и собака находились в комнате, он не стал заходить к ним. *Пусть спит.*

На кухне было так же пусто, как и в зале. Вместо холодильника лишь нижний шкафчик под окном, там, где в его доме находилась батарея. Впрочем, внутри был лишь сырой сахар и пустая консервная банка из-под трески.

Он нашёл сковородку в единственном уцелевшем ящике под раковиной, там же было несколько кастрюль. Возле крана стоял масляный светильник. Лампы под потолком не было. Никто наполнил одну из кастрюль ржавой водой из-под крана. *Чёрт! На Крак некоторые живут получше.*

В кастрюлю он положил две банки с супом, чтобы разогреть их, на сковородку — четыре ломтя бекона и разбил несколько яиц. Всё это он сунул в камин.

Когда вода закипела, снял еду с огня. Посуды на кухне он не видел, поэтому поставил прямо на пол.

— Ладно, — произнёс он вслух, подошёл к затворённой двери в спальню, сначала хотел постучать, потом подумал, что Эхо без разницы, и вошёл в комнату. — Эхо, — позвал он негромко. — Я приготовил поесть, пойдём.

На его голос откликнулся пёс. Он выскочил из-под горы пледов и одеял и с пронзительным лаем подскочил к мужчине, но опять не осмелился подойти совсем близко. Девушка тяжело вздохнула, откинув края покрывал с головы, и взглянула на незнакомца усталым, измождённым взглядом.

— Ты, блин, кто? — спросила она всё тем же голосом.

— Я привёл тебя домой, — попытался оправдаться Никто.

— Гелиос! Замолчи уже, и так голова трещит! — прикрикнула она на дворнягу, но тот лишь сменил лай на утробное рычание. — Прости, он не любит мужчин, — сказала она сонно. — Я поэтому и не вожу сюда никого. Ты выпусти его в зал, пусть там посидит.

— Еда на полу, больше было некуда поставить, — сказал Никто, но пёс, кажется, уже учуял запах яичницы и выскочил из спальни.

— Да ладно, хрен с ней, он голодный. Я его не кормила давно... нечем было. Пусть поест.

— Отлично, — пробормотал Никто, выглянув в зал и заметив, как трёхпалый уплетает бекон, довольно фыркая и вздрагивая, опасаясь обжечься о горячую сковороду.

— Так жарко! — протянула Эхо блаженно. — Класс! Так хорошо было, только когда я сожгла кровать.

В крошечной комнате казалось даже ещё просторней, чем в остальном доме. Кроме настила из горы одеял и разбросанной одежды, не было ничего.

Эхо вдруг скинула с себя все пледы, подставив своё совершенно нагое тело под взгляд Никого.

— Иди ко мне, — произнесла она низким гортанным голосом, сильно отличавшимся от её обычного скрипящего тембра.

— Эхо... — растерянно проронил он.

— Ну же, — вновь поманила она его к себе.

— Эхо, я не могу... — протянул он, чувствуя, как внутри него три головы чудовища поссорились друг с другом.

Она поднялась и села, раздвинув ноги в неполном шпагате. Растрёпанные локоны волос вновь упали поверх уродливых следов ударов, которые должны были вскоре превратиться в синяки. Из-под чёрных пятен перемазанной туши и теней два голубых глаза томно взирали на него, а в них можно было прочесть целую бурю самых разнородных эмоций, в них скрывалась какая-то особая тайна, неподвластная даже простым женщинам, только жрицы любви знали её наизусть.

Никто вдруг подумал, что она, должно быть, всё равно что танцует некий древний танец, едва заметно приводя в напряжение свои мышцы, медленно и чувственно протягивая руку к нему навстречу и откидываясь торсом куда-то назад. В пасах её не было полноты движений, они все оставались какими-то неполными, незавершёнными, но из-за этого вызывали в нём очень странные, неведомые ранее чувства.

— Всё ты можешь, — прошептала она этим странным голосом, который начинал смущать Никого, в нём всё ещё скрывались и былая грубость, и выпитый ципуро, и сорванный голос. — А если не сможешь, то я смогу. Иди сюда.

Он нерешительно шагнул навстречу к Эхо, всё ещё колеблясь и медля.

— Я не хочу... Эхо, я не могу так.

Она поднялась к нему навстречу, медленно и нежно сжала рукой его подбородок и заставила наклониться к себе, так, что их лица оказались точно напротив друг друга. Никто заглянул в её лицо. Чёрные измазанные пятна с глаз перераставшие на щёки, как две мясистые пиявки. словно художник переборщил с пастелью, пытаясь выделить глаза, а в итоге превратив всё её лицо лишь в два огромных голубых моря. Эхо относилась к худшему из возможных видов женщин — ей шли синяки.

Она поцеловала его, чувственно и страстно. Жар ударил в лицо, внутри что-то затрепетало, а дыхание застряло в напряжённых и, как никогда, раскалённых лёгких.

— Ты дрожишь, — прошептала она ему на ухо, — я чувствую.

— Эхо, — произнёс Никто, найдя в себе силы заговорить. — Можно я задам единственное правило.

— Конечно, — промурлыкала она в ответ.

— Замолчи.

Она, никак не отреагировав на это заявление, не показав и тени недовольства, потянулась к нему с новой силой, увлекая на облака одеял. Их губы вновь сомкнулись в долгом поцелуе, она провела рукой по его лицу, ногти углубились в волосы, почёсывая его затылок. Затем Эхо оторвалась от него, плотно закрыла глаза и растянулась на кровати в

сладкой неге, словно безысходно потерянная в тепле камина, распространившегося по всей квартире, в остывающей еде, что ждала их, в мужских руках, которые не били, а ласкали. Приоткрыв блестящие глаза, она взглянула на Никого, небрежно потянулась, спрятала руки за спиной, выгнулась всем телом по направлению к нему, подставив свою наготу под его взгляд, под его руки. Пухлые губы слегка приоткрылись, но с них не сорвалось ни одного слова. Лишь дыхание, раскалённое, пламенное, взволнованное. Никто хотел прикоснуться к ней, но боялся пробудить тем бушевавшего зверя. Трёхголовое чудовище свирепо рычало, натягивая ненадёжную цепь. Что было три ночи назад? Станные картины замелькали перед глазами, были ли они правдой, потерянными отголосками его жизни, забытой жизни, или всего лишь странными тревожными снами? Когда она молчала, она была намного более человечной, желанной, изъян её скрипучего голоса больше не портил внешнего впечатления, её гибкое змеиное туловище, волнительные изгибы тела, гладкий живот, пышная мягкая грудь с аккуратными сосками, бархатистая кожа, её стройные длинные ноги, округлые бёдра, она переставала выглядеть так, словно ей пользовались каждый день, она переставала быть продажной и грязной, даже пьяной. Только бесконечно красивой и, как никто другой, тёплой и живой.

Она помогла ему снять лишнюю одежду. Мужчина и женщина лежали на кровати, скрытые кучей одеял. Каждый раз, когда их тела соприкасались друг с другом, Никто чувствовал такой пламенный жар, как будто прижимал незатушенную сигарету к коже. Её руки были мягкими, словно сотканными из шёлка. Он зажмурился, желая чувствовать огонь жизни всецело, боясь наткнуться на взгляд её синих глаз, опасаясь, что их безымянная загадка сожрёт его целиком, проглотит даже трёхголового зверя. Впрочем, он уже давно был потерян.

Они заснули вместе и спали долго, до самого утра, слишком разбитые и обессиленные за день. Никто проснулся от странного скребущего шума и испугался, когда понял, что за окном успело стемнеть. Пёс Эхо пытался проникнуть в комнату. В доме уже похолодало.

— Гелиос! — прогнусавила Эхо сонно. — Вот блин... Ой! Ты ещё здесь? — она, кажется, только сейчас заметила Никого. — Чёрт! Открой ему, голова раскалывается!

Никто нехотя поднялся, подошёл и отворил дверь. Чёрно-белый клочок шерсти вбежал внутрь комнаты, огрызнулся на мужчину, а затем прыгнул (или завалился) на настил рядом со своей хозяйкой.

— Привет, прелесть! — улыбнулась Эхо, поглаживая собаку своими красивыми руками.

Никто стоял возле двери с потерянным видом. Одеться и уйти? Что ему теперь делать? Оставить деньги где-нибудь тут?

— А ты чего там застрял? — Эхо вдруг вновь обратила на него внимание.

— Мне уйти? — прямо спросил Никто.

— Как хочешь, — сказала шлюха. Кажется, она успела протрезветь. — Я никого не прогоняю.

Он подошёл к настилу, чтобы надеть брошенные на пол штаны. Пёс, оглянувшись на мужчину, пронзительно рявкнул, оскалив зубы.

— Чёрт! — выругался Никто, не ожидая такой реакции.

— Тише, милый, — успокоила Эхо собаку. — Всё хорошо, всё в порядке.

— Кажется, он меня не любит, — заметил Никто, одеваясь и натягивая ботинки. Поморщился из-за боли в правой ноге.

— Он охраняет меня, — блаженно улыбнулась девушка, безостановочно лаская пса. —

Чтобы никто не причинил мне вреда.

— У него нет ноги, — рассеянно заметил мужчина, садясь на настил напротив Эхо и прислонившись спиной к стене.

— Я подобрала его с улицы, он отморозил лапу. Было зверски холодно. И я взяла его себе. Зато, по-моему, ему совсем не мешает увечье. Он всё так же весел, лает, бегаёт, виляет хвостом. Нам есть чему поучиться у животных.

— Чему же?

— Они не мечтают, — сказала Эхо, устремив свои глаза вновь на него. — Всегда рады тому, что у них есть. И никогда не хотят ничего большего. Если они бродячие, то рады, просто, когда прохожие треплют их за ухом. Если живут в домах бедняков, рады теплу, даже если голодные. Если их кормят, то они рады еде, и всем своим видом показывают благодарность. Люди не такие. Нам всегда чего-то нужно, даже если у нас уже всё есть.

У тебя ведь нет ничего, — подумал Никто.

— Зачем ты занимаешься этим тогда? — спросил он вслух. — Если считаешь, что хотеть чего-то — неправильно.

Эхо кратко посмеялась и перевернулась так, чтобы оказаться напротив мужчины. Пёс вопросительно взглянул на неё, одарил Никого ревнивым взглядом, но на сей раз никак не выразил своего недовольства вслух.

— А кем ещё работать в Сцилле? — спросила она. — Ты же не думаешь, что я настолько ненавижу себя, чтобы пойти на завод? Для всего остального требуется образование, а деньги всё равно получишь небольшие. А я даже школу не закончила. Вот и всё. Слава богам, у меня есть грудь вместо мозгов. Многие готовы платить деньги за то, что я разделю с ними кровать. От меня требуется не так много.

— Судя по твоему дому, дела идут не так уж и хорошо, — отметил он.

— Ни хрена подобного! — она вдруг взъярилась, насупив тонкие брови. Пёс тихо огрызнулся. — Я коплю на билет в один конец.

— Хочешь уехать отсюда? Куда?

— Не знаю... — призналась Эхо. — Наверное, в Харибду, говорят она простоят чуть дольше, чем Сцилла. И там, во всяком случае, я всегда смогу найти клиентов. — Затем она откинулась на подушку, мечтательно устремив глаза в потолок. — Хотя я бы хотела отправиться куда-нибудь, где сейчас тепло... интересно, такое место ещё осталось? Как думаешь, они же откуда-то ещё привозят фрукты... Знаешь, мне так надоел этот холод, эта вечная зима... чёрт! На юге, в Сельге или Трикале можно было бы зарабатывать столько денег, и при этом не тратиться на дрова и уголь. И в жару не хочется так много есть... Нам бы там с псом было хорошо.

— А если бы у тебя было очень много денег, — спросил Никто. — Ты бы больше не стала..?

— Трахаться за деньги? — Эхо поднялась, снова взглянув на него. — Ты думаешь, мне это триндец как нравится, что ли?

— Я не знаю. — Признался он.

— Я не хочу мечтать о том, чего быть не может, — заявила Эхо. — Много денег я всё равно заработать не смогу. Так много, чтобы можно было больше не работать.

— Я просто... хочу понять...

— Что?

— Просто у меня не было ощущения, что ты спишь со мной только ради денег.

— Этого ты понять не сможешь! — отрезала она твёрдо.

— То есть это был профессионализм? А если я тоже уйду, не заплатив?

— Ты принёс уголь и еду. Не всё ли равно теперь? — За этим последовала недолгая пауза. — Зачем ты вообще это сделал? — Спросила Эхо. — Почему не прошёл мимо, как все?

— Ты всё ещё не помнишь меня?

— Конечно, помню, идиот! — ответила она, кажется, разозлённая. — Как можно забыть твой голос маньяка и глаза безумца? Никто! То же мне имя!

— Вчера...

— Забудь, что было вчера! Я была пьяная.

— То есть больше ты со мной спать не станешь?

— Зависит от того, заплатишь ты или нет.

— Заплачу, — сказал Никто просто. — За себя и за него, — и кивнул на её синяк.

Эхо дотронулась до левого глаза и поморщилась с отвращением.

— Могу заплатить даже неустойку, если назовёшь цену.

— Ты серьёзно? — Эхо, кажется, даже испугалась этого предложения. Пёс вновь встрепенулся, устремив узкую мордочку на человека, словно чуя угрозу, исходящую от него. — Ты можешь, наконец, сказать, кто ты? Теперь, когда мы переспали?

— Когда мы встретились впервые, ты сказала, что знаешь, кто я.

Она потупилась и ответила не сразу, зато уверенно:

— Я блефовала, чтобы отделаться от тебя. Но ты мне не понравился тогда, не нравишься и теперь, потому что, как пить дать, ты что-то скрываешь. И ты испугался тогда. Кто ты, чёрт возьми?

— Никто.

— Нет, на этот раз такой ответ мне не подходит. Ты предлагаешь мне деньги за просто так. Не вступая со мной ни в какие отношения типа клиент-обслуга. У тебя много денег? Ты что, не знаешь, куда их ещё деть?

— Да. Так и есть.

— Поэтому ты одеваешься в лохмотья? Шляешься по улицам просто так? Поэтому предлагаешь деньги мне? Не нашёл ничего получше?

— Всё так, — согласился Никто.

— Ни хера так быть не может! Где подвох?

— Его нет.

— Чего ты хочешь от меня?

— Ничего.

— Ты ответишь мне на три вопроса. Как тебя зовут? — спросила она прямо и очень твёрдо. — Настоящее твоё имя. Твоя профессия. Теперешняя или бывшая. И последний — откуда у тебя деньги? Отвечай или выметайся отсюда.

— Я говорил тебе, — сказал он после паузы. — Я Никто. И я вор — это ответ на два последних вопроса.

— Ни хера ты не вор никакой! Я знаю точно. Уходи отсюда. И не возвращайся никогда! Я не хочу тебя видеть.

— Эхо, не надо. Прошу, — запротестовал он. — Ты нужна мне!

— Зачем?! — закричала она, подскочив на настиле. Пёс зарычал, насторожившись.

— Не важно... я дам денег... я могу помочь...

— Прочь! — заключила она, столкнув его с пледов на пол и оттолкнув к выходу из комнаты. Пёс взорвался раскатистым лаем, прыгая у ног людей и заливаясь на все лады.

— Эхо, нет, умоляю... — пытался защититься он, но сам не успел понять, как очутился у входной двери.

— Уходи отсюда! — рычала она гневно, голос померк за собачим воем.

Она снова толкнула его так, что он очутился за порогом, едва успев схватить своё пальто в коридоре. Выглядела она грозно, даже будучи нагой, совсем не испытывала стеснения. Она почти успела закрыть дверь, когда он вдруг произнёс:

— Меня зовут Аластор, — повисла недолгая пауза. Эхо замерла. — И я не вор. Я наёмник. Вернее, был им.

Пёс замолк, глядя на хозяйку. Эхо смотрела на мужчину в нерешительности. Округлая и всё ещё нагая грудь вздымалась и опадала от частого дыхания, от холода соски напряглись, превратившись в две тёмные аккуратные звёздочки.

— Я не причиню тебе вреда, прошу тебя. — Сказал Аластор, не глядя ей в глаза. — Мне нужен кто-то... понимаешь? Кто-то, с кем я не буду чувствовать себя пустым. Мёртвым. Эхо, я могу помочь... у меня есть деньги, но я могу только отдать их кому-то, не могу тратить их сам. Эхо, я прошу... — Тут их глаза встретились, столкнулись. Чёрная тушь всё ещё была размазана по её щекам. Кричащая нагота соблазнительного тела. Два синяка — под глазом и на подбородке. — Эхо... — прошептал Аластор снова, но в следующую секунду дверь захлопнулась у него перед носом.

518 день после конца отчёта

Проснувшись Вестания от причитаний Ариадны. Купе мгновенно наполнилось суетой и потирая глаза от сонного песка, она вспомнила увиденное прошлой ночью. *Как я оказалась в кровати?* Память повела себя странно. Она чувствовала себя запутавшейся в шершавых изгибах спирали, совершенно сбитой с толку. Куда делся мальчик? Неужели ей снился сон? Нет, это точно исключено. Вестания была уверена, что спираль уничтожила её способность видеть сны. Наверное, такой была плата. Но откуда тогда взялись эти странные образы? Она точно помнила, что Асфодель прошёл сквозь запертую дверь тамбура, а потом не помнила ничего. *Но люди не проходят сквозь стены наяву!*

— Асфодель? Асфо! — Ариадна выбежала в коридор, накинув на плечи разноцветную шаль поверх её ночной рубашки, огляделась. Ничего не найдя, вернулась назад в купе. — Вы видели его? Куда он делся? — запричитала она, обращаясь к девочкам.

Вестания хотела ответить, но поняла, что лгать не хочет, а правда была слишком невероятной, чтобы озвучивать её.

— Я, кажется, слышала, что кто-то выходил из купе ночью, но подумала, что это были вы или Тереня, — ответила она в конце концов. — Асфодель же был привязан и поэтому...

— Конечно был привязан! — Оборвала её Ариадна. Выглядела она очень обеспокоенной и даже рассерженной. — Как раз для таких случаев. Я же говорила вам, что мальчик неуправляем. Один Кронион знает, что могло прийти ему в голову!

— Он мог как-то отвязаться? — Вестания поправила растрёпанные ото сна волосы и села на своём месте. — Вы ведь говорили, что он умеет открывать двери...

— Конечно нет! Двери и замки это одно, но вот узлы — совершенно другая история. Он попросту не обращал внимания на свою привязь. Никогда не трогал её, не пытался освободиться, вёл себя спокойно. И я не думаю, что что-то могло это изменить. — Ариадна насупилась, редкие светлые брови почти сошлись на переносице. — Поэтому я и хочу спросить *вас*, как это могло случиться.

Её взгляд устремился на верхнюю полку над Вестанией. Сердце девушки похолодело. Тереня была возмущена тем, что Ариадна связывает мальчика. Неужели это сделала она?

Они ведь играли вчера вместе, она сама в этом признавалась. И потом, уже вечером, когда все укладывались спать. Кажется, Тера легла спать последней.

Младшая молчала. Вестания поднялась с места, чтобы взглянуть на неё. Тера тоже проснулась, сидела со своим дневником на коленях и виновато прятала глаза. По тому, как надулись губы сестры, Вестания поняла, что её догадки подтвердились. *Только не это!* — взмолилась она.

— Ты ни в чём не хочешь сознаться, девочка? — спросила Ариадна грозно. Она больше не была похожа на ту милую и мудрую женщину, какой показалась Вестании вчера утром. Теперь из-за поступка Теренеи, они окончательно испортят с ней отношения.

Тера покачала головой. Выглядела она так, будто в любой момент заплачет. Нужно было хоть как-то попытаться разрешить ситуацию.

— Ладно, стойте! — предложила Вестания. — Не так важно, кто виноват, сейчас нужно найти его, Асфоделя. Поезд ведь не совершает никаких остановок вплоть до Харибды, значит он где-то тут. Нужно пойти поискать его.

Ариадна молча покивала, не сводя глаз с Теры. Видимо, она хотела добиться от девочки раскаянья, но признавала, что поиски Асфоделя сейчас действительно были важнее.

— Хорошо. — Согласилась она. — Но вы двое поможете мне его найти.

— Разумее... — проговорила Веста, но Ариадна её прервала.

— Вы пойдёте в конец состава, а я вперёд. Так мы сможем быстрее осмотреть весь поезд.

— Хорошо, — согласилась Вестания.

Одеваться пришлось второпях. Свёрток с их деньгами Вестании снова пришлось прятать под одежду в бюстгалтер, оставлять их без присмотра в купе было слишком опасно. Тереня так и не проронила ни слова, но тоже собралась и вдвоём они пошли по вагону в хвост поезда. *Асфодель вчера тоже пошёл в ту сторону. Может, мы и сумеем его найти.*

Им пришлось стучаться в каждое купе и спрашивать не видел ли кто беловолосого мальчика (к счастью, Асфоделя было сложно с кем-то спутать). В их вагоне никто подсказать не смог.

Когда Вестания заметила, что Ариадна зашла в тамбур и точно их не услышит, девушка всё-таки решила расспросить сестру:

— Рассказывай, зачем ты это сделала, — потребовала она.

— Сделала что? — буркнула Тера уныло.

— Тера! Не прикидывайся! — Вестания разозлилась и потрясла младшую за плечо. — Это ты его отвязала.

— Ну и что? Можно подумать, это что-то плохое! Я освободила его.

— Ты дура! — Вестания была в ярости. — Теперь Ариадна точно не захочет брать нас с собой в путь на крайний север.

— Мы бы и не поехали с ней. Ей нельзя доверять.

— А она едет в Океанию. Ты забыла?

На лице Теры словно надулась грозовая туча. Конечно, она хотела искать Океанию. Придётся придумать другой план. Вестания постаралась успокоиться. Она понимала, что нельзя постоянно срываться на сестру, даже если та виновата. Веста же сама видела мальчика вчера ночью. Могла попытаться его остановить, могла разбудить Ариадну. *Почему я ничего не сделала?* Увиденное до сих пор казалось чудным запутанным сном. Словно она не до конца владела своим телом, а голова работала тяжело.

— Ладно, — девушка вздохнула, стараясь развеять гнетущие воспоминания. — Надо найти его. Пошли.

Они продолжили стучаться в оставшиеся купе их вагона. В двух никто не ответил, в остальных мальчика не видели. Сёстры уже добрались до тамбура, когда воспоминания о прошлой ночи волей-неволей всплыли в памяти. *Эта дверь в соседний вагон была закрыта*, — вспомнила Вестания. Сама мысль о том, что какая-то из дверей могла оказаться закрытой была глупой, по поезду постоянно бродили пассажиры, она сама по несколько раз на дню слышала, как хлопают двери обоих тамбуров в двух концах вагона. *Но я не могла её открыть.* И это тоже было правдой.

В этот раз дверь поддавалась без труда, ещё раз озадачив девушку. *Люди не проходят сквозь стены.* Не могло же ей показаться?

— Я знаю, что делать, — вдруг заявила Тереня. — Это же как раз десятый вагон. — Она сверилась с красным номером над дверным проходом. — Мы попросим помощи у Веспера и Фрикса. Они говорили, что мы можем обращаться к ним за помощью. Так мы

ускорим поиски.

— Плохая идея, — сказала Вестания прежде чем они успели выйти в коридор соседнего вагона. — Ты что, не понимаешь, почему они хотят, чтобы мы просили у них помощи? Потом они скажут, что мы должны помочь Соп... — Вестания вовремя осеклась. Произносить название запрещённой организации вслух было неразумным. — Должны помочь *им*. И тогда мы точно никуда не уедем.

— А ты думаешь, мы справимся одни? Веспер же говорила, что сход с поезда может быть рискованным.

Вестания надеялась, что активистка преувеличивала специально, чтобы вынудить их примкнуть к Соппротивлению. Но точно знать не мог никто. Однако Вестания уже почти приняла решение не рассчитывать ни на кого, кроме себя и сестры.

— Мы должны встретиться с мамой в Термине. А потом придумаем, как отправиться дальше. — Сказала она уверенно.

Они продолжили стучаться в купе и спрашивать про Асфоделя. Добрались и до пятого купе. На стук никто не ответил и Вестания уже хотела пойти дальше, но Тереня не посоветовавшись с ней постучала так, как показывала ей Веспер — два коротких и один длинный раз. Всего через пару секунд дверь открылась. В проёме купе появился Фрикс, и на его лице сразу расцвела улыбка. Вестании показалось, что он задержал на ней взгляд. Ни проронив ни слова, парень жестом пригласил их внутрь.

— Я всё ждала, когда вы зайдёте, — поприветствовала их Веспер.

Девушка сидела за кипой бумаг за столом. Судя по вещам, разложенным на верхних не застеленных полках, они ехали в купе только вдвоём. *А маме билет не достался*, — подумала Веста угрюмо. Конечно, если Соппротивление выкупило часть билетов, могло позаботиться и о комфорте своих сотрудников, но её не покидала мысль, сколько людей отчаянно пытались уехать, откладывая каждую монетку, отдавали все свои сбережения. В этом купе могли бы разместиться ещё двое. Две спасённые из когтей Сциллы жизни. Вместо них — сваленное на полках бельё.

Веспер поспешно закрыла альбом, исчерченный вдоль и поперёк, и сдвинула его поближе к стене. Сразу видно, не хотела, чтобы посторонние могли прочитать написанное. Что там было? Имена пассажиров, которые согласились примкнуть в Соппротивлению? Какие-то секретные данные?

— Извините за беспорядок, очень много работы. — Сказала Веспер. — Ненавижу долгие поездки. Жду не дожусь завтрашнего дня, когда мы, наконец, вернёмся в Термину.

— Нам нужна ваша помощь, — выпалила Тера. — Мальчик, который едет с нами в купе пропал. Мы должны его найти.

Как ловко она опустила неудобные ей подробности, — подметила Вестания.

Брови рыжеволосой удивлённо взвились вверх. Они с Фриksom быстро переглянулись.

— Должен найтись, если не сошёл ночью на полустанке.

Эта мысль Вестании в голову ещё не приходила:

— Поезд же не делает остановок!

— Только технические. Но при желании, выйти можно. У него были причины покинуть состав?

— Там всё непросто... — призналась Вестания. — Он... ну, слабоумный. — Она всё ещё не знала, каким словом лучше описать Асфоделя. — Предугадать его действия очень непросто.

— Как вы намерены его искать?

— Мы опрашиваем других пассажиров, стучимся к ним в купе.

Веспер нахмурилась, затем с сожалением оглядела стол, заваленный бумагами.

— В поезде много пассажиров... разных. Не стоит вам рваться в каждую дверь. — Её голос звучал загадочно, словно она чего-то недоговаривала. — Но я пока несколько занята. Пусть Фрикс поможет вам пройти по вагонам. Он не очень в распросах, но с ним будет безопасней.

Парень восторженно от её слов и с готовностью приосанился.

— Спасибо, — сказала Вестания.

Они возобновили поиски уже втроём. Веспер была права в том, что не во всех вагонах были рады гостям. Некоторые пассажиры встречали их так уныло и настороженно, как будто, так и ждали наряда янтарной полиции. В непростые времена, на самом закате известного мира люди становились подозрительными, и потому опасными. Вестания ловила себя на мысли, что они едут в очень небезопасный регион, в котором помимо известных на западе проблем, конфликт между властью и народом обострился так сильно, что вот-вот грозился взорваться.

Фрикс не принимал особого участия в их поисках, но следовал за девочками, словно серая тень. В тамбурах учтиво открывал перед ними двери, пропуская вперёд. Она чувствовала себя странно в его присутствии. То ли пыталась ловить на себе взгляд холодных голубых глаз, то ли в обратном боялась ощутить их на своей коже.

Спустя примерно три четверти часа поиски так и не увенчались успехом.

В очередном вагоне Фрикс принялся быстро жестикулировать: поочередно выставил пальцы, отсчитывая что-то, потом скрестил расставленные ладони.

— Это последний вагон? — спросила его Вестания, на что Фрикс покивал.

Надежда на то, что их поиски увенчаются успехом, таяла с каждой очередной дверью, в которую они стучались. Никто из пассажиров всё ещё не знал ничего о пропавшем мальчике и не смог им помочь.

— Мы же проверим тамбур? — спросила Тереня, когда им отказали в последнем купе. Вестании не оставалось ничего, кроме как согласиться.

Но стоило им только открыть дверь, как в лицо Весте ударил ледяной поток воздуха. Она поёжилась и ненамеренно наткнулась на Фрикса, шедшего следом. Получилось так, что она неловко прижалась к его груди, но извиниться она не успела, потому что увидела распахнутую настежь противоположную дверь, которая вела не в следующий вагон, а прямо в снежную белизну, рассечённую двумя черными линиями рельс. В проёме двери, повернувшись к ним спиной, стоял мальчик с белоснежными кудрями, которые ярились на ветру. У Вестании закружилась голова от одного только вида этой сцены. Сердце забилося, как бешеное. Она сама не понимала, что с ней происходит, но она бросилась вперёд и схватила мальчика за плечо, пытаясь втянуть его обратно в тамбур.

Он же разобьётся! Упадёт прямо на рельсы и точно не выживет на такой скорости!

Но не успела её рука уцепиться за его синий свитер, как по ней пробежала болезненная судорога. Асфодель развернулся к ней лицом, резко и неожиданно. Стальные глаза выстрелили Вестании в голову, как пули. Она почувствовала, как стремительно на неё накатывает волна слабости. Ноги подкосились.

Нет! Не сейчас!

Вестания стояла в дверном проёме рядом с Асфоделем, они смотрели друг на друга. Что

он здесь делал и зачем привёл их сюда? В памяти всплыл сон, увиденный ночью, но быстрее, чем приходило осознание, на девушку накатывала беспомощность. Она ощущала себя змеей напротив дудки укротителя.

Я же хотела втащить его в тамбур... как..?

Поезд вдруг подскочил и подпрыгнул на рельсах. Вестания не справилась с равновесием и её вытолкнуло из проёма. Ещё миг и она зависла над пропастью и дребезжащими внизу колесами поезда. Нет, её точно не раздавит, но она разобьёт себе голову о рельсы на такой скорости. И навсегда останется лежать там внизу, посреди белизны.

Снег резал глаза. Время замедлилось, почти остановилось.

Но почему-то она не падала.

Что-то незримое удержало её. Она почувствовала странное касание. словно вместо падения она наткнулась на чьи-то руки. Они удерживали Весту снизу, упирались ей в грудь. В этом мороке остановившегося времени она успела повернуть голову и увидела лицо Асфо. Мальчик кивнул и отвёл от неё взгляд.

Время возобновило свой бешеный бег.

Руки, но уже настоящие, схватили её за плечи и втащили в поезд. Не справившись с равновесием, Вестания упала на пол тамбура. Жар прилил к лицу. Ей показалось, что сердце должно разорваться от такого бега.

В тот же миг Фрикс захлопнул дверь и присел к ней. Шум колёс разом стал глуше, ветер вечной зимы перестал врываться в тамбур.

— Веста! — Тереня бросилась к ней в объятия, она плакала — Ты чего?

— Он стоял на краю, он... — залепетала Вестания.

— О чём ты? — сестра сжала её так сильно, что затрещали рёбра. — Ты бросилась в открытую дверь и чуть не упала. Фрикс схватил тебя в последний момент.

— Но... — Вестания огляделась в панике.

Тера рыдала, прижавшись к ней, Фрикс сидел напротив с озадаченным лицом. Асфоделя не было.

Страх накрыл её с головой.

Что со мной происходит?

Она побоялась рассказывать о видении. Сказала лишь, что чуть не потеряла сознание, что ей было плохо. Кажется, Тереня так сильно испугалась, что приняла это оправдание. *Конечно, лучше уж так, чем узнать, что твоя сестра пыталась спрыгнуть с поезда.*

Или что она сумасшедшая.

Им не оставалось ничего, кроме как пойти обратно в свой вагон. Фрикс тоже предпочел вернуться. Возле их с Веспер купе она осмелилась взять его за руку.

— Спасибо, что спас, — сказала Вестания, поняв, что до сих пор не поблагодарила парня. Пока они возвращались, девушка успела немного прийти в себя, и теперь ей было стыдно перед Фриксом за её нелепую выходку. *И за то, что сочтёт меня сумасшедшей.*

Он не ответил, но чуть улыбнулся краем губы и в ответ слегка сжал её руку. Живот Вестании наполнился странным теплом. Фрикс постучал их с Веспер особым способом и сёстры пошли дальше по составу.

От Вестании не укрылся язвительный взгляд Теренеи.

— Что? — спросила она раздражённо.

— Ничего. Вы уже начали держаться за руки?

— Очень смешно, — парировала Вестания. — Подумай лучше, что сказать Ариадне.

— А что мы можем ей сказать? Мы не нашли Асфоделя. Может, лучше ты мне расскажешь про то, что случилось в последнем вагоне?

— Потом, — отмахнулась Вестания, прекрасно зная, что этого разговора не состоится.

Возвращаться в купе пришлось с гнетущим чувством тревоги. Может быть, Ариадне в поисках повезло больше? Но Вестания точно помнила, в какую сторону Асфодель ушёл ночью, если, конечно, увиденное всё-таки не было сном. Какого же было её удивление, когда, отодвинув дверь купе, она обнаружила Ариадну и мальчика внутри. Она испытала громадное облегчение, но вместе с ним с чувство тревоги. После случившегося в последнем вагоне поезда Вестания начала подозревать, что Асфодель не так прост, как кажется на первый взгляд. Откуда брались эти странные иллюзии, связанные с ним? Вдруг, это он сам желал ей зла.

— Вы нашли его! — обрадовалась Тереня, влетая в купе вперёд Весты.

Мальчик сидел на своём привычном месте под столиком, повязка опять связывала его лодыжку, второй конец был обмотан вокруг поручня на стене. Вестания бы могла сказать, что у него был подавленный и печальный вид, но ровно так Асфодель выглядел и весь вчерашний день. Отстранённый, глаза, смотрящие куда-то сквозь окружающих, сторбленная спина, руки обнимали колени, и он слегка покачивался взад-вперёд. Вестания не знала, был ли он правда так несчастен, как считала Тереня, но после пережитого намеревалась держаться от мальчика подальше.

— Что удивительно, нет. — Оборвала её радость Ариадна. — Я вернулась сюда минут десять назад, он уже был здесь, словно никуда не пропадал.

— Но... как? — воскликнула Вестания.

Это казалось невозможным, они стучались в каждую дверь, но мальчика никто не видел. Не мог же кто-то скрывать его у себя, да и спрятаться в поезде было не так просто.

Ариадна в ответ лишь развела руками.

— Лишь Крониону известно. Ты сама в порядке, девочка? На тебе лица нет.

Её голос показался Весте обеспокоенным, но она всё ещё была не уверена в том, как Ариадна к ним относится теперь.

— Всё хорошо, — постаралась она заверить женщину. Вдаваться в подробности о случившемся, тем более, с малознакомыми людьми, она точно не хотела. — Просто плохо спала ночью. Может, вздремну ещё.

— Не буду тебе мешать, — ответила Ариадна и занялась своим вязанием.

Вестания растянулась на нижней полке и представила спираль. Только она одна могла подарить ей сейчас покой. Это будет вовсе не сон, но медленный спуск в самую бездну себя. Хотела бы она добраться до дна однажды, но боялась, что дно засосёт её.

Тереня догадалась, что Вестания опять ушла куда-то за грань этой реальности. Её пугала эта странная привычка сестры, она превращалась в зависимость, но Тера совершенно не знала, как ей помочь, поэтому предпочла не трогать её вовсе.

Тереня давно заметила изменения в поведении сестры. Они нарастали постепенно, становясь всё острее и заметнее с каждым годом. Совсем всё обострилось после катаклизма, когда Вестания смотрела в черноту за окном. Один случай за несколько недель до их отъезда заставил Теренею обеспокоиться за сестру.

Тера вернулась со школы, а Вестания уже была дома. Видимо прогуливала уроки, вернулась раньше нее, такое уже происходило. Но в тот день Тера впервые увидела кое-что очень странное. Вестания сидела на своей кровати и смотрела на противоположную стену. Тереня позвала ее, но она не отвечала и не обращала на сестру никакого внимания. Тогда она подошла к Вестании и потрясла за плечо, а потом вдруг увидела, на что она смотрела. Вестания начертила на той стене спираль и смотрела прямо на нее, не отводя глаз. Когда наконец младшей удалось её растряссти, Веста очень сильно разозлилась, накричала и вытолкала Теренею из их комнаты, но девочка успела рассмотреть, что её руки были испачканы в чёрной краске, а ещё у нее на лице было очень странное выражение. Тереня до сих пор не знала, как его описать, оно было каким-то чужеродным, как будто это была не Веста, как будто кто-то управлял сестрой.

Тереня тоже порой совершала необдуманные вещи. Она действительно развязала верёвку ночью, но сейчас не знала, был ли в этом смысл. Как будто ей казалось, что мальчик сможет сбежать. Он ведь так и сделал, но потом вернулся назад.

Интересно, что произошло с ним, пока его не было? Куда он ходил?

Она сидела на краешке нижней полки, рядом с ногами Вестании и рассматривала Асфоделя, притворяясь, что что-то пишет в своём дневнике. Прошёл почти час, когда Ариадна зевнула и, убаюканная, покачиванием поезда, убрала вязание, перевернулась на бок и заснула. Мальчик, верно, так и ждал этого, потому что разом востепенел, вытащил из кармана пригоршню железок вместе со странным приспособлением, которое он делал вчера, и стал быстрыми отточенными движениями собирать их воедино.

Тереня ещё раз удостоверилась, что Ариадна спит, а Веста пребывает в своём отрешённом состоянии. Девочка тихо спустилась с полки на пол и подползла поближе к Асфоделю. Мальчик вскинул голову, посмотрев мимо неё. Чуть отполз в сторону, но уже не так быстро, как вчера. Тера села поближе к нему, надеясь, что он не станет её бояться. Кажется, слишком увлеченный процессом сборки, не желая терять время, он вернулся на своё место и вновь принялся за работу.

У мальчика появились новые детали. Неужели он ходил за ними и смог найти новые элементы своего необъяснимого устройства? Асфо безошибочно определял место каждого болтика, шестеренки и пластины. Можно было подумать, что он собирал эту конструкцию раз двести, чтобы развить такую скорость мышления и движения пальцев. В его серых глазах была такая воодушевленность, словно он выполнял что-то очень важное, словно этим невиданным прибором можно было излечить мир от конца света и от вечной зимы. Тереня вспомнила про ключ, о котором говорила Ариадна. Даже если это вовсе не он, Асфодель был особенным. Как она могла держать его на поводке!

— Что это? — спросила Тера, когда все детали в его окружении закончились, а последний болт обрёл своё место в конструкции очень странной и замысловатой формы.

Асфодель не ответил, красноречием он не уступал даже Фриксу. Вообще было странно встретить двух немых людей на одном поезде. Фрикс мог объясняться жестами, взглядами и этой злобещей улыбкой, от которой Вестания заливалась краской. Асфодель же избегал даже смотреть в глаза, однако он был очень умным.

Асфо снова отвел рычажок в сторону, и теперь уже все детали конструкции с треском и приятным жужжанием, цепляясь одна за другую, завращались по кругу. Тера с удивлением заметила, что скрученная улиткой пластинка в центре конструкции закружилась по спирали.

Тожe спираль? — подумала она со смятением, а вслух сказала:

— Вам надо подружиться с Вестанией.

Асфодель никак не отреагировал на это. Спираль покружилась еще недолго, пока завод не закончился.

— Ты молодец! — похвалила его Тера, и, всё ещё сомневаясь, осмелилась протянуть к нему руку. Мальчик уставился на протянутую ладонь и опять отодвинулся от неё подальше. — Не бойся, я же ничего тебе не сделаю, — пообещала Тереня как можно мягче.

Асфодель не ответил, продолжая пялиться на руку, как если бы та была змеей.

— Я отвязала тебя ночью, помнишь? — прошептала Тера чуть слышно. — Потому что никто не должен быть связан. Я думала, ты уйдёшь, но ты вернулся. Скажи мне, ты боишься её? — она покосилась на спящую Ариадну.

Он наклонил голову вниз так, что белые кудри его густых волос почти скрыли лицо. *Интересно, как его волосы поседели? Он ведь чуть старше меня... Неужели, с ним так плохо обращались раньше...* Сердце Теренеи сжималось от жалости к мальчику. Если бы только Вестания разрешила забрать его с собой, но просить о таком она не смела, прекрасно зная, что ответит старшая сестра. В одном Тера была убеждена — Асфо не собственность, чтобы Ариадна удерживала его с собой насильно.

— Асфодель, пожалуйста, поверь мне, я только хочу помочь, — попросила она.

Рука Теры приблизилась к снежно-белым волосам. Как лепестки асфоделей. Он зажмурился, но больше не отползал. Она провела по упругим кудрям рукой, едва коснулась. Волосы были мягкими, словно пушистые облака. Асфодель втянул голову в плечи так, как если бы ждал удара. Тереня едва сдержала слёзы и опустила руку, не желая напугать его или доставить дискомфорт.

Мальчик поднял голову. Серые глаза растерянно бродили то влево то вправо, как будто он никак не мог найти ими Теренею.

— Мне жаль, — прошептала девочка и больше не решилась дотрагиваться до него.

Она забралась к себе на верхнюю полку и долго смотрела в окно, где проплывала скованная вечной зимой Ойкумена. Больше всего её печалило, что уже завтра они доберутся до Термины и им с Вестанией придётся расстаться с Ариадной, а значит и с Асфоделем. Почему-то теперь она была точно уверена, что женщина не захочет брать девочек с собой, или что Вестания не осмелится попросить об этом. Именно поэтому она и отвязала Асфо, надеялась, что у них будет шанс найти его после остановки поезда.

Какая я глупая...

Больше всего на свете Теренее бы хотелось, чтобы рядом сейчас оказалась мама. Она бы точно знала, как поступить правильно. Оставалось только надеется, что она найдёт способ приехать в Термину поскорее, тогда они встретятся и придумают, что делать дальше.

И мы найдём способ попасть в Океанию. Только мы попадём туда все вместе. Вестания, мама, я, а ещё Асфодель.

Когда Вестания пришла в себя, исцелённая спиралью, за окном «Восточного Вестника» стояла ночь. Спать ей не хотелось, а в поезде вновь воцарилась привычная духота, поэтому она тихо выскользнула из купе, притворив за собой дверь и направилась в тамбур, чтобы подышать воздухом. Спираль всегда удушала своими тугими извивами, а после прошедших днём событий, Весте хотелось очистить разум свежим воздухом. *Или, сигаретой, если бы*

они были... — с сожалением подумала она.

В тамбуре было пусто и холодно, свежий воздух очистил её голову. В окошке двери, ведущей в соседний вагон, она увидела чью-то голову, едва различимую за мутным стеклом. В надежде, что ночной пассажир согласится поделиться сигаретой, Вестания открыла дверь и перешла в соседний вагон.

— Фрикс, — осеклась она, завидев парня. Щёки тут же залились краской, Вестания понадеялась, что он не заметит этого в полумраке тамбура. Он действительно курил и поприветствовал её кратким кивком. — Прости... ты не...

Ей даже не пришлось просить: Фрикс протянул Вестании приоткрытую пачку тонких «Евангелос», легко предугадав её желание. Тут же в темноте вспыхнул огонёк его зажигалки.

— Спасибо... — обронила Вестания смущённо.

Дым наполнил лёгкие и принёс с собой облегчение. Неловкость ситуации всё ещё тяготила Вестанию, и она постаралась отвернуться от Фрикса, сделав вид, что смотрит в чёрное окошко двери, за которым проносились пока ещё не отменённые, но такие же пустые земли.

— Спасибо ещё раз... за сегодня. — Прошептала она, осмелившись обернуться к нему.

Фрикс стоял позади, ждал, пока она докурит. В ответ он лишь кивнул, а сердце в груди так и не унималось от его присутствия.

— Можно я спрошу? Мне надо знать, потому что уже завтра мы прибываем в Термину.

На что ты надеешься? — Заговорил внутренний голос её сомнений.

Фрикс выставил ладонь в доверительном жесте.

— Вечер и ты. Вы же не обманываете нас? Мы можем вам верить?

Фрикс усмехнулся и уверенно покивал.

Ну и что? Эта была правда или ложь?

— Если мы вступим в Сопротивление... это будет опасно для нас?

Лицо парня приняло серьезное выражение, и он кивнул.

— Вы сможете нам помочь сойти с поезда завтра, если мы откажемся вступать?

Фрикс покачал головой.

Всегда приходится выбирать что-то одно.

Вестания напряжённо затаилась «евангелиосом».

— Спасибо за всё, — повторила она, — но мы не можем пойти с вами завтра. Тера совсем ещё ребёнок. Нам надо дождаться маму и двигаться дальше на север. Наверное... — добавила она это опасное слово. — Но я всё равно рада, что встретила вас в поезде. И что ты спас меня и...

Ей вдруг стало страшно от потока слов, что полились из неё с такой нескрываемой искренностью. Она отвернулась, бросив недокуренную сигарету в металлическую пепельницу, прикрепленную к двери. Несколько секунд в тамбуре висела тишина. Тут рука вдруг мягко легла на её шею и Вестания вздрогнула, но не от страха, а от странной вибрации, что засвербела внутри неё. Его пальцы были такими мягкими, такими почти по-женски нежными. Он прошел позади неё, скорее проскользнул, затем Вестания почувствовала, как он нагнулся к ней, словно желая поцеловать или сказать что-то на ухо, она уже приготовилась слушать, в ней даже встрепенулся истинный интерес к тому, что он мог произнести, но из уст парня не вырвалось ничего громче едва различимого шипения. Эти махристые нотки, как шуршание листьев под ногами осенью. В тамбуре было совершенно темно, но Вестания всё равно зажмурилась против своей воли, произвольно, лишь бы

только почувствовать это шипение всем своим телом. Да, она уже не была девочкой, но эти заигрывания не от сверстников, от людей старше нее, были чем-то совершенно новым. Эти странные прикосновения Фрикса пробуждали что-то затаенное и до сей поры неизвестное. Зачем он это делал? Она никогда не считала себя ни красивой, ни даже симпатичной. Что в ней такого особенного? Чёрные длинные волосы, слишком непослушные, чтобы сделать нормальную причёску, а распущенные — они лезли в глаза, поэтому она всегда обходилась хвостом. Глаза карие — такие почти у всех, ничего интересного, про карие глаза песни не пишут. Все героини книг, которые она читала, были светловолосые и голубоглазые. А Вестания — тёмная, не слишком худая и не очень изящная. Она ничуть не походила на красивых девушек-муз, вроде Эльпиники или Гармонии, которые нравились парням, и на которых хотели походить глупые девочки, такие как Тереня. Но почему тогда Фрикс делал это? И что ещё важнее, почему ей это нравилось? Его рука. Его рука, такие тонкие и длинные пальцы берут её ладонь, так аккуратно и нежно сжимают. Совершенная темнота. Его лицо так близко, они могут поцеловаться. И никто ничего не узнает, потому что Вестания никому не расскажет, а Фрикс не говорит. Она даже тянется к нему навстречу, поддавшись звуку его дыхания, не думая ни о каких последствиях. Рука в руке. И губы напротив губ. Но тут он повторяет свое: «чшшш», кладет ей палец поверх губ, проводит ладонью вдоль овала лица и отводит руку прочь.

Вестания почувствовала легкое смущение от того, что позволила своим чувствам возобладать над рассудком, пусть и на одно короткое мгновение. Наверное, невинный поцелуй в ночном поезде ничего бы не изменил. Они просто разойдутся навсегда, а у неё бы осталось приятное воспоминание. Но миг был неминуемо упущен.

Она понимала, что эта влюблённость ни к чему не приведёт. Фрикс навсегда исчезнет из её жизни. Уйдёт сражаться на свою войну, туда, где опасно. Завтра и никогда больше она его не увидит. Ей вдруг стало нестерпимо тяжело отпускать его. Она протянула руки и обняла острые плечи, прижалась к теплой груди. Мягкие руки погладили её голову.

Всё могло бы быть иначе. Но всё будет так, как будет.

— Прощай, — прошептала она, и в ответ услышала тихое «чшш» из его уст.

314 день после конца отсчёта

Удушающие объятия сна сдавливали руки на горле Эльпис. Она проваливалась в густой туман над Итакой, прямо на колючие глыбы столкнувшихся льдин, падала со скоростью астероида, но полёт был словно закольцован, она чувствовала спиной приближающуюся реку, но никак не могла обрушиться на неё. Она открыла рот, силясь закричать, но голосовые связки были стиснуты, сжаты кем-то незримым, ни малейший звук не мог сорваться с губ, но в ушах всё равно стоял невыносимый шум. Эли была не в силах даже близко описать, на что он похож. Предсмертный вопль паровоза, срывающегося в пропасть с рельс. Крик кита, разбивающегося о берег. Стоны голодных безглазых детей. Страшный ор раздавался отовсюду сразу, звенел в каждой капле тумана. Крики всех мёртвых на свете, но только не её крик. Эльпис попыталась изогнуться всем телом, чтобы хотя бы перевернуться в полёте, но её руки и ноги словно наполнились смолой. Чёрный пахучий дёготь теперь тёк у неё по жилам вместо крови. Она не могла пошевелить ни единым пальцем. Не могла даже открыть глаза. Что-то продолжало сжимать её горло. Девушка ловила ртом воздух, но он не попадал в лёгкие, не мог напоить их, словно был разряжен, словно это был не тот воздух, к которому она привыкла.

Не воздух Элласа.

Но где тогда она была? В пролетающей капле воды Эльпис увидела своё отражение. Изуродованное, сломанное тело. По коже ползли трупные пятна, она разлагалась. *Как давно я мертва? Как давно падаю сюда... куда?*

Вдруг она почувствовала, как что-то щекочет плечо. Она ожидала увидеть хитиновый панцирь уродливого насекомого, но вместо этого...

Перо?

Крошечное перышко, трепещущее на ветру. Эли отвела от него свинцовые глаза и в этот момент увидела лицо с хищным клювом вместо носа. Гарпия впиалась своими когтями прямо ей в плечо и весь окружающий гвалт голосов и криков исторгся из пасти страшного чудовища. Гарпия разорвала ей горло и запела прямо внутрь кровоточащей раны, словно играя на Эли, как на извращённом музыкальном инструменте.

Эльпис подскочила на кровати, распахнув глаза. Из её горла вырвался крик — громкий, пронзительный. Глаза наполнились слезами, её трясло от только что пережитого кошмара. В голове гудело и дребезжало, так что она закрыла уши руками.

— Тише, — раздался голос сквозь дребезг. Эльпис, ещё не отделавшись от ужаса, принялась брыкаться, но тёплые руки обхватили её. — Эли, это был сон, — голос Ники стал настойчивее.

Сон. Ужасный, отвратительный кошмар. Она изо всех сил пыталась справиться с дыханием, пыталась вернуть себе контроль над телом. Руки Ники обняли её и тут...

Её руки.

Эльпис остолбенела, почти забыв об этом сне. Что-то было в этом прикосновении, едва уловимое. Наверное, Ника и раньше обнимала её *так*, но только теперь Эльпис смогла это прочувствовать и понять. Её объятия были особенными, в них заключалось столько любви и нежности, что Эли тотчас ощутила себя слабой и хрупкой, какой-то совсем маленькой и незащищённой. Сонная Ника прижимала её к себе как самое сокровенное и

дорогое сокровище. Она обнимала её так, как любая женщина хотела бы чтобы её обнимали.

Удивительное чувство, вызывающее трепет.

— Я люблю тебя, Ники, — прошептала она. Во рту стоял тошнотворный вкус перезрелых ягод. Последствия дешевого вина. Но Эли показалось, что она ещё никогда не была так уверена в своих словах, как теперь.

Руки-крылья погладили кожу на плече.

— И я тебя, — ответила она сонно.

Что-то сломалось в Эльпис, что-то разорвалось. Гордыня, которой она так дорожила? Ей показалось, что даже шум в ушах стал значительно тише. Буря беспокойств, беснующаяся в сердце, вдруг улеглась. Они заснули вновь, и на утро Эльпис проснулась на удивление бодрой. Она встала задолго до Ники. Тихо, не желая будить её, оделась и собралась. Перед уходом из гостиничного номера Эльпис заглянула в спальню, поцеловала Нику в сомкнутые губы, но та не проснулась. Эльпис также тихо вышла. На её пустой подушке лежало белоснежное пуховое перо.

Её половина кровати была пустой. Ника не знала, что это могло значить. Куда делась Эли, во сколько она ушла? Она помнила, как проснулась с отголоском поцелуя на губах и это было невозможно приятно, но вот только потом он растаял, а её рядом не оказалось.

Ника почувствовала ледяной озноб, который, словно змея проскользнул вдоль позвоночника. У неё было дурное предчувствие, и она ничего не могла с ним поделать. Она вышла на балкон «Резиденции», набросив на голые плечи чёрный соболиный полушубок. Погода сегодня была чуть лучше, чем обычно. Сквозь серые облака силилось пробиться солнце, так и норовило воткнуть в брешь свой обоюдоострый луч. Ника закурила, глядя на жужжащий внизу город. Утро было относительно ясным, она даже могла рассмотреть противоположный берег Итаки, круглый диск концертного зала «Олимпиус», где они выступали вчера. *И будем выступать завтра. Наверняка Пигмалион вызвал её утром, потребовал дать опровержение, как и хотел.*

Как же мерзко Ника чувствовала себя на утро после произошедшего. Из головы не шло заявление Эльпис о шуме, стоявшем у неё в ушах. Интересно, была ли это правда или просто пьяный бред? Эли часто говорила вещи, от которых потом отрекалась. С ней было невозможно понять, где правда, а где мираж.

Она докурила, бросив окурочку в утренний город. Стоило оставить окно приоткрытым, после вчерашней попойки люкс пропах табаком и алкогольными парами. Она хотела пойти принять ванну и не вылезать оттуда до возвращения Эльпис, как вдруг дверь номера открылась. В проёме двери появилась служанка-метиска, Ника вспомнила: её звали Психея.

— Извините, кирие, — огромные синие глаза показались Нике полными страха и смущения при виде обнажённой постоялицы. Обслуга в «Резиденции» была обучены не докучать гостям, ведь в гостинице останавливались высшие чиновники, в том числе и из Сциллы. — Я зайду позже.

Молодая девушка уже хотела закрыть дверь, но Ника остановила её.

— Нет, стой. Всё в порядке. Делай свою работу.

Психея отвела глаза, стараясь не рассматривать Нику. По ней было видно, что она колеблется.

— Точно? — осторожно переспросила она.

— Да, входи.

Ника поспешно завернулась в халат, небрежно валяющийся на полу возле шкафа, и прошла к центру гостиной, кивнув на расставленные на полу бутылки вина:

— Здесь точно нужна уборка. Приступай, я пойду в душ, не буду тебе мешать.

Через полчаса, когда Ника вышла из ванной комнаты, служанка уже успела привести гостиничный люкс в приличный вид. Бутылки были убраны, как и рассыпанный по столику пепел. В вазоне красовался букет свежих нарциссов. *Вот Эльнис обрадуется, когда вернётся*, — подумала Ника, оглядывая цветы.

— Вам принести чай и завтрак, кирие? — учтиво спросила служанка.

— Позже. — Из-за волнения аппетит как отрезало. — Скажи, ты видела, как Эльпиника покидала гостиницу сегодня?

Девушка кивнула головой, всё ещё не осмеливаясь смотреть прямо на Нику, хоть та и была в халате и с полотенцем, обернутым вокруг головы.

— Да, кирие. Около девяти утра она ушла.

— Как она выглядела?

Служанка немного растерялась этому вопросу, но Ника спрашивала достаточно настойчиво, чтобы у той был хотя бы малый шанс промолчать:

— Хорошо. Белая шуба, укладка, макияж. Красная помада на губах.

Ника тяжело вздохнула. Худшие сомнения подтвердились, в таком виде она могла отправиться только к Пигмалиону. *И ничего не сказала! Даже не разбудила!*

— Вызвала машину на стойке внизу. Я дежурила там утром, только поэтому заметила, — быстро добавила служанка.

— Ясно... — рассеянно обрала Ника. На неё напало тягучее чувство надвигающейся беды.

— Доброго дня, — Психея выдавила из себя заученную улыбку и уже было ринулась к двери.

— Нет, подожди, — Ника сама не знала, зачем её окликнула. Ей просто стало нестерпимо страшно оставаться одной. — Ты... можешь задержаться ненадолго? — попросила она.

Психея растерянно обвела взглядом гостиную.

— Я уже убралась, кирие.

— Я знаю... Просто... побудь немного здесь, — попросила она. — Сядь, — она кивнула на диван. — Не переживай, я скажу, что это я попросила тебя.

— Хорошо, кирие, — Психея всё ещё сомневалась, но её научили выполнять все требования постояльцев «Резиденции», особенно тех, кто снимал такие шикарные люксовые номера.

— Расскажи ещё о севере, — попросила Ника. — Ты говорила, что ты родилась на Пацифиде.

Психея пожала плечами и устремила свои невероятные глаза в окно, то ли стесняясь хозяйки номера, то ли пытаясь мыслями перенестись за сотни километров от Харибды, в то место, которому она на самом деле принадлежала. Ника не могла не отметить насколько красивой была девушка. В ней заключалась таинственная отстранённость вкупе с этой экзотической наружностью. Она бы могла написать о ней песню.

— Там очень длинные, чёрные ночи. И очень тихо. Эта тишина кроет в себе опасности.

Иногда она перебивается далёким воем лесных зверей или леденящим душу шорохом у тебя за спиной. Чтобы избежать этой тишины, мой народ любит рассказывать истории. Долгие, мрачные, истории о таких же людях, как и они сами. О тех, кто выживает в этих землях, полных угрозы.

— Ты помнишь о них? Можешь рассказать одну? — Попросила Ника.

Психея повела плечом. Её голос и тягучая манера речи успокаивали и убаюкивали Нику. Ей хотелось продолжать слушать эту загадочную девушку.

— Я почти всё забыла. Кроме одной. Наверное, очень часто слышала её в детстве. Эта история о Киммуксуке и его сестре, кане.

Ника не осмеливалась перебивать её, лишь кивнула, чтобы Психея продолжила.

— Однажды в непогоду муж с женой отстали от своего племени, и зимовать им пришлось в наскоро сколоченной лачуге. Вьюга за окном не унималась ни на день, мужчина с женщиной были вынуждены голодать. Женщина вскоре понесла двух детей, которых назвали Киммуксук и Кана в честь падавшего в ту ночь снега. Молодая семья еле-еле пережила тяжкую зиму, они уже собирались отправиться на поиски своего племени, когда вечером ранее в их дом пожаловала одинокая странница, рамаси — или злая колдунья. Муж понял это по упряжке, запряженной сказочными животными — латаки, это собаки с головами тюленей. «Пусти меня в дом переночевать, а я взамен дам тебе это мясо», — сказала рамаси, указывая крючковатыми пальцами на свою поклажу, где громоздились туши освежёванных животных. Мужчина понял тогда, что ему выпало столкнуться с потусторонней силой, но обычай требовал пригласить странницу в дом, поэтому он не отказал ей, тем более от вида свежего мяса он едва мог сдержать слюну.

«Пусть заходит, но пищу её трогать не смей», — шепнула ему жена. Она знала, к чему могли привести последствия такой встречи. Рамаси тем временем зашла в дом, не ожидая приглашения, и принялась хозяйничать: коптит тушки зайцев. Жена же смогла поставить на стол лишь корешки таволги, которые накопала с утра, да единственного пойманного в ловушку лемминга. «Не богат ваш стол, но вы не стесняйтесь, угощайтесь моими яствами», — предлагала колдунья, раскладывая щедро смазанные жиром ломти мяса.

«Не ешь, добрый мой супруг. — Шептала жена, — Рамаси ненавидят людей и всячески пытаются нам навредить. Нам будет достаточно и нашей еды». Рамаси же тем временем жадно пожирала разложенные ею угощенья. Её зубы щелкали по-волчьи, вгрызаясь в мясо и отрывая от него куски. Жена старалась не смотреть на неё, она молча жевала корешки розовой таволги, силясь разгрызть их, и баюкала двух своих чад на руках. За зиму грудь её совсем обвисла, молоко иссякло, и дети тоже постоянно просили есть, но она сдержалась, и не притронулась к угощениям рамаси. Мужчина же, съев лемминга, коего почти не заметил, долго пялился на колдунью. Та не церемонилась, оставляя здоровые куски мяса на костях, которые бросала прямо на пол. Одну из костей, не сдержавшись, мужчина поднял и обглодал, не в силах совладать с голодом.

«Не устоял! — Закричала рамаси с восторгом. — Отведал мяса, а сам и не заметил даже, что оно было человеческим!» Мужчина с ужасом взглянул на кость, которая сперва показалась ему оленьей ногой, но вдруг на одном её краю он отчётливо разглядел человеческие пальцы. «Будешь навеки теперь ты обречен!» — захохотала рамаси и испарилась в тот же миг вместе с повозкой и всеми своими угощениями.

С тех пор мужчина потерял рассудок. Больше ни одна пища, кроме человечины не

приносила ему насыщения. Не прошло и дня, как он зарубил свою супругу топором. Её он ел всё лето и осень, отрезая от тела по небольшому куску. Детей он пока трогать не стал, решил, что сначала они должны подрасти. Подолгу пропадал он, оставляя Кимуксука и Кану одних, подстерегал в лесах одиноких охотников и таскал их тела домой. Так прошли годы. Дети выросли. В отличие от своего кровожадного отца, они никогда не пробовали мяса, питаясь лишь корешками, что собирали возле их хижины. В том месте, где их отец-каннибал закопал остатки их матери, постоянно прорастали высокие заросли розовой таволги, которая кормила их на удивление сладкими корешками. Кимуксук вырос угрюмым и сильным юношей, в то время, как Кана была мягкой и хрупкой. Кимуксук давно думал о том, как бы им обхитрить и сбежать от отца, попробовать найти других людей, он давно подозревал, какие чудовищные бесчинства совершает их родитель.

Но Кимуксук так и не успел привести свой план в дело. Одним утром отец решил, что Кана достаточно повзрослела, поэтому зарезал её ночью, и уже принялся потрошить, когда Кимуксук узнал, что случилось. В гневе он проткнул своего отца его охотничьим гарпуном — сестра была единственной, кого любил Кимуксук. На смертном одре разум отца немного прояснился, и он поведал своему сыну о том, как странствующая рамаси прокляла его, обратив в каннибала и заставив совершать такие злодеяния. Кимуксук решил, что раз рамаси косвенно виновата в крахе всей его семьи, то он заставит её вернуть хотя бы сестру.

Психея прервалась. Ника слушала её, затаив дыхание. История была действительно мрачной и пугающей, но метиска рассказывала её таким плавным и мелодичным голосом, что невозможно было не восхититься историей. Она вплетала в свой рассказ столько подробностей, что Ника никогда бы не поверила, будто Психея слышала его лишь в детстве. Возможно, в ней сохранился талант её предков к красочному и образному повествованию.

— Дальше я помню гораздо хуже, кирие, — призналась Психея, — простите...

— Ты хочешь вернуться туда? На север?

Психея уверенно кивнула.

— Все сейчас стремятся на север, кирие. Но люди бегут от отчаянья, боясь будущего. Меня же преследует прошлое.

— Что тебя останавливает? Из Харибды до Термины меньше дня пути. А дальше строго на северо-восток.

Психея потупила глаза в пол.

— У меня нет паспорта, кирие. Нет никаких документов.

— Как это? — удивилась Ника. — Ты говорила, что тебя забрал отец. Он что, не оформил тебе бумаги?

— Ему не позволили. Я родилась со свободным народом, и для всей Ойкумены я навсегда антропос. Я состою на учёте, числюсь в налоговых, но прав, как у полноценного жителя у меня нет, и не будет. Поэтому приходится работать здесь обычной горничной. Для такой работы документы не нужны. Платят мало, работы много. Без паспорта перемещаться нельзя. Фальшивые документы тоже стоят много. На зарплату горничной мне не потянуть. Особенно сейчас, когда поезда убирают из расписания, обрубая сообщение с отмененными землями. Я работаю тут, коплю деньги, но и жизнь в Харибде очень дорогая. Нужны ещё сани с собаками и провизия. Какие-то средства на взятки патрульным. Я никогда этим не занималась, мне потребуется сопровождающий. Я не знаю точной дороги, и как найти своё племя. Попасть туда на самом деле очень сложно и дорого.

— Точно... — протянула смущённая Ника.

Нике стало немного стыдно. Для них с Эльпис деньги не представляли проблемы, они жили в самом дорогом номере в центре Харибды. А ведь там, на улицах города, люди хватались за любую возможность подзаработать, экономили на всём, скрупулёзно копили на билет в один конец. Стыд едва не заставил её предложить деньги Психее, но в последний момент фиалковые глаза девушки укололи её ледяными брызгами океана. *Она слишком гордая для того, чтоб взять.*

Ника тяжело вздохнула, перешагнув через запретную черту. Она подтянулась к Психее и обняла её.

— Мы жаль, — прошептала Ника. К её радости, Психея не отстранилась, а ответила на объятья.

— Спасибо, кирие, — отозвалась она тихо.

— Зови меня просто Ника. — Сказала она, хотя и догадывалась, что та не слушает.

Как бы Эльпис отреагировала на эту сцену? Осудила бы её? Разозлилась? За долгие годы, что они провели вместе, Ника никогда не проявляла хотя бы малейшего интереса к другим людям. Что же поменялось сейчас? Почему она испытывала это инородное влечение к маленькой Психее, а не к своей единственной музе? Что-то менялось в ней самой, что-то, чего Ника пока что не понимала.

Перед ней, прямо в её объятьях, был совсем ещё маленький ребёнок. Сколько Психее лет? Едва ли больше восемнадцати. Совсем одинокая, чужая среди белых жителей севера, девочка, сбежавшая от отца с жаркого юга в большой незнакомый город. Нике хотелось утешить это потерянное дитя, хотелось спасти её. Но сейчас она была не в силах спасти никого. Ни Эльпис, ни себя. Единственное, что она могла дать — своё сострадание и объятья. Именно в этом она и сама так отчаянно нуждалась.

Эльпис зашла в офис «Оморфии» с высоко поднятой головой. Каблуки чеканили уверенный ритм по чёрно-белой квадратной плитке. Помещение внутри было просторным, стены украшены мозаикой. У приёмной стойки находилась вездесущая Леда, которая с задумчивым видом штудировала здоровенный гроссбух.

— Мне нужно повидаться с Пигмалионом, — Эльпис даже не думала здороваться с ней, и Леде точно это не понравилось. Женщина оторвалась от бумаг и устремила на музу свой испепеляющий взгляд.

— Нужно записываться заранее для встречи с кириосом, — надменно заявила она. — Он приглашал тебя на личную встречу?

— Нет, но точно хотел. Поэтому я приехала сама. — Эльпис не собиралась тратить время на пререкания с организаторшей. — Я уверена, что он будет рад меня принять. Поэтому не мешкай, набери его номер и скажи, что я жду.

На лице Леды разразилась гроза. Она была в ярости и едва сдерживалась от такой наглости. Но Эли не привыкла церемониться с окружающими, она хотела получать только то, что ей нужно.

Леда сняла трубку с чёрного телефона и два раза крутанула диск своим длинным узловатым пальцем.

— Эльпиника собственной персоной желает встретиться с вами, кириос, — сказала она в трубку. — Да. Да, она у меня на стойке. Та из двух, которая красивая. — Леда смерила её

циничным взглядом. — Хорошо, кириос, — она повесила трубку.

— Ну что? — спросила Эльпис нетерпеливо.

— Проходи, дорогу найдёшь, — ответила Леда.

Эльпис миновала длинный коридор агентства. Здесь помимо офисов располагалась ещё и студия записи, и всевозможные комнаты для конференций. Кабинет директора находился в самом конце, за тяжёлой дубовой дверью крылась просторная зелёная комната с золочёными колоннами. Посреди помещения стоял тяжёлый стол из сруба, поверхность которого была тоже оббита зелёным сукном. В глубоком кресле сидел и сам Пигмалион, который выглядел в этих декорациях как рыба в воде. Всегда в пиджаке, всегда в выглаженной безупречно белой рубашке.

Интересно, кто гладит ему рубашки? Наверняка, у него есть жена. И ещё сотня любовниц в придачу.

При виде Эльпис, Пигмалион подскочил с места и располагающим жестом встретил её.

— Эли! Проходи. — Заулыбался он. — Ты что-то рано. Я думал позвонить тебе только через час. Пока только согласовывал радиоэфир, где ты выступишь.

Пигмалион поцеловал её в протянутую руку и пригласил сесть напротив стола в кресло поскромнее.

— Я проснулась утром и поняла, что очень хочу встретиться немедленно, — объявила Эльпис.

— Конечно, исходя из вчерашнего происшествия... — Налёт сумрака в его голосе точно подразумевал не состояние здоровья главной музы Харибды, а заявление, сказанного Никой. — Ладно, раз ты уже тут, давай подготовим и отрепетируем речь. Я, конечно, думал, что вы займётесь этим с Ледой, но раз ты уже пришла. — Пигмалион принялся активно жестикулировать. — Смотри, нам нужно успокоить народ и дать им понять...

Эльпис наклонилась вперёд, перехватила его руку в воздухе и прижала к столу.

— Я немного не об этом хотела поговорить на самом деле. — Сказала она как можно мягче, включив вместе с тем всю свою харизму. — Видишь ли... я склонна согласиться с Никой и её вчерашним заявлением. Мне даже кажется, это именно то, что нужно Эльпинике сейчас.

Брови Пигмалиона изогнулись в дуги и заползли на лоб. Это были точно не те слова, которые он ожидал услышать от Эли сейчас. Предвидя назревающую бурную реакцию, она поспешила объяснить:

— Прошу, сначала дослушай меня до конца. Последние недели... да и даже месяцы, мы работали очень упорно, продвигая альбом «Мимесис», публика любит эти песни, она поёт их на концертах вместе с нами, такие хиты, как «Льдина» и «Поезда» каждый день крутят на радио. Это всё действительно здорово, но... — Эльпис поймала глоток воздуха, потому что до этого ей пришлось чеканить без остановки. — Тебе не кажется, что это слишком много и слишком долго?

Пигмалион выжидающе разглядывал её, постукивая пальцами по зелёному сукну.

— Продолжай, я слушаю.

— Пройдёт совсем немного времени, и им надоест. Я уверяю тебя, что это произойдёт. Мы уже почти год поём один и тот же репертуар. Если протянем ещё немного, Эльпиника просто надоест. Они уже знают каждую строчку наизусть. Ты говоришь, что можно почивать на лаврах, но нет, Пигмалион. Именно так меркли самые яркие звёзды. Кому сейчас нужна Гармония с её набившем оскомину альбомом «Услышь»? Вспомни сам, подумай и ты

согласишься со мной.

Он сменил позу, откинувшись на спинку кресла, и положив локти на колени. Стук пальцев сменился частыми ударами носка ботинка о пол.

— К чему ты клонишь?

Эльпис набралась храбрости и продолжила:

— Я и Ника устали. Публика тоже скоро устанет. Я считаю, что сейчас... именно сейчас, когда мы на самом пике, нам нужно взять перерыв. Не просто для отдыха — нет. Для создания нового альбома. Особенного, феноменального. Альбома, который станет настоящей сенсацией. И у меня уже есть концепция, от которой даже у тебя челюсть отвиснет! — Она с восторгом развела руками, наклонившись над столом вперёд и намеренно выставив декольте перед ним. — Всё что тебе нужно, это дать нам три месяца на передышку и предоставить личный транспорт. Машина не подойдёт. Нужно что-то быстрое и комфортабельное, чтобы можно было перевести инструменты. Эльпиника запишет новый альбом на основе научной экспедиции. Угадай, о чём сейчас мечтают простые люди? Что всем нужно? Знаешь? — Она нескрываяемо заигрывала с Пигмалионом. — Океания! Ты же знаешь, Ника у нас спец по мифологии и древней истории. Мы отправимся на поиски враг в Океанию, проведём музыкальные сессии и запишем песни прямо у порога нового лучшего мира. Это будет бомба! Представь, Эльпиника выступает с абсолютно новыми песнями с альбома «Музыка Океании»! Дельфины и льдины — то, что слушатели просто обожают в нашей музыке, мы просто обязаны это сделать...

Движение Пигмалиона было стремительным и неожиданным. От его задумчивого ожидания не осталось и следа. Сильная тяжёлая рука сжала её горло в капкан и притянула к зелёному сукну. Эльпис не успела и пискнуть от того, как быстро это произошло.

— Ты что, задумала сбежать от меня? — процедил Пигмалион сквозь зубы, придвинувшись к ней.

Эльпис не могла говорить, воздух не поступал в лёгкие, ей хватило сил лишь покачать головой, но он потряс её шею, оборвав и этот жест. Пигмалион не спрашивал, он утверждал.

— Хоть постыдилась бы распевать песенки о своей Нике в моём присутствии.

Воздуха отчаянно не хватало, Эльпис вцепилась обеими руками в сковывающие горло пальцы.

— Или ты считаешь, я так и продолжу истекать слюной, оплачивая ваши богомерзкие кувыркания. *Музыкальные сессии* — так ты их называешь?

Голова начала кружиться, а комната поплыла.

— Я получаю то, что моё. Всегда. — Он облизнул свою нижнюю губу, глядя с упоением на то, как Эльпис задыхается в его руке.

Пожалуйста...

Она не смогла этого сказать в слух, произнесла лишь одними губами.

Пигмалион с силой оттолкнул её, разжав горло. Эльпис ударилась о спинку своего кресла и закашлялась, скорчившись.

Директор «Оморфии» встал и прошёлся по кабинету. Достал из портсигара на стенной полке сигарету и закурил её. Он тоже дышал тяжело и нервно, будто сам задыхался. Пока Эльпис пыталась прийти в себя, он стоял и молча курил, поглядывая то на алый кончик сигареты, то на девушку.

Как только Эльпис обрела силы, она поднялась с кресла. Единственное, чего ей хотелось — сбежать, и видимо, это было единственным возможным вариантом. Но только

она дёрнулась к выходу, как Пигмалион заговорил:

— Если хочешь, чтобы я поверил в это, раздевайся. — Сказал он холодно и отстранённо.

Эльпис замерла возле двери, так и не успев ухватиться за ручку. Сигнал тревоги в голове гнал её прочь от опасности. Перешагнёт за порог и...

А что тогда будет?

Язык, облизывающий нижнюю губу и его рот, произносящий: «Я получаю то, что моё».

Он не даст ей сбежать. Всё равно возьмёт силой. Если не сейчас, то потом. Задушит контрактными обязательствами. Разрушит Эльпинику, уничтожит их музыку. *Убьёт Нику?*

С другой стороны...

Она могла осуществить свой план. Получить передышку. Не видеть его лицо несколько месяцев или...

Или Ника никогда меня не простит.

Эльпис собрала всю свою волю в кулак. Попыталась успокоиться. Взвесила на чаше весов свою совесть и поняла, что вместо неё она давно носит камень.

Попыталась расслабить лицо и развернулась к нему, поправила волосы.

Полчаса пытки против вечности свободы.

Выбор был очевиден.

Она подошла мягкой лёгкой походкой обратно к столу Пигмалиона. В глазах дрожали слёзы с примесью чёрной туши, но кажется, помада на губах ещё не успела размазаться. Плавным жестом Эльпис завела руку за спину и растегнула пуговицу на платье. Пигмалион смотрел на неё с дымящейся сигаретой в руке. Ткань повисла на плечах, Эльпис потянулась к следующей пуговице, как в следующий миг он подпрыгнул, оказавшись перед ней, схватил за ворот и резко дёрнул за него. Губы впились в шею, словно вгрызаясь в яблоко, рука тотчас влезла под ткань и с силой сдавила грудь. Эльпис слышала, как оторванные пуговицы посыпались на пол. Он развернул её и швырнул на стол, попутно скидывая остатки платья на пол. Спиной Эльпис ударилась о пресс папье, перьевая ручка и чернильница полетели на пол вслед за стопкой бумаг. Пигмалион взгромоздился сверху, продолжая кусать её за шею, за горло, грудь, живот, как голодное животное выбирая кусок посочнее. В голове поднялся ужасный гул. Она даже была почти благодарна ему в эту минуту, он заглушил звуки хищных поцелуев Пигмалиона. Звуки того, что он делал с ней.

Эльпис повернула голову. Перед глазами лежали локоны её волос и зелёное сукно. Она перевела взгляд на дверь.

Где-то там совсем другие музы играют небесную музыку. Думала она, стараясь отвлечься от боли и отвращения. Музыку о летающих китах и жемчуге. О любви и красоте. О мечте. Музыку Океании.

Психея ушла после полудня, Ника провела весь остаток дня, не находя себе места. Выходить на улицу в единственный выпавший выходной не хотелось, она включала радиоприёмник несколько раз, переключала станции, ожидая услышать сообщение от Эльпиники, где та опровергнет отмену концертов, но так ничего и не нашла. Ника пробывала играть на арфе, но ноты звучали слишком тревожно, нервно. Читала книгу, но окончательно упустила нить повествования и забросила роман.

Куда ушла Эльпис? Ещё и с красной помадой на губах, да, конечно, Ника знала, к кому

она отправилась, но почему её так долго не было? *Могла бы хоть предупредить.* Всё это походило на какой-то злой обман. Чёрные мысли и вовсе шептали ей, что Эли сбежала, бросила её, и уехала в неизвестном направлении. Ника понимала, что это бред, что она бы так никогда не поступила, но ворох сомнений поверг её в болото отчаянья.

Психея заходила к ней ещё, принесла поднос с едой. Ника выпила чай и съела ломтик хлеба с маслом, больше есть не хотелось, поэтому к остальной еде она даже не притронулась.

Она представить себе не могла свою жизнь без Эльпис. С тех самых пор, как они познакомились, Эли стала её одержимостью, единственным костылём, позволяющим Нике ходить. Она отдавала себе отчёт в том, что, если с Эли действительно что-то случилось, если она не вернётся, Ника просто выбросится из окна. Эта мысль её утешила. У неё появился выход на крайний случай.

Дверь хлопнула уже в половине девятого вечера. Тот тревожный пузырь, что надулся в сердце Ники, разорвался восторженным фейерверком. *Она здесь! Она пришла!*

— Где ты была? Я переживала. Сильно, — но обида на подругу прошла моментально, просто растворилась в тёплых объятьях.

— Прости, так правда было нужно, — сказала Эли, прижимая её плечи рукой.

Ника почти потеряла голову, объятия девушки были какими-то особенными. Ей показалось, что Эльпис вцепилась в неё, как в спасательный круг, никак не хотела отпускать. Напряжённые мышцы на руках передавали какое-то сокровенное послание. Чёрные мысли вернулись, она почувствовала, что что-то произошло, совершенно неуловимое, невысказанное. *Почему она так выглядит?* Платье болталось на плечах Эли, спина была оголена, недоставало двух пуговиц. *Что произошло сегодня?* Чувства переполнили Нику, и она заплакала.

— Ну что ты? Зачем? — Эли обхватила руками её лицо, заглянула в него. Считала эмоции, скопировала, и в её глазах вдруг тоже вспыхнули слёзы. — Ты подумала, я тебя бросила? Ника! — осуждение, смешенное с болью. Какой жуткий, страшный день!

Её губы... Губы были бледными, от помады не осталось и следа. *Что произошло? Куда она ходила? Только не...*

Они обе испытывали страшный, неконтролируемый всплеск эмоций. Слова были лишними, даже опасными, о правде могли рассказать только глаза, исторгающие слёзы.

Девушки не выпускали друг друга из объятий целый час к ряду. Ника покрывала щёки Эльпис поцелуями, гладила её волосы, прижималась к груди и вдыхала сладковатый запах её кожи. Она поймала себя на мысли, что действительно чуть не потеряла её сегодня. Не знала, и не могла бы объяснить почему, но почувствовала это каждой клеточкой кожи.

— У нас получилось. Я говорила с ним, — сказала наконец Эльпис. — Всё будет хорошо, Ника. Я обещаю тебе.

— Не говори так, — попросила она.

— У меня есть план. По-настоящему хороший план. Только послушай.

Что такого могла рассказать Эльпис? Ника не хотела даже слушать, она слишком хорошо понимала, чем Эли пришлось заплатить за исполнение её плана.

— Ты была у него? — спросила Ника исступлённо.

— Пигмалион даёт нам три месяца на перерыв и свой дирижабль для путешествия. Мы отправимся в отменённые земли, как ты всегда мечтала, Ники. Будем жить с племенами, охотиться на оленей и спать под северным сиянием. И писать музыку только друг для друга.

Самую лучшую музыку у самого порога в Океанию.

Её слова были слишком хороши для правды. Слезы снова полились из глаз. Как Эли смогла склонить Пигмалиона на такое?

— Но есть ещё кое-что. — Голос Эльпис стал очень серьёзный, стальной. — Спустя три месяца мы не вернёмся назад. Мы сбежим.

Сбежим? Куда?

— Что ты задумала? — Ника боялась даже предполагать.

— Побег. — Сказала Эльпис решительно. — Ты и я — мы найдём врата в Океанию, и сбежим отсюда навсегда. В лучший мир. Ты же тоже хочешь этого?

Ника была обескуражена этим известием. Сбежать? Бросить всё? Бросить их странную, рискованную жизнь здесь? Перестать быть под прицелом публики? Оставить музыку, песни, «Оморфию»... перестать быть Эльпиникой...

— Ты же хочешь этого... я знаю, — сказала Эльпис. — Я многое поняла. Мы делали только то, что хочу я. Очень долго. Тебе не нужна Эльпиника, тебе нужна свобода.

— Мне нужна только ты, а не свобода. — Возразила Ника. — Куда пойдёшь ты, туда и я последую за тобой. Пусть даже в другой мир.

Они поцеловались и больше не разговаривали. А потом уснули вдвоём, в обнимку в счастливом неведении. Эльпис не сказала Нике о случившемся в офисе «Оморфии». Ника не сказала Эльпис о бордовом синяке, который нашла у неё на бедре.

521 день после конца отсчёта

Улицы Сердцевины такие же одинаковые, как и все улицы Сциллы. Они очищают память, они приносят успокоение терзаемой муками душе своей однообразностью, своей бесчувственной пустотой, они напоминают в очередной раз, что по большому счету никто никому здесь не нужен, что мир изжил себя, и теперь все грехи, даже самые тяжкие, становятся незначительными пустяками. Ведь, в конце концов, чего стоит мир, доживающий свои последние дни, костенеющий, гниющий на алтаре для жертвоприношений, ненужный даже всегда алчным богам? Они отвергли гекатомбы, они равнодушны к будущему своих собственных детей.

Аластор скитался по улицам, не находя себе места. Одинаковые улицы, одинаково бессмысленные, словно пойманные в бесконечную спираль сменяющихся лиц и равно уродливых зданий, выглядывающих из-под своих прикрытых в слепом лицемерии век, скалящих равнодушные глаза.

Аластор чувствовал, как в нём закипает неконтролируемое безумие. Казалось, его разум повергает его в чёрную разверзшуюся пасть пустоты с её мерзким вкусом, слишком густо отдающим солью и горечью. Из серого купола небес на землю опускался колючий снег, гравировав на его сердце уродливую татуировку безысходности. Он бродил по этим улицам-спиралям, пытаясь свернуть куда-то, но всё равно возвращаясь в начало лабиринта. Аластор не спал с того дня, как Эхо прогнала его из дома; не спал и не ел. Не знал, что теперь оставалось делать с этой глупой оболочкой, доставшейся ему при рождении, не знал, как укротить трёхголовое чудовище, затаившееся у него внутри. Он шёл по этим бездонным канавам, пытаясь согреться. Заставляя себя двигаться, надеялся истратить свои силы, чтобы сон, наконец, сковал его, но всё было напрасно. Бессонница выедала глаза, превращая их в чёрные дыры. Пальцы деревенели от холода, и скрюченной рукой он изо всех сил старался удержать трепещущую на ветру сигарету,-metaющую искры ложного тепла на дорогу, по которой он брёл, но не получал удовольствия от вкуса табака. Его сносило ветром, как это часто бывает в ненастную погоду. Для сигарет тоже есть своя подходящая погода, и это была отнюдь не морозная зима.

Тот вечер, когда он признался Эхо в том, кем он был... он словно сорвал с себя маску. За те долгие два года, что он был Никем, он слишком отвык называть себя Аластором. Он стёр его с лица земли, чтобы спрятаться под личиной чужака, человека без прошлого и даже без имени, а теперь, словно оказавшись на улице без пальто, он буквально чувствовал, как ледяные молнии их колючих глаз прожигают его насквозь. Они знают всё. Знают, что он совершал. Знают, кто он.

Наёмник.

Убийца.

Цербер.

Аластор.

И больше не Никто.

Всё началось слишком давно, ему ещё не было пятнадцати, когда он остался без родителей. Около года Аластор провёл, промышляя воровством. Он вполне преуспел в этом, вытягивая кошельки из карманов и сумок, порой ему удавалось срывать даже часы и

драгоценности. Ловкость рук, скорость реакции, гибкий ум — всё это он успешно выдрессировал в себе за тот год. Только вот ближе к зиме (тогда ещё Сцилла знавала и другие времена года) его всё же поймали за руку. Так он лишился свободы навсегда. Две ночи Аластор провёл в тюремном участке, ожидая вердикта суда. В лучшем случае его должны были отправить в доходный дом, в худшем — в исправительную колонию. При любом раскладе, он в итоге стал бы рабочим на фабрике и похоронил бы свои таланты, выполняя отупляющую монотонную работу от рассвета до заката. Только ближе к третьей ночи за ним пришёл Гектор и предложил третий путь. Это был единственный раз, когда Аластору дали право выбирать. И впоследствии он каждый день проклинал себя за то, что согласился.

Потом были пять лет подготовки, срок, за который компания «Скиес» превращала человека в чудовище, срок, за который можно было перевоспитать беспризорного мальчишку, сделав его убийцей.

К окончанию пятилетнего курса: подъёмов в шесть утра, изнуряющих тренировок до девяти вечера, разборов и сборов любого вида огнестрельного оружия с закрытыми глазами, упражнений по стрельбе, по ближнему бою, но самое главное — по жестокости и по преданности, Аластор уже плохо помнил, каким он был до того, как попал в «Скиес». Его вселенная упростилась до узкого круговорота вещей: он получал задание, он выполнял его, точка. Ему называли имя, он стирал это имя, точка. Ему кидали кость, он ловил и разгрызал ее, точка. В «Скиесе» не любили, когда наемники задавали лишние вопросы, именно поэтому Аластору и многим другим, тем, кого он никогда не встречал, прививали самую высокую степень послушания.

За эти пять лет убивал он всего дважды. Первый всегда казался ему образцом насилия. Проще задания не могло существовать — он должен был отобрать жизнь. Это Гектор называл первым испытанием Аластора.

«Ты и я, Аластор, — хищники, — говорил Гектор. — Только если я — волк-вожак, то ты просто щенок, недавно открывший глаза. Тебе ещё придётся научиться охотиться. А знаешь, что делают волки, чтобы их дети почувствовали вкус горячей крови? Они приносят им раненого, но живого зайца, чтобы те сами загрызли себе добычу».

Его оставили в комнате с привязанным к стулу человеком с повязкой на глазах и кляпом во рту, на столике в помещении лежали три предмета: острый нож, верёвка и пистолет с одной пулей. Гектор сказал, что у Аластора есть ровно полчаса.

«Должен ли я развязать его или вытащить кляп изо рта? Каким из оружий воспользоваться?» — спросил он, на что Гектор, его моральный наставник и глава компании «Скиес», ответил: «Тебе решать, потому что ты проходишь свой первый экзамен. Здесь нет верного ответа, но каждое из твоих действий повлияет на результат. Время тоже играет роль».

Аластор раздумывал недолго, собирая в кучу всё то, чему его учили. Он вышел через семь с половиной минут, извинившись за задержку. Человек в комнате был мёртв, горло перерезано глубоко и ровно, все пути остались на местах за исключением повязки на глазах.

«Почему именно так?» — спросил Гектор.

«Единственную пулю нельзя тратить, если жертва уже бездвигна и не причинит вреда, к тому же здесь нет глушителя, значит, будет лишний шум. Я долго думал — верёвка или нож, верёвку могут расценить, как самоубийство, это более выгодно для нас в плане сохранения тайны. Но верёвка ненадёжна, жертва может потерять сознание, а потом

очнуться, требуется дольше времени на убийство, поэтому я выбрал нож».

«Выбор оружия верный, — согласился Гектор, — ты всё правильно сказал. Меня интересуют повязки. Их вообще не было нужды трогать».

«Я хотел заглянуть ему в глаза. — сказал Аластор. — И хотел, чтоб он видел, кто именно отнял у него жизнь». Гектор выдержал паузу. «Это была ошибка?» — спросил Аластор.

«Жертва мертва, и ты сделал это быстро для первого раза, — ответил Гектор, — поэтому экзамен сдан, но повязка была ошибкой. Нет нужды лишней раз светить своим лицом. На настоящем задании, если бы что-то пошло не так, а жертва видела тебя и сбежала, у тебя были бы проблемы, Аластор».

«Меня не так легко запомнить, — сказал он. — Вы сами это говорили. И я не намереваюсь отпускать своих жертв. Никогда».

Второй раз он был под присмотром своих учителей, настоящие их имена он не знал, «Скиес» дал им другие — Берсерк и Левиафан. Берсерк был приятным на внешности улыбчивым стариком, учившим Аластора всему, что связано с огнестрельным оружием, чей тяжёлый кулак, однако, не раз опускался на голову мальчика. Левиафан — мужчина без возраста, наполовину лысый, наполовину огненно-рыжий, был одинаково скуден как на похвалы, так и на брань. Он был его тренером по боевой подготовке, он же рассказывал мальчику обо всём, что могло его ожидать на заданиях в будущем. По окончании тренировки, вечером, он произносил всего одно слово из двух. Либо это было «неплохо» и значило, что Аластор сделал всё правильно за день; либо «скверно», что не сулило парню ничего хорошего на следующий день. Как его предупредили заведомо, в случае оплошности Аластора, в случае, если его рука в последний момент не сумеет нажать на спусковой крючок, Берсерк, этот приветливый и беспощадный добряк, отсчитывает пятнадцать секунд и сам застрелит жертву — «Ровно пятнадцати секунд достаточно для того, чтобы наш клиент скрылся из поля зрения, или чтобы его телохранитель успел заподозрить неладное и закрыть хозяина», — говорил Гектор перед заданием. Сразу же за этим молчаливый и задумчивый Левиафан, которого Аластор боготворил только за то, что он никогда не позволял себе бросаться из крайности в крайность, от ласки до насилия, как это делал Берсерк; этот самый Левиафан, в единственную секунду после первого выстрела должен был произвести второй — такой же бесшумный, прямо в голову Аластора. «Потому что ни у кого из нас нет выбора, — объяснял Гектор, — хороший наёмник не заваливает заданий. Хороший наёмник убивает. И никогда не мешкает. Если ты завалишь один раз, ты сделаешь это когда-то снова. А согласившись работать на нас, ты уже подписал первый контракт. Вторым ты подпишешь после настоящего задания, когда мы будем уверены в тебе». Но он не подвёл тогда. Даже не из-за страха смерти. Просто не чувствовал слабости. Это уже стало его ремеслом. Когда силуэт вдалеке упал, Левиафан сказал лишь сырое «неплохо», и на этом всё закончилось.

Аластору исполнился двадцать один год, когда он выполнил первый заказ «Скиеса», пробный, как они говорили. Сам он не был доволен результатом, ему пришлось выстрелить дважды, в первый раз жертва лишь получила ранение и пыталась сбежать. Вторым раз пришёлся точно в голову, но задержка превысила лимит в пятнадцать секунд. «Просто повезло», — решил Аластор тогда, пообещав себе, что никогда больше ему не потребуется стрелять дважды в одну мишень. Но это задание было настоящим, «Скиес» не вёл за ним слежки, а рядом не было Левиафана, чтобы покарать за ошибку. Результат был достигнут. Человек умер, а на следующий день Аластору протянули договор, не задавая лишних

вопросов.

Подписывая его, Аластор добровольно соглашался отдать «Скиесу» свою жизнь, целиком и без остатка. «Ты будешь принадлежать нам, — сказал Гектор, — ты должен помнить, что порой могут пройти недели или даже месяцы без работы. Бывает по-разному, не надо приходить и спрашивать чего-то. С тобой свяжутся. Возможно, придётся работать каждую ночь, снося по сотне голов каждую неделю. Это ни от чего не зависит. Тебя могут вызвать в любую минуту, могут заслать в Харибду или на другой конец света, но ты должен всегда быть у нас под рукой. Никакой самостоятельности, Аластор. Мы выдаём тебе квартиру в Сердцевине, и ты живёшь там. По первому сигналу ты приходишь в офис, сколько бы не было времени на часах. Помимо прочего, ты находишься целиком на содержании «Скиеса», получаешь ежемесячно сумму денег, которой вполне хватает на безбедное существование для тебя одного. Тебе запрещается нарушать закон, любые действия, которые повлекут за собой внимание полиции, могут навести на нас. Правило такое — не светись. Тем не менее ты имеешь право заводить отношения или даже семью. В этом случае ты обязан сообщить нам, и агенты «Скиеса» будут приглядывать за ними. Повысится и сумма ежемесячных начислений. Остальные деньги, те, которые ты зарабатываешь за выполнение наших заданий, мы не выдаём на руки. Они надёжно копятся в банке «Скиеса», но ими ты не имеешь права распоряжаться. После твоей смерти вся сумма будет передана членам семьи или любому другому человеку, связанному с тобой. Наёмникам же запрещено иметь много денег, а тем более тратить их. При твоём уходе на пенсию, после сорока пяти лет, если доживёшь так долго, тебе будет запрещено выходить на задания. Решением «Скиеса» ты, возможно, получишь другую работу, вроде обучения молодых, как это стало с Левиафаном и Берсерком. Может быть, просто отойдёшь от дел, опять же не твоё право просить нас об этом, или оспаривать решение компании. Ежемесячные начисления также будут продолжать поступать, никаких изменений. Но та крупная сумма, заработанная тобой, останется нетронутой. Она может быть истрачена только после твоей смерти. Таковы условия, и они не случайны. «Скиес» существует уже более ста лет, и мы знаем, в чем нам точно нельзя рисковать. Подписывая этот договор, Аластор, ты становишься нашей собственностью до самого конца. Подумай, прежде чем согласиться».

«У меня только один вопрос, — сказал он. — ведь если я откажусь подписывать, выйти из этой комнаты живым я уже не смогу?»

Гектор усмехнулся. «Видишь, ты уже отлично понимаешь условия нашей фирмы».

«Зачем тогда вы спрашиваете?»

«Ты знаешь, очень многие спустя годы проклинали тот день, когда они ставили там подпись. И было несколько случаев, когда, сидя на твоём месте сейчас, они отказывались подписывать».

Аластор больше не спросил ничего, он просто взял перьевую ручку и подписал своё имя внизу.

«Теперь поставь вторую подпись, — сказал Гектор. — С сегодняшнего дня Аластор отходит на второй план. Человек, который будет выполнять наши задания, носит имя Цербер. В этих стенах твой долг откликаться на это имя».

«Вы всегда даёте своим людям имена чудовищ?» — спросил он.

«Послушай меня, Цербер, ибо я управляю «Скиесом» уже пятнадцать лет и знаю мир лучше тебя. Настоящие чудовища это не вы, а те, кого вы убиваете, а ещё хуже — те, от кого поступают заказы. Но задача Цербера отвлечь всю славу на себя, чтобы оставить Аластора

нетронутым, и дать ему возможность выходить на улицу без риска схватить пулю. Ты и другие наёмники, вы не единственные, кто работает в «Скиесе», у нас много людей, и у каждого из них своя роль. Есть те, кто обеспечивает фирме секретность, те, кто замечает за вами следы, те, кто подыскивает новых клиентов и те, кто следит, чтобы вы не совершили какую-то глупость. Поэтому не нужно думать, будто ты единственный. Ты лишь пуля, выпущенная из револьвера, из которого кто-то выстрелил, но кто-то продал его, кто-то собрал, а кто-то совсем давно, изобрёл. Поэтому главное — не винить себя ни в чём, так как виноватых здесь много».

Он больше не стал задавать вопросов, потому что прекрасно знал, как их не любили в «Скиесе», поэтому просто написал рядом со своим прежним именем новое: *Цербер*.

А потом шли годы. Они проносились так же быстро, как день сменялся ночью. Аластор жил обычной неприметной жизнью, а по ночам на работу заступал Цербер, убивая много и всегда беспощадно.

Он проработал в «Скиесе» тринадцать лет, а трёхголовое чудовище, которое породил Гектор, становилось всё опаснее и злее. За эти годы мастерство Аластора стало отточенным, он сдержал обещание, данное себе тогда, во время первого задания, он никогда больше не использовал вторую пулю для одной жертвы. Всё, чему его научили Левиафан и Берсерк, всё, чему он научился за год воровства, сделали из него настоящую машину для убийств, стремительную, сильную и, как никогда, беспощадную.

Церберу приходилось убивать многих, чаще всего это были обрюзглые толстосумы, но порой и женщины, и даже дети. Ему никогда не называли причину убийства. Для того, чтобы слепить цветочный горшок, гончару необязательно знать, какие именно цветы посадят в него, а может, и вовсе станут использовать, как ночное судно. По договору Аластор не имел права отказываться от заказов. «Хороший наёмник убьёт любого», — говорил ему Гектор.

За эти тринадцать лет Аластор слышал и о других убийцах, промышлявших в «Скиесе» в это же время. Он никогда не встречался ни с кем из них лично, не знал, кто они и какие. Большинство имён, называемых членами «Скиеса», очень быстро сменялись, Аластор даже не пытался их запомнить. Скорее всего, они умирали, или компания избавлялась от них по какой-то причине. Но среди прочих было два имени, слава о которых гремела много лет подряд, это были Минотавр и Мантикор. Так как встреча с ними была невозможна, Аластору удалось сформировать примерное представление о каждом из коллег лишь на основе слухов и только по прошествии нескольких лет.

Он знал, что Мантикор примерно его возраста, знал, что он живёт затворнической жизнью, очень скрытен и нелюдим, знал, что на заданиях он привык руководствоваться инстинктами, убивать он предпочитал с близкого расстояния, чаще всего кинжалом или другими типами холодного оружия, а иногда инсценировал самоубийства или сам прятал жертвы куда-то, так, что даже агенты «Скиеса» не могли их найти.

Минотавр, по словам всех в «Скиесе», был одним из лучших наёмников за историю фирмы (хотя порой до Аластора доносились похожие слухи и про него самого), говорили, что он убивал и до «Скиеса», что ему удалось удивить своих учителей по части скорости и жестокости. Также говорили, что он действует всегда с холодным умом и всегда с большого расстояния. Аластору очень хотелось познакомиться с ними, за эти долгие годы он больше всего страдал от молчания, из-за того, что не мог ни с кем поговорить о своей работе.

Он никогда не спрашивал у Гектора, разве что интересовался равнодушно, как дела у его коллег. Сам Гектор не был многословен, утаивая любые факты о Минотавре и Мантикоре,

но порой не без укора замечал, что Минотавр показал прекрасные результаты прошлой ночью, давно такого не было. Иногда говорил, что Мантикору удалось завершить дело так, что агенты зачистки остались без работы. Аластор никогда не чувствовал зависти к ним, он понимал, что Гектор бросает эти фразы, чтобы заставить его работать ещё лучше, пытаясь превзойти своих конкурентов. Только Аластор любил их, они были ближе ему, как ни одно другое существо, и он был уверен, что, если бы они встретились, они бы стали лучшими друзьями и понимали друг друга кристально. Он часто ходил по улице, пытаясь высмотреть их в толпе, ведь наверняка убийцу должно было что-то отличать от остальных людей. Однажды, уже ближе к концу работы Аластора в «Скиесе», кто-то упомянул о свадьбе Минотавра. Аластор тогда порадовался за него, хотя решил, что они с Мантикором в этом плане намного более близки, им суждено остаться холостяками навсегда.

Служба Аластора не могла не закончиться без драмы. Он очень сильно отличался тогда от себя теперешнего. Он не знал пощады, словно пытаясь превзойти своих коллег по уровню жестокости во время расправы над жертвами. Последнее задание, которое Аластору пришлось исполнить в «Скиесе», было сложным, он заранее знал это, и его не раз предупредили об осмотрительности. Нужно было проникнуть в казино «Чёртовое колесо» на окраине Истомы и уложить всех, кто находился за покерным столом. Большого Аластор не знал. Гектор, отправлявший его на задание, посоветовал не торопиться с выполнением дела: — «Зайди внутрь сначала, обследуй территорию, сделай несколько ставок за рулеткой, она будет находиться ближе всего от покерного стола. Твоя цель — пять игроков, их имена заказчиком не уточняются без надобности, тебе нужно будет лишь запомнить их лица и перебить на выходе оттуда. Само «Чёртовое колесо» никак не относится к делу, поэтому если решишь открыть пальбу внутри, тебя застрелят на месте. Также на входе будет стоять охранник, пронести оружие в здание не получится. Придётся выжидать. Это условие наше, сам заказчик в большей степени заинтересован в том, чтобы игроки погибли до того момента, как ставки взлетят, за это он платит вдвойне. Сможешь ли ты этого достигнуть — думай сам. Как всегда, важен лишь результат».

Поначалу Аластор действовал, как это было согласовано с Гектором. Он прошёл в казино, заплатив взятку охраннику, он занял стратегически выгодное место за рулеткой и ставил по очереди на красное и чёрное, изучая приватный стол для покера за небольшим ограждением. Пятеро мужчин, выглядели серьёзно, три амбала поблизости от стола делали вид, что просто заинтересованы игрой джентльменов, на деле были вооружены, а значит, оружие всё же пронести внутрь можно и, во всяком случае, оно уже есть в здании. Также он заметил по меньшей мере с полдюжины охранников, ястребиными глазами оглядывавших зал. Вооружены пистолетами. Всё своё оружие он оставил в мусорном баке на улице. Нигде рядом со столом для покера не было окна или двери, он находился в самой далёкой части помещения. Аластор долго обдумывал свои действия, постепенно теряя терпение, а вместе с тем и деньги, просаживая их бездумно на рулетку. С каждым часом, что он проводил в «Чёртовом колесе», он всё яснее понимал, что ставка за покерным столом становилась астрономической, а игроки даже не думали завершать, кажется, только войдя в кураж. Когда они покинут казино, цифра станет уже невероятной. И заказчик не получит того, что хотел. С другой стороны, он не был уверен, что сумеет отстреляться, но уже понимал — уйти быстро ему не удастся.

Проиграв всё без остатка, Аластор поднялся, разведя руками и одарив крупье обречённым взглядом. Он решил пройти от покерного стола в максимальной близости, в

последний раз оценить положение, прежде чем покинуть казино и ждать жертв снаружи. Но тут, проходя мимо одного из телохранителей, что задумчиво вертел в пальцах игральную фишку, Аластор нарочно задел его плечом и стал считать до пятнадцати. С грохотом, со звоном и дребезжанием, фишка упала на пол. «Осторожней надо!» — огрызнулся телохранитель и совершил непоправимую ошибку, нагнувшись, чтобы поднять её. Лишь на секунду Аластор увидел рукоятку револьвера, торчавшего из кобуры на поясе, ранее скрытого пиджаком телохранителя. Больше он не мог думать, Цербер, трёхголовый монстр, что сидел в Аласторе, хищно зарычал и принялся интуитивно делать то, чему его всегда учили.

На счёт «два» Аластор схватил револьвер, вырвал его из кобуры резким движением, со всей силы треснул рукояткой по макушке телохранителя. На «шесть» он схватил его за горло, прижался к стене, «десять» — выпустил весь барабан в ближайших к нему охранников, среагировавших мгновенно, не больше, чем пуля на каждого. Загородившись телохранителем одного из игроков, он остался невредимым, все пули угодили в грудь его первой жертве. Фишка так и осталась лежать на полу, забрызганная кровью.

«Двенадцать» — выпустив дырявое туловище, Аластор припал к земле, перекатился к застреленным им охранникам, схватил два пистолета, стал палить по игральному столу, одной из мишеней почти удалось уйти, остальные полегли спустя паузу после первого залпа. «Пятнадцать» — задание было выполнено, но игра на этом не закончилась, всё только начиналось.

Отстреляв все пули, Аластор продолжил, подхватив ещё два пистолета из слабых неподвижных рук охранников. В «Чёртовом колесе» начался хаос, но Аластор не останавливался, он продолжал палить по всё новым стрелкам, он убивал других клиентов, он понял, что его единственный шанс уйти из казино — это убить всех.

В какой-то момент он ощутил дикую боль в ноге. Пришлось повалить стол рулетки, чтобы укрыться от пуль, от метели неуправляемых пуль, что сыпались на него серебряным дождём. Кажется, рулетка придавила ему правую ногу, очень здорово придавила. Кажется, он даже мог слышать хруст кости, почти потонувший в звуках бешеной пальбы.

В общей сложности перестрелка длилась минут двадцать, которые обернулись для Аластора двадцатью годами его тренировки и работы в «Скиесе», словно это был самый главный его экзамен, только теперь на кону стояла всего лишь его жизнь.

Но самостоятельно покинуть «Чёртово колесо» он так и не смог. Кажется, его вытащили оттуда агенты зачистки, или кто-то ещё. Аластор не рассмотрел их лиц, на них были маски, вот только на тот момент он уже ничего не видел, его глаза застилала кровь. Его кровь, чужая кровь, кровь Цербера, кровь каждой из его голов. Он плохо помнил, что произошло там. Плохо запомнил, как они вытащили его оттуда. Совсем не знал, что было дальше. Очнулся он в «Скиесе» на хирургическом столе. Голова гудела, протяжно и нудно.

Аластор впервые видел этого врача, они часто менялись в компании: «Я вытащил четыре пули, — сказал он холодно, — две из них были в правой ноге, повредили мышцу, нога также была сломана. Не могу с уверенностью сказать, будешь ли ты ходить. Гектор просил сообщить ему, когда ты придёшь в себя, поэтому я схожу за ним».

«Что?» — думал Аластор, лёжа в этой душной комнате без окон совсем один.

Гул в голове мешал думать.

«Правая нога».

Комната ходила чёртовым колесом.

«Четыре пули».

Чёртовом колесом, что упало ему на правую ногу.

«Не смогу ходить?»

«Что это значит?» — Аластор плохо понимал, что происходит. Попробовал шевельнуть пальцем на правой ноге. Кажется, не получилось, зато боль мигом откликнулась прямо в мозг, вызвав у него сдавленный стон.

В комнату вошёл Гектор. Вид у него был серьёзный, должно быть, как никогда, серьёзный. И был в этих глазах ещё какой-то очень подлый укор. Его голос звучал ровно и спокойно, но Аластор прекрасно понимал, что ни во что хорошее этот разговор не выльется. «Мне нужно, чтобы ты подписал бумагу, Аластор, я думаю, ты понимаешь, что на этом всё заканчивается? Наше с тобой соглашение и служба в «Скиесе». Ты знаешь договор. Мы не бросаем своих агентов никогда. Ты просто выходишь на пенсию».

«В тридцать четыре года?»

«Сейчас сложно найти докторов для «Скиеса», этот никуда не годится. Я постараюсь отыскать лучшего, чтобы он осмотрел тебя».

«Этот сказал, я не смогу ходить».

«В лучшем случае окажешься просто инвалидом. Будешь хромать. И я надеюсь, что найду лучшего доктора».

«Вы списываете меня из-за раны, Гектор? Из-за хромоты?»

«Не только из-за этого. Ты превысил свои полномочия. Заказчик остался недоволен».

«Я убрал их. Убрал до того, как они закончили. Вы сами сказали, что это дорогого стоит».

«Ты разрушил казино. Ты хоть представляешь, что ты устроил там? — его голос не соскользнул на гнев ни на миг. — Это была кровавая резня, ты подставил под удар имя компании».

«Я выполнял задание».

«Задание было в том, чтобы убить пять человек. Ты хоть знаешь, скольких положил ты?»

«Нет».

«Сорок два, Аластор, — сказал Гектор. — И у нас был очень суровый разговор с членами фирмы. Большая часть из них сошлась на мнении, что тебя нужно убрать. Я отговорил их от этого. Так что не хочу ничего больше слышать от тебя». — На том разговор был окончен.

Аластор смог ходить. Сначала на костылях, зато уже через пару месяцев после произошедшего. Как-то Гектор зашёл к нему и протянул длинный тонкий свёрток. Это была трость с чёрным круглым набалдашником. «Подарок Мантикора», — сказал он, — «просил передать свои соболезнования».

«Здорово», — без особого воодушевления ответил Аластор, затем повернул ручку против часовой стрелки, сталь сверкнула под тусклой потолочной лампой, когда стилет изъяли из ножен.

«Это, чтобы ты не забывал, кто ты на самом деле». — Сказал Гектор сухо.

«Передай ему «спасибо», — отозвался Аластор.

«Хотя правильнее было бы сказать, «кем ты был», — заключил Гектор на прощанье и затем ушёл.

С тех пор жизнь Аластора оборвалась. Он больше не был, он даже не существовал.

просто скитался целыми днями по подворотням Сциллы, пытаясь найти хоть что-то взамен. Он был пустым и его тошнило от этой пустоты. В какой-то момент Аластор понял, что перестал получать удовольствие от еды, перестал улыбаться, всё стало одинаковым и не вызывало в нём никаких эмоций. Он делал многое, желая хоть как-то заполнить эту пустоту, он снимал шлюх, но не находил в них ничего живого. Потом он взял себе привычку напиваться до беспамятства, отключаться посредством виски и наркотиков. Они тоже не несли удовольствия, но хотя бы притупляли восприятие его гнилой жизни. Потом, уже когда конец света начался, а счёт течения времени был официально сброшен, когда власти обнулили календарь, Аластор понял, что у него нет никого, кому он мог бы отдать свои деньги. Гектор посоветовал ему найти девушку или просто кого-то, чтобы перевести состояние Аластора на его счёт. Тогда он стал искать, но чем больше искал, тем яснее понимал, что эти брошенные питонам на съедение белые мыши куда больше нуждаются в скорой смерти, нежели в спасении и свободе. Тогда Аластор взял на себя новую миссию и стал убивать их, желая поскорее очистить мир от боли, позволить их душам обрести покой. Убивая, занимаясь своим старым преданным делом, он, наконец, стал чувствовать хоть что-то, его естество заходило приятным трепетом с тем, как трёхголовый зверь получал свою добычу. Примерно через год после событий в «Чёртовом колесе», почти одновременно с началом конца света, Гектор сказал ему, что Минотавр погиб, застреленный на задании. Его смерть стала вместе с тем и началом конца для всего «Скиеса». Аластор не раз слышал, что Минотавра готовили на замену Гектору, он должен был возглавить фирму. Тем не менее после окончания отсчёта «Скиес» остался не у дел. Клиенты перевелись, слишком мало было желающих платить наёмникам за то, что и так произойдёт рано или поздно со всеми. Мир стоял у края пропасти, и всё постепенно теряло цену.

Идя по привокзальной площади поздно вечером, Аластор чувствовал хоть что-то, но это были не самые приятные чувства: боль в ноге, страх оказаться пойманным и какое-то безысходное отчаяние. В последний раз дома он был вчера вечером, он пришёл туда после того, как Эхо выставила его, пробыл несколько часов, взял трость и ушёл немного прогуляться. А потом срывал афиши. Срывал очень много афиш с надписью заглавными буквами: «ВНИМАНИЕ! РАЗЫСКИВАЕТСЯ УБИЙЦА!!!» и почти слышал их, почти слыш их шаги прямо у себя за спиной. Они искали его. И очень скоро они выйдут на верный путь.

Когда он подошёл к своему дому несколькими часами спустя, он заметил полицейских на улице и прошёл мимо. С тех пор он был в бегах, он ходил бездумно по этим спиральям, каждый раз натываясь на очередной тупик. Сердце kloкотало в груди. Аластор не мог думать, не мог трезво соображать, мысли превратились в спутанный клубок ниток.

Где мальчик-газетчик? Что с ним было? Это он убил его? Он не помнил, не мог ориентироваться в пространстве. «Какой-то бесконечный бред», — думал Аластор. Вот старик, заменивший мальчишку. Лицо сморщенное, зубов, кажется, почти не осталось. Протягивает газету, грязную «Фантасмагорию», суёт прямо под нос. Нельзя сейчас попадаться. Вот и поезд приехал, стук колёс, волна пара. Интересно, куда он пойдёт? В Харибду? Это уродливое лицо с провалами на месте глаз. Запах перегара, сильный запах грязного тела. Скрюченные пальцы, обмотаны какой-то тряпкой. Похоже, скольких-то недостаёт. Газета прямо перед ним, и в ней та же история: «РАЗЫСКИВАЕТСЯ УБИЙЦА!!!». Сколько же нужно восклицательных знаков, чтобы привлечь их внимание? Поворот трости, стремительное движение. Аластор бежит куда-то вглубь спиралей, теряется где-то, не понимает, что происходит.

В Шумы тоже нельзя. Никак нельзя. Тело Лиссы, распростёртое на полу. Сумасшедшие глаза, бегающие из стороны в сторону, натыкающиеся на чужие лица, наконец, обрели покой, замерли бездвижно. Он срывает с неё одежду, трёхголовый зверь неистово рычит и лает, он требует жертвоприношений. Её голое тело, её вопиющая истерическая нагота, тело, изуродованное болезнью, безумное, пока ещё горячее. Грязные пятна, повсюду грязь, но как он хочет забрать её тепло! Ложится рядом с ней, так же на бок, прижимается к её шее, к уху, на котором есть маленькая золотистая серёжка. Запах её невымытых спутанных волос, кончики колот его лицо. Рядом никого нет, лишь ледяная атмосфера его бывшего дома, места, где он провёл своё короткое детство, углы, хранящие призраков прошлого. Гул машин, такой громкий, такой пронзительный, что невозможно разобрать свои собственные мысли. Раньше они всегда спали, затыкая уши. Она омерзительна, но она всё-таки женщина, почти как остальные женщины, почти как Эхо, только шея свёрнута под каким-то странным углом, и губы посерели. Он кладёт левую руку ей промеж ног, правой стягивает с себя штаны. Как же холодно. Эта зима бесконечна. Под левой рукой целый лес, непроходимые джунгли и колючие кустарники, в которых живут десятки копошащихся обитателей. И всё же она женщина, почти как та, что заговорила с ним в поезде, которая назвала его хорошим человеком, обещала зажечь свечу... хоть бы она не стала этого делать! Шумы жужжат, как рой ядовитых пчёл. «Давай!», — думает Аластор, приказывает самому себе очень громко, пытаюсь перекрычать мыслями гул машин. Но трёхглавый пёс по какой-то причине опешил. Может, потому что он бешеный. Бешеные собаки хотят есть и пить, но не могут, могут только рычать и кусаться. Он пытается ворваться в неё, но не может. От злости, от собственной беспомощности пёс скалится и рычит, и Аластор тоже. Лисса лежит с открытыми глазами, глазами, нашедшими покой. Аластор пытается снова, но снова безрезультатно. Со злостью ударив её по лицу, по спокойному лицу, не встретив сопротивления, не увидев никакой реакции, он начинает плакать и орать от боли, но никто не слышит его крика, Шумы продолжают греметь, снег продолжает падать. Только глаза Лиссы безвольно глядят в потолок, так же глядят и крошечные глазки газетчика из самой глубины двух провалов, так же смотрят в небеса глаза очень многих...

Проходит ещё час в тех же безумных петляниях. Куда угодно, только не домой. А когда он спал в последний раз? В доме Эхо, не иначе... когда это было?

Аластор находит себя только возле её двери. Уже поздно, очень поздно. А ещё за ним идёт след, за ним идут ищейки, прямо за ним. И сейчас поймают. Всё точно.

Он стучит в дверь, плохо отдавая себе отчёт. Из квартиры доносится грозный лай, почти минуту дверь никто не открывает. Аластор уже думает уйти, но тут в дверях появляется Эхо в ночной сорочке. Синяк начал сходить, но выглядит она всё равно несчастной.

— Эхо! Прежде чем закрыть дверь, дай мне сказать, пожалуйста! — затараторил Аластор, как только она делает попытку заговорить. — Прощу тебя! Выслушай, и я уйду! И я обещаю, ты больше меня не увидишь. Послушай, за мной хвост, у меня мало времени... я не причиню тебе вреда, хорошо? Мне нужно передать свои деньги кому-то, потому что со мной всё кончено. Ты должна согласиться! Просто скажи «да», и ты никогда меня больше не увидишь, я клянусь тебе. Я устрою всё остальное. Ты получишь солидную сумму денег и уедешь куда захочешь, я не знаю, сколько ещё осталось времени до того, как мир полностью падёт, но, наверное, что-то ещё осталось... Эхо, прошу, прими их.

Гелиос, её трехлапый пёс, стоит позади неё и грозно рычит, от негодования даже трясётся, из-за этого чуть не падает, но успевает переставить лапы.

— Это кровь? — спрашивает она, испуганно глядя на руку Аластора. Мужчина опускает взгляд на свой рукав, по которому расплылось чёрное пятно.

— Да, думаю, да... я не знаю чья она... Эхо, пожалуйста, мне нужно только твоё согласие...

— Заходи. — Произносит она как-то слишком ровно и отходит в сторону от двери, пропуская его внутрь.

519 день после конца отчёта

Три дня, проведённые в пути подходили к концу. Днём поезд миновал Харибду и теперь прибывал к Термине. Часть пассажиров сошла в восточной столице, но большинство, как и сёстры, держали курс дальше, в отменённые земли.

Вестания не выходила из купе, она долго смотрела в окно на проносящийся город. Вспоминала вчерашнюю встречу с Фриксом в тамбуре поезда. Их прощание. Дорога в никуда всегда приносит только потери.

Они попрощались в Ариадной и Асфоделем, решив путешествовать в одиночку и вскоре, собрав вещи, покинули купе, чтобы присоединиться к очереди пассажиров, толпящихся в коридоре.

Дорога была слишком утомительной, за три дня никто из пассажиров не покидал состав, находится в вечной духоте и тесноте «Восточного Вестника» становилось нестерпимо. Наконец, за окнами показались невысокие строения и ангары, постепенно поезд стал сбавлять скорость, на миг он даже совсем остановился, но затем плавно выплыл к припорошённой снегом платформе. «Термина» — гласила табличка, но надпись была перечёркнута свежей чёрной краской. Термину отменили, вместе со всеми остальными городами на северо-востоке. По спине Вестании пробежал холодок, когда она увидела полицейских в янтарной форме, которые выстроились по всей длине поезда.

— Не беспокойся, — шепнула она Терене, но скорее даже самой себе. — Мы ничего не сделали.

— Хорошо, — согласилась девочка.

Когда поезд остановился, весь коридор вздрогнул и немедленно ломанул к выходу. Они шли в едином потоке, как стадо овец, которых сгоняют в загон. Ариадну с Асфоделем девочки потеряли из виду тотчас.

Паника охватила Вестанию. В том выборе, который у неё был, она решила полагаться только на самих себя. Можно было объединиться с Ариадной, можно было попросить помощи у Сопротивления. В результате, они остались вдвоём с сестрой. Теперь настала пора проверить правильность этого выбора.

Как бы Тера не раздражала её, она оставалась единственным человеком на многие мили вокруг, которому Вестания могла доверять. И в минуту, когда страх захватывал её, как теперь, её даже успокаивало прижимать младшую к себе, держать её за руку так крепко, насколько это возможно. *Ничего, всё наладится*, — утешала она себя. — *Нужно только дождаться приезда мамы.*

Холодный бодрящий воздух ударил в лицо.

— Заполните анкету, проходите на станцию для допроса, — полицейские раздавали какие-то бланки, напечатанные на жёлтой тонкой бумаге, и сгоняли всех сходящих с поезда в несколько очередей, которые тянулись дальше в здание вокзала Термины.

Им в руки тоже вложили по листку и заставили пройти дальше. *Интересно, как выберутся Веспер с Фриксом отсюда?* Вестания уже поняла, что их новых знакомых можно было приравнять к преступникам, однако они вдвоём вели себя очень уверенно, когда говорили про безопасный спуск с поезда. Что ж, им с сестрой так и не довелось проверить этот вариант.

Она убеждала себя в том, что так было правильно. Иначе был слишком высокий риск нажать себе проблем с полицией.

На входе в вокзал посетителей досматривали, некоторых просили открыть чемодан, обыскивали карманы и ощупывали на предмет взрывных устройств. Внутри станции было прохладно, видимо из-за того, что все двери на вход были открыты для встречи вновь прибывших пассажиров. Напротив каждого входа располагался стол для собеседования, за которым сидели военные или полицейские, и допрашивали вновь прибывших. Она огляделась по сторонам, но вновь не увидела никого из их знакомых поблизости. Вестания взглянула в анкету, которую им с Терой всучили при спуске с поезда. Кроме стандартных форм с именем и датой рождения, здесь также значились графы «причина визита», «родственники в Термине» и «место пребывания».

— Что это, зачем? — спросила Тереня, рассматривая формуляр, пока они толпились в новой очереди к пропускному столу. Первичный досмотр был быстрым, видимо полицейские не увидели угрозы в двух юных девушках.

— Наверное для получения временной регистрации. Мы приехали в очень далёкий город, полиция хочет знать, где мы остановимся.

— Но мы сами ещё не знаем, — резонно заметила Тереня.

Вестания не знала, что ей ответить. Она попыталась спросить у соседей в очереди ручку, но никто ей не помог. Тереня сама откапала два карандаша в своём рюкзаке, и они смогли худо-бедно заполнить анкету, прислонив листы к стене.

Прошло порядка часа, прежде чем подошла их очередь. Допросы путешественников были долгими, полицейские выглядели так, словно намеревались провести за этой работой хоть всю последующую ночь. Девочки за это время уже изрядно устали, тем более что на улице начинало темнеть. Ночь в Термине наступала гораздо раньше привычного, да и за время путешествия они успели сменить немало часовых поясов. Время между Терминой и Сциллой отличалось на семь часов, так что дома была уже глубокая ночь. Тереня практически спала у неё на плече, когда они, наконец, смогли подойти к столу для допроса. Пришлось растормошить её. *Нашла время, чтобы потерять бдительность!*

— Здравствуйте, — поприветствовала полицейского Вестания, постаравшись собрать все оставшиеся силы для натянутой улыбки. Она протянула ему их с сестрой анкеты.

Полицейский никак не ответил на приветствие, взял бланки и пробежался по ним глазами.

— Вестания и Тереня? — спросил он и взметнул глаза на сестёр, изучая реакцию.

— Да, — кивнула Веста, внутри она молила лишь о том, чтобы не поддаться страху.

Внимание полицейского переключалось на Теру.

— Она очень устала, — пояснила Вестания, но растрясла сестру, так что та сонно потёрла глаза.

— Кто это девушка с тобой, Тереня? — спросил полицейский с непроницаемым сухим лицом.

— Она моя сестра, — Тера широко зевнула, и чуть приосанилась, заставляя себя проснуться.

— Вы приехали в Термину одни, без родителей? — спросил полицейский, не сводя с них немигающего взгляда. На вид ему было около пятидесяти, гладко выбритое лицо, острый длинный нос и резкие контуры лица, которые бросали на кожу с десятков жутковатых теней.

— Мама тоже приедет скоро, прямо следующим поездом. — Пообещала ему Вестания.

Полицейский стрельнул по ней скупающим взглядом и вновь принялся изучать их анкеты.

— Ваши билеты на поезд, пожалуйста.

Вестания порылась в сумке и протянула билеты.

Полицейский стал изучать их, попутно записывая что-то в книгу на столе. Кажется, вносил данные всех проверяемых в таблицу.

— Над младшей сестрой оформлена опека? — спросил он сухо.

— Что? — Вестания была обескуражена этим вопросом. — Нет, конечно... опека — это если ты остался без родителей, я же сказала, наша мама придет...

— Следующего поезда не будет. — Сказал полицейский строго, как отрезал. — Поэтому младшая считается беспризорной. Вам есть семнадцать лет, вы можете оформить над ней опеку, но до тех пор мы обязаны помещать всех детей в надлежащее место.

— Это куда? — спросила Вестания ошарашено. — Детский дом?

Слова полицейского огорошили её. Страх разлился чёрным ядом по жилам. Охваченная паникой, она даже почувствовала, как к горлу подкатила тошнота.

— В Термине нет детских домов, так уж вышло. Поэтому беспризорные дети направляются в другие госучреждения. Больницы и тюрьмы. В вашей ситуации возможно три варианта. Либо вы находите другого старшего родственника или родителя, либо вы берёте опеку над сестрой, либо вы будете депортированы обратно в Сциллу ближайшем экспрессом. До разбирательства младшая должна находиться под присмотром органов.

Голова кружилась. Она почувствовала, как рука Теренеи сжала её колено. Та заплакала, тихо, без рыданий, до ушей Вестании донёсся лишь тихий стон и всхлипы. *Что? Что теперь делать, мама?*

— Но... она... она же маленькая... как...

— Таковы законы. — Сухо сказал полицейский, кажется, его совершенно не трогали слёзы Теренеи, он даже не смотрел на неё, разговаривал только с Вестанией. — Вас мы можем пропустить, но не ребёнка, оставленного без попечителя.

— И вы отправите её... в тюрьму?!

Полицейский устало повёл плечами.

— Если разберётесь с бумагами достаточно быстро, сможете её забрать в ближайшую неделю. Хотя из-за притока приезжих бюрократические вопросы могут затянуться.

Что делать? Тера была совсем маленькой. Даже младше своего настоящего возраста. Вестания представила в каком ужасе она будет совсем одна где-то в... *в тюрьме.*

Но ведь с другой стороны — она всё равно заберёт её. Как только оформит документы, даже если придётся их оформлять, это возможно сделать. Так сказал полицейский. Или придет мама и они сразу заберут её оттуда. А до тех пор младшая не будет вечно докучать и путаться под ногами. Не будет мешать ей любоваться спиралью...

Перед глазами вдруг возникла спираль. Изящная, совершенная. В воздухе повеяло смертным холодом.

Нет!

— Я не отдам её, я пойду с ней, — сказала Вестания, не ожидая от себя такой смелости. Тошнота отступила. Отступило прочь вообще всё, она будто нырнула в прорубь.

— Как угодно, — повёл плечами служащий равнодушно.

Слёзы лились сами собой. Много-много слёз.

— Веста, что нам делать?

Если бы я знала.

— Я хочу к маме!

Если бы мама была здесь...

Но как она доберётся теперь? У неё не хватило денег для второго билета. В поезде их проверяли несколько раз. Сразу после Сциллы, на второй день и на третий, когда они проезжали Харибду.

Она слишком хотела, чтобы дочери попали в Термину. Закрыла глаза на осторожность, забыла напрочь о юридических формальностях. Связалась с Сопротивлением.

Нырнула в прорубь.

Люди делают так иногда. Ставят все деньги за зеро. Отчаявшиеся окончательно, они хватаются за последнюю возможность.

— Я хочу домой!

Мама хотела спасти нас от смерти. Увезти из дома так далеко, как возможно. Все же знали, что Сцилла обречена. Что бы ни говорили власти, но её ждал скорый крах. Спасение было только здесь, в Термине. И где-то дальше, за её пределами.

До Термины-то мы добрались. Но вот как теперь выбраться отсюда?

Говорят, что люди не умеют испытывать слишком сильных эмоций дольше определённого времени. В среднем не больше 7 минут, но даже 20 — это не так долго. Так просто работает психика. Истерика неизбежно проходит или, во всяком случае, смягчается.

Девочки прождали в ожидании отправления достаточно, чтобы первичные эмоции улеглись. Да, остались страх и отчаяние, но Вестания приложила все силы, чтобы успокоить и хоть как-то ободрить Теренею. И саму себя тоже.

Сразу после допроса на станции сестёр загнали в автобус, как и остальных «нежелательных» для Термины пассажиров «Восточного Вестника». Все сидячие места были заняты ещё до того, как они только вошли в старенький автобус, пришлось стоять, практически повиснув на поручне. Теренея к тому моменту совсем выбилась из сил от потрясения и страха. Она прижалась к сестре и почти не шевелилась вплоть до отправления.

Автобус поехал лишь после того, когда полиция и военные забили его «нарушителями» до предела. Люди неизбежно ругались, натыкаясь друг на друга, очень скоро стало не хватать воздуха, но окна открыть не удавалось, они были запаяны намертво. Постаравшись оградиться от окружающих, Вестания отвернулась к окну, дышать так было тоже чуть легче. Там снаружи их взгляду предстала Термина. Город не был похож ни на один другой, в котором Вестания доводилось побывать. Ей показалось, что это самая глухая дыра, какая только существовала в Ойкумене. За всю поездку она не заметила ни одного здания, которое можно было бы назвать красивым. Здесь не было статуй или колонн, которыми пестрела Сцилла, не было высоких небоскрёбов Харибды. Стоящие вдоль дорог дома были не выше трёх этажей в высоту, серые и неприметные, и скучные, как коробки, в основном кирпичные, но местами попадались и деревянные постройки, некоторые конструкции вообще напоминали больше гаражи, собранные из шифера. Людей на улицах почти не было, а те

редкие прохожие, мимо которых проезжал автобус лишь кутали унылые лица в шарфы и пугливо отводили глаза. *И это то место, куда все так отчаянно пытаются попасть?* Вестания даже начинала понимать, почему власти ограничивали въезд в город — Термина попросту не была готова принять столько посетителей.

Жилые районы вскоре закончились, и автобус подъехал к небольшому полустанку, где стоял поезд, состоящий всего из трёх вагонов. Из разговоров она поняла, что это челнок, который довезёт их до Акрополя.

На станции их встретил новый конвой солдат с автоматами. Довольно быстро их загнали в поезд. Снова дорога, на этот раз по занесённой снегом бесконечной равнине. Автобус бы точно здесь не прошёл, да и вообще ни один другой транспорт.

Когда они попали в Акрополь, время близилось к ночи, и рассмотреть здание было проблематично, но один только вид этой неприступной крепости посреди вечной белизны повергал в ужас. Высокие бетонные стены окружали немыслимых размеров целый комплекс зданий. Их снова выстроили в очередь и медленно впускали через единственный видимый вход. Брешь в теле чудовища.

— Что это за место? — спросила Тереня, глядя снизу-вверх на жуткого фантазмагорического гиганта.

— Центр мира, — вдруг раздался ответ от шедшего следом за ними старика. — Тюрьма, научный институт, здание правительства. Все Сцилла и Харибда на самом деле здесь.

Но зачем они привезли всех нас сюда? Зачем им столько людей? В мыслях Вестании бушевала гроза страхов.

— Кого сломают, обратят в своих слуг. Остальных пустят в расход, — сказал мужчина, словно прочитав её мысли.

Но нет! Всё не может быть так страшно... Точно не с нами.

Мы же дети! Мы не представляем для них угрозы.

Но Вестания даже самой себе уже не могла поверить.

Внутри Акрополя их допросили ещё раз, затем согнали в новый накопитель уже внутри здания. Обыскали и заставили отдать все личные вещи, даже деньги, которые она всё это время прятала под одеждой. Тереня плакала, расставаясь со своим дневником и прочими безделушками. Вестания чувствовала себя слишком подавленной и сокрушённой для слёз. Хотелось только забыться. Безумно хотелось выпить, но об этом можно и не мечтать.

В следующий накопитель сгоняли только женщин и беспризорных детей, которых было совсем немного. Следующим с чем пришлось расстаться стала одежда. Их провели в душевые с горячей водой, потом выдали жуткого вида серые тюремные робы и тяжёлые неудобные ботинки. Вестании было уже всё равно. За весь день она успела смириться с тем, что они преступники. Ей просто хотелось остаться наконец одной. *Пожалуйста! Пусть это уже закончится! Пусть они отстанут от нас...*

В конце концов женщина в янтарной форме проводила их в крошечную комнату, где кроме двухъярусной кровати и маленького столика не было больше ничего. К этому моменту Вестания была так истощена эмоционально, что просто легла на нижнюю койку, закрыла глаза и представила, что они всё ещё едут в поезде. Что всё ещё нормально. Хотя бы настолько, насколько возможно.

— Вестания! — звала её сестра откуда-то издалека.

Кажется, она пыталась окликнуть её уже не в первый раз, только тщетно. Слишком много всего произошло за последний день, и теперь Вестания не хотела думать о делах, событиях, проблемах.

Она хотела утонуть.

Тереня ничего не сказала, когда она начертила спираль на стене возле кровати. Теперь им предстояло жить в этой крошечной камере. *В тюрьме.* Вестания не то чтобы возражала, ей просто хотелось, чтобы её оставили одну хоть на какое-то время.

И она уносилась вслед за завитками. Далеко. Очень-очень далеко. Только вот её пугали чёрные пятна на её воспоминаниях, за которыми она не могла рассмотреть отдельные эпизоды своей жизни.

Вестания говорила со многими людьми, она спрашивала у подруг в школе, у мамы и у сестры. Все они с уверенностью заявляли, что помнят своё детство, может, не очень хорошо, но точно помнят. У всех был свой возраст, с которого начинались воспоминания об отдельных сценах из детства. У большинства — очень смутные картинки того, что происходило с ними в возрасте около пяти лет. Некоторые уверенно твердили, что помнят что-то обрывочное с ещё более раннего возраста. Тереня, например, утверждала, что помнит лицо отца, помнит их прогулку в парке, помнит, что было лето и солнце очень-очень ярко слепило ей в глаза. Вестания не верила ей, сестре было три года, когда он их бросил. Сама она, сколько ни пыталась, не могла откопать в голове ни единого образа, связанного с отцом. Все фотографии и личные вещи, все истории ушли из их семьи вместе с ним. Мама никогда не говорила о нём. Ни плохого, ни хорошего, и отказывалась называть его имя, сколько и как бы упорно они не просили об этом. Иногда девочки получали подарки от него, но Вестания понимала, что их отсылает мать. Как-то раз она застала её за этим и очень сильно обиделась. Мама взяла с неё обещание не рассказывать сестре. Она сдержала слово.

Некоторые воспоминания были очень яркими, но сравнительно недавние. Она очень хорошо помнила последнее лето до конца света. Примерно 700 дней назад. Ей тогда было пятнадцать, а Теренее десять. Сложно было поверить, что прошло уже два года. А конец света, который все предвещали, так и не приходил. Вернее, он не заканчивался, он тянулся и длился, монотонно и протяжно, постепенно лишая людей надежды на будущее. Затяжная зима длилась уже 520 дней, а ничего тотального, что могло бы разом подвести нужные итоги, всё не случалось.

То последнее лето было тёплым и не жарким, словно погода хотела дать им насладиться напоследок. Вестания уже тогда понимала, что с ней что-то не то. Наверное, она всегда знала об этом, но в то время не придавала своим ощущениям такое большое значение. Тогда ещё не было спирали, которую она использовала как проводника между собой и своим прошлым. Она помнила, что встречалась с парнем из своей школы. Его звали Эллин, и они были счастливы. Теперь Вестания понимала, какой глупой она тогда была. Они хотели пожениться, когда Вестания станет совершеннолетней и переехать в Сердцевину. Потом он бы устроился на работу, стал бы машинистом «Харона», а Вестания, может быть, была бы кассиршей на вокзале Сциллы. И тогда им бы удалось вместе накопить много денег и переехать в Истому, где они бы счастливо жили до конца своих дней и растили детей. Тогда будущее виделось ей именно таким. Глупые мечты маленькой наивной девочки. На самом деле Вестания всегда понимала, что они не любят друг друга тем высоким чувством, что испытывали персонажи в книгах, которые она читала. Их взаимоотношения больше

напоминали игру в дочери-матери. Они начали встречаться, потому что все встречались друг с другом в шестнадцать лет. Они говорили друг другу всякие глупости, строили планы на будущее и целовались, потому что так было принято делать в жизни, что была до конца света. Она отдала Эллину свою невинность, как поступали и другие девушки с другими парнями. И тогда Вестания казалось, что так и должно быть в реальности, а не в книгах, что это и есть любовь между двумя людьми.

Всё разрушилось в первый день после конца отсчёта. Настал конец всему: мечтам, планам, лету, надежде, их любви и её детству. Вестания не помнила ничего лёгкого и светлого после того, как начался конец света. Лишь монотонную пустоту. Родители Эллина и он сам переехали в Харибду в первые дни этой новой роковой эпохи. В день их разлуки не было ни поцелуев, ни слёз, ни клятв в вечной любви, как не осталось в мире больше ни тепла, ни горечи, ни вечности. Они просто пожелали друг другу удачи, оба слишком хорошо понимая, что ни одна удача им уже не сможет помочь.

Вестания помнила, что это и был первый день, когда она серьёзно задумалась о спирали. Она ещё не рисовала её тогда снова и снова, даже на полях школьной тетради. Она просто представила эти ровные плавные дуги, постепенно сужающиеся в крошечную точку, они несли в себе столько неподвластной истины, что заставляли её сердце трепетать.

Потом, пока она ещё ходила в школу, она рисовала их на листе, задумчиво слушая объяснения учителей. Непроизвольно, сама не задумываясь, зачем это делает. Со временем спиралей становилось всё больше. Они появлялись на окнах вагонов «Харона», на запотевшем зеркале в ванной комнате, потом Вестания стала рисовать их специально и разглядывать эти причудливые завитки, пытаюсь понять, что они могли обозначать. Один раз в школе она сама не поняла, как это произошло, но она решила пример по математике, поставила цифру 9 и очнулась лишь тогда, когда дуга обвила девятку четыре раза, превратив её в новую спираль. Так она стала зависимой от этих спиралей настолько, что уже не представляла себя без них.

До двенадцати лет ей казалось, что всё ещё впереди, а поиск своего места в мире зачастую занимает у людей полжизни. Потом она стала бояться этой пустоты, и одновременно с этим великое ничто сомкнуло свои воды над её головой. Она ожесточилась против реальности, которая пугала её, замкнувшись в своём сознании, в своём мировоззрении, без друзей и не желая иметь их, потому что не хотела и не могла ни с кем поделиться своими странными путаными мыслями, ибо слишком сильно боялась быть непонятой.

А потом Вестания шагнула в подростковый возраст, и этот опасный фундамент, который она выстроила в двенадцать лет, стал основой для очень непростого переходного возраста. И пусть её одиночество всё же сошло на нет — Вестания познакомилась с Тефией, такой же отрешённой и отчаянной, как и она сама, её новая подруга не могла помочь ей всплыть, выбраться из этой безнадежной пустоты. Она лишь поспособствовала тому, что обида и слабость сменились цинизмом и гневом, с которыми пришла и сила. Вестания поддалась Тефии и вскоре поняла, что меняется. Не в лучшую сторону, но меняется. Чтобы построить новый дом, нужно сначала снести старый. Чтобы создать шедевр на бумаге, сначала срубаются многовековые деревья. Лишь из хаоса приходит порядок. Счастье не бывает без страданий, как и радуга без дождя. Они вдвоём с Тефией сбегали из дома, иногда проводя всю ночь, скитаясь по старым развалинам на Краю. Они выпивали и курили, когда удавалось найти деньги на алкоголь и сигареты. Они общались со своими сверстниками,

теми, кто разделял это стремление сломать свою старую сущность, и они презирали тех, кто не понимал или был против такого желания.

Она отдавала себе отчёт и в том, что ни одно воспоминание о сестре никогда не приносило ей светлой радости. Она не помнила их совместных игр. Самой сильной эмоцией, которую Тереня пробуждала в Вестании, было раздражение, но по большей части — равнодушие. Она читала где-то давно в какой-то книге, что дети, рождённые слишком рано, вырастают самостоятельно, во-вторых же родители вкладывают всё своё свободное время и оставшиеся силы. Она прекрасно сознавала эту мысль, но отказывалась добровольно с ней смиряться. Осадок из прошлых обид, чёрная зависть по отношению к Теренее, маминой любимице, они всегда вызывали в Вестании гнев. Она помнила, как на стенах их крошечной кухни стали появляться детские рисунки сестры. Сначала совсем примитивные: хаотичные формы и линии, потом квадратные домики с солнышком в уголке листа, затем различные звери и птицы, потом и более замысловатые картинки. Тереня любила рисовать, она рисовала много, пусть и очень по-детски. Вестания привыкла думать, что у сестры не было настоящего таланта, да она и сама не хотела заниматься рисованием всерьёз. Тем не менее мама никогда не украшала стены рисунками старшей сестры. Возможно, что их было немного, Вестанию никогда не занимали детские игры, она всегда была слишком серьёзной и задумчивой, хотя так и не нашла занятия, что пришлось бы ей по душе. Ей хотелось вложить свои силы и усидчивость во что-то, но девочка не видела своего очевидного преимущества ни в спортивных играх, ни в творчестве, ни в рукоделии, ни в танцах, ни в музыке... ни в чём.

В школе, даже в младших классах, Вестания всегда была серой мышкой. Она слишком стеснялась поднять руку, если знала ответ, и, как назло, учителя спрашивали её всякий раз, когда тема была ей непонятна. Повзрослев, она и вовсе перестала прикладывать усилия к учёбе, опять же потому что не видела смысла заниматься тем, что у неё не получалось. До той поры, пока она не замкнулась в себе, она могла просить помощи у мамы. Не только по учёбе и школьным проблемам, Вестания хотела разобраться в самой себе и понять, что с ней не так, почему, в отличие от остальных детей, её сверстников, она не переживает счастливое беззаботное детство, а лишь дрейфует в ледяном море. Она была убеждена, что с её сознанием и её внутренним миром что-то не то, то ли какая-то деталь в механизме сломалась, то ли её не доставало. Но даже мать не слушала её, и тогда Вестания перестала спрашивать.

Конечно, Алкиона не хотела просто так закрыть глаза на проблемы дочери, у неё было несколько причин, чтобы не верить девочке или чтобы не принимать её слова всерьёз. Во-первых, детям не чуждо придумывать себе различные болезни. Они не знают, что такое настоящая боль и настоящее сумасшествие, дети любят приумножать и приукрашивать, поэтому во дворах можно услышать каждый день фразы вроде: «Он сломал мне руку!», «Я чуть не умер вчера, когда упал с велосипеда», «Он сумасшедший!», «Я вижу мертвецов», «Я умею разговаривать с животными»... Во-вторых, ни одна мать не признает, что с её ребёнком «что-то не то», если нет видимых причин, а в случае с Вестанией, ничего такого не было, она ничем не отличалась от остальных детей, она не была ни умнее, ни глупее них, с ней не происходило никаких происшествий, она не падала в обмороки, не страдала бессонницей, ей не снились кошмары, она даже не придумывала себе воображаемых друзей. Одним словом, Вестания была здорова. Да, может, она плохо училась, может, у неё не было друзей, она не ладила с сестрой, была задумчивой и серьёзной, но это нормальные вещи, не

плохие, пусть и не самые хорошие. К тому же развод родителей не мог не повлиять на состояние девочек, особенно старшей. Мать считала, что так её дочь проходит через потрясение. Она пыталась ей помочь, но не соглашалась принимать различные глупости о том, что с девочкой «что-то не так».

Но только сама Вестания слишком хорошо знала, что она права. Она была потеряна, без ориентира, без цели, что-то не подпускало её к простой жизни, упорно держало на расстоянии. И чем старше она становилась, тем упорнее она пыталась найти причину. Но хуже всего был отец. Потому что она не помнила его, а была уже достаточно взрослой, чтобы запомнить.

Воспоминания Вестании начинались с восьми лет. И сколько она ни пыталась, она не могла заглянуть глубже, словно что-то инородное не давало ей этого сделать.

Скользя за изгибами спирали, погружаясь всё дальше в своё детство, как штопор входит в пробку бутылки, она снова и снова переживала свою жизнь, пыталась вспомнить самые незначительные мелочи. Вестания никогда больше ни в чем не замечала у себя проблем с памятью, но не могла найти причину, почему она не помнит ничего раньше того возраста, на котором память обрывалась.

«Раз-два...»

Детская площадка. И она одна на ней. Нет, там были ещё другие дети, но она почему-то одна, мамы нет рядом, никого из взрослых. И она сидит на качелях и раскачивается, всё продолжает раскачиваться, затем вдруг решает спуститься, но не тормозит ногами по песку. Просто ждёт, когда качели сами остановятся. Почему она одна? Её не отпускали сюда в восемь лет, она это знала точно. Единственная детская площадка, что была в их районе, находилась за парком, далеко, примерно в получасе ходьбы от дома. И уже темнело. И она была одна. Что происходило?

«Раз-два...»

Пустота. Как она ни старалась, у Вестании не получалось углубиться ещё. Там ничего не было, но что-то произошло с ней в тот вечер на детской площадке. Она знала точно. Что-то изменилось, пока она сидела на этих качелях. Только что? Спираль заканчивалась там. «Раз-два...» Вестания пыталась изо всех сил давить на её тугие изгибы, пыталась уплыть по дугам ещё глубже, но тщетно, спираль сужалась и завершалась замкнутым кругом, как та девятка в школьной тетради, и тогда её начинала пугать эта закольцованность. Как будто она не сможет выбраться обратно на спираль и всплыть назад в настоящее.

— Вестания!

— Что тебе? — всё разом пропало. Спираль потускнела. Она всё ещё лежала на койке в их камере. *В тюрьме!* Тереня стояла напротив и испуганно переводила глаза с сестры на спираль, начерченную побелкой.

— Нас зовут, нужно выйти из камеры.

522 день после конца отчёта

Кабинет Гектора насквозь пропах ароматом сигар. Сколько Аластор помнил эту комнату, с того первого дня, как его забрали из тюрьмы, до настоящего момента, она оставалась неизменной, а между тем прошло уже около двадцати лет. Тёмные стены с деревянными панелями, паркетный пол и огромный письменный стол, покрытый бесконечными царапинами. Он помнил, как подписывал здесь договор. Перьевая ручка тоже лежала на своём месте. Изменился только сам Гектор, особенно сильно изменился за последние два года. Кажется, хуже всего он стал выглядеть после смерти Минотавра. Волосы совсем поседели, сам он растолстел, под глазами теперь всегда ютились чёрные синяки, высокий лоб, плавно перетекавший в затылочную часть, был исполосован морщинами. Не изменилось лишь его выражение лица. Глава «Скиеса» никогда не выглядел раздражённым или печальным, даже если и был таковым. Уголки губ всегда приподняты немного вверх, брови всегда ровные, взгляд уверенный.

На столе помимо кипы бумаг стояли две миски, большая — полная зёрен граната, («Значит, где-то всё же растут деревья... зима не повсюду»), — подумал Аластор, хотя сам он нигде в магазинах и рынках Сциллы не видел ничего подобного) и маленькая для косточек.

— Ну, как дела, Аластор? — спросил Гектор, наклонившись вперёд и сцепив пальцы рук на столе. Он не называл его Цербером никогда после «Чёртова колеса», ни разу даже не оговорился, хотя в период службы Аластора в «Скиесе» всегда пользовался именно этим именем.

«Что означает имя Аластор?» — спросила Эхо вчера утром. Когда она впустила его, они не разговаривали, они занялись сексом, а затем спали очень долго, почти до полудня. Сколько тепла и жизни было в её теле, сколько любви она вкладывала в свои наигранные поцелуи, в свои прикосновения. Аластор знал, что эта была лишь игра. Он слишком хорошо знал мир для того, чтобы считать, будто шлюхи умеют любить.

«Это злой дух мщения. — Ответил Аластор. — Повсюду, где он появляется, он сеет зло и гибель. Он развращает ума людей, делая их мстительными. И эта месть приводит к преступлению, которое, в свою очередь, приводит к новой мести и новому преступлению, и так далее...»

«Имечко класс, — оценила Эхо. — Родители так ненавидели тебя?»

«Это отец. Он говорил, мужчина должен быть сильным. И должен иметь сильное имя... А Эхо? Это псевдоним?»

«Нет. Меня правда так зовут... — она потупилась немного. — Родители меня поздно родили... У них была дочь, Серена, наверное, они очень её любили. Она умерла в восемь лет, тогда они решили завести ещё одного ребёнка. А меня назвали Эхо. Эхо Серены. Так что история ничем не лучше, честно говоря...» — её скрипучий голос при этом прозвучал не очень весело.

«Они не любили тебя? — спросил Аластор. — В смысле... не так сильно, как её?»

«Любили, конечно. Только я всё равно осталась в её тени, всегда чувствовала её присутствие. Иногда, когда они долго смотрели на меня, у них на глаза наворачивались слёзы. Всё из-за этой сучки. — Она поморщилась. — Вот кого я правда ненавидела всю

жизнь. Знаешь, они строили такие планы на неё... так много хотели, она была талантливая, за что ни бралась, всё у неё получалось... а она умерла, и родилась я. И стала их разочарованием. Ничего толком так и не научилась делать. Лет до тринадцати я была гадким утёнком, честно сказать. А Серена всегда была миленькой. Не знаю, кем бы она стала, если бы выросла. Но знаю, что, если бы она не сдохла, меня бы вообще не было. Так что было очень паршиво. Я ушла из дома в шестнадцать, у меня только выросла грудь. Я сбежала в Сциллу из поганых Патр. Денег не было... Ну, в общем, и вся история. С тех пор вот так...».

«Сколько тебе уже?» — спросил Аластор, не отрываясь от её синих глаз, которые отчуждённо оглядывались на своё прошлое.

«Двадцать четыре. Восемь лет — уже пенсионерка в этом бизнесе. Но в Сцилле есть шлюхи и постарше меня. Так что не всё потеряно. Если, конечно, конец света не смоеет всех нас нахрен».

— Как ещё у меня могут быть дела, Гектор? Ни к чёрту, — признался он. — Я думаю, у тебя так же. И у всех вообще. — Аластор всегда опасался этого человека, лишь после своего ранения он осмелился заговорить с ним на «ты». Гектор никак не прокомментировал этого. Может, он тоже считал, что их больше не связывали иерархические отношения. — Хотя, знаешь, — сказал Аластор, не дав Гектору ответить. — скоро всё кончится. Я не про конец света. Власти могут сколько угодно кормить нас сказками о том, что человечество выстоит, несмотря ни на что. Слухи от Сопротивления могут и дальше пускать пыль в глаза своей ядерной бомбой. Для меня всё закончится скоро. Намного раньше. Я нашёл кому отдать деньги. Я дам всю информацию позже. Ещё ты должен будешь достать один билет на поезд... до Харибды, а ещё лучше дальше на юг, до самого Сельге. Но сначала я хочу попросить у тебя другое...

— И что тебе надо, Аластор? — спросил Гектор, подвинувшись в кресле и глубоко вздохнув.

— Пули. Точнее, достаточно будет всего одной.

Гектор усмехнулся как-то не очень весело, а в глазах сверкнуло недовольство.

— Что ты задумал, чёрт побери?

«Ты сможешь уехать, — сказал ей Аластор, — куда-то далеко. Я обещаю, это не пустые слова, не смотри так на меня. Ты сможешь начать новую жизнь. Без призраков прошлого. Конец света не происходит в мире, он происходит в головах, я уверен, что, имея деньги, можно придумать что-то».

Она помолчала, подозрительно посмотрев на него.

«Ты ведь примешь их? — испугался вдруг он. — Прошу! Эти идиотские деньги не дают мне покоя уже два года. Найти, кому их отдать, стало даже сложнее, чем заработать. Пожалуйста, Эхо! Я не пытаюсь тебя обмануть!»

«Я верю тебе, идиот, — ответила она, всё ещё не отводя своих синих глаз от него. — Я впустила тебя внутрь посреди ночи, с твоим сумасшедшим взглядом, перепачканного кровью, я переспала с тобой, какие ещё соглашения тебе нужны? Я просто не пойму, почему ты решил отдать их мне? В Сцилле так мало бедных, что ли?»

«Нужно доверять тому, кому отдаёшь деньги. Это вроде как тоже условие моего работодателя».

«И ты поверил мне? После того, как я прогнала тебя? Смешно!»

«Ты не пошла в полицию. Ты знала моё настоящее имя, знала, кто я... но меня не схватили. Значит, ты не сдала меня».

«Шлюхи не дружат с янтарями, придурок. Вот и всё. Ни одна шлюха не пошла бы туда на моём месте. Только ты сказал, что они и так ищут тебя».

«Пусть ищут. Осталось недолго...»

«В смысле недолго? — Смутилась она. — Ты что задумал?»

— Убить себя. — сказал Аластор спокойно. — По-моему, это логичный исход, разве ты так не считаешь, Гектор? — спросил он, услышав, как глава «Скиеса» взорвался смехом.

— Поэтому тебе нужна пуля? — Проговорил он сквозь неудержимый хохот.

— Я решил, что хочу умереть достойно. В этом случае ни верёвка, ни нож не годятся, Гектор, потому что и ты, и я знаем, для кого мы бережём последнюю пулю, верно?

— «Достойно», Аластор? — переспросил он, борясь со смехом, который под конец стал напоминать не то кашель, не то одышку. — Давно ли застрелиться стало *достойным* для бывшего наёмника?

— Ты дашь мне пулю? Это всё, о чём я прошу. — Спросил он сурово.

«Не делай этого, ты что! — разозлилась Эхо, услышав о решении Аластора, и довольно сильно ударила его пяткой по больной ноге, прекрасно зная об увечье. — Ты с ума сошёл? Ещё и рассказываешь мне об этом!»

«А что мне ещё остаётся, Эхо? — спросил Аластор сразу после того, как огненная вспышка боли в глазах начала утихать. — Меня скоро всё равно убьют. Либо полицейские, либо сотрудники моей собственной фирмы. При любом раскладе я погибну, и я прожил совсем не ту жизнь, чтобы сожалеть об этом факте».

«Ты ведь можешь уехать со мной. И тоже начать новую жизнь», — при этой фразе всё её лицо переменялось, она стала такой искренней и такой серьёзной. Словно пробудила самые тайные свои мысли.

— Пуля, Аластор? Тебе нужна пуля? — тут Аластор поймал себя на мысли, что впервые видит Гектора таким рассвирепевшим. Он вдруг подскочил на своём месте, зачерпнул пригоршню ягод из миски и швырнул в Аластора. — Считаешь, что я дам тебе пулю, чтобы позволить убить себя? Стреляй гранатовыми ягодами сколько влезет! Ты забылся, Аластор! Твоя жизнь по бессрочному договору принадлежит мне полностью! Это я решаю, когда тебе потребуется пуля в лоб, и я собственноручно её выпущу в таком случае! Решил покончить с собой? Ты не имеешь права на это! И я не позволю тебе этого! Я распоряжаюсь жизнями всех своих наёмников! Ни ты, ни Манतिकор не исключение!

Вид разъярённого Гектора изумил Аластора, но, услышав эту фразу, он тотчас протрезвел.

— При чём тут Манतिकор?

— Что? — спросил Гектор уже ровнее, кажется, не ожидая такого вопроса.

— Манतिकор. — Повторил Аластор. — Что с ним?

Гектор переменялся, как-то ослабел и с несчастным видом сел назад в кресло, убрав руки со стола. Аластор уже очень хорошо понимал, что ему сейчас предстоит услышать, в общем-то, он всегда был готов к таким новостям, но бешеная трёхголовая собака всё равно протяжно завывала, задрав облезлые морды к небесам.

«Нет, Эхо, даже не думай об этом! — разозлился Аластор, повысив голос. Гелиос тут же среагировал на эту интонацию и снова грозно зарычал, прижав к голове чёрные лохматые уши. — Я уже сказал, что там, где Аластор — там гибель и смерть. Мой босс не отпустит меня. Я превращусь в их вечную добычу, они будут идти по моему следу, и когда-нибудь они найдут меня, а вместе со мной и тебя. Это не так работает. К тому же единственное условие получения этих денег — моя смерть. Не беспокойся из-за меня. Я стал мертвецом именно тогда, когда написал своё имя на бумаге. Пусть считают, что я принадлежу им. Только своей жизнью я всё ещё могу распоряжаться».

Она ничего не сказала, лишь смущённо потупила глаза и обняла свою собаку, поглаживая её за ушами.

«Ты так говоришь об этих деньгах, — прошептала она, наконец, когда пёс опять затих. — Сколько их?»

«Я получал почти три тысячи талантов за одно убийство, — сказал Аластор. — Но за тринадцать лет, что я работал там, мне так и не удалось сосчитать, скольких я убил».

Она испугалась, дыхание застыло в груди у Эхо, и у девушки ушла почти минута, чтобы вновь обрести способность говорить.

«Три тысячи за одно убийство?! О, боги! Да я тысячу за месяц не всегда получаю! Сколько же там?! Миллион?»

Аластор задумался, ему раньше не приходила мысль сосчитать свой доход, может, потому что он знал, что никогда не увидит этих денег.

«В среднем около пяти убийств каждый месяц, всего тринадцать лет, — задумался он. — Минус небольшой процент за ежемесячные отчисления, плюс какие-то доплаты за особые случаи... думаю, не меньше, чем два миллиона талантов».

«Твою мать!» — выдохнула Эхо испуганно.

«Все будет хорошо. Они для тебя и Гелиоса. Вы уедете куда-нибудь, где тепло. И больше никогда не придётся ни о чём думать. Фирма всё устроит. Возможно, ты не получишь всю сумму сразу, но у них есть люди, которые проследят, чтобы деньги и ты были в безопасности».

«Ты слышал это, Гелиос, — прошептала Эхо псу, нагнулась к нему, и поцеловала в мохнатую морду, — мы будем богачами. И будем жить где-нибудь, где всегда тепло...»

— Мы так и не нашли тела, — сказал глава «Скиеса» как-то совсем обречённо. С этими словами, он отворил ящик стола и вынул оттуда толстую чёрно-бурую сигару, прикурил от спички и подвинул белую мраморную пепельницу поближе к себе. — Но есть все основания полагать, что его больше нет. Зная Мантикора, не сложно догадаться, что он мог сделать что-то изощрённое, чтобы его не нашли. Он был поистине мастером маскировки. Всё, что он оставил — предсмертная записка. Объяснил, что ему стало тошно жить. Скорее всего, одиночество сломало его, он всегда был нестабилен в психическом плане... Думаю, тебе будет лестно узнать, что он попросил приплюсовать все свои деньги к твоему счёту. Ещё он написал, что желает тебе держаться, оставаться сильным. Он очень хорошо относился к тебе...

Сердце стучало без остановки всё то время, что трёхглавое чудовище оплакивало павшего собрата по оружию. И пусть они никогда не виделись, они были такими одинаковыми, такими близкими...

— Да вы просто не оставили выбора. Ни ему, ни мне! — расшвырянул Аластор. — Я прекрасно понимаю, почему Манतिकор покончил с собой! Ему стало невыносимо держать всё это дерьмо в себе! Ты же видел его до этого, Гектор! Я никогда не поверю, что ты не заподозрил в нём этих намерений! Ты мог бы сказать, где он живёт, мы могли бы встретиться с ним... Я бы мог всё исправить, и он был бы жив! Чёрт! Гектор! Ты просто сидишь и смотришь, как «Скиес» катится в самое днище!

— Аластор! — Гектор вновь обрёл свой железный голос. — Я всё ещё твой босс и директор фирмы! И мой долг — сохранить будущее компании...

— Нет у вас никакого будущего! Со своей скрытностью и дерьмовыми правилами вы теряете лучших ваших агентов!

— Ты считаешь, ты лучший, Аластор? Какого чёрта ты стал так думать? — спросил Гектор.

— Да, Гектор! Я считаю себя лучшим! — отозвался Аластор. — Нас было трое раньше, был ещё Минотавр, был Манतिकор, и мы втроём были лучшие! И только ты повинен в их гибели... — он вздохнул глубоко и исправился, — в *нашей* гибели. — Кажется, Гектор не сразу нашёл, что ответить на это заявление. — Неужели ты думаешь, что хоть один из тех сопляков, которых вы учите сейчас, сумеет заменить нас троих? Мы были лучшими, мы были золотыми чудовищами «Скиеса», и ты знаешь это, Гектор! Но потом ты прогнал меня! Ты прекрасно знаешь, что я всё ещё могу убивать, могу работать, как и прежде! Более того, ты знаешь, что мне это нужно, но тебе всё равно! Затем погиб Минотавр, который должен был заменить тебя, и все знают, что ты готовил его для этого, все знают, что ты хотел сбежать, пока не поздно, а теперь... теперь тебе приходится отсиживаться здесь, потому что ты слишком гордый, чтобы предложить своё место кому-то ещё! Из-за своей хреновой гордости ты уже потерял Манतिकора, а очень скоро потеряешь меня. Потому что я не собираюсь продолжать скитаться по улицам Сциллы, ожидая конца света, как и остальные... ты не сможешь остановить меня, Гектор. Я хочу умереть, и я сделаю это. Потому что я нашёл, кому отдать деньги... в том числе и деньги Манतिकора. А значит, моя смерть не станет напрасной.

«А Гелиос означает «солнце», — сказала ему Эхо. Аластор подумал, что она продолжит болтать про своего глупого пса, но она вновь посмотрела прямо на него. На её лице жила горечь. — «Тебе ведь придётся умереть ради меня... это так странно... и так неправильно».

«Думай о том, что я всё равно бы умер. Как если бы болел зимней лихорадкой... Может, тебе так будет легче».

Она подползла поближе к нему и поцеловала в губы. Так нежно, так протяжно, так тепло.

«Жаль, всё-таки, что всё вот так... не знаю... то, что ты делаешь, это очень много. И ты для этого нашёл какую-то шлюху, которая и половины не достойна».

«Не переоценивай мой поступок. Это кровавые деньги, Эхо. И их было не так уж сложно заработать... может, кроме последних нескольких тысяч».

«Так ты повредил ногу?» — догадалась она.

«Да... но давай, не будем об этом».

«Я хотела сказать тебе спасибо, — произнесла Эхо. — Потому что даже если ты совершал ужасные вещи... и убивал... и всё такое... ты всё равно не плохой».

Как же бесконечно она ошибалась...

— Тебе понравилось моё кресло, Аластор? Решил, что сможешь заменить меня? — спросил Гектор ровным голосом и вновь затянулся от сигары. Волны дыма поплыли по комнате, клубясь и превращаясь в причудливые силуэты древних чудовищ.

— Да, я считаю, что смог бы стать главой «Скиеса», — согласился Аластор.

— Никогда в жизни! И даже не через мой труп! — заявил Гектор. — Минотавр был лучшим, и только он один был достоин сидеть здесь, на моём месте. Хочешь правду, Аластор? Я уволил тебя не из-за ранения. Ты получаешь удовольствие от убийств, а я работаю в «Скиесе» слишком долго, чтобы не знать, к чему это ведёт. Неужели, ты считаешь, я не знаю, чем ты занимаешься? Строишь из себя жертву! Бедный наёмник, которого отстранили от дел! — Он открыл ящик стола и швырнул кипу «Фантазмагорий» на стол. — Ты продолжаешь убивать, Аластор. Я каждый день узнаю о твоих похождениях со страниц вшивой газетёнки. Знаешь, как сложно укрывать от совета твои приключения? Если бы они знали, что это ты, то пулю в лоб ты бы получил уже давно! Только взгляни на это, Аластор, — и он принялся зачитывать вслух заголовки газет. — «Бродяга найден мёртвым недалеко от вокзала», ниже узнаём, что горло было перерезано. «Разыскивается убийца, предположительно живёт где-то в Сердцевине, недалеко от местного вокзала», «В Шумах найден труп женщины. На опознании в ней признали местную сумасшедшую», далее, тебя называют «Убийцей обреченных», «выбирает своих жертв среди бедняков, пьяниц и низших классов». «Двое продавцов газет возле входа в вокзал погибли за последнюю неделю, ребёнок и старик», вот это мне очень нравится, прямо сегодня с утра получил удовольствие: «Проститутка найдена мёртвой в съёмной квартире»! Шлюха, Аластор! Боги, ты хоть трахнул её перед тем, как убить?

Зверь замолчал, насторожив уши. Сердце внезапно пропустило один удар. Дыхание застряло где-то в лёгких.

«Спасибо, что делаешь это», — произнесла Эхо вчера. — «если есть Аид, если есть страшный суд, тебе зачтётся это в противовес твоих преступлений».

«Не оправдывай меня, — ответил ей Аластор. — Я просто хочу, чтобы ты жила. И была счастлива. Ничего личного, поверь».

И она опять поцеловала его, а потом они опять занялись сексом. Без каких-либо обещаний, без лживых признаний в любви.

Как так могло быть? Что за ерунду несёт Гектор?

Я не убивал ее... не может так быть.

— Я должен идти, Гектор, — сказал вдруг Аластор, поднявшись со своего места. Несколько гранатин скатились на пол.

— Стой! Ты куда? — спросил он. — Ты хотел дать мне имя. Или что, передумал насчёт пули?

— Не сейчас. Я вернусь. Надо проверить кое-что.

Он отказывался принимать это.

Аластор покинул «Скиес» и шёл прочь из спирали улицы, где находился головной корпус компании. Он шёл к вокзалу. Он шёл к ней.

Как они расстались вчера? Кажется, она поцеловала его на прощание. Вкус её поцелуя. Он ещё долго искрился на губах, когда Аластор шёл к себе домой. Его душа, успокоенная её

обществом, больше не терялась в глубинах сумашествия, тусклые тени больше не роились повсюду, хищно выслеживая его. Воспоминания о слежке, о полиции, теперь казались лихорадочным сном. Аластор вернулся к себе без страха оказаться схваченным. Ведь, в конце концов, он не был безумным маньяком, его долго учили, как убивать правильно, и он прекрасно знал, что не мог оставить за собой улики. А если нет улик, то нет и подозреваемых. Правило простое и понятное.

Ведь он не мог этого сделать? Да, он знал, что пытался сделать с Лиссой нечто ужасное, только в тот момент её убийство казалось наполненным глубинного смысла, словно оно могло исцелить всю боль его расколотою души. Он помнил про мальчика, очень смутно помнил про старика-газетчика, но Аластор считал, что оказал им услугу упокоиться с миром, он не корил себя за эти убийства. Но Эхо...

Почему вообще я решил, что это она? Мало ли шлюх в Сцилле.

Но Аластор знал ответ. Потому что в жизни не бывает случайностей.

Возле входа в вокзал опять стоял новый продавец газет. «Плохое место, зря он тут стоит», — подумал Аластор. Лицо совсем скрыто за серым шарфом, каштановые длинные волосы выбивались из-под капюшона, словно не могли находиться долго взаперти. Аластору не удалось его рассмотреть, как следует, но он успел заметить, что газетчик не был ни стариком, ни калекой, во всяком случае, внешне. Интересно, почему ему пришлось раздавать газеты? И тут судорога страха опять поразила его. Зверь ещё раз рывкнул на газетчика, но лишь одной из своих голов. Аластор подумал было избавиться и от него, но страх оказаться возле дома Эхо и...

Он пошёл быстрее.

Дом Эхо. Дверь была не заперта, лишь вход перекрыт красной лентой. Дыхание замерло в горле. Аластор перелез под ней и вошёл в холодное помещение.

— Эхо! — позвал он, прекрасно понимая, что не услышит ответа.

Даже эхо не отдалось от стен. Комната сочилась скорбной тишиной.

Её уже унесли отсюда. Он увидел кровавый след на полу в зале. Зашёл в комнату. Настил из одеял залит алым. Гелиос лежал рядом на полу и тихо заскулил при виде Аластора, не набросился, не залаял, как обычно.

Пустое ледяное пространство комнаты, несколько книг, что раньше были в зале, теперь перекочевали сюда. «Интересно, читала ли она их»? — подумал Аластор как-то глухо и тупо. Все чувства и мысли оставили его, стоило увидеть алую ленту у входа. Казалось, глаза разучились видеть. Его разум дрейфовал где-то очень далеко отсюда, в некоем сказочном мире, где киты плавали в облаках из жемчуга, прямо как в глупых песнях Эльпиники, что крутили по радио.

Зачем что-либо? Остановите часы! Её больше нет.

Аластор заметил бутылку ципуро возле окна. Она была здесь ещё вчера, когда они переспали вместе. Дважды (тепло её тела, мягкость её пальцев, приторность поцелуев). Та же бурда «Миф». Аластор взял бутылку и отвинтил крышку. Сделал глубокий глоток. Затем ещё один.

— Что, теперь ты не злишься на меня? — спросил он трехлапного пса, сел подле настила и поморщился, согнув правую ногу. — Ты же знаешь, что это был не я, так?

Пёс никак не отреагировал на человека. Он растянулся, положив чёрно-белую голову на передние лапы и, кажется, тихонько скорбел.

Аластор снова глотнул ципуро, желая, чтобы его свойства уже поскорее оказали хоть

какое-то воздействие.

— Что, пёс? Вот так рушатся мечты, верно?

Гелиос вновь заскулил, но даже не взглянул на человека.

Аластор снова приложился к бутылке. В сердце роились хищные птицы, царапали своими крючковатыми когтями, кололи изогнутыми клювами. Трёхголовое чудовище выло так громко... ещё громче, чем заводы в Шумах.

— Чёрт! — бросил Аластор, когда почувствовал, как глаза наливаются слезами. — Дерьмовый ципуро!

Он занёс бутылку над настилом и пролил немного поверх кровавых пятен.

— Это тебе, Эхо... — прошептал он, почувствовав, как предательски дрогнул его собственный голос. Жидкость с траурным звуком закапала на мокрые от крови простыни. В этом участке алые пятна передёрнулись разводами и порозовели. — Кто это сделал, пёс? Почему ты не защитил её?

Трёхлапый всё ещё не реагировал.

И почему она не завела себе нормальную собаку? Это чучело даже ребёнка напугать не сумеет.

— Пойдём отсюда, — сказал Аластор, подхватив собаку на руки. Бутылку ципуро он погрузил вглубь своего кармана, пса прижал к груди. Лишь тогда Гелиос безвольно зарычал, но затем рык сменился визгом, и он всё же присмирел. — Ты же понимаешь, что тут делать больше нечего, так? Так что давай без драм, пёс.

Аластор вышел из её дома, забрав Гелиоса с собой. Гелиос взвизгнул ещё раз лишь у порога, словно не желая покидать свою территорию. Попробовал завертеться и вырваться, но Аластор прижал его к себе ещё плотнее.

Он вошёл в свой дом, выпустил настороженного пса в коридоре, сам зашёл в комнату, не раздеваясь, включил приёмник, лёг на кровать и вынул ципуро из кармана. Начал пить. Пытался не думать ни о чём, но мысли роились вихрем в его замутнённом рассудке. И что теперь? Что ему делать? Найти ещё кого-то? Ещё одну шлюху, чтоб передать ей уже четыре миллиона талантов? По радио опять играли глупые песенки Эльпиники. Что-то там про спящую смерть.

Аластор выпил ещё. Сам не успел понять, как слёзы успели побежать по щекам. Запустил руки в карманы, хотел достать сигарет. Нащупал одну гранатовую ягоду, должно быть, случайно закатилась туда сегодня.

Царевне нужен герой,

Что сам шагнёт за край

И зарядит ружьё

Гранатом.

Трёхглавый зверь рванулся вперёд, пытаясь сорваться с цепи, пасть ощерена, глаза налиты кровью, пена капает с зубов.

Аластор подскочил, распахнул шкаф для одежды, внизу стоял старый сундук. Принялся открывать его, затем вскрыл второе дно. Именно там, в секретном отсеке, раньше лежал весь его арсенал. После «Чёртова Колеса» «Скиес» отобрал у него всё оружие, кроме револьвера «анфиз», просто на память. Без пуль он был бесполезен. Но остался у него ещё и кремнёвый пистолет «экивит», его Аластор получил в качестве подарка на десятый год своей службы в «Скиесе». Модель старая, скорее трофейная, он как-то раз пробовал сам стрелять из него, но лишь ради интереса. «Экивит» — «инициатор», не годился для боя, а Аластору не было

нужды возиться с порохом, когда он имел столько отличных стрелковых пушек. Однако немного пороха в нём осталось... Крупная гранатовая ягода заняла своё место в стволе, заменив дробь. Он взвёл курок. Сладкий лязг стали. Открыл крышку полки, проверил наличие пороха. Кто знает, может, стал уже непригодным за эти годы? Но какая разница сейчас, если вместо пули он использует косточку? *Вот бы Гектор посмеялся над тобой сейчас*, — подумал он, но был слишком зол, чтобы остановиться.

Аластор приложил дуло к горлу, вертикально. Прямо через мозг. К чёрту деньги. К чёрту что-либо. «Скиес» и Гектора тоже к чёрту... Проглотил комок, подступавший к горлу. *Так правильно.*

Вдруг трехлапый пёс скромно просеменил по коридору и остановился у входа в комнату. Тихое постукивание когтей по полу стихло, грустные чёрные глаза устремились на человека.

— Ладно тебе, всё равно больше ничего не остаётся, — сказал Аластор собаке.

Пёс стоял у входа с потерянным видом и смотрел на человека. Аластор зажмурился, чтобы не видеть собаку с её грустными влажными глазами. Тут пёс принялся скулить. Так мерзко, так протяжно. Трёхголовый зверь тут же присоединился к нему.

Аластор убрал дуло от горла, направил на пса. Тот замер и замолк, глядя на человека.

Горячие слёзы бежали по щекам. Голова начинала кружиться, а зрение рассеивалось, должно быть, из-за ципуро.

Что теперь делать?

Аластор смотрел на собаку, положил палец на спусковой крючок. Затем выдохнул, отвёл револьвер, поднял глаза к потолку, вновь посмотрел на пса, снова наставил дуло.

— Да, ладно! Перестань, пес... так намного лучше, чем хромать всю свою жизнь. И намного лучше, чем остаться одному, верно? Мы с тобой одинаковые. Две хромые бешеные собаки.

Гелиос подошёл чуть поближе, так, что его нос оказался точно напротив дула. Затем наклонил голову и скромно лизнул Аластора в руку, что сжимала револьвер.

— Я многих убивал, пёс. Ты меня не разжалобишь, — прямо сказал ему человек.

... собак, правда, не убивал...

Гелиос вновь тихонько заскулил. Затем отодвинулся чуть в сторону, широко зевнул, почти завалился на бок и почесал единственной задней лапой горло.

Тут взгляд Аластора остановился на шее пса.

— У тебя разве был ошейник, Гелиос? — спросил он.

Пёс не ответил.

Аластор положил револьвер на крышку сундука. Нагнулся к собаке и принялся ощупывать тонкий ремешок, который висел у Гелиоса на шее. Вместо бубенчика или значка с адресом он вдруг увидел закреплённую маленькую женскую серёжку.

Эхо не носила украшений. У неё даже уши не были проколоты.

Но он точно помнил, кто носил.

— Машины гудели: дрох-рох-рох, платье девушки в горох, — пробормотал Аластор задумчиво, снимая серёжку с шеи пса.

Это было приглашение... и не от кого иначе, как от подражателя.

У меня появился подражатель, — подумал Аластор, услышав, как внутри него Цербер заурчал от этой фразы.

— Ладно, Гелиос... мы проверим гранат на меткость позднее... а пока соберёмся на

320–336 день после конца отчёта

Прямо на крыше одного из самых высоких зданий Харибды — гостиницы «Резиденция» стоял огромный дирижабль. На желтоватой поверхности оболочки изящным шрифтом красовалась надпись: «Икар». Кабина, которая называлась гондолой, была рассчитана на проживание 6 человек в двух каютах, расположенных в задней части гондолы. В каждой каюте располагалась одна двуспальная кровать со вторым уровнем, где мог бы поместиться ещё один человек и индивидуальная уборная с душевой кабиной. В передней части, на носу находилась кабина пилота с пультом управления и приборной панелью. Вид отсюда открывался поистине захватывающий благодаря панорамному стеклу, так что радиус обзора был очень широкий. Небольшое техническое помещение находилось сразу за пультом. Средняя часть представляла собой импровизированную гостиную с мягкими кушетками вдоль правой стены, столом посередине и небольшой кухней слева. Помещение было невероятно уютным, и девушки незамедлительно придали ему ещё больше шарма, поставив там арфу.

Система управления была автоматизирована, поэтому для пилотирования такого мощного судна не требовалось дополнительного обучения. Ника и Эльпис провели весь прошлый день, консультируясь с его прошлым пилотом — лейтенантом в отставке по имени Паллант. Это был военный старой закалки, побывавший ни на одной войне с Гипербореей. Старый седой вояка с шикарными усами, закрученными на кончиках. Он поведал им все секреты «Икара» и рассказывал о нём как о добром верном товарище. По большей части Паллант травил байки, но слушать его было отдельным удовольствием.

Вещи, в том числе музыкальные инструменты уже были погружены, «Икар» был готов отправиться в путешествие в любую минуту. *Это будет его последним полётом,* — подумала Ника с лёгкой тоской. Жаль было так обманывать пилота дирижабля, отбирая у него летучее судно, но они с Эльпис отчаянно нуждались в транспорте, который будет как можно сложнее отследить и найти. К тому же только дирижабль мог позволить им забраться в такие далёкие земли.

— Можно лететь, — заявила Эльпис.

Да, можно. Осталась лишь ещё одна последняя вещь.

Ника спустилась в их опустевший гостиничный люкс. *Смешно, но он почти не поменялся.* Даже спустя столько времени, что они прожили в гостинице, это место так и не стало им домом. Кроме личных вещей и инструментов у них с Эли не было ничего действительно памятного. Ничего, за что она бы цеплялась изо всех сил. Номер уже начали убирать. По комнатам сновало несколько сотрудниц «Резиденции». Кажется, гостиница намеревалась сдать его в ближайшее время, раз прислала столько человек для обслуживания.

Среди персонала, который озадаченно поглядывал на Нику, но не осмеливался заговорить с ней, слишком увлеченный своим делом, девушка заметила Психею.

— Можно тебя на минуту, — спросила она, положив руку Психее на плечо.

Удивлённые синие глаза пробежались по Нике снизу вверх.

— Я занята сейчас, кирие, — оправдалась юная девушка.

— Извини, это правда не займёт много времени.

— Хорошо, — смиренно согласилась она.

Ника вышла со служанкой в коридор на этаже. Метиска с удивлением смотрела на певицу. Какой же она была красивой. Уникальное смешение двух рас — самой южной и самой северной создавало ни с чем неповторимое очарование. Её смуглая кожа так потрясающе контрастировала с синими глубокими глазами и волосы казались не чёрными, а какими-то сероватыми.

Да простит меня Эльпис за это...

Ника взяла её за руку и потянула со всей силы в сторону лифта.

— Пошли. Бегом, пока никто не спохватился.

Она долго думала о том, как заговорить с Психеей. Всё произошло так быстро! Три дня назад она чувствовала себя совершенно растерянной, а вот уже сейчас они с Эльпис улетают куда-то далеко. *И куда-то навсегда.* Но оставалась одна единственная загвоздка — чтобы покинуть пределы этого мира, им нужно было найти тот самый портал в Океанию. Знать о нём могли лишь северные племена. Потому у Ники только сегодня утром родился план...

Ни в коем случае нельзя дать ей времени подумать.

Она буквально втащила Психею за собой в лифт и игнорировала удивлённые синие глаза пока они не выбрались на крышу.

Перед ними вновь предстал потрясающих размеров дирижабль. Огромный золотистый борт отливал в лучах холодного солнца.

— Мы отправляемся прямо сейчас. — Шепнула Ника Психее. — Не нужно паспорт или денег. Садись на борт. Ты летишь с нами в Ууракулис.

— Вы берёте меня с собой? — Смутилась метиска, удивлённо переводя глаза с Ники на «Икар».

— Нет, мы тебя похищаем. — Сказала Ника и почти втокнула её в кабину дирижабля.

Эльпис молча наблюдала за сценой. Накануне они обсудили с ней участие в экспедиции ещё одной пассажирки. От Ники не укрылась тень сомнений, что мелькнули на лице её подруги, но возражать вслух она не стала. В конце концов, сама предпочла умолчать о своём визите к Пигмалиону. Впервые в жизни между ними двумя встали опасные для обеих секреты, сокровенные мысли.

Ничего. Всё образуется, когда мы попадём в Океанию. Мы сможем начать всё с нуля, простив друг другу ошибки. — Решила Ника.

— Теперь всё готово? — уточнила у неё Эльпис с лёгким раздражением в голосе.

— В край за небом и за луной, — ответила ей Ника строчкой из песни.

«Икар» поднялся в небо в течение четверти часа и его брюхо поплыло над крышами Харибды, поднимая трёх девушек всё выше и выше, пока город не растворился в перистых облаках.

Первые сутки они практически безвылазно провели в спальне вместе с Эльпис. Никак не могли поверить своему счастью, поэтому попросту купались в лучах тепла и любви друг друга. Их объятия стали жарче, хоть Эльпис и действительно изменилась за последние дни: на неё иногда нападало такое задумчивое меланхоличное настроение, что она просто зависала на полуслове, молча глядела в пустоту перед собой и казалось, что вокруг неё реальность в самом деле медленно распадалась на части. Когда ей удавалось разбить эту тонкую корку льда, она хваталась за Нику отчаянно, как за последнюю соломинку, ведущую

к спасению. Ника слишком боялась ранить её ещё сильнее, причинить травму большую, чем та, что уже была — поэтому не спрашивала о произошедшем. Синяки заживали на бледной коже Эльпис достаточно быстро, чтобы их можно было игнорировать. Конечно, она понимала, что случилось тем страшным днём, когда Эльпис ушла, не сказав ей ни слова. Зато теперь у них был собственный транспорт и реальный шанс навсегда сбежать из лап «Оморфии».

Второй день она провела, расспрашивая Психею обо всём, что могло бы помочь им в поисках Уракулиса, и изучая те книги об антропосах, что она успела достать. К сожалению, Психея помнила совсем немного, а научные труды были недостаточно полными, чтобы дать им хоть какие-то наводки. К тому же, они составлялись ещё до начавшегося катаклизма. Повсеместные климатические изменения, в первую очередь существенное похолодание могло внести непоправимые изменения в образ жизни северных народов, потому предугадать пути перемещения племени по крайнему полуострову представлялось невыполнимой задачей.

Учёные-биологи выделяли антропосов в отдельную расу людей, но при этом сами аборигены делились по меньшей мере на десяток племен, в том числе и враждебных друг другу. При этом все представители перволюдей обладали схожими характеристиками — бледной кожей, светлыми волосами и исключительно яркими расцветками радужки. Среди антропосов встречались представители совсем уж странной мутации, делающий цвет глаз близким к фиолетовому, более расхожими считались сапфировый, изумрудно-зелёный и тёмно-синий цвета. Самым большим племенем считался Уракулис, который упоминали в своих трудах все известные Нике исследователи севера. Само название племени переводилось с антропа как «Блуждающий город», и, хотя все племена были скитальцами северного полуострова, Уракулис действительно походил на настоящий город, даже судя по описаниям.

Например, исследователь Герод в своём «Уракулис обрётённый» представлял такую картину: «Вообразите себе полторы тысячи голов оленей, триста горных шерстистых быков, две тысячи ездовых собак и порядка трех тысяч человек, которые ежесезонно перемещаются по полуострову. Когда племя обосновывается, расставляет палатки и шатры, в самом центре города неизбежно вырастает их каменный тотем — огромный столб с выдолбленными лицами божеств и массивными оленьими пантами на вершине». Ника могла лишь догадываться, было ли это описание преувеличением, но даже оно вызывало истинное любопытство. Принимая во внимание неблагоприятный климат, Уракулису действительно было выгоднее перемещаться вдоль побережья, чтобы прокормить такое количество животных. Все антропосы были шаманами, не признавали ни старей, ни новый пантеоны, у них были исключительно свои божества, или даже скорее духи, как могла понять Ника. О мифологии северных народов Герод писал лишь вскользь, зато Плиний уделил этому целую главу в своих «Тайнах Севера». Нике безумно понравились те несколько историй, которые упоминались в книге. В этих сказках скрывалась образность и загадка. Сразу становилось понятно, чего боятся северные народы, которые живут в дали от цивилизации в условиях смены полярного дня и полярной ночи.

Одна из историй рассказывала о том, как огромный кашалот проглотил солнце и обрёк племя антропосов на три года существования в кромешной ночи. Тогда среди детей нашёлся мальчик-сирота по имени Версанек, отправившийся в море на поиски того самого кита. Спустя много лет странствий, он всё же смог отыскать кашалота, и вспорол ему живот. Но

чтобы вернуть солнце на небо, Версанеку пришлось посетить страну великанов и найти самого сильного из них, который согласился при условии, что Версанек одержит победу над ним в поединке. На помощь мальчику пришёл амарок, дух северного волка. Он призвал тысячу белых куропаток, которые взвились к лицу великана, застав своими крыльями ему глаза. Так Версанек был сражен, и вернул солнце на небо.

Нике уже не терпелось встретить тот народ, что плёл из нитей вселенной такие изящные рассказы. Главная загвоздка состояла в том, как отыскать племя, пусть даже такое огромное, в бесконечной белой равнине. Она искренне надеялась, что ключ к этой загадке могла дать Психея.

Очередной допрос она устроила на четвёртый день пути, когда проснулась раньше Эльпис и тихо выскользнула из их каюты, не желая будить подругу. Психею она нашла в гостиной «Икара». Метиска лежала на кушетке с чашкой ароматного кофе в руках и смотрела в иллюминатор. Увидев Нику, она сразу напряглась: опустила ноги, приосанилась и развернулась к ней.

— Доброе утро, кирие! — поприветствовала Психея девушку отрепетированной улыбкой.

— Мы не в «Резиденции», я больше не кирие, зови меня просто Ника, — попросила она. Синие глаза чуть прикрылись, потупившись в пол.

— Вы помогли мне. Я у вас в долгу теперь.

Нику поражало то, как выросшая в Харибде Психея, совсем молодая девушка, была внутренне гораздо больше похожа на молчаливых, глубоких северян. Она придавала большое значение обещаниям, высоко ценила помощь, и была готова самоотверженно сделать всё ради тех, кто вступался за неё саму. Такая юная, но уже не по годам мудрая. В её синих глазах таилась глубокая пучина океана.

Ника под села к ней на кушетку и взяла девушку за руку, погладив смуглую кожу.

— Раз в долгу, попытайся вспомнить что-то ещё об Ууракулисе. — Ника пробовала разговорить Психею уже раз пять, им удалось углубиться чуть дальше в воспоминаниях, но ничего существенного пока понять не получилось. — Даже любая мелочь может оказаться полезной.

Психея глубоко и обречённо вздохнула, высвободившись из рук Ники.

— Я была совсем маленькой, когда меня забрали. Я не помню конкретных мест, да и на Пацифиде всё действительно слишком похоже...

Психея поднялась с кушетки и стала рассеянно бродить по гостиной, опасливо поглядывая на стол посреди, где были разложены все карты полуострова антропосов, что им удалось найти.

— Но мы же смогли высчитать, что, когда отец увёз тебя, была осень, — настаивала Ника.

— Да, потому что оленям пилили рога, — подтвердила Психея. — Их нужно спиливать до начала гона, иначе они могут поранить друг друга, — протянула она задумчиво. — Да и если уезжать из Ууракулиса, то осенью последний шанс. Зимой добраться до Термины по заснеженной тундре практически невозможно. Зима в отменённых землях долгая. Отцу бы пришлось ждать весны для следующей попытки, а весной у меня был первый день рождения в городе, поэтому я запомнила его. Думаю, это была осень перед гоном. Большая часть сильных мужчин занималась оленями, отцу было проще сбежать незамеченным.

Ника подошла к карте и ещё, уже в тысячный раз посмотрела на изображение

полуострова, которое теперь, после рассказов Психеи и «Ууракулиса обрётённого» начало напоминать своей формой олений рог.

— Антропосы ведь ещё охотятся на водных млекопитающих. — Продолжала рассуждения Ника.

— Да, безусловно. Не только олени кормят мой народ. В племени даже были китобои, я уж не говорю о тюленях и морских коровах, которых привозили рыбаки по нескольку раз в месяц.

— Ты говорила, что помнишь океан, — Ника ухватила за эту ниточку. — Опиши его ещё раз, всё что помнишь.

— Кирие, я... — В синих глазах задрожало смятение.

— Давай, — ободрила её Ника. — Ты вспомнишь.

Психея развела руками.

— Галька, скалы и утёсы. Океан швыряет волны на каменистый берег. Мы бежим с отцом вдоль линии воды. Моё сердце рвётся из груди от страха, но я не останавливаюсь, бегу всё быстрее и быстрее. Потом я спотыкаюсь, и отец подхватывает меня на руки, дальше несёт сам, закинув на плечо. В чистом небе облако в виде собаки, оно отвлекает меня. За нами нет погони, но вдалеке я всё ещё слышу лай собак и шум людей. Потом мы садимся с ним в лодку и... это всё, правда.

— Посмотри ещё раз на карту. Может, ты вспомнишь, где это могло быть. — Не сдавалась Ника. — Может, там была необычная береговая линия... какие-то острова на горизонте. Подумай, прошу!

Психея покачала головой.

— Кирие, я не помню даже лицо мамы. Не помню их язык, антроп. Не могу просто взять и достать это из памяти. Если бы всё было так легко!

Она сокрушалась очень искренне. Просто действительно очень хотела помочь, хотела сама побыстрее отыскать племя. Без хоть каких-то зацепок «Икар» обречен бороздить небо над полуостровом до тех пор, пока они не найдут сам Блуждающий город. На это могли уйти недели, а может и месяцы, запас еды у них тоже был не бесконечный.

Если затянем... если пройдёт больше трёх месяцев, нас точно начнут искать. Столько времени нет.

Ведь обнаружение Ууракулиса было только первым шагом, дальше им нужно ещё договориться с племенем, чтобы те согласились показать дорогу в Океанию. Ника даже примерно не представляла, чем мог оказаться портал, ведущий в другой мир, как добраться до него, как им воспользоваться и сколько на это уйдёт времени, но она давала им на это месяц — максимально допустимый срок. Чем раньше они покинут Эллас, тем лучше. Главное не возвращаться назад. Ни при каких обстоятельствах.

Ника почувствовала, что передала Психею. *Нужно немного ослабить. Девочка и так переживает из-за ответственности, которая на неё внезапно свалилась.* Она отошла от стола, выглянула наружу, посмотрев в иллюминатор. За толстым слоем прочного стекла расстилалась бесконечная белизна. Идеальное полотно портили всего несколько тёмных мазков, словно трещины, которыми покрывался Эллас. Скоро даже здесь не останется ничего. Она была убеждена — боги, истинные, которые скрывались за полотном реальности, всегда возьмут своё. Взгляд Ники поднялся на небо, она стала разглядывать курчавые облака.

Словно смешные звери, — подумала она. Это была строчка припева, над которым она раздумывала последние несколько дней. Ника хотела написать песню о них с Эли и об

облаках.

Облако, которое похоже на собаку, — перебирала она в голове слова Психеи. *Облако...*

Как же избирательна бывает память. Девочка не могла вспомнить свою мать, зато описывала облако, которое видела в детстве.

Облако, похожее на собаку. В чистом небе...

Сказка, о кашалоте, который проглотил солнце. Может, она имела место в реальности. Кто-то также смотрел на небо и увидел огромную тучу, закрывшую солнце...

И тут её осенило.

— Психея! — воскликнула Ника. — Ты сказала, что видела облако! И что небо было чистое в тот день.

— Да, кирие, — пролепетала девочка смущённо.

— Подумай ещё. Пожалуйста! С какой стороны было солнце?

Психея задумалась.

— Может, оно слепило в глаза? Или садилось в море? Это действительно может помочь!

Психея выглядела так, словно старалась собрать по кусочкам сложный замысловатый пазл. Самое удивительное, что этим пазлом была её жизнь.

— Был вечер. Мы бежали навстречу солнцу. Вдоль пляжа... Солнце закатывалось налево если смотреть на море. Значит... — Она начинала понимать. Психея подлетела к карте и опять приникла к ней. — Это было на северном побережье. — Она уверенно ткнула пальцем в карту.

— Вы убегали на запад. Значит ли это, что племя двигалось на восток? — Ника продолжала пялиться в карту, словно надеясь, что ответ вдруг магическим образом появится прямо на ней.

Психея покивала. Она указала пальцем на северный берег полуострова антропосов и прочертила вдоль него линию.

— Осенью они двигались на восток... возможно к мысу. Там есть горы. Я не помню, но... можно предположить, что где-то в них есть место зимней стоянки Ууракулиса. Мое племя неотделимо от моря. Не знаю, можно ли предположить, что весной и летом они мигрировали по южному берегу на запад?

Палец Психеи прочертил круг по карте.

— С востока на запад и с запада на восток. Прямо как движение солнца. — Задумчиво протянула Ника.

Девушки встретились глазами.

— Может быть такое? — спросила Психея, боясь поверить в их предположение.

— Это в любом случае единственная зацепка, которая у нас есть. — Пожала плечами Ника. — Можно просто крутиться по острову или сразу лететь в цели. Сейчас по календарю зима. Значит по нашей догадке Ууракулис будет находится в самой дальней точке полуострова. — Ника указала пальцем на мыс, венчавший край Пацифиды. — В этой стороне. Мы можем полететь вдоль северного побережья на случай, если племя ещё не забралось в горы. Других вариантов сейчас я не вижу.

В это время проснувшаяся Эльпис вошла в гостиную и растянулась на одной из кушеток.

— Сидят болтают, а кто управляет судном? — засмеялась она.

На вторую неделю их экспедиции чудо всё-таки случилось.

Первой оленей заметила Эльпис. Она немедленно возвестила об этом Нику и Психею. Несчётное стадо с высоты дирижабля напоминало бурный горный поток. Возможно, напуганные странной тенью, олени ускорили свой бег, разделяясь и снова сливаясь в единую группу. Ника немедленно перевела судно из автопилота в ручной режим и аэростат плавно заскользил вниз.

Посадка вышла относительно мягкой. Трое девушек переоделись в тёплую зимнюю одежду и вышли из дирижабля впервые за десять суток полёта. Стадо несло прочь от гигантской махины, но неподалёку от места высадки Ника заметила одного оленя с ездоком. Тот, видимо, тоже их приметил, потому громко свистнул, приложив пальцы к губам. Зверь тряс головой, так и норовя последовать за остальными своими братьями, но наездник упорно высылал оленя к дирижаблю, изо всех сил стуча пятками по его шее. В руках у наездника Ника заметила посох, или что-то похожее на него.

Со стороны стада на свист вылетели две чёрные собаки. Добежав до погонщика, они принялись раскатисто лаять и мигом сдвинули оленя с места. Резвой рысью олень поскакал в сторону девушек, забирая чуть в бок от прямой линии. Собаки сопровождали оленя, выравнивая его курс. Ника впервые видела настоящих оленегонных собак за работой и могла только поражаться с какой точностью они делали своё дело.

Наездник на олене добрался до них за считанные минуты. При ближайшем рассмотрении им оказался совсем ещё мальчишка, не старше десяти лет. Он был одет в тёплый шерстяной анорак с капюшоном и карманом спереди, сам белёсый, волосы длинные и убраны в хвост, отдавали лёгкой желтизной. Глаза у мальчика были голубыми. В руках он держал длинный жезл, вырезанный из кости, служивший, видимо, для опоры при езде на олене.

— *Камишь вэн?* — спросил мальчик на антропе. Естественно, Ника понятия не имела, что значила эта фраза.

— Мы из Ойкумены, — сказала она уверенно, надеясь, что мальчик мог хотя бы что-то слышать о мире за пределами резервации. — Говорим только на элла. ЭЛ-ЛА, — повторила она по слогам на всякий случай. — Понимаешь?

— Эл-ла, — протянул мальчик задумчиво, но затем его внимание полностью переключилось на дирижабль. Он ткнул в него пальцем и спросил: — *Камен эй? Эрразин?*

Ника не знала, что мог значить вопрос, но ей показалось, что мальчик прямо заворожён огромным летательным судном. Она могла представить, как дико аэростат смотрелся для жителя аборигенной тундры.

— Ники, смотри! — Эльпис указала подруге на две едва различимые чёрные точки на горизонте. По всей видимости, к ним направлялись ещё двое наездников. Ей вдруг стало не по себе. Что, если те решат, что они представляют опасность? Или если никто в племени не говорит на элла.

— Нам нужно попасть в Ууракулис, — проговорила Ника с надеждой. Мы ищем Ууракулис.

— *Ууракулис*, — повторил мальчик и радостно кивнул.

— Кажется, он знает, где это, — обрадовалась Ника. Почему-то она даже не подумала, что они могли случайно напасть на другое, враждебное Блуждающему городу, племя.

— Ника, у них луки! — Воскликнула Эльпис и в тот же миг стрела промчалась мимо

них и застряла в корпусе гондолы «Икара».

Мальчик обернулся к двум другим наездникам и взмахнул рукой в непонятном для Ники жесте. Ей же лишь хватило смелости загородить собой Эльпис. Испуганная внезапной стрелой Психея, отступила чуть назад к дверям в гондолу, из которых они вышли.

Может, при данных условиях отступление не самый худший вариант, — подумала Ника, — вот только так быстро взлететь мы не успеем, слишком велик риск, что они успеют кого-то ранить или повредить аэростат.

Тем временем наездники добрались до них. Эти были уже старшими — два суровых на вид мужчины со светлыми длинными волосами, заплетёнными в тонкие косы, лица их были покрыты шрамами и морщинами. Даже под шкурами было заметно, что у обоих сильные руки и мускулистое тело. Вообще все трое показались Нике такими похожими, что она подумала, что это дед, отец и сын. Они о чём-то переговорили с мальчиком, видимо велели ему отойти от непонятного летающего устройства. Ника убедилась в этом, когда погонщик постарше отвесил мальчику оплеуху, наверняка сказав что-то в духе «нечего с чужаками болтать».

Два лука целились в них. Ника подняла руки, показывая, что в них ничего нет, чуть отошла от дирижабля. Нужно было срочно что-то решать.

— Мы не причиним вреда. Нам нужно попасть в Ууракулис.

— *Нет Ууракулис!* — строго выкрикнул старший мужчина, проговаривая единственное слово на элла с сильным акцентом. — *Нет!*

— А мальчик сказал, что есть! — не отступала Ника. Она понимала, что идёт на сознательный риск, споря с антропосами, но эта была их единственная возможность попасть в Блуждающий город.

— *Нет!* — Было похоже, что словарный запас наездника сильно ограничен. — *Буладир там чен элла? Камен?* — Спросил наездник у второго аборигена (своего сына, как решила Ника).

— *Чужаки!* — выговорил сын сквозь зубы, обращаясь прямо к Нике, из его уст слово прозвучало скорее, как «чушакы».

— *Нет чужаки в Ууракулис!* — заявил дед и затем сказал что-то на антропе, прозвучавшее замогильно: — *Таро дэн!*

Ника с ужасом увидела, как после этой фразы они оба натянули луки, готовясь выстрелить. Мальчик с ужасом и сочувствием смотрел на происходящее, боясь вмешиваться в разговоры старших.

— *Нэй нан!* — Психея вдруг выскочила вперёд, прямо под направленные на них стрелы. — *Уура эйда тэр!* — Выкрикнула она пронзительно и решительно распахнула свою парку и задрала свитер, обнажив свой плоский живот. Ника с удивлением увидела татуировку поверх её и без того смуглой кожи, словно всегда опалённой солнцем. Из самого центра жизни человека — из пупка исходила татуировка в виде пунктирной линии, представляющая собой спираль. Удивительно, что Психея ничего не рассказала о ней раньше. Может, сама не помнила о её предназначении.

Мужчины с удивлением уставились на татуировку. К облегчению Ники и Эльпис, луки они всё-таки опустили.

— *Эйда лэр...* — проговорила вновь Психея, но затем осеклась, — Я почти не помню антропа, но я не враг, я одна из вас. *Уура эйда тэр.* Отведите нас в Ууракулис. Я ищу... мая... ищу мою маму.

Мужчины о чём-то посоветались. Нике показалось, что на лице старшего она читает понимание.

— *Пили*, — выговорил старший спустя минуту разговоров.

Глава XV. Акрополь

520–528 день после конца отчёта

Дверь в камеру действительно была открыта. У входа стояла женщина в янтарной форме, которая с требовательным видом ждала, когда узницы выйдут наружу.

— Сколько времени? — спросила Вестания. Из-за пережитого за последние сутки и из-за гипнотической спирали она совсем потерялась. Окон в их камере не было, под потолком горела блеклая жёлтая лампа.

— Подъём в шесть утра. — Сухо объявила надзирательница. — Сейчас пять. Вас двоих распределили на кухню.

— Нам сказали, что мы не пленники, разве мы должны следовать распорядку?

Женщина у входа и бровью не повела.

— Выходим, — потребовала она, явно не намереваясь тратить время на разборки. — Вы заняты на кухне. Быстрее.

Спорить было бесполезно. Вестания перевязала волосы резинкой, и они с сестрой уныло побрели в коридор. На душе было тяжело и горько, но пришлось подчиниться.

Их построили вместе с ещё пол дюжиной таких же сонных пленников Акрополя. Среди них Вестания заметила только одного ребёнка, остальные женщины. Мальчику на вид от силы было лет семь, совсем маленький. У него были грязные рыжие волосы торчком и крапчатое лицо.

Двое охранников-женщин построили заключённых в ряд подвое и повели по бесконечным коридорам Акрополя. Они миновали большой зал с длинными столами, который, как догадалась Вестания служил столовой, за ним располагалась просторная кухня с здоровыми котлами на старых чугунных плитах. Запахи еды немедленно напомнили Вестании, что она буквально падает от голода. *И правда, когда мы ели в последний раз? Тера молчит... нужно непременно поесть.*

Надзиратели распределили обязанности среди всей группы. Вестанию, Теренею и рыжего мальчика, чьё имя было Лик, отправили на мойку всех продуктов. Видимо, до ножей и огня их решили не допускать.

— Чего какие хмурые? — спросил мальчик, как только надзиратели оставили их заниматься делом. — Вы же зелёные, да ещё и на кухне. Надо радоваться.

— Зелёные? — спросила его Тереня, смывая клубы грязи с картошки.

Лик прищурил левый глаз:

— Первый день? — догадался он. — Тогда точно зелёные! — И загоготал от своей же шутки. — Видишь метку на рукаве? — Ткнул он пальцем.

Вестания действительно не предала значения тому, что на их с сестрой тюремных робах были плохо различимые зелёные кляксы, видимо расплывённые баллончиком. Такая же метка была и на рукаве Лика.

— Акрополь метит своих. Зелёные — работают. Готовят хавчик, дряют полы, разгребают коробки. В общем обслуга! — Вестания могла лишь позавидовать его оптимизму. — На кухне лучше всего, потому что близко к еде. Лучше всего быть жёлтым. Жёлтые не работают, их водят на учебку.

— В смысле? — спросила Тереня. Манера речи Лика была невероятно чужда обеим девочкам.

— Ну на плацу. — Он задёргался, быстро замахав руками из стороны в сторону, изображая солдатский марш. — Из них делают солдат. Если пройдёшь учебку, могут назначить рядовым. Тогда из тюрьмы попадёшь прямо в армию. Лучше всего! — Лик сощурил конопатое лицо, с сомнением оглядев сестёр. — Хотя, вы вряд ли попадёте, вы ж девчонки! Ваше место на кухне! — и он показал Тере язык.

— Ты тоже пока на кухне. И слишком маленький для армии, — осадила его Вестания, вступившись за сестру. — Луше расскажи, какие ещё есть метки.

— Из хороших — всё. Есть скверные: чёрные и красные.

— Чем они скверные?

— Красные — кто работать не может. Болеет, значит. Или ему не доверяют работу, например текать пытался. Из красных редко можно обратно в зелёные, в жёлтые, конечно, не возьмут уже такого... а так в чёрные.

— Кто такие чёрные? — продолжала допытываться Вестания.

Лик провёл пальцем по горлу в понятном и красноречивом жесте.

— Чёрные — тю! Капздец им.

— Что с ними делают? — упорствовала Веста.

— Да я откуда знаю, ты меня спрашиваешь? — протараторил он скороговоркой. — Мож, собак кормят, мож экспретименты какие ставят...

— Эксперименты, — поправила его Тереня.

Лик опять показал ей язык:

— Думаешь, малявка, самая умная?!

Во время завтрака нужно прикинуть, каких отметок будет больше, — догадалась Вестания. Так получится понять, какие цели преследует Акрополь в первую очередь.

Втроём они вымыли овощи, затем грязную посуду, что осталась после готовки. Далее надсмотрщица скомандовала, что пора перетаскивать миски в столовую, чем сёстры вместе с Ликом и занялись впоследствии. Не прошло и часа, как зал наполнился людьми. Отряды заключённых сводили, кажется, из разных частей здания. Из левого крыла — откуда привели Вестанию и Тереню, заводили девушек попеременно с редкими детьми; из правого — мужчин всех возрастов. Девочек поставили на раздачу: нужно было вливать в миски жидкую овсяную кашу, которую подавали на завтрак, к каждой порции ещё шёл ломоть хлеба. Лика заставили уносить грязную посуду обратно на кухню к мойке.

Заключённых приводили постепенно, выстраивая их в очередь перед столом раздачи. Дальше они проходили по очереди к столам. Видимо, столовая была не рассчитана на то количество людей, что содержалась в камерах. Как только первый стол закончил с завтраком, надзиратели поднимали их, поспешно уводили, а им на смену немедленно приходили новые. Тюрьма в Акрополе напоминала отлаженный часовой механизм, так ловко надзирателям удавалось контролировать толпу.

На руках тюремных роб можно было действительно разглядеть разноцветные метки. Вестании некогда было вести точные подсчёты, она могла лишь прикинуть на глазок. Чёрные и красные роботы казались малочисленными по сравнению с бесконечным потоком жёлтого цвета. В основном среди жёлтого были мужчины, но Вестания сумела заметить и группу молодых девушек и даже несколько женщин постарше. *Удивительно, что я не оказалась в жёлтой группе,* — подумала она, сославшись на удачу. В самую последнюю очередь Вестании хотелось бы сейчас репетировать марш или учиться стрелять.

Когда все заключённые разобрали пайки, девочкам тоже разрешили поесть с

остальными на кухне. Вестания начала опасаться, что им ничего не достанется, но оказалось, что повара оставили для всех отдельный щедрый котелок с кашей, которая явно выглядела гуще и симпатичнее той, что они с Терой разливали по мискам.

Разговоры за завтраком среди других женщин были прохладными и не особенно информативными. Новенькие, такие же как сёстры, стремились расспросить соседей о местных порядках. Про побег никто ни разу не заикался, как и про то, как выбраться из Акрополя. Некоторые из поваров тоже прибыли в Акрополь на последнем «Восточном Вестнике» вместе с девочками и у них также были проблемы с документами. Среди говорящих Вестания заметила самую уверенную среди прочих заключённых женщину лет пятидесяти, её звали Кассандра. Она рассказывала о тюремном быте много и в подробностях, как если бы пробыла в Акрополе уже немало месяцев. К ней Вестания и обратилась за советом после того, как завтрак был окончен.

— Вы же знаете, что происходит в Термине? — спросила Кассандра серьезно. — Акрополь готовится к гражданской войне, город по горло полон приезжих. Они для Акрополя — отступники. Те, кто пытается сбежать из страны в самую трудную минуту. Акрополю нужны люди, и в первую очередь он будет делать упор на таких, как вы — послушных, запуганных, наивных. Вас никто не выпустит отсюда, вы сейчас нужны своей стране.

Когда Кассандра это говорила, в её голосе Вестания слышала сдавленный и тщательно сдерживаемый гнев, вот только укрыть она его совершенно не могла.

После завтрака их вновь построили и сопроводили обратно в камеры. Вестания попыталась спросить надзирательницу об оформлении документов об опеке над Теренеей, но та лишь молча закрыла дверь их камеры.

— Бесполезно! — вырвалось у Весты. *А ведь обещала себе не впадать в уныние...*

— Попробуем вечером? — предложила Тереней. Кажется, младшая несмотря ни на что, не собиралась отчаиваться.

— Ты ведь слышала ту заключённую за завтраком, Кассандру, — ответила ей Вестания. — Слышала, что им не интересно отпускать нас отсюда.

— Значит, что-нибудь придумаем?

Вестанию на изнанку выворачивало от оптимизма сестры. Что ещё они могли придумать? Они находились в самой охраняемой тюрьме Элласа, судя по тому, что судачили другие заключённые! И да, они не сделали ничего противозаконного, но выходит, что приехали в независимую от остальной страны зону, где ещё и идёт подготовка к активным боевым действиям... Если задуматься, то ничем не хуже было бы сразу попытаться поехать в Гиперборею. Тогда бы их точно расстреляли и не пришлось бы теперь ничего придумывать...

Больше всего Вестании хотелось забыться в спирали. Сдаться её изгибам, её красивому бесконечному рисунку. Она держалась из последних сил. Возможно, только ради Теренеи.

Сестра, кажется, почувствовала её настроение, но вместо слов утешения, выдала:

— Как думаешь, если бы мы пошли с Веспер...

— Даже не начинай! — разозлилась Вестания.

— Ты видела их среди арестованных? Я — нет. Значит, им удалось скрыться?

— Тера, мы не можем этого знать. Ты сама видела — все, кто сходили с поезда неизбежно оказывались на допросе.

— Они ведь говорили, что для членов Сопротивления они могут организовать

безопасный выход...

От злости Вестания не сдержалась, и с чувством шлёпнула Теренею по губам. Не в первый и не в последний раз. *Зато, будет знать.*

— Не смей говорить об этом вслух, дура! — как можно тише прошипела Вестания, едва справляясь с гневом. — Мы в Акрополе, у нас уже проблемы! Если кто-то тебя услышит...

Теренея надулась от обиды. Было видно, что она едва сдерживает слёзы.

— Ты меня поняла? — спросила Вестания требовательно.

Она лишь понуро кивнула. Лицо налилось краской, губы надулись ни то от шлепка, ни то от назревающих слёз.

Не хватало ещё, чтобы Теренея обвиняла её в неверных решениях! В душе Вестания и сама корила себя за ту ситуацию, в которой они оказались. А ведь она могла бы бросить сестру здесь, остаться на воле. *Чёрт! Я здесь только из-за неё!*

Она понимала, что мама никогда бы не простила ей такого поступка. Конечно, Вестания знала, что поступила правильно, согласившись на добровольное заключение вместе с Терой. Вот только решить их проблему, находясь здесь она тоже была не в силах. Надзирательницы не разговаривали с ними, относясь ровно также, как и к тем, кто совершил преступление. Неужели, только мама могла им помочь теперь?

Вестания часто допускала мысль о том, что Алкиона приедет и спасёт их. Это была самая тёплая, самая оптимистичная идея. *Инфантильная...* — да, но в их положении она была бы рада почувствовать себя ребёнком ещё хоть на один миг. Она понятия не имела, как им поступить теперь, и тем более — что они вообще вдвоём смогут сделать, находясь в нынешнем положении.

Время в Акрополе подчинялось совершенно другим правилам, не таким, как на свободе. Неделя в заключении прошла удивительно быстро для Вестании, каждый новый день был копией предыдущего. Каждое утро надзирательницы поднимали их в шесть утра, строили в группу из шести-восьми человек и отправляли на кухню. На пятый день Вестании доверили нарезать яблоки, это были крошечные зелёные плоды, невероятно кислые и полные червоточин, каждое требовалось разделить на десять тонких, почти прозрачных на свету частей. Для них с Терой Вестания приберегла по целому яблоку. Когда работа на кухне заканчивалась, их уводили обратно в камеру и держали там до самого обеда. Во второй половине дня жизнь хоть немного наполнялась красками. После обеда всю их группу выпускали на часовую прогулку во внутреннем дворе. Там можно было хоть немного размяться, подышать морозным воздухом и почувствовать себя на воле. Для этого заключённым выдавались пуховые жилеты и старые, попорченные молью полушубки. После прогулки их оставляли примерно ещё на один час в общей комнате. Из всех доступных развлечений доступным была только шахматная доска с недостающими в наборе фигурами и несколько книг — религиозный талмуд «Кронион и старые боги», «Свод законов Ойкумены» и наискучнейший по мнению Вестании роман «Эпициос», который ещё в школе набил ей оскомину. В книге рассказывалось о войне с Гипербореей в начале Второй Эры. После был ужин, мытьё посуды, на который привлекали и их группу, а затем отбой.

Каждый день она пыталась заговаривать с другими заключёнными в те недолгие моменты, когда это позволялось — во время работы на кухне и полуденных прогулок во внутреннем дворе, ограждённым высоким забором. Сюда допускали только «зелёных», как могла судить Вестания. «Жёлтые», видимо, гуляли где-то в другом месте. От тех, с кем ей довелось познакомиться она почерпнула не так много действительно полезной информации.

Маленькая и хрупкая Нюкта, которой едва исполнилось двадцать лет, а она уже успела побывать в трёх исправительных учреждениях Харибды, заявила, что в Акрополе ей нравится, и уходить отсюда она не собиралась.

— На свободе слишком много проблем. Надо где-то жить, что-то есть. А здесь отдельный блок для женщин, так что никаких нападок — полная безопасность. В камерах тепло и сухо. И люди хорошие. — Она улыбнулась щербатым ртом.

— Глупая пустышка, — тяжело и осуждающе вздохнула Кассандра. — Ты работаешь на них за еду, а ещё они отобрали твою свободу.

— Может быть, — развела Нюкта руками. — Но дома у меня не было ни свободы, ни еды.

— Не слушай её, — посоветовала Кассандра Вестании, отмахнувшись от Нюкты. — Те, кто торгует телом, мозгов не имеют для чего-то другого.

Из всех, с кем Вестании довелось пообщаться, только одну рыжую Ирену можно было назвать настоящей преступницей. Насколько слышала Веста, ту взяли за разгромное нападение на ломбард и повязали вместе с друзьями. Ирена в общении, однако, была приветливой, хоть и немного грубоватой. За словом она в карман не лезла, особенно в своих обещаниях расплаты с надсмотрщиками.

— Янтари сраные ещё пожалеют! Они по-другому запоют, когда я им жопы на нос натяну!

Кассандра показала Весте, пожалуй, самой умной и расчётливой из всей остальной группы. Но и о причинах своего заточения она отвечала исключительно уклончиво, так что наверняка что-то скрывала. Лик попал в Акрополь из-за бродяжничества, как и ещё один мальчик тринадцати лет. Говорить с Ликом о побеге Вестания не собиралась — слишком уж рьяно он становился на сторону Акрополя, только обижался за то, что его не брали в армию.

— Ничего, я им докажу, что я достоин в армии служить. И вообще буду требовать, чтобы перевели в мужской блок. Что за бред, почему приходится с девками торчать?!

Всегда, когда выпадал случай и кто-то из военных или охранников проходил мимо, Лик моментально вытягивался по струночке, бросая все дела, и от всей души отдавал честь, сам при том едва не трепеща от восторга. Обычно его просто игнорировали, но Лик не сдавался, не желая мириться с равнодушием офицеров.

О побеге никто не заикался. Как вообще покинуть тюрьму, стоящую посреди снежного поля? Надежда Вестании таяла с каждым днём, пока один раз во время прогулки она не разобрала отчётливый гудок поезда где-то в отдалении и вспомнила про состав, на котором их привезли сюда. Челнок действительно мог бы быть выходом, но ведь им управляли военные. Просто так угнать его сёстры не могли, а при любом раскладе их немедленно остановят и схватят. Тогда-то о зелёных безопасных метках нечего и думать...

Когда Веста чуть больше привыкла к заключённым, с которыми они находились в одной группе, уже на пятый день их пребывания в тюрьме, она осмелилась перейти к более детальным расспросам, особенно, старалась разговорить Кассандру. В присутствии других заключённых и стражников, та говорить отказалась, зато дала Весте чёткие инструкции как действовать дальше:

— Спустя час после завтрака отпросись в туалет. Придумай что-нибудь. Что ты отравилась, или что месячные. Скажи об этом надзорной, тебе нужно как можно больше времени провести там. Только ровно через час. Если нет часов — считай секунды до три тысячи шестисотой. Пока не дойдёшь до тысячи — добавляй слово «тысяча» перед цифрой,

чтобы счёт шёл ровнее и секунда действительно считалась за секунду.

Вестания кивнула, давая Кассандре понять, что осознаёт опасность и риски их будущего разговора. В этот момент надзирательница призвала их к построению, когда Кассандра удержала локоть Весты и шепнула её на ухо последнее:

— Сестре ни слова!

Вестания не собиралась посвящать Теренею ни во что серьёзное до тех пор, пока не будет точно уверена в плане побега. Тера слишком безответственная, наверняка проболтается или ляпнет что-то невпопад. Так сильно рисковать сейчас они не могли.

После обеда Вестания сделала ровно так, как ей сказала поступить Кассандра. Теренея была несколько удивлённой, когда Веста сказала, что чувствует себя неважно, но цель была достигнута — её привели в уборную на том же этаже, где находились комнаты всех заключённых женского блока. Одна из кабинок была занята, Вестания вошла в соседнюю.

— Ты опоздала! — Гаркнула на неё Кассандра сквозь стену настолько тихо, насколько было возможно. — Почти на пять минут!

— Прости, я... — Вестания хотела придумать оправдание, но в такой опасной ситуации счёт шёл на секунды.

Кассандра нажала на слив так, чтобы вода на время заглушила её слова:

— Мы ждём поддержки снаружи. У меня есть информация о том, что организованного отхода не будет, но здесь поднимется шум. Челнок будет захвачен, мы тоже сможем им воспользоваться.

— Когда? — прошептала Вестания, вода в сливе уже почти стихла.

— Не знаю, но скоро. Три дня, может пять. Нужно быть наготове.

— Кто помогает? Кто они?

— Смой воду, — шепнула Кассандра и заговорила только после того, как помещение опять наполнилось громким звуком. — Сопротивление. Я работаю на них. Здесь тоже. Вербую тех, кто сможет присоединиться. Хочу предложить это тебе.

Опять Сопротивление! Вестания ушам поверить не могла. Неужели шайка отчаянных повстанцев могла устраивать побеги из самой охраняемой в Ойкумене тюрьмы? И Кассандра — неужели она добровольно здесь оказалась с тем, чтобы найти несогласных среди заключённых Акрополя и устроить побег для них?

— Я пойду только с сестрой. — Сказала Вестания строго.

— Мала. Но если так считаешь, сама её настраивай.

Подумать действительно было о чём, но Теру она пока решила всё же не просвещать. Мысли постоянно путались в голове, больше всего хотелось провалиться в мягкие воды спирали, но реальность сейчас слишком требовала от неё быть начеку.

Акрополь не отпустит нас. Он не станет помогать в оформлении бумаг. Без его помощи я не смогу ничего оформить, пока нахожусь здесь. Можно дождаться мамы... если она приедет...

Слово «если» кольнуло под самое сердце. Сколько боли и сомнений Вестания испытывала от мысли о мамином здоровье, но страшнее всего был тот факт, что они могут так никогда и не узнать о её судьбе.

Когда она приедет, — решила подбодрить себя Вестания, — она сможет нас забрать. Если же этого не произойдёт, то мы так и останемся в Акрополе, будем работать на них. Возможно, они даже переведут нас из тюрьмы впоследствии... оставят на небольшой зарплате, но всё это бессмысленно, потому что из Термины мы никуда больше никогда не

выберемся.

Она всё также не верила в сказки про Океанию, уж слишком она казалась нереальной и, даже если допустить её существование — запредельной. В жизни сейчас было гораздо больше реальных проблем, требовавших её внимания, и погоня за воздушными замками не была одной из насущных задач.

Если последовать за Кассандрой и сбежать вместе с Сопротивлением, то из одной тюрьмы сразу попадём в другую. Почему-то Вестания была точно убеждена, что взамен своему освобождению, они будут обязаны отдать долг активистам.

Что хуже? Остаться в правительственной тюрьме или в убежище преступников, которых могут в любой момент разгромить?

Голова буквально трещала по швам, а сердце рвалось на куски, когда она понимала, в какую сложную ловушку они попали.

Но следующим же вечером произошло ещё одно событие, которое положило конец её мытарствам. Вечером, перед самым отбоем, когда уже ничего неожиданного произойти не могло, дверь камеры вдруг открылась. Холодный гранит обжёг её льдом в том месте, где раньше было сердце. *Они подслушали разговор с Кассандрой!* — испугалась Вестания.

— Стройтесь обе, — скомандовала надсмотрщица.

— Куда? — спросила Тереня, которая даже не догадывалась о том, что происходило.

Ответом ей было равнодушное молчание, но Вестания живо заставила сестру подняться и положила конец возможным препираниям.

— Молчи и просто делай, что говорят, — шепнула она.

Длинный коридор. Второй, третий. В эту сторону здания их ещё не водили. Они поднимались по лестнице на другой этаж. Кажется, даже вовсе покинули пределы тюрьмы. В конце концов, девочек ввели в небольшое помещение. Вестании потребовалась время, чтобы понять, что происходит. Она ожидала обнаружить там Кассандру, но увидела другую знакомую...

— Их вы видели в поезде? — спросил один из военных, сидящий за большим столом, который занимал почти всё свободное пространство комнаты.

С противоположной стороны сидела Ариадна в компании Асфоделя. Беловолосый мальчик смотрел на стол, он даже не вздрогнул при появлении девочек. Женщина выглядела очень уставшей, вокруг глаз лежали глубокие синяки, волосы, убранные в короткую косу, казались растрёпанными.

Ариадна взглянула на Вестанию и Теренею.

— Да! — ответила она на выдохе, почти с облегчением.

— Что происходит? — воскликнула Тереня, попытавшись развернуться к надзирательнице, что привела их, но та пресекла её порыв, схватив за локоть и заставив стоять ровно перед столом.

Вестания была в растерянности. Она не ожидала встретить женщину с мальчиком вновь. От одного только вида Асфоделя по спине пробежал холодок.

— Вы знаете, как зовут этих девочек? — продолжал расспрос военный, как будто вовсе не обращая внимания на сестёр.

Ариадна кивнула.

— Вестания и Тереня, — сказала она пристыженно. Слова давались ей с трудом.

Военный бросил взгляд на надзирательницу, требуя у той подтверждения информации. К сёстрам напрямую тут никто не обращался. Надзирательница кивнула.

— Какая из двоих Вестания? — спросил солдат.

— Старшая, — ответила Ариадна. Снова обмен взглядами, снова молчаливое подтверждение.

— Расскажите ещё раз, что вам известно. Для протокола. — Попросил военный, вновь обращаясь к Ариадне.

Веста видела, как на глазах у женщины наворачиваются слёзы. Она стрельнула глазами в сторону Вестании, хотела заговорить, но не нашлась со словами. Сделала глубокий вдох, нервно поправила волосы, затем всё-таки нашлась:

— Они общались с участниками Сопротивления. Я видела Вестанию в тамбуре с одним из них. В городе были плакаты с информацией о награде за любую информацию... а ещё мне известно, что билеты, купленные рядом со мной в одном купе, принадлежали перекупщикам со стороны Сопротивления.

У Вестании спёрло воздух в груди.

— Вы слышали от кого-то из них экстремистские высказывания, комментарии или призывы к действию? — Продолжал военный свой беспристрастный допрос.

Ариадна покачала головой.

— Нет... — ответила она.

— Они предлагали вам присоединиться к бандитской группировке? Обещали за это вознаграждение?

— Нет.

— Каковы были их цели и конечная точка маршрута?

— Я не знаю, — развела руками Ариадна. — Они ехали в Термину, как и многие другие. Сбежать от конца света, наверное. Отправиться дальше на север.

— Куда-то на север, — переспросил военный. — Возможно, в сторону границы с Гипербореей?

— Мы не собирались ни в какую Гиперборею! — Вновь не сдержалась Теренея. — Мы обсуждали с вами! Вы знаете, что...

Надзирательница ещё раз с силой встряхнула Теренею за плечо.

— Молчи! — сквозь зубы процедила Вестания.

На глазах младшей выступили слёзы, но выглядела она воинственно, совершенно не хотела сдаваться.

— Но это неправда! — заявила Теренея громко.

Военный с нескрываемым раздражением посмотрел на надзирательницу. Той хватило одного его взгляда. Резким движением она ударила Теренею по губам тыльной стороной руки. Сестра взвизгнула, сжалась. Слёзы лились ручьём по её щекам, а обида полыхала яростным пламенем.

— Возможно ли, что они намеревались двигаться на север, в сторону Гипербореи? — повторил военный свой вопрос.

— Да, возможно, — согласилась Ариадна.

Военный кратко покивал. Он не вёл никаких записей, но Вестания догадывалась, что в комнате наверняка есть звукозаписывающие устройства.

Теренея больше не осмелилась возразить. Она стояла и плакала, не столько от боли, сколько от обиды и ужаса.

— В какой момент вы расстались с ними?

— Когда приехали в Термину.

— Почему вы не сообщили о своих подозрениях сотруднику янтарной полиции сразу на станции?

— Я не знала, что это важно.

— Не знали, что важно сообщить о лицах, контактирующих с террористами? — Голос военного затвердел. — Вы знали, что сокрытие преступников — такое же преступление.

— Я не... — Ариадна, кажется, в конец выбилась из сил.

Пауза надулась в комнате, как огромный тяжёлый пузырь.

— Вы не знали о законах, которым подчиняется не только Термина, но и вся Ойкумена?

— Мне нужны были деньги на дальнейшую дорогу. Я пришла добровольно, увидев объявление. — Голос Ариадны тоже дрожал, Вестания видела, насколько напугана она. — У меня на руках больной ребёнок, вы же видите. Чем дольше вы продержите нас тут, тем хуже ему будет. — Отчаянье в её голосе сменялось злостью.

— Акрополь в силе позаботиться и о больных детях, и о прочих людях, пришедшим сюда по нужде. — Сказал военный снисходительно. — Мы продолжим нашу беседу наедине. Уведите этих, — военный махнул рукой надзирательнице.

Та немедленно подтолкнула девочек к выходу.

Ни Тереня, ни Вестания не осмеливались больше заговорить. Надзирательница выволокла их за дверь. Вестания видела, как проследила за их перемещением Ариадна, провожая взглядом полным стыда и страха. *Это из-за неё! Она сама пришла сюда! Пришла, чтобы сдать нас!*

Вестания ненароком вспомнила слова Веспер о том, что не стоит доверять другим странникам. Ариадна — человек, который оказал им поддержку в самом начале их пути, теперь навлёк на них беду. Вестания чувствовала, что её сердце навсегда потеряло веру в хорошее. *Что теперь будет?*

Они прошли долгую вереницу коридоров уже в другом направлении. Надзирательница привела их к душевым.

— Оставьте форму. — Приказала она холодно, когда сёстры разделись.

Вестания догадалась, что это не принесёт им ничего хорошего.

Они стояли вдвоём под струями горячей воды. Тереня ревела и, бессильная, оседала на пол. Веста не могла найти в себе сил утешить её. *Нужно рассказать ей про побег.* — Думала Вестания, но теперь слишком боялась открыть рот. Ей казалось, что кто-то подслушивает их даже здесь. Казалось, что все комнаты в Акрополе оснащены жучками.

— Тера... — прошептала Вестания на ухо сестре, даже не пытаясь удерживать слёзы. — Прости... это всё из-за меня...

Как она могла быть настолько глупой и неосторожной?! Они действительно вступили в контакт с Соппротивлением, ходили с Фриксом по поезду, курили в тот дурацком тамбуре. Кто угодно мог сдать их, не только Ариадна. *Это я во всём виновата!* — Вестании казалось, что хуже, чем сейчас, она себя ещё никогда не ощущала.

После душа надзирательница выдала им новую форму, от которого сердце чуть не встало в груди: на рукавах были чёрные отметки.

Теперь всё закончится, — поняла Вестания.

Никак не прокомментировав произошедшее, надзирательница отвела их двоих назад в их камеру и заперла её на ключ. Как только её шаги стихли в конце коридора, Тереня тихо простонала сквозь непрекращающиеся слёзы:

— Вестания! Что теперь будет?

— Я не знаю, Тера... — честно призналась Вестания. Говорить про побег она боялась. Теперь даже боялась поверить в него. Все надежды разбились сегодня, в комнате для допросов.

Нужно чудо, иначе завтра нас уже не станет.

Они не сомкнули глаз, проплакав до поздней ночи. Как назло, привередливое время Акрополя замедлило свой бег. Каждая минута стала монотонной и долгой, тягуче мучительной. С каждой минутой их конец был всё ближе. Когда ленивое время дотекло до трёх часов ночи, сквозь опухшие от слёз красные глаза, Вестания вдруг увидела что-то странное.

Глава XVI. Бешеный Пес

522–523 день после конца отчёта

Вечер уже пал на Шумы, когда Аластор добрался до своего старого дома. Машины рычали ещё громче трёхглавого монстра, который теперь бесновался, прыгал из угла в угол, пытаясь порвать старую цепь. После скорби всегда приходит гнев, и теперь глаза Аластора затмевала слепая ярость.

Подражатель. Это было его рук дело, Аластор не сомневался. Более того, он был уверен, что город не догадывался о наличии сразу двух убийц. И уж точно, он не мог оставить улики. Возможно, часть убийств принадлежала не ему, а подражателю. Скорее всего, он не умел замечать свои следы или намеренно оставлял их, чтобы натравить полицию на Аластора.

Он шёл быстрым шагом, лишь слегка припадая на правую ногу и опираясь о трость. Улица была пуста. Аластор очень сильно надеялся избежать ненужных встреч. В таком состоянии, на взводе, полный жажды мести, он не отдавал отчёта своим действиям. Сейчас точно не лучшее время для разговоров с мальчишками, и уж точно было слишком поздно для их игр.

Тем не менее от глаз Аластора не ускользнуло движение во мраке рядом с ним. Тогда он уверенно сошёл с дороги в тёмный провал какого-то старого дома. Руки бывшего наёмника оказались быстрее его мысли. Он прижал преследователя к стене, крепко схватив его за горло, и лишь потом понял, что видит перед собой Лаэртеса, чьи круглые от страха глаза устремились на него. Парень был не просто испуган, он был в ужасе.

Аластор отпустил мальчика, затем нагнулся к нему, к самому уху, чтобы можно было расслышать слова, и спросил, стараясь не кричать, но говорить громче рёва машин:

— Что ты здесь делаешь?

— Извините! Я не хотел, пожалуйста... — начал было он, но Аластор оборвал его, положив руку ему на плечо и слегка сжав его.

— Я ничего тебе не сделаю, — произнёс он спокойнее, что было не так просто, ибо Аластор слишком явно представлял ту возможную картину, что ждёт его в доме. Он готовился к битве. — Не бойся меня. Говори всё, что должен.

Парень потупил глаза, затем опять взглянул на Аластора. Только теперь он заметил, что в них помимо страха крылась скорбь. *Что, чёрт побери, происходит?* — подумал он. Лаэртес, набравшись смелости, приблизил губы к уху мужчины и заговорил едва слышно, словно опасаясь, что кто-то ещё мог подслушать их разговор.

— После последнего раза, когда вы были здесь, сюда несколько раз приходил человек... мы почти не видели его лица, дело всегда было поздно, но он стал делать здесь разные вещи... разговаривал с кем-то из нас, — глаза мальчика округлились от ужаса, — он расспрашивал про вас. Никто из них ничего не сказал, вы не думайте. Но ему это не понравилось. Потом начали происходить убийства. Я уверен, что это его рук дело! Он убил нашего друга, Кастора... потом его мать тоже погибла, и... потом ещё мой отец...

Аластор взглянул на Лаэртеса. В его глазах стояли слёзы. Мальчик тут же утёр их рукой и снова прижался к уху Аластора. Теперь уже слёзы зазвенели в его голосе.

— Он был сегодня, говорил со мной. Он сказал, чтобы я дождался вас, что вы придёте сегодня. И сказал, что будет ждать вас в вашем доме, внизу... я думаю, он имел в виду подвал. Грозился убить меня, если я этого не сделаю. И ещё мне кажется, многие подумали,

что он — это вы.

— Тебе есть куда пойти? — спросил Аластор стальным голосом.

Лаэртес скромно покивал.

— Мама давно умерла, я был ещё маленьким. Я живу у соседей, они хорошие.

— Иди к ним. Всё будет хорошо. Я обещаю, — сказал Аластор парню.

— Кто он, господин? Вы знаете? — спросил мальчик, упорно борясь со слезами.

— Нет. Но узнаю. — Аластор слегка прижал Лаэртеса к груди, приобняв за плечи. — Ты должен простить меня за то, что случилось, — прошептал он ему в самое ухо. — Он пришёл сюда из-за меня.

— Что будет теперь? — спросил он после недолгой паузы, однако эта секундная замешка помогла ему собраться с духом и унять слёзы. Вопрос прозвучал ровно и отважно.

— Смотря что ты чувствуешь, — ответил вдруг Аластор, отпустив мальчика и моментально став очень серьёзным. — Тебе грустно? Страшно?

— Уже нет, — ответил Лаэртес. — Я злюсь.

Так всегда бывает. Но не со всеми.

— Иди домой, — повторил мужчина. — Я постараюсь всё исправить. — С этими словами он развернулся и возобновил свой путь. *Возможно, последний путь,* — подумал Аластор без сожалений.

Лаэртес последовал его совету. Тем лучше. У мужчины были опасения, что парень мог продолжить слежку, но он этого не сделал. Аластор точно знал: он тщательно огляделся перед тем, как войти внутрь старого кирпичного дома.

Он взял с собой лишь трость и «экивит», заряженный гранатовой ягодой. У него не было уверенности, что это сработает, однако раз в год и палка стреляет. В основном Аластор полагался на сам вид оружия, каким бы нелепым оно не было, ну а если не выйдет... *Ну что ж, тогда проверим косточки на убойность.*

Аластор достал пистолет, развернул вертикально и поднёс к лицу, задержав напротив носа. Левиафан часто спрашивал его, зачем он так делает. По его словам, этот жест был полон ненужного пафоса и напрочь лишён смысла, потому что настоящему наёмнику не нужно время на подготовку к стрельбе, но Аластору (точнее, Церберу) этот жест помогал собраться с мыслями. Всё равно что суеверие, приносящее удачу. Глубоко вздохнув, готовый столкнуться с чем угодно, Аластор распахнул дверь ударом трости, войдя внутрь, и выставил оружие перед собой. Внутри было пусто. В помещении, которое когда-то было его домом, почти не осталось делений на комнаты. Несколько стен выстояли, остальные превратились в груды кирпичей. Сильный запах разложения затмевал рассудок. Лисса, вне сомнений, была всё ещё где-то здесь. Он хотел избавиться от тела, но потом... в общем, Аластор плохо помнил, что было потом.

Опираясь на трость, он продолжил свой путь. Дошёл до середины комнаты, там, где на полу лежал старый уродливый ковёр. Тростью Аластор отодвинул его в сторону. Под ним была дверца, по отвесной деревянной лестнице ведущая в подвал. Раньше его отец использовал помещение подвала для своего тайного хранилища, он гнал там самогон, часть сбывал знакомым или борделям на Краю, часть оставлял для себя. Аластор же прятал внизу останки своих жертв. Чтобы избавиться от запаха, он сжигал их в старой печи, кости закапывал в земле под шатающимися деревянными панелями пола. За два года, что тянулось это безумие, никто ничего не нашёл.

Как он вообще узнал про подвал? — не уставал удивляться Аластор.

Место их встречи было выбрано отменно. Спуститься в подвал быстро, ещё и с тростью, возможным не представлялось. Оставить её здесь Аластор не мог, кроме бесполезной косточки, это было его единственное оружие. Плюс, оно не вызывало подозрений. *В любом случае, он, скорее всего, уже слышал, как я вошёл. Внизу довольно тихо, можно слышать, как скрипят половицы и открывается дверь.*

Если он хотел меня убить, мог сделать это уже много раз, во время слежки.

Он всё ещё не мог себе простить, что не заметил слежки раньше. Подражатель знал его, знал про то, что он убивает, знал, где находится его старый дом, даже как-то нашёл подвал... Он знал про Лиссу, про её серьгу... и про Эхо он тоже узнал...

Аластор заранее приготовился к боли от того, что решил совершить. И всё же проникнуть вниз быстро иным способом было невозможно. Он распахнул дверь и спрыгнул в подвал.

Ему едва удалось сдержать крик боли от того, как правая нога соприкоснулась с полом. Он старался при прыжке перенести вес на левую, но не сумел правильно распределить равновесие. Согнув правую в колене, Аластор тут же собрался, приняв боевую стойку и выставив перед собой пистолет.

— Как же я ждал нашей встречи, — произнёс подражатель, сидевший на старом плетёном стуле. Он был не очень высокого роста, хорошо сложенный мужчина лет тридцати пяти на вид, с мягкими, даже приятными чертами лица. Тёмные длинные волосы были убраны в хвост, зато в глазах таилось решительное хладнокровие.

Сделав шаг в сторону, выбирая более стратегически верное место для перестрелки, Аластор постарался как можно быстрее оценить обстановку. Позади подражателя стоял стол, полный самого разного огнестрельного оружия (*и у него в обоямах точно не ягоды*), однако сам он сидел безоружный. Так чего же, чёрт возьми, он хотел?

— Кто ты? И что тебе надо? — спросил Аластор, ощущая сладкий азарт от того, что занимался приятным и хорошо знакомым делом. Когда его жизнь висела на волоске, он мог, наконец, чувствовать её вкус.

— Опустить оружие, — сказал подражатель, поднимая руки вверх, одновременно с этим, он встал со стула и медленно отошёл подальше от стола. Голос его звучал взволнованно, в нём было какое-то надорванное отчаяние, казалось, он действительно очень долго готовился к этой встрече. — И тогда мы уже поговорим. Ты ведь слишком хорошо понимаешь, что я имел очень много возможностей тебя убить.

— Почему бы мне просто не застрелить тебя сейчас? — спросил Аластор, держа палец на спуске. — И покончить со всём?

— Тогда ты не узнаешь правды, а ты пришёл за ней, а не за мной. — Сказал подражатель. — К тому же я обещаю тебе, что у нас ещё будет время пострелять.

Аластор смотрел на него, пытаясь предугадать скрытые мотивы своего врага. Видел ли он его раньше? Нет, он не помнил.

Ему хотелось отомстить за Эхо. Он мечтал пустить ему пулю в лоб, пусть у Аластора и не было пули.

Только интерес был куда сильнее сейчас. Аластор медленно нагнулся, положив «экивит» на пол и отступил назад от оружия.

— Хорошо, я рад, что ты решил довериться мне, — продолжил подражатель, на его лице мелькнула добродушная улыбка, казалось, он был очень счастлив от того, что Аластор пришёл. — Но с тростью придётся тоже расстаться. Прости, я знаю, что тебе больно стоять

без неё, особенно с учётом твоего прыжка... я могу предложить тебе стул.

— Ничего, я постою, — произнёс Аластор, не без сожаления отбросив в сторону и трость. *Какого хрена он может знать об этом?* — продолжал он злиться, оттого что незнакомец мог обладать такой информацией. *Нельзя было его недооценивать. Он не новичок, он продумал все мои ходы.* — Я жду ответов. — Сказал Аластор, кипя от негодования, чувствуя себя последним идиотом.

Подражатель медленно зашагал вперёд навстречу Аластору. Когда расстояние между ними сократилось до опасного, бывший наёмник отступил на пару шагов назад. Незнакомец нагнулся, подобрал трость с пола и повернул ручку, обнажив стилет, затем медленно достал клинок из ножен и подставил его под бедные лучики зажжённой масляной лампы.

— Я был так рад, когда увидел тебя с тростью впервые, — его голос надорвано дрожал. — Думаю, это была одна из самых больших ошибок Гектора. Тогда я и начал обдумывать детали нашей встречи... но ещё не всё обрушилось, я думал, что нужно что-то очень сильное, что нам нужна настоящая причина для встречи.

Аластор почувствовал, как комок застрял в горле, сердце бешено заколотилось, а к глазам подступили слёзы. В этот момент он забыл обо всём, он захотел подойти и обнять его, захотел столько всего сказать.

— Я думал, ты мертв... — прошептал Аластор, боясь пошевелиться, но отнюдь не из-за страха оказаться убитым его собственным оружием.

Манतिकор отвёл глаза от клинка, взглянув на Аластора измученным, но счастливым взглядом. Затем вернул сталь в ножны и положил трость обратно на пол.

— Я хотел умереть, Цербер, — продолжил он. — Я вообще-то, много о чём думал... Знаешь, всё начало крошиться после смерти Минотавра. Вас обоих не стало, и я понял, что не справлюсь один. Пусть мы никогда не знали друг друга, никогда не встречались, но мне всегда казалось, что мы... всё равно есть друг у друга, что, пока мы вместе — мы сильны. Может, это было глупо... но я всегда это чувствовал.

— Я думал так же, Манतिकор, — произнёс Аластор, поражённый и подавленный открывшимся секретом. — И я уверен, что и Минотавр тоже...

— Как бы то ни было, пару недель назад я понял, что всё... вот оно: я больше так не могу. — Продолжил Манतिकор. На его лице не возникло ни единой ярко выраженной эмоции, но Аластор умел видеть глубже, он видел отчаяние в глазах своего коллеги и очень хорошо понимал его боль, потому что разделял её с ним. — Сначала я хотел просто застрелиться, без какого-то пафоса. Потом стал считать, что мне стоит поступить по-другому, уйти красиво, чтобы в «Скиесе» ещё надолго запомнилась эта история. Я стал продумывать своё исчезновение, уже написал предсмертную записку... а затем, я понял, что всё пойдёт не так. Я подумал о тебе, Цербер, о том, что «Скиес» сделал с тобой, как они просто отстранили тебя от дел... знаешь, меня всегда задевало, что после смерти Минотавра Гектор не предложил своё место ни одному из нас. Про себя я никогда всерьёз не думал. Гектор слишком хорошо меня знал, и он знал о панических атаках, случавшихся у меня в обычной жизни. Я не подходил на эту роль, но ты, Цербер, ты был лучшим до того, что с тобой случилось. Вместо этого они оставили тебя умирать. Я решил вмешаться, решил, что мы должны встретиться перед нашей смертью... для этого мне нужно было привлечь твоё внимание и отгадать от себя агентов «Скиеса».

— Боги, Манतिकор! — Аластор вдруг оправился от шока и вспомнил, зачем он пришёл сюда. — Зачем ты убил её?! — Он любил его. Он мог простить ему весь этот цирк. Но Эхо...

она была смыслом.

— Тише, дай мне сказать, Цербер. — Они всё ещё стояли напротив друг друга, держась на безопасном расстоянии, на полу между ними по-прежнему лежали трость и пистолет Аластора. Иногда Манतिकор слегка двигался по кругу, словно желая приблизиться к нему, но тогда сам Аластор отступал в противоположную сторону, сохраняя дистанцию. — Я сделал всё так, чтобы никто из крыс Гектора не сумел выйти на мой след. Я дал им очень много поводов думать о том, что я мёртв. Конечно, пришлось залечь на дно, не высовываться некоторое время. Когда пыль улеглась, я взял твой след. У меня ушло не так много времени на то, чтобы найти тебя, к тому же я уже видел тебя раньше, знал, как ты выглядишь, куда ходишь, примерно знал, где ты живёшь. Ведь когда я дарил тебе эту трость, я уже тогда начал приводить свой план в действие. Думаю, Гектор был слишком расстроен твоим ранением, чтобы заподозрить в моём скромном даре подвох. Он крутой боец, он не совершает таких промахов. А ведь всё началось именно с этой его ошибки. Когда я понял, что ты убиваешь бродяг и сумасшедших, я сумел осознать, как, должно быть, тебе плохо. Дальше дело оставалось за малым. Я пришёл сюда, в Шумы, поговорил с теми мальчишками, которых ты подкармливал, должен признать, никто из них не сумел рассказать мне про человека-тень.

— И ты стал убивать их семьи?

— Только потому, что ты первый начал это, Цербер. Ты разделался с Лиссой, она приходилась родственницей кому-то из них. Потом мальчишку-газетчика нашли дома, он отравился одним из твоих подарков, шоколадной плиткой, в которой был яд. Он был братом одного из этих детей. Моя вина лишь в смерти его матери, которая, впрочем, и так хотела наложить на себя руки. Я лишь желал почувствовать, что чувствуешь ты перед тем, как мы встретимся. Стать таким же, как и ты, твоим отражением в треснутом зеркале.

— А отец Лаэртеса?

— Это был ты, Цербер. — Два печальных глаза воззрились на него. Со своими каштановыми волосами, с этими дикими чертами лица Манतिकор действительно походил на легендарное чудовище. — Он торговал газетами на вокзале. Я сам видел, как ты перерезал ему глотку.

— О хаос! — Аластор закатил глаза к закопчённому потолку, осознавая теперь, что добрая половина грехов Сциллы лежала на его плечах. Значит, он зря искал виноватых. Манतिकор просто хотел привлечь его внимание, он лишь сделал несколько ответных па того танца смерти, что затеял Аластор. Осознавая теперь всю тяжесть содеянного, бывший наёмник чувствовал, как его душа катится в чёрную, кишашую крысами яму зла. Его убийства не несли освобождения его жертвам, он лишь отбирал будущее у живых людей, лишал их надежды. *Аластор — злой демон. Одно преступление вызывает ещё одно.*

— Решив продолжить твоё дело, я избавился от той девушки, от проститутки. Я понимал, что ты решил приберечь её на свой последний акт, ибо я ходил по улицам вслед за тобой, я видел, в каком отчаянии ты находился. Потеряв свою собственную жизнь, Цербер, я получал неопишуемое удовольствие от наблюдения за твоей. Я как будто был пустым всегда и теперь наполнялся, постепенно становясь таким же, как ты, становясь Бешеным Псом, как тебя часто называли в «Скиесе» после твоего ухода от дел. Я убил её. Она была такой красивой в последние секунды жизни, когда душа покидала её тело. Она была самым совершенным моим убийством, почти произведением искусства. Вот тогда я понял, что я окончательно стал тобой, что моё преображение завершилось. Чтобы видеть тебя, я занял

место твоих двух предыдущих жертв. Я стоял сегодня утром возле вокзала, продавая вшивые газетёнки за грош, но зато я видел тебя снова, видел в ту минуту, когда ты лишь узнал о её смерти, когда шёл к ней. Я так надеялся, что ты обратишь своё внимание на меня, попробуешь напасть... Мы с тобой встретились глазами, и мне это было так приятно. Ты был зол из-за её смерти, но, Цербер, я никогда ещё не убивал так сладко. Она кричала, в ней было столько нежелания умирать, столько воли, она была готова почти сражаться за свою жизнь, но только не могла противостоять мне. Собака пыталась защитить её. Бедный несчастный пёс. Я не стал его трогать, но решил использовать как посредника между нами. Чувствуя и понимая тебя, я знал, что ты захочешь убить эту собаку, но тогда непременно найдёшь серёжку Лиссы. Так и получилось. И теперь мы, наконец, стоим с тобой здесь вместе.

— Зачем ты привёл меня сюда, Манतिकор? — спросил Аластор, ощущая потустороннюю дрожь внутри.

Он считал, что уже разучился чувствовать, но вот всё возвращалось к нему — сначала смерть Эхо, затем желание покончить с собой, потом Лаэртес, вкус предчувствия мести, и теперь... теперь он смотрел на Манतिकора и не мог понять, что испытывает по отношению к нему, настолько тугой клубок сомнений сплетался в его сердце.

— Всё просто, Цербер, — Манतिकор медленно подошёл обратно к столу, склонившись над целым складом оружия. — Мы с тобой совершили достаточно. Мы думаем и чувствуем одинаково, мы одна плоть.

— Что ты задумал?

— Ничего особенного. Только то, что является совершенно логичным. — Манतिकор поднял со стола два пистолета-«агоназа». — Я не знал, есть ли у тебя оружие, поэтому принёс всё сюда, всё, что у меня было, а здесь хватит пуль для каждой души в Сцилле. Сперва я хотел предложить тебе выбрать самому, но тогда я ещё не чувствовал себя тобой. Думаю, наш выбор совпадает. — Он вернулся к Аластору, протягивая ему «агоназ», — Наши дни на этой земле завершились, Цербер. Мы вне строя, больше не способны приносить пользу. Поэтому для нас остаётся только один выход. — Аластор протянул руку навстречу Манतिकору, взяв оружие. Манतिकор уверенно перешагнул через лежащие на полу трость и кремневый пистолет, подойдя к нему вплотную. — Прямо через голову. — И он прислонил дуло вертикально к горлу Аластора.

Он вспомнил, как стоял всего несколько часов назад в точно такой же позе, думая о том, что её не стало, значит, не стало и смысла в чём-то ещё. Кому, чёрт возьми, вообще сдались деньги, если мир вот-вот собирался рассыпаться в пепел? Нет, он не мог никому помочь, всего час назад Аластор был уверен, что всё встанет на свои места, как только он войдёт в подвал своего дома, встретив подражателя. И вот теперь встало...

Аластор подставил пистолет под челюсть Манतिकора. На него смотрели два усталых карих глаза, точно таких же, как и его. Скоро всё закончится, так и должно быть. На его лице не было заметно ни единого признака сожаления. Всё, что возможно когда-то было, осталось далеко позади. Теперь существовали лишь два заряженных стрелковых пистолета, нацеленных на две головы.

— На счёт «три», — сказал Манतिकор странным блаженным голосом. Кажется, он так давно представлял себе этот момент, что теперь пребывал в океане эйфории.

Аластор был так бесконечно близок к нему. Ведь как он раньше жаждал найти его, пытался высмотреть в толпе... но никогда не думал, что их встреча способна вылиться в

подобный фарс. Его одичавшие глаза смотрели прямо в глаза Аластора, а где-то глубоко внутри них трепетало сумасшедшее удовольствие. Трёхглавый демонический пёс и свирепый крылатый кот, наконец, встретились, и теперь им обоим не терпелось избавить друг друга от мук.

— Нет, — произнёс Аластор, чувствуя, как плотно дуло упирается в кожу. Говорить было сложно не только из-за него, но и из-за комка слёз в горле.

Взгляд, полный непонимания, устремился на него. Они стояли так близко, что Аластор мог слышать взволнованные спазмы дыхания Манतिकора. Тугие густые брови изумлённо взвились наверх, требуя объяснений.

— Сколько требуется наёмнику, чтобы убить клиента, Манतिकор? — спросил Аластор невозмутимым голосом.

Теперь, когда он понял, что имел в виду Аластор, Манतिकор довольно заулыбался. Аластору даже показалось, что в уголках его глаз появились крошечные искры слёз.

— Цербер! Я не сомневался, что ты такой же, как я! Ведь если убийство — это искусство, то самоубийство — автопортрет. Ты прав, мы должны считать до пятнадцати, чтобы всё было правильно. — Аластор только теперь заметил, какие у него белые и ярко выраженные клыки.

— Верно, Манतिकор. На счёт пятнадцать... Считай вслух.

Он кивнул. Аластор собрался с духом, Манतिकор тоже набрался решимости, глубоко вздохнув.

— Раз, — начал он триумфальным голосом.

И время понеслось. Вторя ударам двух сердец, которым вскоре предстояло замолчать, отсчёт был запущен.

— Два, — произнёс Манतिकор.

И назад уже не повернуть. Всё было решено. Так правильно.

— Три, — сказал он, и в ту же секунду Аластор нажал на спусковой крючок, крепко зажмурившись.

Оглушительный выстрел разбил атмосферу величественного смирения в подвале. Сначала фонтан крови и мозгов брызнул на Аластора, затем Манतिकор рухнул перед ним безвольно, словно тряпичная кукла. Постояв несколько секунд бездвижно, не думая ни о чём, кроме тёплой крови, стекавшей по его лицу, Аластор затем осел вниз подле своего соратника, отбросив пистолет в сторону. Нога подвела его, снова отозвавшись пронзительным воплем боли, и ему пришлось вытянуть её перед собой, опершись руками о липкий, мокрый пол. Алая лужа разливалась всё шире. Поборов тошнотворный позыв, отнюдь не от вида трупа, но от сожаления, мужчина перевёл непослушный блуждающий взгляд на тело Манतिकора. От лица, как и от головы, остались лишь плохо различимые ошметки мяса, углы разбитого черепа уродливо топорщились, разнесённые напрочь милосердной пулей. От его внешности, от него самого, так походившего на Аластора, не осталось и следа. Его не стало на предательский счёт «три».

— Никогда не жди до пятнадцати. Это слишком долго, — прошептал Аластор то ли распростёртому телу, то ли себе самому.

Слёзы застряли где-то в горле. Манतिकор был сумасшедшим. Его совершенный разум настоящего убийцы оставался холодным и расчётливым на протяжении очень многих лет, он был умён и хитёр, намного более изворотлив, нежели Аластор с Минотавром. Что же он чувствовал на самом деле, убивая своих жертв, если в конечном итоге утонул в этом

бездонном резервуаре? Могло ли что-то измениться, если бы они встретились раньше?

Аластор смотрел на неподвижное тело с простреленной головой. Он не испытывал скорби из-за его убийства, он знал, что поступил правильно. *Они же застреливают бешеных собак, так?* — подумал он невесело.

Он намеренно поменял счёт в этой роковой игре. Если бы Аластор выстрелил на счёт «два», то Манतिकор мог ответить ему, они бы оба были на стороже с самого начала отсчёта. А так он думал, что впереди у них есть целая четверть минуты, торопиться было некуда, что дало Аластору преимущество.

— Мне ещё рано умирать, Манतिकор, — произнёс он в дребезжащую после взрыва пустоту комнаты. — Надо завершить дела. Возможно, загладить какие-то грехи... — но потом осёкся. — Да нет... — тихо произнёс он, вспомнив о только что совершённом предательстве. — Моих грехов уже ничто не умалит.

— А я уж и не думал увидеть тебя снова, когда ты сбежал от меня в прошлый раз, — проговорил Гектор, сидя в своём кресле с сигарой в руке. — Решил, что ты пойдёшь и сам себе сварганишь пули. Переплавишь что-нибудь.

— Нет, я не настолько обезумел. — Ответил ему Аластор, у которого теперь было столько пуль, что хватило бы и до самого конца света. — Я встретился с Манतिकором. Да, Гектор, он был жив. — Прервал он его, прежде чем тот успел открыть рот. — Так что уволь всех своих агентов слежки, они полное фуфло. Манतिकор подстроил всё так, чтобы повидаться со мной, он заманил меня к себе и хотел, чтобы мы убили друг друга. Он сошёл с ума, говорил, как безумец... у меня не было выбора, пришлось застрелить его. Расценивай это, как хочешь...

— Почему же ты не позволил ему расправиться с тобой? Если так ждал пули в лоб? — спросил Гектор и подтолкнул пепельницу к середине стола, предлагая Аластору присоединиться.

— Я ведь так и не сказал тебе, кому хочу отдать деньги. Согласись, если они уйдут коту под хвост, то и всей моей жизни лучше катиться прямиком туда. Я так не хочу, Гектор. Я совершил немерено много зла, но эти деньги, то, что они могут сделать кого-то счастливым, это всё равно, что акт искупления.

Аластор погрузил руку в глубокий карман, достал свой портсигар и закурил «карелию».

— Предположим, что так, — кивнул Гектор. — Так кому ты хочешь оставить деньги?

Бывший наёмник изобразил подобие улыбки, предугадывая реакцию Гектора (улыбаться по-настоящему он не умел). Аластор положил сигарету на край пепельницы, и затем откинул ворот плаща, показав боссу своего избранника.

— Я думал, сразу отдать его тебе, но пёс уснул, и я не хотел его будить, — сказал Аластор, потом всё же потрепал Гелиоса за ухом и вытащил его наружу. Трехлапый сварливо фыркнул, недовольный своим пробуждением, потом улёгся на коленях Аластора и вновь закрыл чёрные глаза.

Гектор переводил глаза с собаки на наёмника и обратно, затем разразился громким смехом, сделал глубокую затяжку, выпустив струи чёрного дыма из ноздрей, и лишь тогда спросил:

— Ты это серьёзно, Аластор?

— Да, я хочу, чтобы эта собака унаследовала все деньги. Его зовут Гелиос, кстати. Вы должны найти для него хозяина и удостовериться, что пёс ни в чём не станет нуждаться. Ещё, если ты заметил, у него нет ноги. Думаю, можно что-то придумать... наподобие протеза, не знаю...

— Ты сам, часом, рассудок не потерял? — усмехнулся Гектор. — Решил отдать четыре миллиона хромой собаке?

— Нет, ему хватит только моей части. Деньги, которые заработал Мантикор, предназначаются кое-кому другому. Только я не могу назвать их имени, тебе придётся направить пару агентов, чтобы всё разнюхать. У меня будет ещё одна просьба.

— А не многовато ли ты просишь, Аластор? — спросил Гектор, кажется, вновь потеряв расположение духа.

— Нет, с учётом всего, что ты должен мне, Гектор. Я могу сейчас очень долго перечислять весь список твоих ошибок, начнём хотя бы с моего отстранения и замечательного подарка, который мне достался от Мантикора, — Аластор взял сигарету из пепельницы и наполнил лёгкие вкусом едкого дыма. — Как ты мог передать трость мне? Только подумай, если бы он захотел убить меня раньше, ему оставалось лишь выследить меня по этой палке. Рассудок он стал терять опять же по твоей вине, и ты ничего не сделал, чтобы помочь ему! Тебе необязательно быть наёмником, Гектор, ты губишь и ломаешь жизни, сидя в самом центре своей паутины, поэтому, если у тебя есть хоть толика совести, ты выполнишь все мои условия и дашь мне спокойно покончить с собой.

Гектор теперь выглядел растерянным. Смахнув горсть чёрного пепла и затянувшись снова, он, наконец, произнёс:

— Ладно, говори уже, чего хочешь.

— В Шумах есть мальчишка лет тринадцати, зовут Лаэртес. Его родители мертвы, он живёт у соседей. Не уверен, но где-то двадцатые дома в районе старых застроек возле Головного Цеха. У парня есть потенциал. Он сильный и очень смелый. Если ты хочешь будущего для «Скиеса», то тебе очень нужна новая кровь. Деньги отдайте тем людям, что приютили его после смерти отца.

— Я не могу поручиться за мальчика, Аластор. Чтобы стать чудовищем «Скиеса» слишком мало силы, смелости и злобы. К тому же, уверен ли ты, что так будет лучше? — Гектор откинулся в кресле, глубоко затянувшись сигарой, будто ожидая отговорки. — Парень остался сиротой, но он ещё может стать хорошим человеком, ты же приговариваешь его к такой же судьбе, от которой ты и Мантикор были рады покончить с собой.

— Его судьба пока не определена. Может, он окажется достойным занять твоё место, Гектор. Я прошу тебя лишь присмотреться к нему. Выбор всё равно будет за тобой и за ним.

Гектор молча кивнул, отложив сигару в пепельницу.

— Думаю, я могу идти, — сказал Аластор, поднял Гелиоса с колен, тот в ответ тихонько заурчал. — Куда мне деть пса?

— Оставь здесь, — произнёс Гектор, задумчиво поглядывая на трёхпалого. — с ним всё будет хорошо. Могу я узнать, что будет с тобой?

— У меня осталась гранатовая косточка в пистолете. Хочу испытать её в действии. — Аластор не собирался говорить ему о внушительном запасе огнестрельного оружия и боеприпасов, которые Мантикор перенёс в подвал дома в Шумах. Он опустил Гелиоса на пол, сам поднялся со стула и взял трость, прислонённую к задней стенке стола Гектора. — Я ведь должен умереть, чтобы деньги вступили в силу. Мы оба знаем контракт, Гектор. Там

нет ни строчки о том, что я не имею права убить себя. И меня никто не может остановить. Я всё сделал, что должен был. Теперь я просто Никто. — Аластор уже повернулся к выходу, когда услышал, что босс медленно выдвинул ящик стола. Аластор слишком хорошо знал, что именно лежало в этом ящике — то же, что и во всех ящиках письменных столов любого директора крупной криминальной организации.

Он стоял неподвижно спиной к главе «Скиеса», тот молчал, сидя в своём кресле. Гелиос, трехлапый пёс-миллионер, изумлённо поглядывал на бывшего наёмника, не вполне понимая, что будет теперь.

Они ведь стреляют в бешеных собак, верно?

Неужели Гектор считал более правильным застрелить его, нежели позволить самостоятельно распорядиться своей жизнью?

Стреляй уже! Что ты тянешь?! — хотел сказать Аластор вслух, что-то внутри него автоматически отсчитывало пятнадцать секунд, он слишком хорошо представлял себе этот отрезок времени, он чувствовал его, это время всегда было особенным.

— Ты, наверное, ненавидишь меня, Аластор, — заговорил он, наконец. — Думаешь, это я сгубил твою жизнь. Я знаю, что ты считаешь меня чудовищем, намного страшнее любого из вас.

— Потому что так и есть. — Произнёс он, ощущая напряжение, закипающее в комнате. Ему даже казалось, что он чувствует спиной дуло револьвера, что глядит ему в затылок.

— И я не стану этого отрицать. Я выполню твои желания в знак уважения к тебе, последнему из моей тройки золотых монстров.

Значит, он всё же признает нас лучшими, — подумал Аластор не без самодовольства.

— Ты дашь мне уйти? — спросил мужчина, чей голос не мог бы дрогнуть даже в эту секунду. Когда он пришёл в офис этим днём, он уже был морально готов к тому, что выбраться оттуда не получится.

— Ты помнишь лишь самое плохое, что я совершал. Ты забываешь, кому ты обязан жизнью. Ты забываешь, что я прикрывал тебя от совета всё эти годы, а значит, ты давно уже должен был быть мёртв.

— Может, так было бы лучше. И я бы наделал меньше зла. Хватит тянуть, Гектор. Я всю жизнь сижу в западне, что ты построил для меня. Я не могу уехать, потому что твои ищейки выследят меня, я всегда под чьим-то незримым дулом, мне больше нечего делать. Я не могу так больше! Сделай уже так, чтобы это закончилось! — Его голос дрогнул лишь на миг, на самой последней ноте, и Цербер осуждающе зарычал, словно желая укусить его за эту ошибку.

— Ты просил меня об услуге. Я принёс тебе *пулю*.

Аластор глубоко вздохнул и зажмурился, представляя, как пятнадцать грамм металла врезаются ему в затылок, прошибают кость черепа, стремительно прокладывая себе выход через мозг, сжигая на своей молниеносной скорости все его мысли, затем вылетают через лоб. Он сжался, приготовившись к встрече с ними. *Интересно, каково это — умирать?* — подумал тот, кто убивал всю свою жизнь.

Ничего не произошло. Гудящая тишина комнаты давила на голову словно затем, чтоб расплющить её. Аластор обернулся, не способный больше терпеть. И тут он остолбенел, отказываясь поверить своим собственным глазам. Глава «Скиеса» стоял, опершись о стол. Он выглядел ещё куда более старым, чем раньше. Пистолета в руках не оказалось, верно, он так и остался на своём месте в шкафчике. Посреди стола, рядом с пепельницей, лежала

маленькая серебристая пуля, а под ней — прямоугольный лист плотной бумаги. Аластору не потребовалось много времени, чтобы догадаться о том, что это билет на поезд, только поверить в это он не мог.

— Бери и проваливай отсюда. — Сказал Гектор.

Аластор переводил взгляд с билета на Гектора, упорно ожидая подвоха, но не мог найти его.

— Гектор... — сумел он произнести, но тот остановил его жестом руки. Поднёс палец к уху, затем кратко указал на стену.

Прослушка? В кабинете директора? Или это просто на всякий случай?

— Ты прав, если ты хочешь убить себя, я не сумею тебя остановить. Так что уходи. И я больше *не хочу тебя видеть*. Никогда.

Аластор подошёл назад к столу, взглянул на пулю и билет под ней. Протянул к ним руку, но побоялся брать сразу, словно они могли быть отравленными.

— Убирайся отсюда, Аластор. — Повторил Гектор серьёзней.

Мужчина кивнул, поднял пулю, сжал между указательным и средним пальцами, потом осторожно и быстро сложил билет и беззвучно погрузил их обоих в карман плаща.

— Прощай, — сказал он боссу.

— Уходи. — Повторил Гектор. — Пока я даю тебе эту возможность.

— Я всё понял, — кивнул он, — спасибо.

Он в последний раз посмотрел на главу «Скиеса», не сводившего с него глаз, затем улыбнулся Гелиосу, пёс сидевший в центре комнаты, кратко махнул ему хвостом и подавленно потупился, пытаясь хоть как-то сообразить, что здесь произошло, и что будет дальше. Он не лаял с тех пор, как погибла Эхо.

Аластор, больше не задерживаясь, вернулся к двери, повернул ручку и переступил порог.

338–339 день после конца отчёта

Вместе с погонщиками они провели ещё три дня пути, прежде чем добрались до Ууракулиса. Старшие мужчины не выказывали особой радости от этой дороги, зато мальчик так и льнул к странным девушкам, пришедшим, казалось, из другого мира. На элла погонщики говорили плохо, но даже те несколько слов, которые им удавалось иногда вспомнить, существенно облегчали общение. В остальных ситуациях выручали жесты и мимика. Психея выглядела так, словно очнулась от долгого сна: она то и дело заговаривала с их провожатыми, повторяла слова на антропе, стараясь вспомнить как можно больше о своей старой жизни, которая почти стёрлась из детской головы.

Ника расспросила Психею о татуировке: кажется, такую носили далеко не все, и она значила что-то важное. Вроде принадлежности к семейному клану или признак более высокого положения. Концепция татуировки была слишком сложной, чтобы кто-то из погонщиков смог хотя бы попытаться объяснить его на языке жестов. Девушки верили, что ответы они найдут, когда доберутся до Ууракулиса.

На поверку погонщики действительно оказались членами одной семьи. Старшего звали Кургун, хоть у него уже был взрослый сын и внук, Ника не могла назвать его старым. На вид Кургуну было лет 40–45, тёмная борода ровным треугольником и удивительные фиолетовые глаза, которыми обладал не только он один, но и всё семейство. В исследованиях разных авторов часто были свидетельства о необычном цвете глаз антропов, и Ника читала об этом ни раз, но увидев глаза воочию всё равно оказалась поражена их красотой. Сын Кургуна, Трамеш — был менее всего настроен на общение с чужеземками. Его длинные волосы были убраны в тонкую косу, которая обычно покоилась на плече спереди. Такие среди антропосов носили лишь истинные воины, не знавшие поражения в бою. Младшего в семье звали Фликшу, он больше всего тянулся к девушкам, так что порой просто сидел и разглядывал одну из них. Фликшу ни слова не понимал на элла, но, часто повторял фразы, звучавшие для него забавно, и потом заливисто смеялся.

Они шли вместе со стадом оленей, и девушки могли наблюдать за тем, как методично и слажено три поколения одной семьи занимаются своим главным делом. Чёрные собаки антропосов совсем не походили на самоедов, которых часто держали на севере. Белые и мохнатые — самоеды отличались очень своенравным и сложным характером. Конечно, они были обучены слушать человека и всячески служить ему, но при этом выбирали себе в хозяева лишь самых твёрдых и властных. Прежде чем самоед станет тебе верным другом, нужно убедить его, что ты сильнее. Маленькие и проворные лайки словно и не представляли своей жизни без людей. Это было заметно особенно по вечерам, когда, уставшие за день работы собаки лежали у костра, выкатив розовые языки и словно влюблённые, заглядывали своим хозяевам в глаза, так и ловя их взгляды. Одного лишь слова хватало, чтобы лайки подползли, тихонько поскуливая, и подставили свои головы с прижатыми ушами под человеческие руки. Собаки относились к людям с каким-то трепетом, при том принимая даже чужестранок. Они явно не видели разницы между антропосами и инландерами. Наблюдать за работой животных было сплошным удовольствием — собаки молниеносно реагировали на малейший крик, свист, команду, но казалось, что они и без подсказок знают, что нужно делать. Лайки то поднимали оленей на ноги, то начинали разбивать группу, если

те брали неверный курс, то наоборот сбивали оленей в единое стадо. Заливаясь лаем, они щёлкали зубами у ног оленей, и было видно, что они сами наслаждаются каждой минутой своей работы.

— Как ты, Эли? — спросила Ника, когда они остановились на очередную стоянку, укрываясь от непогоды в небольшой палатке. Путь выдался непростым, ночи были очень холодные, тёмные и долгие. На Пацифиду, как и на весь остальной Эллас, пришла осень, вот только зима так никуда и не делась за год. После катаклизма мир изменился навсегда, и долго он таким оставаться не сможет. Вечная зима сотрёт очертания мира. Снег навсегда заметёт цивилизацию людей на Элласе. Останется лишь Белизна.

Потирая руки, в бесполезной попытке согреться, девушка ответила:

— Уже никогда не согреюсь. Буду нежиться в горячей ванне, а в сердце у меня навсегда останется Пацифида. Я буду вспоминать её каждый день своей жизни! — пообещала Эльпис.

Ника тоже больше всего на свете сейчас мечтала о горячей ванне, ещё лучше, если в ванной уже будет лежать Эльпис. Только где теперь они смогут её принять? Неужели в самой Океании?

Ника под села к подруге и обняла её, уткнулась носом в оторочку с густым мехом на шубе Эльпис. Мех пах уютно. Если закрыть глаза, можно представить себя маленьким зверьком, свернувшимся в тёплой норке.

— Я рада, что мы здесь вместе, — прошептала Ника. — И что всё будет теперь хорошо.

Эльпис не ответила ей, и в этом молчании скрывался глубокий провал, наполненный чёрным дёгтем. Не смотря на внешнюю невозмутимость, но то, как Эли пыталась отшучиваться, как отвечала ей словами нежности, в глубине души она таила обиду. Или даже что-то пострашнее обиды. *Ничего, всё пройдёт, стоит нам найти портал в Океанию.* — Убеждала себя Ника.

Фликшу играл вместе с Психеей и собаками в салочки под пристальными взглядами своего отца и деда. Огонь бросал причудливые тени на их смеющиеся лица. Психея пыталась говорить на антропе, выкрикивая какие-то непонятные для Ники фразы, что-то вроде детской считалочки. Удивительно, насколько естественно смотрелась смуглолицая Психея в декорациях зимнего леса. Она вела себя так, словно холод её совершенно не сковывает. Антропы тоже воспринимали мороз как что-то обыденное, но это было во многом благодаря их одежде. Фасон меховых анораков, которые они носили, был сделан специально так, чтобы удерживать тепло, а неказистые на вид бесформенные унты были единственной обувью, которая могла не пропускать сырость. По сравнению с ними Эльпис и Ника были одеты куда менее практично.

Психея была такой счастливой, а ведь она и сама ещё совсем ребёнок.

— *Карчет, Фликшу! Неста!* — Раздалось из уст Трамеша. Мальчик мгновенно замер. Послушание было важнейшим качеством, которые воспитывали антропы в своих детях.

— Спат! — сказал Кургун, обращаясь больше к Нике и Эльпис. За несколько дней общения со своими провожатыми, Ника уже успела выучить слово, с которым спорить было нельзя «*неста*» — означало отход ко сну. Точно она не знала, но предполагала, что набожные антропы, жившие в мире, буквально сотканном из духов и призраков, считали неправильным бодрствовать в ночное время суток. Может, опасались врагов, что скрываются во тьме, но засыпали все трое всегда мгновенно. Она замечала также, что при каждой трапезе Кургун всегда подкармливает духов, бросая кусочки еды огню.

Психея помахала рукой Фликшу и произнесла слова прощания на антропе, звучавшие

очень нежно по мнению Ники: «лязи-лази!»), мальчик ответил ей тем же. Трамеш не упустил случая отругать сына. Ника не понимала его слов, но заметила, что он всякий раз отчитывает Фликшу за разговоры с чужачкой на антропе. Психея не стала показывать и тени обиды, она с невозмутимым видом пошла к палатке, где её ждали Ника и Эли.

— Спокойной ночи, кирии, — пожелала Психея, укладываясь рядом с ними.

— Меня беспокоит кое-что, Пси, — обратилась к ней Ника. Девушка вопросительно наклонила голову. — Когда мы придём в Уракулис... наш план состоял в том, чтобы выменять тебя на Океанию. Как бы это ни звучало, ты знаешь, что я имею в виду. Для нас с Эли единственный способ спастись, это сбежать в Океанию, в другой мир. Нам нужно, чтобы ты объяснила это вождю племени, и чтобы смогла хотя бы примерно понять ответ. Я понимаю, что концепты сложнее простых разговорных фраз, но прошу тебя, подумай, как это объяснить. Ты наша единственная ниточка.

— Вдруг в Уракулисе будет кто-то, кто говорит на элла, — предположила Эльпис. — Наши друзья-то худо-бедно проговаривают отдельные слова. К тому же, Пси сама говорила, что её отец долгое время жил в племени. Уж каким-то способом они общались друг с другом.

Психея погрузилась в размышления, в её глазах отражались сияющие звёзды. Её диковатая красота раскрылась на севере в полной мере. Она была в каком-то невероятном контакте с природой, животными, местными людьми, наверное, даже с незримыми духами.

— Я почти не помню отца, когда мы жили с уура, — ответила Психея с задумчивым и протяжным акцентом, который всегда завораживал Нику. Казалось, что метиска постепенно растворяется, из старой своей формы, перетекает в новую. — Но меня не считали здесь чужой. Я была уура, как и они все. Не помню, как относились к отцу. Не помню, на каком языке они общались. Я жила тогда как бы между. Могла говорить на антропе, но элла я тоже знала. Наверное, родители учили меня обоим языкам.

От голоса Психеи с этим странным тягучим, как мёд говором, безмерно хотелось спать. Её голос словно был предназначен для того, чтобы рассказывать истории на ночь. Длинные, мрачные сказки о духах, что вторгаются в судьбы людей.

— Говори ещё, — прошептала Ника. — Что угодно, просто рассказывай.

И Психея продолжала. Она рассказывала о том, как сложно и тяжело быть одиночкой в мире горожан. Принимать их нормы и условности, как ничтожны жизни людей, поставивших деньги и блага выше звёзд и свободы. Она говорила, как приятно ей звучание антропа, насколько глубокими кажутся ей слова этого языка, особенно если разбирать их на слоги, если вдумываться в смысл происхождения слов. Затем она стала рассказывать чёрные, как полярная ночь, истории своего народа. О сопротивлении духам, об огромных чёрных касатках и о суровых людях, которых судьба заставляла отправляться в странствия.

Первой уснула Эльпис, в самом начале рассказа. Она отвернулась от девушек, зарывшись с головой в капюшон. Нику сморило спустя ещё пятнадцать минут. Шепчущая в темноте Психея продолжала тихо повествовать о величии антропосов.

Уракулис в своём истинном обличье им обнаружить не удалось. Блуждающий город из блуждающего стал вполне оседлым, а вместо города больше напоминал деревню. Ника догадывалась, что антропосов застали не самые простые времена. Выживание на севере во

время зимы никогда не было простой задачей, но раньше зима заканчивалась. Сейчас же стала постоянным проклятием аборигенов. Оставалось признать самый печальный факт — их дни были сочтены.

Поселение находилось буквально внутри скалы. Чёрной дырой зиял огромный проход, ведущий внутрь пещеры, но и на самих склонах можно было заметить небольшие домики, обтянутые тюленьими шкурами. Особенно остро здесь ощущалась близость моря. Резкий северный ветер приносил с собой привкус солёной воды.

Три чужестранки не могли остаться незамеченными. Отовсюду стали появляться люди. Абсолютно все были похожи на их проводников — одетые в тёплые анораки и унты, на головах меховые капюшоны, глаза раскосые, цвет с такого расстояния Ника рассмотреть не могла, но осмелилась предположить, что тоже фиолетовые или лазурные, слишком уж непривычно странными они ей показались. Выглядели антропосы настороженными, с высоких утёсов в них стали целиться луки.

— *Карчет! Буладир крет чен эйда.* — Крикнул Кургун. Лучники послушались старшего, и Ника смогла свободно вздохнуть, не боясь, что её вот-вот проткнёт стрела.

Слово «буладир» Ника тоже уже успела запомнить, уж слишком часто Кургун и Трамеш его называли в их адрес. Оно означало всех, кто не антропос — чужаки. Психея потом объяснила, что скорее всего оно означает «инландера» — того, кто пришёл с материка, потому что на антропе «була» означало «большую землю».

— Поверить не могу... — прошептала Психея, когда они приблизились к пещере. — Кирие, я помню это...

Метиска была заморожена, её глаза ласкали потолок пещеры, а рот был изумлённо приоткрыт. Чем глубже они входили внутрь, тем больше объектов открывалось глазу. Антропосы устроили настоящий город внутри скалы. Повсюду горели костры и факелы, слонялись яки и одинокие олени, лаяли собаки. Скала напоминала муравейник. Люди сновали туда-обратно, разделывали шкуры, готовили мясо, женщины стирали прямо в пещерной луже, которая, казалась, специально была здесь выдолблена такой глубокой.

Кургун и Трамеш объяснялись с другими мужчинами, к ним шестерым так и стекались аборигены. Ника не знала, что она должна испытывать. С одной стороны, радость от того, что им наконец-то удалось попасть сюда, а с другой...

Что мы здесь делаем? Это же бред... Нас просто прогонят, и это ещё в лучшем случае...

Но отступить было попросту некуда, она взяла Эльпис за руку. Её кожа была холодной и непривычно шершавой. Желая поддержать подругу, Ника поднесла её ладонь к губам и поцеловала её. Эли в ответ ободряюще погладила её спину.

Как всё легко. Как будто и не было ни измен, ни боли...

Хоть она и отлично помнила, что были.

Ника с умилением заметила, как Фликшу повис на руке Психеи, с лица мальчика не слезала улыбка. Они о чём-то переговаривались на антропе, и он показывал ей на загон с яками. Выглядели вдвоём они невероятно мило, прямо как брат с сестрой. Хоть у Психеи и была смуглая кожа, она всё равно принадлежала этому миру.

Внимательно выслушав Кургуна и Трамеша, к девушкам подошёл мужчина. Он был высокий и статный, со светлыми, почти белыми волосами, убранными в косу. На вид около тридцати-тридцати пяти лет, примерно, как Трамешу. Жестом он дал Фликшу знак отойти от чужестранок.

— Буладир не место в Ууракулисе. — сказал мужчина с сильным акцентом, сонливо растягивая слова, однако его речь была достаточно внятной и чёткой, чтобы девушки его прекрасно понимали.

— Мы привели вам её, — быстро нашлась Ника и положила руки на плечи Психеи, чуть подтолкнув девушку к аборигену.

Мужчина без интереса окинул метиску беглым взглядом. Интересно, блефовал он, или правда не был заинтересован в Психее.

— Не уура. — Отрезал он после досмотра. — У уура не бывает такой цвет, — он ткнул пальцем в растерянную девушку, так что Ника решила заступиться за неё.

— Тогда как ты объяснишь цвет глаз? Или то, что она помнит антроп?

Мужчина покачал головой.

— Нет. Не считается. Она не уура. Зовём таких *бакши*. Когда наш мужчина ловит буладир-девушку и потом отпускает её. — Он расхохотался. — Это вы зовёте «милость», — словно в насмешку он указывал пальцем на Нику и Эльпис. — Вас, может, отпустим. Будет милость. А потом из милости будет *бакши*. — Хохот повторился, в этот раз прогремел грозой, несколько слушающих мужчин поддержали его.

— *Уура эйда тэр. Вочишь эйре стен. Хамини войчен зеир.* — Произнесла Психея на одном дыхании. Глаза её вспыхнули пурпурным пожаром.

Психея не стала больше церемониться, она скинула с себя шубу, которая тем более ей не шла, затем ловко и быстро стянула свитер и кофту под ним, швырнув всю одежду на пол. Перед антропосами она теперь стояла по пояс голой. Гладкое смуглое тело блестело от редких лучей факелов, ей точно было очень холодно, но Психея изо всех сил старалась этого не показывать. Маленькие груди съежились, зато соски стояли торчком. На плоском животе была татуировка в виде спирали. На Психею теперь смотрели все и, что удивительно, вовсе не на её нагую грудь. Антропы с интересом разглядывали татуировку.

— Нет! Не ты. Не может. — Сказал мужчина, покачивая головой.

— Может. *Бейе.* — Невозмутимо сказала Психея на двух языках поочерёдно.

Кажется, Психее всё же удалось произвести впечатление на антропосов. Сначала они хотели провести вглубь пещеры её одну, но метиска заявила, что пойдёт только с Никой и Эльпис. Воин, говорящий на элла, махнул рукой, и всех троих сопроводили в Ууракулис.

Внутри пещеры было прохладно, но во всяком случае, сюда не проникал промозглый морской ветер, который обдувал всю Пацифиду. Ника заметила, что людей в поселении не так уж и много. Большая часть города в глубь скалы казалась пустой, дома выглядели заброшенными и неухоженными. Скорее всего, люди группировались у входа, сбивались в стайки, никто не хотел оставаться один.

Их провели в одну из лачуг. Возле неё возвышался тот самый тотем, который описывал в своей книге Герод. Он действительно мог удивить своим видом. Длинный каменный истукан, больше двух метров в высоту, несомненно, напоминающий фаллос, был украшен головами животных. Причём головы были не просто черепушками, а искусно выполненными чучелами со вставными глазами-бусинами. Тотем смотрелся вызывающе грозно и в то же время его хотелось рассмотреть. Поражало количество деталей и элементов. Декоративные вырезанные в камне кольца содержали множество незнакомых Нике символов. Как бы она хотела действительно провести с аборигенами несколько месяцев, чтобы изучить их культуру поподробнее. Научный интерес всегда был силён в Нике, не даром она изучала археологию в Академии.

— Дом *май*, — сказал мужчина, остановившись у двери. — Зайдите вместе, но тихо! — он наставительно приложил палец к губам.

Их впустили внутрь. За входной дверью тянулся длинный проход, видимо все дома строились на севере по такому принципу. Коридор позволял сохранять тепло внутри. За перегородкой находилась единственная комната, которая скорее всего служила и спальней, и гостиной, и кладовкой. На скамье, устланной белой медвежьей шкурой лежала женщина. Она не была старой, лицо чуть тронули самые первые морщины. Желтоватые волосы убраны в пучок. Возле неё на кровати сидел ребёнок — девочка лет восьми, которая выглядела очень серьёзной, тонкие бровки были сведены у переносицы. Девочка следила за женщиной и смачивала ей лоб холодным компрессом.

Ника терялась в догадках. Она не знала, что сказать или сделать, но кажется, здесь ей отводилась лишь роль наблюдательницы.

Психея, не говоря ни слова, подошла к скамье. Она всё ещё была нагой, казалось, того требовала ситуация. Или она просто не хотела постоянно оправдываться и защищаться. Молча, девушка опустилась на колени возле женщины, на ребёнка она не обращала внимания.

— Я знала, что ты придёшь, Торна. — Сказала женщина, и её губы тронула лёгкая улыбка.

— Я искала тебя, *мая*. Хотела бы застать тебя в здравии.

— Ты должна быть рада, что застала меня.

Психея опустила глаза в пол, в них задрожали слёзы.

— Только буладир плачут над уходящими. Твой отец же не сделал из тебя буладир?

— Нет, — качнула головой Психея.

— Нет. — Согласилась женщина, — поэтому ты здесь. — Затем она вдруг обратилась к мужчине-воину, приведшему их сюда. — Кжеил? — Он откликнулся, и подошёл к кровати женщины. — Моя дочь вернулась домой. Она будет вашей *мая* вместо меня. Помогите ей, и тем буладир, которые пришли с ней. Моя Анка всё знает, и научит тебя правильно, — сказала женщина уже Психее. — Прощай, Торна.

Её рука взлетела вверх по направлению к лицу дочери, но вдруг замерла, так и не добравшись до её щеки. Как подстреленный лебедь, она обмякла и точно упала бы, стукнувшись об лавку, но Психея подхватила её в последний момент и поднесла к своей щеке, ловя последние крохи утекающего тепла и жизни из тела женщины, которую она не знала, но которую едва успела застать.

Оставалось очень много вопросов. Ника знала, что они обязательно всё узнают. И она бесконечно жалела и одновременно радовалась. Жалела, что они чуть не опоздали. Возможно, такова была воля судьбы, или мать Психеи сама знала, что именно так произойдёт. Но Ника радовалась, что ей удалось доставить метиску домой, что её приняли. И что её мать завещала помочь им.

Психея так и стояла на коленях. Она отпустила руку матери, затем спрятала лицо, желая скрыть переполнявшие её слёзы, но тут девочка, которую звали Анка, отдернула её руку.

— *Нэй-нэ!* — строго сказала она, покачав головой. Пока девушка была на коленях, они с Анкой были одного роста.

— *Эйне...* — проронила Психея, но не смогла подобрать слов. — Ты моя сестра? — спросила она в надежде, что девочка поймёт.

Анка покивала.

— Она... — Психея тяжело дышала. Даже представить сложно, что она сейчас испытывала. — Она назвала меня Торна. Это моё настоящее имя?

Девочка вновь кивнула. А потом они обнялись.

Кжеил — теперь они знали его настоящее имя, отвёл девушек в соседний дом, там их встретила женщина — жена Кжеила. Он дал ей какие-то распоряжения на антропе, а сам пригласил Нику и Эльпис сесть за стол.

— Вана — моя жена позаботиться о мае Гладе. Если Торна хочет, она может быть на похороны. Вы — нет. — Указал он пальцем на девушек.

— Что было с ней? От чего она умерла? — спросила Ника.

Кжеил плюнул прямо на пол. Затем заговорил, сопровождая свой рассказ активной жестикуляцией.

— Мая — это та, кто мать всем уура. Она просит духи, духи слушают. Если кто болеет, мая просит — и не болеет. Много болело — Мая просила много. Духи не согласились.

— Хорошо, что они успели повидаться перед её кончиной, — выдохнула Эльпис чуть слышно. Она всё ещё плакала, утирая градины слёз со щёк.

Кжеил покивал. Девушки могли лишь догадываться, насколько хорошо он понимал их речь.

— Что теперь будет с Торной? — называть Психею её новым именем было непривычно, но Ника не хотела путать Кжеила именами инландеров. Антропы были очень религиозны и суеверны, и имена для них, скорее всего, представляли большую значимость.

— Анка научит, что делать. Дар Мая даётся по крови первой дочери. Анка маленькая. Торна будет Мая, у неё есть... — Кжеил поводит рукой возле живота, — *стен*.

— Татуировка, — кивнула Ника. — Отметка с таким рисунком, — она начертила в воздухе невидимую спираль.

— Да, *стен* — метка. — Кивнул Кжеил. — Это чтобы говорить с духи. Мая Глада сказала, помочь буладир, — он указал пальцем на Нику и Эльпис, — вы зачем две пришли к уура?

Ника набралась смелости. Перед глазами вдруг промелькнула вся их жизнь вместе с Эльпис. Жизнь, которая проходила в Элласе. Годы в Харибде, когда они были вместе, и были безгранично счастливы. День, когда они обрели себя в друг друге. Минуты славы и часы любви. Гастроли, концерты, приёмы, вспышки фотокамер. А ещё жгут, сдавливающий горло. Синяки на теле Эльпис. Чьи-то руки, которые щипают её тело, стискивают его. Всего этого может скоро не стать. И они будут счастливы вдвоём друг с другом.

— Мы пришли издалека. Сбежали из Харибды, потому что там нам нет жизни. Мы такие же отверженные, как и вы. Единственное место, где нас не будут искать — это Океания. И если легенды не врут, вы знаете, как попасть в это место.

Кжеил покивал головой задумчиво. Лицо его заметно переменялось. Было видно, что он чем-то недоволен.

— Храм уура покажем. — Сказал он после раздумий. — Туда можно отправиться. Но ты должна знать — уура против этого способа. Очень сильно против.

524–527 день после конца отчёта

Вокзал тонул в прозрачной, едва различимой вуали утреннего тумана. В то время, как Сцилла ещё не успела раскрыть глаза, скованная по-зимнему крепким и глубоким сном, порядка пятисот человек толпились на платформе в ожидании «Призрака». Расписания для этого поезда не существовало, билеты в кассах отсутствовали напрочь. «Призрак» был объявлен первым составом, который перемещался по рельсам вне ведома «Ойкуменских железных дорог». Говорили, что это был старый поезд, отправленный на бессрочную стоянку в депо, который был впоследствии отреставрирован и угнан участниками запрещённой организации, которая называла себя Сопротивлением. Они же продавали билеты на «Призрак». Большинство отчаявшихся среди тех, кто пытался уехать из Сциллы, готовы были закрыть глаза на очевидные риски. После официального отбытия «Восточного Вестника», «Призрак» был единственным поездом, уходящим прямо на восток в отменённые земли.

Но из всех них только один Аластор не знал, что он здесь делает. Ему дали шанс, сняли цепь с шеи, и эта незнакомая никогда раньше свобода пугала его. Так ведут себя дикие звери, всю свою жизнь просидевшие в клетке: если дверь вдруг открывается, они лишь неуверенно мнутя у выхода, не решаясь переступить порог. Они слишком сильно привыкают видеть перед собой решётку, так, что вид безграничного неба вселяет в них ужас.

В случае же Аластора, он слишком сильно настроил себя на смерть, чтобы отважиться жить. Глядя на обеспокоенные лица людей, на глаза, которые верили, надеялись, мечтали, чего-то хотели, столько всего себе представляли, он сам ощущал себя чужим среди них. Зачем Гектор отпустил его, когда он покорно согласился принять пулю?

Пронзительный гудок порвал мембрану утренней тишины. Сквозь серое марево тумана забрезжили два золотых глаза, и сотня голов повернулась к ним. Они все мгновенно встрепенулись, пробуждённые от дремоты. В считанные секунды вокзал Сциллы превратился в муравейник, люди все разом бросились к краю платформы, чуть не столкнувшись с ней более терпеливых, что уже давно стояли там. Выкрашенный в белую краску поезд стремительно пронёсся мимо первых сциллийцев, желавших спастись от смертельного рока. На миг Аластору даже показалось, что «Призрак» умчится дальше, но он всё же сбавил обороты и затормозил. Стоило лишь отскрипеть тормозам, как голос из кабины машиниста закричал что есть силы:

— Двери закроются меньше чем через минуту, или нам не дадут уехать! Кто не успеет, останется здесь!

Аластор проглотил комок в горле, и прижал трость к груди, почувствовав, как толпа сомкнула его со всех сторон. В единое мгновение паника облетела платформу. На эту минуту они все перестали быть людьми, они превратились в чудовищ, и Аластор почувствовал себя на своём месте, среди таких же, как и он.

Они стали проламываться сквозь ещё не раскрывшуюся щель дверей, вваливаясь внутрь и уносясь куда-то вглубь вагона. Аластор оказался среди первых счастливых, кому удалось проникнуть в чрево «Призрака». Поток тел, где каждый чувствовал себя беспомощной щепой, сносимой волнами, пронёс бывшего наёмника внутрь и, оттолкнув от основного маршрута, швырнул прочь, сильно прижав к стене в тамбуре, у входа в вагон. Аластор,

находясь в относительной безопасности, видел, как люди неслись, расталкивая друг друга, как кто-то упал, и как на него наступали, кто-то кричал, кто-то ругался, но все они уже были спасены. Всего через пару минут они забудут эту давку, притворятся дружелюбными, будут холить безумную толпу, утверждать, что если бы они действовали спокойно, то все успели бы войти. Они будут говорить это таким тоном, словно не имели никакого отношения к панике. Никто из них никогда не признается и даже не вспомнит, что сам расталкивал остальных, потому что в этот миг они были единым живым организмом, потеряв свою индивидуальность.

Он увидел, как двери стали защёлкиваться, вызвав испуганные вопли тех, кто ещё стоял снаружи. Он видел, как люди влезали в двери, как те зажимали их, приоткрываясь снова, словно хищное животное, пережёвывающее свою добычу. «Поезд отправляется», — объявил машинист хладнокровно, и состав сорвался с места, двери всё ещё не успели закрыться, в них продолжали протискиваться новые пассажиры, вместе с тем как «Призрак» набирал обороты. Никто из оставшихся на платформе, коих было немало, не сдавался, некоторые прыгали, хватаясь за поручни по ту сторону от вагона, кто-то срывался, отлетая на платформу, кажется, кто-то попадал под колёса поезда, «Призрак» продолжал ехать, не обращая внимания ни на что.

Тут Аластор увидел женщину, бегущую вслед за поездом. У него не ушло много времени на то, чтобы узнать её. Эта была она, из вагона «Харона», та, что обещала поставить свечку за Аластора. Её волосы выбились из пучка, она бежала, как в последний раз, кто-то из мужчин, удерживавших двери, протягивал ей руку, но догнать поезд она не могла. Лицо стало красным, кроме бескровных губ, слегка приоткрытых не то в стоне отчаяния, не то в попытке совладать с дыханием.

Аластор не успел подумать о том, зачем это делает, он ведь знал, что она была больна... просто он стоял в тамбуре, а «Призрак» не успел забрать всех пассажиров; он схватился за поручень, и повиснув на нём на всю возможную длину, высунулся из раскрытых дверей, протягивая ей трость. Женщина, кажется, сама не успела ничего сообразить. Все они в эту минуту действовали на уровне рефлексов, не по-человечески, они не жили, а выживали. Она схватилась за трость, и Аластор изо всех сил рванул её на себя, втащив внутрь вагона. Не выдержав равновесия, они оба моментально оказались на грязном от быстро таящего снега полу, сердца неистово kloкотали, дыхание сипло гудело прямо в ушах. «Призрак» покинул платформу, а мужчины отпустили двери, чтобы не видеть сквозь узкие заиндевелые окошки горстку оставшихся в Сцилле и искорёженные поездом тела тех, кто шёл до конца.

Скрежетнув, одна створка дверей заняла свою позицию, вторая так и осталась распахнутой, и белый снег с ледяным ветром влетали в тамбур.

Нога неистово ныла. Почти парализованный болью, Аластор старался поскорее прогнать все мысли, чтобы опять обрести сознание, но не мог. Женщина тоже не могла прийти в себя, кажется, ей стало плохо от быстрого бега.

— Вы как? — спросил один из тех, что держали дверь, Аластор не сумел рассмотреть его лицо за белым облаком боли.

— Сойдёт, — выдавил он в конце концов, заметил среди искр протянутую руку, покачал головой. — Я сам встану. — Заставил произнести себя он.

В это время женщина сначала обрела равновесие, опершись о руки, затем сумела подняться. Аластор понял, что не может больше лежать на полу, не привлекая к себе внимания. Перенеся весь свой вес с правой ноги на трость, он, преодолевая боль, поднялся.

— Спасибо вам! — запричитала тут же женщина, по её щекам бежали ручьи слёз, лицо стало пунцово-красным, волосы спутаны, она всё ещё задыхалась, но выглядела бесконечно благодарной. — Если бы не вы... Спасибо вам огромное!

— Ладно, — отмахнулся Аластор. — Пойдёмте в вагон. — Сам он мечтал лишь о том, чтобы поскорее принять сидячую позу и, желательно, вытянуть ногу.

И тут, когда зрение вернулось к нему, он вдруг рассмотрел на её шее уже ничем не скрываемые бурые пятна. Сколько ей осталось до того, как лихорадка добьёт её? Пара дней? Тогда к моменту прибытия в отменённые земли «Призрак» вполне оправдывает своё название.

Она не узнала его, он не сомневался. Ни на миг в её бездонных синих глазах не сверкнуло понимание. Зато он помнил её, помнил хорошо.

— Что? — испуганно воскликнула она, поймав его пристальный взгляд.

Аластор стянул с шеи свой старый тёмно-синий шарф и протянул ей.

— Закутайтесь, — сказал он тихо, — и утрите пот с лица.

Она поняла его. Спрятав глаза, женщина поступила именно так, как он ей приказал. *Неужели она до сих пор не узнаёт меня?* — думал Аластор, идя вслед за ней по узкому коридору вдоль дверей купе. *Хотя, когда мы виделись, я выглядел иначе... одет был по-другому, да ещё синяк под глазом.* Сейчас на нём было чёрное зимнее пальто, тёмно-серые плотные джинсы и кожаные ботинки, второй наряд, состоящий из грязного коричневого плаща, он решил оставить, он надевал его, когда не хотел привлекать излишнего внимания, потому что походил в нём на бедняка, но в вагоне «Призрака», билеты на который стоили порядка тысячи, может, больше талантов, такая одежда смотрелась бы странно.

Поезд уже пришёл в движение, люди сновали из вагона в вагон в поиске свободных мест. Разумеется, всё было переполнено, и им предстояло провести здесь ещё три-четыре дня, никто не знал точно, за сколько «Призрак» доберётся до отменённых земель, всё зависело от ситуации на границах. К счастью, никто сильно не переживал из-за тесноты, она казалась самой ничтожной платой за возможность сбежать из Сциллы.

— Можно? — спросил Аластор, заглянув в одно из купе. Внутри сидела замужняя пара с грудным ребёнком. Те согласно кивнули.

— Вы можете занять нижнюю полку, — произнесла женщина с ребёнком, кинув взгляд на его трость.

— Спасибо, — согласился Аластор. Он уже привык к тому, что люди признавали в нём калеку.

Он, не раздеваясь, лёг на свободное место. Боль в ноге всё ещё не угасала. Он видел, как женщина, которую он спас, влезла наверх и заняла полку над ним, потом он просто уснул, не способный больше оставаться в сознании.

Он проспал несколько часов, потом, наконец, очнувшись, Аластор поднялся и сел. Тут отец семейства, приходившегося ему соседями, сразу же заговорил с ним.

— Женщина, что вошла вместе с тобой.

Чёрт! Что ещё?

— Она сказала, что вы не знакомы, мы не стали тебя будить.

— Что произошло? — потребовал Аластор.

— Она была больна зимней лихорадкой. Ты сам не видел? Моя жена заметила пятна на щеках и сказала мне. Я заставил её уйти. У нас тут ребёнок!

— Где она теперь? — спросил он.

— Откуда мне знать, может, в тамбуре? Я предупредил остальных, кто в вагоне, чтобы

не пускали её. Думаю, новость пошла по поезду.

Аластор сел. Боль в ноге унялась, он явно чувствовал себя лучше после сна. Что делать теперь? Это ведь он помог ей попасть в поезд. Кажется, она ничего не сказала на сей счёт. Тут он подумал, что есть только одно верное решение.

Женщина, баюкая ребёнка, всё причитала по поводу зимней лихорадки: «И зачем только она поехала? Всё равно не перенесёт дорогу, почему её не изолировали?!»

— Я скоро вернусь, — сказал Аластор семейной паре и, поднявшись, вышел из вагона.

Он зашёл в тамбур и увидел её там. Одна из дверей всё ещё была открыта, она лежала возле противоположной, кутаясь в шарф, что дал ей Аластор, кажется, спала, может, потеряла сознание. Он подошёл к ней, затем опустился на пол рядом.

Её лицо, блестящее от пота, мелко подрагивало, глаза были закрыты, под ресницами скопились слёзы. Всё ещё растрёпанные волосы липли ко лбу и щекам, рот был приоткрыт и ловил судорожные глотки воздуха. Аластор снова заметил пятна. *Дела плохи.* Тут она открыла глаза, взглянула на него, попыталась улыбнуться или что-то сказать, но потом зашлась сильным кашлем, прикрыв рот рукой.

— Мне жаль, что вас прогнали. — Сказал он негромко. Колёса дребезжали ещё громче из-за раскрытой двери тамбура. Внутрь влетали белые искры снега. Был уже день, и серое небо метало пыль зимы на обречённую землю.

— У них малыш... и вообще, я понимаю, что мне там не место. Будет плохо, если кто-то заболит. А вы не боитесь заразиться?

— Так было бы лучше, — признался Аластор. — Я не знаю, зачем я бегу со всеми. Я уже давно ищу смерть, а она всё не приходит.

— Говорят, смерти больше нет. Лишь конец света. Говорят, все, кто сейчас умирают, обречены бродить по Асфоделевым полям. — После этой фразы она опять закашлялась.

— Зачем вы поехали? Вы же знаете, что скоро умрёте, — спросил он её.

— А как я могла остаться? — проговорила женщина, когда кашель стих. — Я отправила двух своих дочерей на «Восточном Вестнике» и обещала поехать вслед за ними. Как они будут без меня? Две мои дочки... ждут меня где-то там. Они ведь даже не знали, что я была больна. А ещё Тереня... это младшая, она забыла свой компас, — женщина сунула руку в карман, достала его оттуда и показала Аластору. — Она думает, это подарок отца. Она всегда очень хотела его увидеть, я подарила ей, сказала, что это от него.

— Где их отец? — спросил он.

Женщина покачала головой, опустив глаза на компас в своей руке, затем кратко кашлянула, прикрыв рот рукой.

— Я умираю. — Прошептала она. — Скоро я потеряю сознание, и начнётся агония... — на её глазах навернулись слёзы. — Мои дочки ещё совсем маленькие... они не справятся одни. Я сказала им, что мы пойдём дальше из отменённых земель. Пойдём искать ворота в Океанию.

Она правда верит в это? Что Океания существует? — подумал Аластор, глядя на неё с сомнением. *Уж не потеряла ли она рассудок, как бедная Лисса?*

— Пожалуйста, кириос, — прошептала она, подняв на него ледяные синие глаза, в которых теперь пылало отчаяние. — Я прошу вас. Найдите их, моих дочерей!

Аластор опешил от этого предложения.

— Вы серьёзно? Вы даже не знаете, кто я.

— Я знаю, что вы хороший человек. И ещё я видела, когда вы помогли мне взобраться...

я видела... — она протянула к нему руку и положила ладонь на рукоятку пистолета на поясе, скрытую за плащом. Аластор вздрогнул от этого жеста. — Вы тот, на кого можно положиться, вы сильный. Вы всё можете сделать. Вы ведь сказали, что не знаете, зачем вы здесь. Верно, это сами боги послали вас ко мне. Молю вас, мне больше некого просить!

Аластор смотрел на неё, в её сумасшедшие дикие глаза, пытаясь понять, что ей известно о нём или что она думает. С другой стороны, услышав это предложение, он моментально обрёл цель, которой был лишён всё это время. Гончая не получает удовольствия от бега, когда ей некого выслеживать. Без цели Аластор был никем.

Он положил свою широкую ладонь поверх её руки. Она была горячей. Аластор сжал компас в кулаке, затем поднёс к глазам и рассмотрел получше. Стрелка задёргалась, указала на север и замерла. На другой стороне была гравировка: *«Никогда не теряйся»* — гласила надпись.

— Я позабочусь о них. Я обещаю. — произнёс он тихо, так, что голос почти потонул в стуке колёс. Затем он убрал компас в карман пальто.

— Спасибо вам! — она моментально изменилась, стала такой умиротворённой и счастливой. — Найдите их. Они где-то в Термине. Мои дочки... Вестания — это старшая, ей семнадцать лет, у неё тёмные волосы, как у их отца. Она очень смелая, очень сильная, я уверена, что она хорошо заботится о сестре. Вот только... они плохо ладили, надеюсь, у них всё хорошо. Теренее двенадцать, настоящая красавица, у неё волосы светлее, она очень добрая, ласковая девочка. Я умоляю вас, помогите им!

Он понял, что она сейчас потеряет сознание, поэтому взял её за руку и слегка приподнял. В ответ её кисть что есть силы вцепилась ему в локоть, так, что было ощутимо даже сквозь верхнюю одежду.

— Как вас зовут? Чтобы они поверили мне. — Спросил Аластор, испугавшись, что она не успеет ответить.

— Алкиона. — Прошептала она, закрывая глаза. — Меня зовут Алкиона.

Это значит «зимородок». Раньше говорили, что зимородки после смерти супруга не едят и не пьют, лишь громко и скорбно кричат в одинокое полотно неба.

— Просто покажите Теренее компас. Она такая хорошая... Я никогда их не увижу больше, — слёзы побежали по её щекам, она начала плакать навзрыд. — Пожалуйста... кириос... помогите мне... — вырвалось у неё сквозь рыдания.

Аластор достал пистолет. Массивный глушитель уже покоился на дуле. Скорее всего, шум колёс тоже сыграет им на руку.

— Всё будет хорошо, Алкиона, — сказал он тихо. — Я помогу вам.

Она приоткрыла глаза, посмотрев на дуло и подставила под него голову.

— Пожалуйста! Чтобы весь этот ужас закончился, — прошептала она сквозь плач.

Аластор мягко нажал на спуск. Сдавленный выстрел раздался в тамбуре. Словно кто-то вскрыл бутылку шампанского. Кровь тут же заскользила на грязный пол, смешиваясь с талым снегом, окрашивая грязно-бурый в красный. Аластор вернул пистолет назад в кобуру, поднял всё ещё горячее тело Алкионы, поднёс его к распахнутой двери и отпустил в пропасть белой пустоши. Тело на секунду взвилось вверх, подхваченное потоком воздуха, а затем плавно свалилось в кювет вместе с тем, как поезд мчался прочь.

— Я позабочусь о них, Алкиона, — пообещал он в распахнутую пустоту. — Так же, как и о тебе.

Колёса пронзительно скрежетали из-за тормозов, поезд замедлялся, и из купе люди потихоньку стали выходить в тамбур, в коридоре уже столпилась очередь. Они почти не говорили. Аластор следил за ними, лёжа на нижней полке. Некуда торопиться. И лучше не спешить. За эти три дня он больше узнал об отменённых землях и о Сопротивлении. «Призрак» был полон добровольцев, желающих присоединиться к армии революционеров. Исключением не были и его соседи по купе — семейная пара с ребёнком.

«У вас младенец, почему не позаботиться о его безопасности?» — спросил он, когда глава семьи рассказал о цели своей поездки.

«Сопротивление обеспечит нам безопасность. — Ответил на это мужчина. — Только с Алкидом возможно будущее».

«Вы знаете, кто такой Алкид?»

«Ядерная бомба свободы», — ответила женщина, оторвав глаза от младенца, что пил молоко из её груди. В этих усталых отчаянных глазах Аластор увидел странную боль.

«Ты не знаешь нас, не знаешь, через что нам пришлось пройти, — сказал её муж. — Мы не можем стоять в стороне».

Имён они не называли, и это устраивало Аластора. Имена лишние и ненужные, в них не оставалось теперь и толики смысла. Но ему нравились эти люди, сколько бы мятежа ни было в их громких словах. Ему нравилось, что они не задавали лишних вопросов, хотя могли. Когда он вернулся из тамбура после того как убил Алкиону и выкурил три сигареты подряд, глядя в белую пропасть сквозь раскрытую дверь вагона, они не сказали ни слова, не спросили, что стало с женщиной, и ни разу не поинтересовались, чем он зарабатывал себе на жизнь.

«ГОВОРIT МАШИНИСТ, — Аластора всё ещё удивлял человеческий голос и динамик, слишком уж они все привыкли к Диктатору. — МЫ ПОЛУЧИЛИ СООБЩЕНИЕ ОТ ЧЛЕНОВ СОПРОТИВЛЕНИЯ. ВОКЗАЛ ТЕРМИНЫ ПОЛОН ПОЛИЦЕЙС. ПОЭТОМУ МЫ ОСТАНОВИМСЯ РАНЬШЕ ПЛАТФОРМЫ. ТАМ ПАССАЖИР ПОПЫТАЮТСЯ ОБЕСПЕЧИТЬ ТРАНСПОРТИРОВКУ, НО ОБСТРЕЛА НЕ ИЗБЕЖ БУДЬТЕ ОСТОРОЖНЫ НА ВЫХОДЕ».

Отлично.

Аластор с удовольствием слушал, как в коридоре поднимается паника. Он прикрыл глаза на секунду, взвешивая свои силы. Каковы их шансы покинуть поезд? Куда идти потом? И самое главное — где искать девочек. *Интересно, как выбрались они в таком случае?* — Подумал он. — *Возможно, Алкиона, ты зря наняла меня, власти и военные уже сделали всю работу. Что тогда? Просто позволить им расстрелять себя?*

Нет. Я должен точно знать, что они мертвы. Тогда не важно, что дальше.

Он влез в карман и достал компас, что дала ему Алкиона. Стрелка лениво покачнулась влево, затем сделала полный оборот и указала на север. «Никогда не теряйся» — прочитал он на задней крышке. *Бесполезно, Алкиона. Я уже потерял. Очень-очень давно.*

— Эй, — окликнул его мужчина.

Аластор без интереса перевёл глаза на соседа по купе. На вид ему было около сорока, может, примерно, как Аластору. Поздний брак, единственный ребёнок, последняя надежда. Как это всё далеко, как незнакомо. Он ничего не знал об этом. У Минотавра тоже была семья. И где он теперь? Почему-то Аластор считал, что семья ослабляет человека. Он был

уверен, что не прожил бы так долго, будь у него кто-то. Любые связи, любые привязанности заставляют человека забыть о самом важном — чувстве самосохранения. Может, кто-то назвал бы эту мысль эгоизмом, он называл это выживанием.

Мужчина сидел, обнимая жену за плечи, та спрятала лицо в складках его одежды, прижимала к груди ребёнка. Кажется, все эти три дня она почти не выпускала его из рук, всё баюкала, осыпала поцелуями, как самое ценное сокровище на свете. *Матери и не думают о детях иначе. Для них это и есть сокровище, их жизнь, их все.* Слишком странное понятие, далёкое, он знал о существовании этой привязанности, знал о её силе, но лишь как о данности, сам он никогда не чувствовал ничего подобного.

Отец семейства погладил жену по плечу, поднялся с места, оставив её одну. *Она плачет,* — заметил Аластор. — *Боишься за себя и ребёнка. Все они боятся. Трепещущие кролики, которых пригрозились зарезать.* Мужчина пересёк расстояние, разделявшее их, и опустился на край полки Аластора, тот поднялся и тоже сел.

— Послушай, — прошептал он, опасливо поглядывая на жену и толпу в коридоре. — Я знаю, что ты сделал в первый день, ещё в Сцилле.

Хотел удивить меня? Или напугать? Конечно, ты знаешь. Возможно, все в вагоне, а то и в поезде знают. Я же вижу, что вы все меня опасаетесь. Из тамбура на него и теперь поглядывали пытливые глаза.

— И я считаю это правильным, она была больна... — Продолжил мужчина.

— Ты хочешь попросить, чтобы я помог вам сойти с поезда? — Прервал его Аластор. Слишком много лишних слов. Он ненавидел эти прелюдии.

Мужчина не ответил, сам ждал ответа, не сводя с него глаз.

— Я в любом случае сделаю то, что смогу. Но не уверен, смогу ли я много.

— Будем надеяться на лучшее, — кивнул отец семейства. Затем опять покосился на жену, та нашёптывала ребёнку что-то, и специально повысила голос, когда муж перешёл на шёпот. — Спаси их, — попросил он чуть слышно. — Я за себя не прошу.

Лишено всякой логики. Вот то самое — выживание не играет роли, лишь забота о любимых людях. А смог бы он поставить чужую жизнь так высоко, чтобы пожертвовать своей? *Тот, кто забирает жизни, не может их ценить.* — подумал он. Взять даже Эхо. Она была нужна ему. *Это тоже потребление. Любовь так не работает, скорее всего. Нет, это точно не про тебя.*

А что в итоге? Если они останутся вдвоём, две разбитые жизни, виновные лишь в том, что кто-то любил их больше себя. Лишено смысла. Если расценивать правильно, если бы нужно было из трёх выбрать двоих, то можно пожертвовать женщиной. Муж позаботится о ребёнке, она не справится одна, слишком слабая. Или ребёнком. Тогда они смогут завести ещё одного. Если выбирать всего одного из трёх, то выгоднее опять же пожертвовать женщиной и ребёнком. При таком раскладе, при раскладе здравого смысла, я должен защищать тебя, как кормильца, революционера, мужа, отца. В тебе больше смысла, чем в них двоих. Только сам ты мне не простишь этого. Аластор знал людей, знал их поведение и ход мыслей, но не мог понять.

— Я сделаю всё, что смогу. Я уже сказал. — Ответил он.

— Спасибо.

Не нужно благодарить за неправильные поступки. Ты же не знаешь, кого мне придётся застрелить, чтобы спасти твою семью. Ни ты, ни я не можем знать, сколько ещё семей и жизней я покорёжу за день. Раньше он сам никогда так не рассуждал. Всё это пришло после

падения «Чёртова Колеса» на его правую ногу. Словно в напоминание об этих событиях, нога отозвалась болью.

«ПРИБЫВАЕМ ЧЕРЕЗ ПЯТНАДЦАТЬ МИНУТ! ДВЕРИ ОТКРОЮТСЯ СПРАВА ГОЛОВНОГО ВАГОНА» — раздался голос машиниста.

Аластор вздохнул полной грудью. Все эти люди в коридоре. О чём они могли думать? Сколько из них были вооружены? Единицы, да и то во всём поезде. Оружие в Сцилле достать невозможно, ему даже пуль не удалось найти.

Аластор влез в сумку. Кроме воды и скромных запасов еды, которые уже иссякли, в ней лежал лишь один предмет.

— Возьми, — он протянул соседу второй пистолет «агоназ», тот, которым он застрелил Мантикора. Оружие самого Мантикора покоилось в кобуре на поясе, прикрытое плащом.

Мужчина медленно протянул руку, неуверенно сжал рукоятку, после чего проверил запас патронов. Аластор не ошибся в нём, оружием пользоваться тот умел, во всяком случае точно держал раньше в руках.

— Нам нужно будет прикрыть их тоже, — Аластор кивнул на коридор, говорил тихо. — Не только твою семью.

Мужчина кивнул.

— Пусть они идут с остальными, где-то в толпе, в середине будет безопаснее. Ты идёшь первым, я последним. Никто не знает, что будет, когда поезд остановится, но действовать придётся быстро. Ты готов? — Он кивнул. — Тогда иди в тамбур. Позаботься о них, — Аластор кивнул на женщину, — а я займусь этими, — затем на остальных пассажиров.

Он решительно поднялся с места. Поезд всё сбавлял ход, но ещё не остановился. Аластор встал в дверном проёме и, вынув из кобуры пистолет, поднял его над головами людей. Все взгляды устремились на него.

— У кого-то в вагоне ещё есть оружие? Огнестрельное? — спросил он, чтобы его слышали остальные. Тишина отозвалась безнадежным ответом.

Овцы, — обречённо подумал он, закрепив трость на поясе, почти как меч в ножнах.

— Тогда вы идёте за ним, — он обернулся к мужчине, чьего имени не знал, — он держит оборону спереди и слева, я сзади и справа. Женщины, старики, дети... — он заметил в толпе человек десять входящих в перечень. — Идут в центре. Остальные по краям. Всем всё ясно?

Толпа не стала возражать, что уже было победой. *Овцы*, — опять подумал он.

Главное, чтобы люди из других вагонов не сбили их. Если начнётся стрельба, если поднимется паника и все бросятся в разные стороны и начнут топтать без разбора друг друга, как это было при посадке на поезд...

Они закопошились, занимая свои позиции, о чём-то переговаривались, но Аластор не слушал их.

— Если замечаешь Сопротивление, быстро ведёшь их к ним, — сказал Аластор своему новому напарнику, когда они уже стояли в тамбуре возле дверей. — Я прикрою вас.

Тот молча кивнул, затем оглянулся назад на группу людей, выглядывая свою семью.

— Не оглядываясь, — сказал Аластор сурово. — Ты смотришь только вперёд и только налево. Ты идёшь вперёд и не смотришь назад. Ошибка может стоить жизни.

— Я понял, — кивнул он.

Нервничает. Может подвести.

— Всё с ними будет хорошо, если ты действуешь, как я сказал.

Он опять кивнул, кажется, было слишком страшно говорить.

Сразу несколько звуков огласили секунду напряжённой тишины. Звуки стрельбы снаружи, возгласы толпы, скрежет раскрывающихся дверей, затем в тамбур ворвался порыв ледяного ветра. Аластор выпрыгнул наружу, не раздумывая. Глубокий снег, боль в ноге, белое ничто со всех сторон, совершенная белизна. Машинист сообщал что-то по громкой связи, но за шумом его уже стало не слышно. Звуки стрельбы где-то в восхитительном белом пейзаже. Крики, возгласы, шум, бесконечный шум. Он заметил, как его группа людей побежала куда-то в сторону от стрельбы, на миг оглянулся, заметил вдали людей и собак. Собачьи упряжки, хватит ли, чтобы увести всех? Взрывы, бесчётные взрывы, затем солдаты в янтарной форме где-то за белой стеной. Далеко, но не для Цербера. Он знает, как убивать, он умеет это. Сладкий вкус смерти на губах. Гуща событий, как в «Чертовом колесе», только он силён, он знает, как вести себя. Совсем не похоже на то, чем он занимался последние годы, не пустота, не отчаяние, это гул, это шум, это война, это перестрелка. Зверь сорвался с цепи, ничто больше не остановит его. Он палит как безумный, он перебегает со своей позиции так, чтобы не задеть других пассажиров, мечущихся в панике из одного угла в другой, падающих, красящих белый снег своей кровью, их жизни рушатся под пулями, они остаются лежать здесь, в бесконечном снежном краю.

Полицейские становятся ближе. Янтарные формы хорошо заметны на снегу. Члены Сопротивления, не так много, но их количество возрастает, одеты в светло-серое, сливаются со снегом, Цербер старается не попадать по ним. Несколько янтарных форм присоединяются к мирным, ложатся в сугроб. *Сугроб — гроб для военных.* Он продолжает стрелять, пока не заканчиваются пули. Нырять в брешь между вагонами, перезаряжает пистолет. Спасибо Мантикору. Пуль много. Опять выходит на поле боя. *Если я умру, ничего не изменится. Это не страшно. Да, я обещал найти девочек и избавить их от мучений. Она взяла с меня слово. Но если я погибну здесь, на выходе из поезда, значит и они погибли. Всё просто. Всё всегда было просто.* Аластор уже всё решил для себя, жить ему осталось недолго, он смирился со своей гибелью уже два года назад. Он уже успел внести свой вклад, он успел отправить на тот свет столько, кто нуждался в этом. Ему осталось разобраться с дочерьми Алкионы, и потом он, наконец, застрелит себя. Поэтому Аластор был уверен, что он не умрёт прямо сейчас. Слишком глупо и нелепо. Он может встать прямо напротив дула, и снаряд всё равно пройдёт мимо. Поэтому он сражался так отчаянно, поэтому лез на рожон, подставлялся под удары, поэтому он перешёл в близкую атаку, когда пули закончились опять, а времени перезаряжаться не было. Цербер выдернул клинок из трости и убил ещё четырёх военных, одного — ровным порезом по горлу, второго сначала по ногам, когда тот упал — остриём в голову, третьего с нижней позиции, всадив сталь под челюсть, прямо как сам хотел застрелить себя. Четвёртый только выстрелил, Цербер увернулся, почуял пулю, пронёсшуюся рядом с плечом, вонзил лезвие в сердце. Все остались лежать, новых не было, он убрал стилет, перезарядил револьвер, уже хотел продолжить, найти себе ещё врагов. Сердце бешено колотилось, зверь упивался кровью, он был на своём месте, он не хотел уходить, но тут его насильно остановили.

— Всё! Пошли отсюда, — приказал ему голос, носителя Аластор не успел опознать, он ничего не видел чётко, мог лишь расценивать свои движения, чтобы убивать.

Он хотел возразить, хотел сказать, что готов убивать ещё, но затем его грубо одёрнули, зверь слегка опешил, когда безвольно повисшая цепь натянулась опять. За столько лет он так и не привык ходить на поводке. Он ненавидел свою цепь. Гектор сказал, потому он и уволил

его. «Ты получаешь удовольствие от убийства, Аластор». Ну и что? Это разве плохо?

— Уходим сейчас. — Его потянули сильнее.

Он только теперь пришёл в себя. Перед ним стоял совсем молодой парень, лет шестнадцати на вид, с коротко стриженными тёмными волосами. Лицо было совсем ещё юным, на подбородке только-только появлялся первый пушок бороды, которым тот, видимо, гордился. Под карими суженными глазами можно было разглядеть синяки усталости. Он тоже был одет в светло-серую куртку Сопrotивления, застёгнутую до самого верха.

Аластор последовал за ним. «Призрак», огромный локомотив, одиноко стоял посреди Белизны, пустой, с открытыми, словно в вопле, дверьми, возле него снежная равнина была запятнана. Будто кто-то пролил на скатерть бокал с вином. Красные пятна рассыпались повсюду, неподвижные тела распластались по земле в разных позах. Пассажиры, полицейские, революционеры, женщины, мужчины. Но ничего, скоро снег заметёт их. Зима и Белизна возьмут своё назад, они не любят пятен цвета. Здесь вырастет новый сугроб. *Сугроб — гроб для слабых.*

Последняя собачья упряжка уже уезжала. Активист схватил Аластора за руку и заставил запрыгнуть на неё вслед за собой. Нога пронзительно застонала, он поморщился.

— Ранен? — спросил ещё не сломавшийся голос. Два карих глаза на мягком лице обеспокоенно оглядели мужчину.

— Нет, — ответил Аластор. Оглянувшись на Белизну. Янтарного прибавилось, но их уже не догнать. Слишком далеко, солдаты полиции были без саней.

— Ну ты задал им жара! Не думал, что кто-то из поезда на такое способен, — заметил он, усаживаясь в санях поудобней. Напротив сидели только трое пассажиров, мужчина и пожилая женщина, третий — в серой куртке — правил санями. *Интересно, удалось ли выбратья семейной паре? Жаль потерять второй пистолет, хоть нужды в нём теперь нет.*

— Повезло. — Ответил Аластор.

— Сопrotивлению нужны такие, как ты. Время идёт, его слишком мало, чтобы обучить новичков. Почтём за честь сражаться с тобой. — Сказал он.

Новичков? А сам-то...

— Нет, я не могу, — ответил Аластор. — У меня есть кое-какие дела в Термине, потом я уеду очень далеко.

— Подумай, ты мог бы принести пользу всей Ойкумене, — в его взгляде не было неприязни, скорее просьба, почти мольба. Аластору очень не хотелось, чтобы его принуждали к чему-то. Особенно теперь, после того как сам Гектор отпустил его.

— Я ищу кое-кого. Две девочки приехали сюда на «Восточном Вестнике». Я должен найти их. Ты что-то знаешь?

Он задумчиво закатил глаза.

— Много кто приезжал. В Сопrotивлении никого похожего не видел. Можешь спросить в городе у местных, они наверняка подскажут. Или лучше у нас в лагере. Там помогут с поиском пропавших.

— Нет, я не могу терять время. Найду их сам.

Он невесело кивнул.

— Может, всё же передумаешь? Мы всем рады, кто готов за нас сражаться.

— Сам-то не рано решил на войну отправиться? — Аластор поморщился, подумав о его возрасте снова. — Пока ещё молоко на губах не обсохло. Или Алкид готовит армию детей

против толпы вооружённых янтарей?

Парню явно не понравилось такое заявление.

— Я достаточно взрослый, чтобы держать в руках оружие. Да, времена непростые, мы берём всех. Но никого не заставляем насильно.

— Ты знаешь Алкида? — спросил Аластор, подумав о том, что, может, хоть кто-то из Сопротивления сумеет ответить ему на этот вопрос.

Увы, парень разочарованно покачал головой, уносясь взглядом куда-то в белое ничто, проносящееся мимо них.

— Нет. Но я знаю тех, кто его знает.

Сомневаюсь, что кто-то вообще знаком с ним лично.

— Кто он? — спросил бывший наёмник вслух.

— Он — свобода, — ответил парень, его зрачки подрагивали, отсеивая сменяющие друг друга волны зимы. — И он — война.

— Звучит громко. Только никто не имеет ни малейшего понятия о том, кто он сам.

Собеседник пожал плечами.

— Он скрывается. Представь, если бы такой важный человек, как Алкид, «Перфекция», просто свободно расхаживал по улицам, или, предположим, принимал участие в таких операциях, да его бы давно убили. Пусть и принято говорить, что на месте срубленной головы вырастут две, что его дело продолжится даже после его смерти, именно он даёт людям очень сильную надежду.

Вдалеке забрезжил город. Белизна прерывалась, нарушенная силуэтами высоких чёрных домов. *Добро пожаловать в Термину, —* подумал Аластор. — *Для всех новоприбывших мы предлагаем отличный бесплатный комплект пуль.*

— Что это за лидер, который заставляет своих солдат рисковать жизнями, когда он сам отсиживается в убежище? — спросил он, не желая оскорбить парня, но по крайней мере задеть.

— Алкид — не такой, — возразил он, переведя взгляд рассерженных глаз на Аластора.

Каждая жаба своё болото хвалит. А с такой слепой верой тут и говорить не о чем.

— Ладно. Буду благодарен, если высадите в городе. — Сказал Аластор и столкнулся с сомнением в глазах мальчишки. Он явно не хотел упускать потенциального солдата, да ещё и с оружием. Только что он сделает? Да, есть ещё второй, что правил упряжкой, но они же оба видели, как сражается Аластор. *У них не хватит сил меня удержать.*

Сани остановились, проехав первый квартал города. Термина. Сцилла. Харибда. Все города Ойкумены похожи, если знаешь один, знаешь их все. Улицы вьются загнутыми спиралями, чем дальше от центра, тем дома всё проще и скуднее. Чем дальше город от столиц, тем уродливее здания, тем грязнее улицы, занесённые вечной зимой. До конца света по ним ещё можно было передвигаться в машинах, теперь же снег положил конец любым формам личного транспорта, кроме собачьих упряжек, но кто будет содержать свору, если еды не хватает даже людям?

— Спасибо, что подвезли, — Аластор слез с саней. Улица была пустой, насколько видели глаза, должно быть, остальные упряжки уехали дальше.

— Осторожнее в городе, — предупредил второй революционер, что правил собаками. Звери тем временем начали грызться друг с другом, воспользовавшись остановкой. — Обычно янтари не тиранят жителей, но после такой перестрелки в поле, один Кронион знает, что они могут устроить.

— Я не задержусь здесь, — сказал Аластор. *Ни в Термине. Ни в Ойкумене. Ни в этом мире.* — Найду девочек и всё.

— Удачи в поисках, — ответил парень холодно. — Но, если что, помни — мы рады принять тебя.

— Я уже понял. — Сказал Аластор.

Погонщик взмахнул хлыстом, тот щёлкнул, задев ухо самого крупного чёрного пса, что задирает младшего напарника, не переставая грозно рычать всё время, что длилась короткая стоянка. Чёрный сперва пригнулся от удара, а затем яростно огрызнулся на хлыст, за что получил ещё один удар, и только тогда покорно сдвинулся с места, возобновив бег. *Они же стреляют бешеных собак, верно?*

Сани унеслись куда-то вглубь Термины. Аластор, не зная дороги, побрёл в противоположную сторону. Спустя пару шагов он почувствовал вновь нахлынувшую боль в ноге, достал трость и продолжил путь уже вместе с ней.

За пятнадцать минут неспешной ходьбы, Аластор встретил лишь трёх прохожих, которые не имели ни малейшего понятия, где искать двух девочек. Он вышел к узкой спирали, что явно вела в место, сильно походившее на Край. Завернув туда, Аластор приметил трактор. Даже если никто там не знает о дочерях Алкионы, можно по крайней мере напиться. Он вошёл.

Внутри было холодно, чуть ли не холоднее, чем снаружи. Возле барной стойки ютилось несколько посетителей, согревая озябшие руки возле чёрных, закоптелых горелок. Камин в глубине бара казался самым холодным местом в помещении. Прямо у входной двери примостился облезлый рыжий кот, который недовольно вскочил с нагретого места, когда Аластор вошёл внутрь, попытался открыть глаза, чтобы посмотреть на него, но они были такими грязными, в бурых капельках гноя по краям, что превратились лишь в две узкие щёлки.

Мужчина прошёл внутрь и занял свободное место рядом с одним из гостей. Им оказался почти лысый пьяница, что было ясно сразу и по запаху, и по одеянию. Он сидел и молча пил какую-то жидкость, переливая её в надколотый стакан из полулитровой бутылки. Бармен — здоровяк с коротко стриженными волосами — подошёл к Аластору, не задавая вопросов, лишь одарив вопросительным взглядом.

— Ципуро. — Сказал ему Аластор.

Спустя секундную паузу бармен лениво поинтересовался:

— У нас много. Какой?

— «Миф» есть?

Он даже не кивнул, лишь согласно моргнул.

— Давай его.

— Стакан?

Он уже хотел согласиться, когда передумал. *А к чёрту!*

— Бутылку.

Тот, наконец, кивнул, кажется, довольный ответом, и спустя минуту, поставил перед Аластором ципуро.

Чёртова бурда, — подумал он, сделав первый глоток и вспомнив этот обжигающий мерзкий вкус.

— Недавно в городе? — спросил сидящий рядом пьяница, когда бармен ушёл куда-то в подсобное помещение.

— Заметно?

— Местные ципуро не пьют. Стоит много, вкус не лучше, чем у узо.

— Зато голову сносит на раз, — заметил Аластор, сделав ещё один глоток.

— Что здесь делаешь? Проездом или тоже один из серых?

— В смысле Алкида? Нет. Я сам по себе.

— Их тут как снега, — сказал посетитель. — Херовы революционеры, из-за них мы спокойно жить не можем. Пару недель назад взорвали бомбу на рынке, спрашивается — зачем им это? Никому жить не дают.

— Ага, — равнодушно отозвался Аластор.

Он точно ничего не знает о девочках, — подумал он. Принимать участие в беседе не хотелось совершенно.

— А правительство мало чем лучше, твари поганые, оставили нас подыхать здесь. Слыхал? Отменили наш город. Всё, нас никого больше нет, остались лишь Сцилла с Харибдой и стайка интеллигентных толстосумов.

— Тогда что ты жалуешься? Примыкай к армии Соппротивления! — раздался очень нежный, но грозный голос.

По другую сторону от пьяницы сидела девушка с вихрем чёрных волос, черты её лица сложно было назвать красивыми или даже приятными, она выглядела грубоватой, довольно мужественной, но голосок звучал мило, как кошачье мяуканье. *Полная противоположность Эхо,* — с интересом подумал Аластор. На ней был корсет, сжимавший и без того плоский живот и почти такую же плоскую грудь. Чёрная шерстяная мантия скрывала плечи и руки, а вокруг горла был повязан серый шейный платок.

— Заткнись, шлюха тупая! Я уже говорил тебе, что в зад я имел вашу революцию, нечего зазывать на войну честных граждан!

— Война уже идёт, идиот! — проорал кошачий голосок в ответ. Она встала с места и подошла поближе к пьянице. Аластору стало лучше видно её лицо с неправильными чертами. Явная асимметрия. — Разуй глаза, иначе пропустишь момент своей смерти! Из-за таких, как ты, эти земли и отменили, вы и пальцем не пошевелили, чтобы воспрепятствовать властям.

— Я сейчас позову янтарей и скажу им, что ты одна из них, сучка, — зарычал в ответ алкоголик, брызжа слюной изо рта, как сумасшедший. *Они же стреляют бешеных собак?*

— Эй! — Из подсобки вновь возник бармен и одарил посетителей строгим взглядом, — Никакой янтарной полиции здесь не будет. Или я прогоню всех на хрен!

— Твари, все кабаки в этом богами забытом городе встали на сторону кротов! — возмутился алкоголик, кипя от гнева. Он поднялся с места, но далеко не затем, чтобы уйти.

Вдруг Аластор, не принимавший участия в этой перепалке до сих пор, понял, что тот намеревался сделать в следующий момент. Он успел понять, что бармен тоже перехватил этот жест, рванувшись к стойке. Слишком медленно, он слишком неповоротливый.

Едва пьяница успел занести кулак для удара, как рука Аластора сжала его, словно в тисках. Кулак попытался сдвинуться с мёртвой точки, но тогда бывший наёмник сжал его ещё сильнее, сдавив все пальцы, так, что мужчине пришлось разжать руку и негромко простонать. Он развернулся к нему, желая освободить свою кисть из плена, попытался ослабить длинные стальные пальцы второй рукой, но это тоже не принесло результата. Аластор сжал ещё сильнее, на что тот отреагировал более громким стоном.

— Достаточно? — спросил Аластор спокойно. Ответом послужил лишь разгневанный

взгляд, в котором уже возникли слёзы. Он резко разжал пальцы. Мужчина миготнул отскочил подальше от барной стойки. — Проваливай, — заключил Аластор. К счастью, тот не предпринял ничего иного и, гневно пнув по пути рыжего кота, выбежал из трактира, хлопнув дверью. Впрочем, бутылку он прихватил с собой.

Кажется, удовлетворённый разрешённой ситуацией, бармен вернулся к себе.

Два ярко разукрашенных зелёных глаза, немного разные по величине, посмотрели на Аластора.

— Это было мило с твоей стороны, ясноглазый, — пропела она куда нежнее. — Но ты зря волновался. Девушки в Термине умеют за себя постоять. — И тут она приподняла руку, так, чтобы показать тонкий острый кинжал, спрятанный в рукаве.

— Было бы лучше, если б ты вскрыла ему глотку? — Спросил он равнодушно.

— Некоторые глотки заслуживают этого. — Улыбнулась она. Губы тоже были немного кривыми, не лучше выглядел и нос, который, кажется, пришлось сломать не раз, чтобы достичь такой удивительной горбинки. — Что ты здесь делаешь?

— Ищу кое-кого.

— Здесь? — теперь она обнажила зубы, пожалуй, единственное, что в ней было ровного.

— Нет... Ты же из Сопротивления? Не слышала о двух девочках, что прибыли на последнем «Восточном Вестнике»?

Она загадочно закатила глаза, устремившись взглядом куда-то на потолок. Тут Аластору показалось, что тот глаз, что был побольше, был немного зеленее, чем второй.

— Я неполноценный член Сопротивления, я вербую для них. — Объяснила она. — И шпиону немного.

— Что с девочками? — повторил он свой вопрос.

Шлюха покосилась на ещё одного посетителя, что спал, уткнувшись носом в барную стойку через три места от Аластора.

— Оставь деньги на столе и пошли отсюда. — Предложила она, так ничего и не ответив.

Аластор неохотно подчинился, решив оставить бутылку там же, и они вышли на улицу. Да, снаружи было определённо теплее. Сначала он ожидал увидеть здесь пьяницу, но того уже и след простыл.

— Так что? Ты знаешь, где их искать? — спросил он её с нетерпением.

— От тебя пахнет табаком. Угостишь девушку? — она кокетливо подмигнула Аластору. Щедро намазанные ресницы взлетели вверх.

Аластор неохотно кивнул. Влез в карман плаща, извлёк оттуда портсигар и протянул ей. Тонкие пальчики с чёрным лаком на ногтях изъяли одну «карелию». Он чиркнул спичкой. Первую снёс ветер, дал прикурить от второй, и тут, когда активистка откинула голову назад, сладко затаившись, он, наконец, понял, что с ней не так.

— Откуда у девушки кадык? — спросил он прямо. Кривая улыбка вновь вернулась на лицо. Рука поправила сползший платок на горле.

— Я слышала о них. — Сказала вербовщица, которую Аластор теперь никак не мог воспринимать за девушку. — Только зачем они тебе?

— Их мать умерла. Я обещал помочь её детям.

— Ты не выглядишь, как очень хорошая нянька. Если девочки остались сиротами, Сопротивление примет их к себе.

— Ты не выглядишь, как женщина. — Аластор взял сигарету себе. — Со мной они будут в большей безопасности, чем среди революционеров.

Он (или всё же она?) помялся на месте, демонстрируя свои длинные изящные ноги под чулками. Сапоги на высоком каблуке увязали в свежевывавшем снегу.

— Может. Если только вы найдёте способ уехать из Термины.

— Для начала мне нужно найти их. Ты знаешь, где они остановились?

— На юге города. — Промяукал в ответ сладкий голосок. — Если хочешь, могу проводить.

— Буду благодарен, — отозвался Аластор.

— Не за что, сладкий, — улыбка тонких длинных губ странно исказила лицо. — Но, если что, Соппротивление радо принять всех. Будем ждать тебя. — Тёмно-зелёный глаз подмигнул. — С нами тень Алкида. — Произнесла она уже знакомую фразу.

Высокие каблуки ловко застучали, двигаясь вниз по улице, Аластор последовал за ними, опираясь на трость.

— Ты знаешь Алкида? — задал Аластор свой любимый вопрос. Хотя откуда он мог знать? Сам сказал, что не состоит в основной армии.

— Никто не знает Алкида, — заявил трансвестит уверенно.

— Зато все без исключения превозносят его.

— Почему тебя это так беспокоит, ясноглазый?

— Меня зовут Аластор.

— Ино, — вновь этот игривый взгляд и кошачий голосок. — Алкид вдохновляет людей своим всемогуществом. Люди видят в нём сильного лидера, и они готовы пойти за ним. Он настроен решительно, и им это нравится. Я думаю, он стал чем-то настолько большим, что теперь неважно, кто именно стоит за всем этим. Его можно заменить на другого лидера, и ничего не изменится. Потому и принято говорить, что его тень с нами, и что он в каждом из нас. Скорее всего, активисты этим и руководствовались.

Мимо прошла пара женщин, задержавшись взглядами на них двоих. Аластор сомневался, что они признали в Ино трансвестита, он сам не догадался. Скорее всего, решили, что он снял шляху. *Мне везёт на шляху*, — подумал он устало.

Докурив до фильтра, он швырнул бычок в сугроб, так что тот зашипел, погаснув.

— Можно задать личный вопрос? — спросил Аластор, когда женщины оказались достаточно далеко.

— Что у меня между ног? — догадалась Ино.

— Не то чтобы я хотел проверить, мне просто интересно. — Признался Аластор.

— Тогда встречный вопрос, — она тоже отбросила сигарету. — Ты бы позволил разбить мне нос в баре, если бы сразу понял? — Ино криво улыбнулась, приподняв тонкую чёрную бровь над светло-зелёным глазом.

Аластор задумался.

— Скорее, да.

— Люди более склонны доверять девушкам, даже если те одеты, как шляхи. — Промурлыкал голосок.

— Так это просто маскарад?

— Это? — она окинула взглядом свой внешний вид. — Нет. Я правда так одеваюсь.

— Только одеваешься? А с кем спишь?

Зелёные глаза сложились в лукавые щёлки.

— Хочешь попробовать что-то новое, Аластор?

— Нет, я уже говорил.

— Ну а я люблю разные эксперименты. Поэтому так и одеваюсь.

Столб с громкоговорителем прямо над ними вдруг зашипел, прежде чем активировать голосовую команду: «СПЕШИТЕ В «ПОНТ»! ОСТАЛАСЬ ПОСЛЕДНЯЯ ВОЗМОЖНО КУПИТЬ ЖЕНСКИЕ КУПАЛЬНИКИ ПО САМЫМ НИЗКИМ ЦЕНАМ! УСПЕ ПРИГОТОВИТЬСЯ К ЖАРКОМУ ЛЕТУ!», с новым шипением послание оборвалось.

— Непривычный прогноз погоды, — заметил Аластор, озираясь на столб.

— Алкид взломал систему оповещения. — Пояснила Ино с довольным видом.

— Да ваш Алкид прямо-таки профессионал во всем...

— Ага, он и не такое может, — напевал её голосок. — Он же «Перфекция» — совершенство мысли, слышал?

Интересно, как далеко мог зайти Алкид в своём желании избавить мир от власти? Сколько жизней он готов был принести в гекатомбу своей мнимой свободе, и зачем заниматься этим у порога конца света? Аластор не стал бы отрицать, что Алкиду могло быть известно что-то, о чём не подозревали остальные, возможно, что никто вообще, ни в его армии, ни в целом мире. По тому, как активисты превозносили своего лидера, рассказывая о его подвигах, боготворя и сравнивая его мощь с эффектом ядерной бомбы, он, скорее бы предположил, что лидер Сопротивления не только безумен, но и очень умён.

— Сколько сейчас людей у Сопротивления? Я имею в виду здесь, в Термине?

— Я не знаю, ясноглазый, я уже говорила, что я, в основном, только вербуую.

— Ну так и скольких ты навербовала?

Она вновь перевела на него свои разные по размеру и цвету глаза. В них сверкали искорки радости, словно две электрические лампочки на 30 и 45 ватт.

— Что? — не понял Аластор, когда её улыбка вновь исказила щёки.

— Ты сказал «навербовала», это мило с твоей стороны. Я запомню это.

Аластор не обратил внимание на это замечание, зато понял, что Ино ловко уклоняется от ответов, не сообщая ему вообще никакой информации. *Ладно, с другой стороны, зачем ей отвечать? И зачем мне знать, если всё скоро закончится?*

— Я просто не могу думать о том, что говорю с мужчиной, когда смотрю на девушку, — признался он. *Чёрт с тобой. Я не прочь подыграть, только покажи, где девочки.*

— По-твоему, я могла бы сойти за неё?

— Да, если бы не кадык. — Аластор не мог перестать думать об Ино. Тень брезгливости всё равно не покидала его.

— Да-а, знаю! Были бы деньги, я бы махнула в Харибду. Ты знаешь, они там делают такие операции, можно вставить себе нормальную грудь и отрезать всё лишнее. — С этими словами она поправила платок на горле, Аластор же поморщился. — Я смущаю тебя, ясноглазый? — спросила Ино.

— Да, есть немного, — признался он. — И перестань меня так звать, у меня карие глаза.

— Ну и что? Они ясные, — они встретились взглядами. — И в них хорошо видно, кто ты.

— Я бы не сказал.

— Ну так ты их не видишь, глупый. — Засмеялась Ино. Её смех — журчание ручейков ранней весной. Но весна уже не наступит. — Я могу сказать очень многое о человеке по его глазам или по тому, как он себя ведёт. Для меня люди — открытые книги.

Аластор почему-то вспомнил книги в доме Эхо. Эхо... вот у кого глаза были ясными, двое небес: глубоких, бесконечных, чистейших. *Манतिकор... зачем?* — Если бы она осталась жива, он бы уже давно лежал в каком-нибудь сугробе с пулей в виске. Ему не пришлось бы бежать. С другой стороны, почему он тогда не застрелился после того, как отдал деньги? Почему не позволил Манतिकору убить их обоих? Почему не спрыгнул с платформы, когда «Призрак» только подъезжал к вокзалу Сциллы? Зачем он выживал всё это время? *Потому что нужно завершить цель. Выполнить обещание Алкионы. И оборвать так много мучений в этом мире, насколько это возможно.* Аластор — убийца обречённых. Сугроб — гроб для обречённых.

— Что же ты можешь сказать обо мне? — он не сомневался, что Ино никогда в жизни даже близко не догадается о том, кто он. Его учили не только убивать, но и скрывать убийства. Однако говорила она так самоуверенно, что Аластору захотелось проверить её.

Она чуть внимательней всмотрелась в его лицо. Эти гротескные черты, кривой нос, разномастные глаза, неровная линия губ, покрытых тёмно-коричневой помадой, весь макияж, под которым скрывалась её проблемная кожа. Убери всё лишнее, смой всё это с неё, останется не очень симпатичный и не очень мужественный парень. Он вспомнил два голубых глаза в окружении чёрных размазанных теней и туши, глубокие и вопиющие, как две вскрытых раны.

— Ты очень скрытный на самом деле. Но не потому, что боишься осуждения, тебе просто не с кем поделиться своими секретами. Вообще, я бы сказала, что ты, как бродячий пёс.

Интересное сравнение, верно, Цербер? — зверь отозвался глухим рыком.

— В смысле? — спросил Аластор.

— Тебе кажется, что ты способен выжить один, терпеть невзгоды, искать еду, но на деле ты потерян. И поэтому начинаешь огрызаться на прохожих, никого к себе не подпускаешь. Ещё, ты можешь жить в стае, можешь даже занимать позицию лидера.

— Значит, ты предлагаешь мне найти стаю?

— Нет, на самом деле тебя это тоже погубит. Псы — не волки, и ты тоже не волк. Собаки в стаях дичают, борются за первенство, заражают друг друга всякими болячками, в конце концов их просто застреливают.

— Отлично. — Согласился Аластор. — Я даже не удивлён, я давно это знаю.

— Видишь, — подмигнула она, на сей раз светло-зелёным глазом. — Я же говорила, что умею читать людей.

— Да, ты права, — согласился он. — Значит, что? Я обречён?

— Нет, глупый, — Ино ободряюще толкнула его локтем в бок. — Тебе нужно то же, что любому псу. Тебе нужен хозяин.

— По-моему даже в Гиперборее давно отменили рабство. — Осторожно заметил Аластор.

— Нет, ты не так понял. — Они вдруг свернули на в какую-то спираль улицы. — Понимаешь... кому-то нужна любовь, чтобы состояться в жизни, кому-то друг; я не хочу сказать, что ты безвольная тряпка, заметь, я уже сказала, что ты можешь быть хорошим лидером, если того требует ситуация. Но тебе нужен человек, который будет контролировать тебя. Он может быть и твоим другом, твоей девушкой, боссом, не важно, самое главное, чтобы ты чувствовал, что кто-то нуждается в тебе и в твоей помощи.

В таком случае, зря я ушёл от Гектора.

— Поэтому я считаю, что тебе было бы лучше в Сопротивлении. Примкни к Алкиду и сразу почувствуешь, что ты на своём месте. — Она снова подмигнула, но на этот раз как-то совсем подло.

Ино хороша в вербовке, вот это уж правда, — подумал Аластор.

— Я слишком долго служил. Теперь мне это не интересно, прости. И я не хочу отдавать свою жизнь за какого-то выскочку, решившего, что он одержит победу в гражданской войне.

— Как знаешь, — сказала она. — Но я ведь была права? Про хозяина?

— Нет, — соврал он. — Я хочу быть один.

— Прискорбно, — пожала она плечами.

— Далеко ещё идти? — спросил Аластор, когда ряды домов стали редеть, обнажая белоснежное полотно.

— Нет, отсюда уже видно здание, тебе повезло, что день сегодня ясный, прямо как твои глаза, — улыбнулась Ино.

В белом поле действительно можно было разглядеть огромную бетонную конструкцию на самом горизонте. Чёрной лентой туда тянулась ниточка железной дороги. Какой поезд мог ездить в такую глушь? Они ведь ушли на порядочное расстояние от вокзала.

— Что это? — Спросил Аластор, глядя на неизвестную ему конструкцию вдаль.

— Акрополь Термины. Научная лаборатория, правительственная база, тюрьма, военный объект первостепенной важности. Всё там. — Объявила Ино.

— И ты хочешь сказать, что девочки тоже там? — Растерялся Аластор.

Она кивнула с нескрываемым самодовольством.

— Это самое охраняемое место в мире. И, если мне не изменяют мои источники, сошедшие с поезда сёстры, в числе многих других, находятся именно там.

— Почему я должен верить тебе и твоим источникам? — засомневался Аластор.

— Их зовут Вестания и Тереня. Младшей не было шестнадцати, потому она была помещена под охрану правительства, как оставшаяся без попечителя. Старшая не захотела её оставить. Сейчас они обе находятся там. И они могут быть в опасности, потому что Акрополю плевать на их жизни. Они мобилизуют себе армию, как и мы. На войне нужны люди. Любые. В том числе дети.

Аластор был растерян и потрясён. Он точно не называл имён сестёр. Кажется, Ино была осведомлена о ситуации в городе гораздо лучше, чем сообщила ему раньше.

— Как туда попасть? — спросил он.

— Есть два способа. Первый заключается в том, что ты вступаешь в Сопротивление, — она не могла не сдержать кривую улыбку. — Мы давно планируем совершить набег на Акрополь, и я уверена, что ты сможешь нам в этом помочь.

— Сразу называй второй, — потребовал он.

— Ещё проще. Смотри, — она указала пальцем на двух полицейских в янтарной форме, что шли вдоль улицы, патрулируя город. — С НАМИ ТЕНЬ АЛКИДА! СЛАВЬСЯ АТОМНА БОМБА! — Закричала Ино во всё горло и, пнув Аластора под рёбра локтем сказала тише, — присоединяйся к лозунгам. Поедем вместе в Акрополь первым же экспрессом.

Внимание полицейских моментально обратилось к ним двоим.

— Ты больная?! — разозлился Аластор. Он интуитивно потянулся к «агоназу».

— Мне тоже нужно в Акрополь, — настаивала Ино. — А это самый быстрый способ. Я же сказала, что скоро будет организован побег. Давай, скандируй со мной.

— Слава Алкиду, — подчинился ей Аластор, чувствуя себя полнейшим идиотом.

Полицейские подошли вплотную, и он едва смог подавить в себе желание достать «агоназ». Он понятия не имел, на что рассчитывала Ино, но уже в следующий момент он упал на землю от удара прикладом по лицу.

528 день после конца отсчёта

— Тера, смотри! — прошептала Вестания охрипшим от слёз голосом. Дыхание спёрло в груди. Она не могла поверить в происходящее.

Прямо посреди их камеры стоял Асфодель. Он выглядел ровно также, как и всегда — долговязый, худой, с сутулой спиной. Пустой взгляд исподлобья направлен в никуда, белые волосы топорщатся в разные стороны. Асфодель держал что-то в обеих руках. Он медленно нагнулся к полу и разжал пальцы. Вестания увидела два ключа с бирками, упавших на бетонный пол.

— Что? — прошептала в ответ Тереня, которая, кажется, всё-таки задремала, сломленная усталостью. Едва она успела открыть глаза, как Асфодель резко развернулся к входной двери. Он положил руку на ручку и опустил её, желая открыть дверь. *Но она заперта на ключ...* — На что смотреть? — спросила Тереня.

Асфодель исчез. В камере кроме них никого больше не было.

Вестания подскочила с пола, изумлённая. Она подошла к тому месту, где только что видела мальчика. На полу лежали два ключа. Тереня встала, прошла вслед за обеспокоенной сестрой, и подняла с пола ключи.

— Откуда они взялись?

Она ничего не видела. — Догадалась Вестания. — *Также, как тогда в поезде. Почему его вижу только я?*

Вдруг снаружи их камеры, в коридоре поднялся страшный шум. Мимо двери промчался отряд солдат, переговаривающихся о чём-то. Слов Вестания разобрать не могла.

Внезапно под потолком вспыхнула алая лампа аварийной тревоги.

— Пожар? — испугалась Тереня.

Побег. — Догадалась Вестания.

Шум в коридоре усиливался. Где-то далеко до ушей Вестании донеслись звуки выстрелов.

— Это ключи не от нашей камеры. — Сказала Тереня. — От двадцать четвёртой и от шестьсот первой.

Вестания посмотрела на металлическую ручку. Могло ли это быть правдой? Она уверенно положила на неё ладонь и, осмелившись испытать удачу, опустила и толкнула вперёд со всей силы. Дверь в коридор открылась. *Не может быть!*

Новая черед выстрелов заставила её в ужасе захлопнуть дверь.

Тереня подскочила к сестре.

— Дверь открыта? Как? — воскликнула Тера, когда шум стих.

— Я не знаю. Нужно выбирать.

— А если нас пристрелят?

Больше всего Вестания боялась именно этого. Но какой выбор у них оставался? Сидеть в камере и ждать утра? Тогда их непременно убьют, чёрные метки на рукавах говорили об этой судьбе весьма красноречиво. Нет уж! Она слишком долго боялась действовать. В этот раз не испугается.

Новые звуки стрельбы заставили её задуматься ещё раз. Вместе с Тереней они прижались к стене возле двери, осев на пол. Дождались, когда шум снаружи стихнет. Мимо

их камеры ещё раз пробежала группа людей, Вестания понятия не имела кто это — солдаты или другие заключённые.

Она вдруг вспомнила, как они приезжали к вокзалу в Термине. Вспомнила странную заминку, которую сделал «Восточный Вестник» не успев добраться до вокзала. Несколько секунд, за которые поезд замедлился и остановился. Вдруг ей всё стало совершенно ясно. *Веспер, Фрикс и другие... они вышли через дверь в последнем вагоне. Вот почему она была не заперта! Асфодель показывал мне выход, а я не поняла его!* Это объясняло то, почему на вокзале она не видела активистов. Веспер же говорила про безопасный сход с поезда. Конечно! Как она сразу не догадалась...

Если допустить, что Асфодель действительно пытался помочь им, то нужно следовать за ним. В эту дверь. В коридоре воцарилась тишина.

— Пошли! — прошептала Вестания и открыла дверь.

На потолке горели две красные лампы, застилая коридор тревожным алым освещением. Красного здесь наверняка хватало бы и при дневном свете, потому что на полу лежали бездвижные тела заключённых.

— Не смотри. За мной, — Вестания схватила сестру за руку и потянула по коридору.

— Куда мы идём? — запищала перепуганная Теренея.

Вестания хотела ответить ей, что не знает, но тут они вдвоём натолкнулись на Лика, дверь его камеры тоже оказалась не заперта, и мальчик выглянул в коридор узнать, что здесь происходит.

— Эй! Вы куда наведались? — Воскликнул он слишком громким для нынешних обстоятельств голосом.

Вестания толкнула Лика внутрь его камеры и втянула туда Теренею. В конце коридора раздался звук шагов.

— Молчи, дурак! — прошептала она. — Нужно выбираться сейчас!

— Куда ещё? — кажется, он только проснулся от шума и плохо понимал, что происходит.

— Это побег, организуемый Соппротивлением. Нужно найти их, иначе нас застрелят, — попыталась объяснить ему Вестания, но по выражению лица поняла, что бесполезно убеждать Лика.

— А как вы открыли двери? — спросил Лик. Шаги становились ближе. Его маленькие глаза забегали из стороны в сторону. — Да вы предатели что ли? Я расскажу, что вы пытались сбежать!

— Стой! — прошептала Вестания, но Лик выскочил в коридор, и она не успела его остановить. Девушка нашла в себе сил повалить Теренею на пол, зажав ей рот, и прижать её сверху своим телом.

— Здравие желаю, кириос... — проскандировал Лик отряду солдат.

Рука мальчика взлетела к голове в хорошо знакомом ему жесте. Он всегда отдавал честь проходящим мимо военным и хотел служить в армии Ойкумены больше всего на свете. Лик не успел закончить приветствие, как две пули вонзились ему в тело — в грудь и в голову. Вестания видела, как мальчик подпрыгнул от неожиданности и в следующий миг лёг в коридоре. Она набрала воздух в лёгкие, и всем весом прижала Теренею к полу, сама пригнувшись, зарывшись лицом в волосы сестры. Тяжёлые армейские ботинки промчались мимо камеры Лика, мимо тела, растянувшегося в коридоре. Один из военных заглянул в открытую дверь, но кажется, слишком торопился, чтобы оглядывать помещение

внимательно. Сестёр спасло лишь то, что они лежали на полу у самого дверного проёма, в слепой зоне солдата. Армейские ботинки застучали дальше по коридору, вскоре смолкнув вдали.

— Пошли, — прошептала Вестания, потянув сестру дальше.

— Я боюсь! — заплакала сестра.

Я тоже. Очень сильно. — Подумала Вестания, но вслух ничего не сказала. Если они просто останутся здесь, то можно забыть об Океании. Пока у них у обеих ещё была надежда выбраться из Акрополя и из Термины. *Нужно только идти.*

Она вытащила сестру в коридор. Держала её за руку, потому что была уверена, что Тереня отстанет. За поворотом, к своему облегчению, она обнаружила Кассандру.

— Нюкта, идём, нужно выбираться! — Женщина стояла в дверном проёме и уговаривала свою соседку.

— Нет! Знаешь, что они сделают с нами?! Я не пойду, я уже видела такое... — рыдала она.

— Если ты останешься, то они сделают что-то похуже, — заверяла её Кассандра.

Вестания подвела Теренею к женщине. Кассандра окинула их взглядом.

— Молодцы, что пришли, — одобрила она. — Нужно найти отряд Сопротивления, пошли за мной, быстрее! Нюкта? — обратилась она к своей соседке в последний раз. — Я ухожу.

— Закрой камеру. Тогда меня не найдут, — ответила она.

— Ну и дура, — заключила Кассандра, прикрыв дверь. — Нашли ещё кого-нибудь там? — Обратилась женщина к ним, кивнув на крыло, откуда пришли сёстры.

— Нет, — покачала головой Вестания. — Лика застрелили.

Эта новость расстроила Кассандру, она покачала головой.

— Он бы не пошёл с нами. — Заключила она рассеянно, словно пытаясь саму себя утешить. Вперёд, нельзя стоять на месте. — Она пошла по коридору так, словно совершенно не боялась натолкнуться на солдат.

— Как открылись двери камер? — спросила Вестания шёпотом.

— Понятия не имею. — Отозвалась Кассандра. — Я дёрнула за ручку, когда шум стих. Она была открыта. Не важно, значит нам повезло.

Повезло. — Подумала Вестания.

Впереди из соседнего поворота раздался звук шагов.

— На пол! — скомандовала Кассандра и Вестания припала к полу, потянув за собой сестру.

В проёме показалась группа людей.

Нам конец! От страха было сложно дышать.

— С нами тень Алкида! — выкрикнула Кассандра, выставив руку перед собой в незнакомом Вестании жесте, словно пыталась поймать что-то в воздухе.

— Не стрелять! — раздался мужской голос. — Касси?

— Это я! Нас трое.

В красном свете ламп Вестания увидела пять человек в сером снаряжении и тканевых масках, скрывающих лица.

— Пойдёте с нами, если хотите спастись, — скомандовал голос.

— Дард! Нужно выбраться... — попыталась вставить Кассандра.

— Нет. Планы поменялись. Алкид в тюрьме. Нам нужно вытащить его.

— Но...

— Идите за нами. — Повторил активист, чье лицо скрывалось за маской. — Мы найдём Алкида. Только тогда будем выбирать сами.

— Вы знаете, где он? — спросила Кассандра.

— Да. Идём. — Повторил активист.

Вестании и Теренее не оставалось ничего другого, кроме как присоединиться к отряду.

— Кто такой Алкид? — спросила Вестания у Кассандры.

— Лидер Сопrotивления, — отозвалась она.

Что?

Новость озадачила Вестанию. Это означало, что Сопrotивление не собирается спасать их, они пришли только за своим Алкидом.

— Держитесь в центре. — Приказал лидер группы.

Вестания уже не отдавала себе отчёта ни в том, что происходит, ни сколько это длится. Скорее всего так сработал инстинкт самосохранения, ей стало казаться, что она наблюдает за всем со стороны, а потому её страх был не настолько едким, насколько мог быть.

— Пошли, — шепнул активист, и они рванулись вперед по новому длинному коридору.

Они задержались лишь на секунду. Посреди коридора лежал мертвец. Под тусклым светом красных лампочек, работающих в аварийном режиме, что-то рассмотреть было не проще, чем на улице. Активисты замедлили ход, взглянули на труп. Тюремная роба. Церемониться было некогда, Вестания хотела обойти его стороной, но активисты не дали ей времени, потащив дальше. Пришлось перешагивать.

— Ещё далеко? — спросила Кассандра тихо.

Ей никто не ответил.

Бесконечный коридор. Ещё один труп. *Хоть бы только всё было хорошо*, — не переставала повторять про себя Вестания.

Где-то вдалеке прозвучал шум стрельбы. Активист, шедший впереди замедлил шаг, выставив руку перед девушками. Второй активист поднял пулемет.

— Дард? Это мы, — раздался тяжелый голос из соседнего коридора.

— У вас все целы, Фоб? — Спросил лидер отряда сдавленным голосом.

— Басса подстрелили. В плечо. Его бы увести отсюда. — Отозвался второй лидер из-за поворота. Они прошли ещё вперёд по коридору и встретили такую же группу революционеров в масках, только их было четверо.

— Нет времени, — отрезал мужчина, которого называли Дардом. — Пусть держится в середине. Нашли нужную камеру?

— Не успели, — ответил Фоб.

Две группы разделились, видимо, чтобы было безопаснее зачищать коридоры. Снова бег и страх. Во всяком случае они вместе с сестрой и рядом есть взрослые с оружием. Вестания подумала о тех, кто направился в другие коридоры. Вернутся ли они? Внутри Акрополь и правда напоминал один огромный лабиринт.

В конце концов, Вестания заметила, что они оказались в какой-то другой части здания.

— Мы у цели, да? — спросила Кассандра едва слышно. В ответ Дард лишь кратко кивнул.

Впереди опять раздался звук пальбы впереди, их отряд ненадолго задержался, Дард развернулся к ней и сестре и заставил нагнуться, надавив руками ей на плечи. *Сколько ещё это продлится?!*

Дард и кто-то из Сопротивления, она не рассмотрела, пробежали внутрь. Двое охранников свалились на пол, как и один из активистов. Кассандра взвизгнула от ужаса. Вдруг это был кто-то, кого она знала?

— Всё чисто! Быстрее! — крикнул Дард, и они продолжили движение вперёд по очередному коридору.

Номера на железных дверях. Чётные справа, нечётные слева. «10», «12», «14», был ли кто-то внутри них? Сколько заключенных сейчас держали в Акрополе? «16», «18», вот они — двое солдат. Через сколько трупов ей пришлось перешагивать сегодня? «20», почему-то захотелось обернуться. Там сзади была Теренея. Большие серые глаза полны ужаса. Закончится ли это когда-нибудь? «22», помимо сестры, она заметила много других активистов. Сколько их было? В полумраке коридора Вестания не могла разглядеть их всех. Кажется, кто-то ещё догнал их отряд. Их было много. Она не могла сосредоточиться, чтобы сосчитать всех. Был ли среди них Фрикс или Веспер? Наверное, нет, иначе бы они узнали сестёр.

«24».

— Здесь! — крикнул Дард, остановившись напротив двери.

Вестания почувствовала, как резко изменилась обстановка. Активисты теперь пребывали в жутком возбуждении.

— Динамит, — шепнул Дард, но прежде, чем активисты успели протянуть ему взрывчатку, заговорила Теренея.

— Стойте! Не надо, у меня есть ключ!

— Что? — Дард с сомнением покосился на нее.

Теренея протянула Дарду один из ключей, найденных у них в камере. На бирке значился номер «24».

Откуда Асфодель мог знать... Вестания перестала улавливать то, что происходило. Она слишком боялась, и слишком сильно хотела уйти.

— Так! Всем разойтись! — приказал Дард, прежде чем вставить ключ в замочную скважину. — Немедленно!

Но они уже не подчинялись командам. Они были здесь ради своего лидера. Они хотели увидеть его живым.

Теренея крепко сжала её руку, когда двери открылись. Вестания вдруг поняла, что на них не обращают внимания, желающие взглянуть на своего вождя повалили ко входу в камеру, первыми туда просочился Дард, кто-то ещё последовал за ним. Сестёр оттолкнули к стене напротив входа. Лишь теперь они перестали быть в окружении революционеров, они оказались позади них. Зато, приподнявшись на мыски, Вестания смогла заглянуть внутрь камеры № 24. Внутри не было света, а многочисленные активисты почти загородили ей обзор, но краем глаза ей всё же удалось что-то рассмотреть. В глубине помещения она заметила обмякшее туловище со связанными за спиной руками. Дард подошёл к нему, что-то сказав совсем тихо, затем помог ему подняться на ноги, и он покорно подчинился. Но едва внутрь проник кто-то ещё из активистов, как Дард вдруг вынул из кармана холщовый мешок и надел пленнику на голову. После этого лидера Сопротивления потащили на выход, подхватив под руки.

Возбуждение толпы переросло все пределы. Они смотрели лишь на Алкида, точнее, на его бессильное тело, опиравшееся на своих подчиненных. Они готовы были нести его на руках, все они. Словно опьяненные, они и думать забыли об осторожности.

— Уходим! Уходим! — приказывал Дард.

Другой активист перехватил командование на себя и пробежал вдоль по коридору, осматривая путь.

Вестания слишком поздно потянула сестру вслед за ними. Догнать Дарда они уже точно не сумеют, те были слишком далеко, растолкать же остальных активистов, сцепивших ряды позади Алкида, казалось невозможным. Сёстры и Кассандра оказались в самом конце отряда, Вестания пыталась привлечь внимание кого-то перед ней, но их упорно не замечали. Идти позади было страшно, но теперь, вдохновленные победой, революционеры неслись назад по лабиринту коридоров, поэтому она просто надеялась, что всё обойдется. Была только одна проблема. Видимо, Алкид не мог идти быстро, группа активистов растянулась по узкому коридору. В следующий же миг Вестания пожалела о том, что они шли в конце...

— Стоять! — раздался оклик сзади. Кассандра впиалась руками в плечи девочек. Ещё один активист, шедший рядом с ними, развернулся и зарядил автоматную очередь.

Вестания в который раз за день повалила Теру на пол за миг до того, как выстрелы прогремели и в их сторону. Она не видела всё последующее, ей показалось, что кто-то ещё пришел им на помощь, но одно стало понятно, как только выстрелы стихли, и она открыла глаза: основной отряд ушёл вперёд. Солдаты лежали на полу, один на другом, рядом с ними лежала Кассандра с пулевым отверстием во лбу и истекающий кровью революционер в серой маске, всё ещё держал автомат, но стоять уже не мог. Из глубины коридора в их сторону шёл новый отряд солдат.

— Бегите! — шепнул им активист, и коридор заполнился звуком стрельбы.

Они обе оглохли на секунду, но у Вестании хватило ума заставить Теренею подняться и побежать куда-то вправо, как можно дальше. Вестания не знала, и представить себе не могла, куда они бегут. Она не видела никого впереди, но выбирала дорогу так, чтобы их не застрелили сзади, они сильно петляли, сворачивая из одного коридора в другой. Очень скоро крики позади стихли. Ни единого звука. Она не имела понятия о том, где они, но одно знала точно — прямо посреди огромной беды.

— Вестания, — прошептала сестра.

— Тихо! Что? — отозвалась она.

— Где мы?

— Откуда я знаю?!

— Мы здесь не ходили, так? Мы потерялись.

— Замолчи!

Вестании не хотелось думать об этом. Что теперь? Что теперь делать? Их скоро схватят. Долго им тут не продержаться, они даже не знают, куда идти.

— Мне страшно, — прошептала Тереня, кажется, задетая последней фразой сестры.

— Мне тоже. — Призналась она. — Они не могут нас тут бросить, — произнесла она, и не поверила своим словам.

Тут они обе замолчали, потому что где-то впереди раздался звук шагов охранников.

Теперь нам точно конец, — подумала Вестания. Хотя, с другой стороны, они же не убьют их, верно? Они безоружны. Что с ними тогда сделают? *Лица они застрелили. Даже не задумались, хладнокровно.*

Тут Тереня дернула её за рукав, привлекая внимание к чему-то. Вестания увидела, что та указывает на дверь в соседнем коридоре.

И что? — хотела спросить она, — *дверь же закрыта,* но Тереня вырвалась из её

объятий, и побежала к двери. Вестания ничего не оставалось, кроме как последовать за ней. Шаги становились ближе.

У самой двери Тереня закопошилась, ища что-то в кармане. Вестания ничего не понимала. Спрятаться тут они не успеют, а дверь была явно закрыта. Тут она услышала тихий металлический скрежет, за ним поворот ключа. Тереня отперла дверь, осторожно вернув ключ назад в карман и, совсем чуть-чуть приоткрыв ее, вошла внутрь.

На двери Вестания увидела номер. «601». Точно! Второй ключ... Она зашла внутрь за сестрой и затворила за собой дверь, тихо, мягко, без лишних звуков.

Внутри было темно, совсем ничего не видно, но ей не хотелось искать выключатель до тех пор, пока охранники не пройдут мимо. Что это за комната? Тоже камера? Вдруг тут кто-то есть? Во всяком случае она ничего пока не услышала, ни шороха, ни голоса.

Кажется, снаружи никого не было. После долгого ожидания Вестания выдохнула с облегчением.

— Что это за комната?

— Я не знаю. Просто у нас был ключ с таким же номером, вот я и открыла...

— Ладно, поищи свет... — Вестания принялась ощупывать шероховатую стену рукой.

— Справа от двери, — услышали они вдвоём мужской голос, повергший их в ужас. Глубокий и звучный, он раздался из глубины комнаты. Но делать нечего. Во всяком случае он не набросился на них. Пока. Дрожащими руками Вестания потянулась в указанную сторону.

— Я нашла, — прошептала сестра. *И будь что будет*, — решила Вестания. Они хотя бы вместе.

Свет включился. И девочки обернулись.

341–343 день после конца отчёта

В Ууракулисе Ника и Эльпис задержались ещё на несколько дней. На то было несколько причин. Во-первых, сам Кжеил сказал, что не готов отправиться прямо сейчас, и отправлять своих людей не намерен. Кжеил оказался не только знатоком языков, но и кем-то вроде вождя всего племени. На антропе он называл себя *ангут*. В дословном переводе это слово означало «старший мужчина» или «самец».

Во-вторых, Торне (Ника сразу же приняла решение звать Психею только новым её именем) требовалось некоторое время, чтобы освоиться со своей новой жизнью. Разумеется, она нашла, что искала и не собиралась покидать Эллас вместе с Никой и Эльпис, но вызвалась обязательно сопроводить их до древнего храма, чтобы убедиться в успехе миссии и проводить их по достоинству. На второй день пребывания в Блуждающем городе, были организованы похороны Глады, матери Торны, куда Нике и Эльпис было запрещено приходить.

Последней не менее важной причиной было то, что и самой Нике очень хотелось изучить быт антропосов, о которых раньше она только читала в книгах. За три дня, что им пришлось провести в тундре вместе с семейством Кургуна, девушки действительно устали и были не против немного отдохнуть перед своим побегом из известного им мира.

В Ууракулисе не было чёткой иерархической модели. Ангут племени принимал решения, если споры возникали, к нему приходили за советом, с его мнением считались. Как объяснил Кжеил, клятва обязывала его защищать своё племя и землю, действовать только в их интересах. Он сам решал, кого оставить своим преемником, и любой член племени мог бы побороться с ним за звание ангута. Сделать правда, это мог лишь мужчина.

— Женщинам духи дают детей, женщины не ангуты, — с уверенностью говорил Кжеил.

Однако антропоски отнюдь не чувствовали себя притеснёнными. С их мнением считались, они могли сами выбирать себе мужей из претендентов на сердце. Нике показалось, что сама идея любви была не особенно ясна аборигенам. Они уважали другие качества в мужьях — силу, храбрость, немного посмеивались, но упоминали и о красоте. Хорошим мужем считался тот, кто сумел принести много мяса. Или тот, кто умеет хорошо гнать оленей. На расспросы о чувствах, они смущались и не знали, как это объяснить.

Помимо ангута в племени был и ещё один важный человек — это в переводе на элла «мать» или на антропе «мая», что-то вроде шамана. Маей могла стать исключительно девушка, родившаяся от другой маи. Статус маи был даже выше роли ангута. Мая взаимодействовала с невидимым потусторонним миром, беседовала с духами и просила у них видений. Мая также брала на себя роль целительницы племени. О настоящей медицине в Ууракулисе не знали. Лечение заключалось в травяных отварах, припарках, компрессах и специальных обрядах. Может, какие-то базовые вещи по оказанию экстренной помощи мая и умела делать, вроде зашивания раны и остановки крови, но настоящие болезни антропосы не лечили. Хотя Ника могла поспорить, что и болел этот народ нечасто.

Мать Торны, Глада, была маей. В одном из своих видений она увидела мужчину с чёрной кожей, который придёт в их племя однажды. В видении духи также сообщили Гладе, что чёрный мужчина и антропка родят вместе ребёнка, и только ему духи откроют все секреты мироздания. Когда в лагерь пришла экспедиция с материка, Глада сказала об этом

прошлому ангуту, и тот позволил инландерам остаться в племени. Глада сама не знала, что тот мужчина, отец Торны, влюбится в неё, что она выучит его язык и он расскажет ей, как на материке мужчина и женщина любят друг друга и как сильна бывает их любовь.

Глада хотела познать эту незнакомую субстанцию. Она понесла от мужчины ребёнка, и назвала дочь Торной, что означает «душа». Экспедиция покинула Пацифиду, но тот мужчина решил остаться со своей новой семьёй. Шли годы, и Глада начала верить, что столь странный союз инландера и жрицы действительно изменит жизнь антропосов. Но этой истории не суждено было закончиться счастливо.

Мужчина, выросший в цивилизованной стране, пришёл в ужас от мрачных и пугающих ритуалов, которые происходили на его глазах. Мая посвящала свою дочь в древние тайны, открывала ей способы общения с духами. Когда он увидел татуировку, выбитую на животе ребёнка, он пришёл в ужас. Как она вырастет здесь? В этой стране отсталых и суровых людей, которые не признают современные средства медицины. Его дочь никогда не пойдёт в школу, не научится читать. Будет потрошить животных и приносить их органы в жертву костру.

Улучшив момент, он выкрал своё дитя и сбежал, увезя её с собой на материк. Там он дал ей другое имя, он назвал её Психеей, что тоже означает «душа». Вот только саму её суть он так и не смог переломить. Предречённая изменить историю всех антропосов и спасти своё племя в самый тёмный час, Торна нашла способ вернуться домой.

Эльпис пообещала, что напишет песню про этот сюжет, но сделает это уже в Океании. Им с Никой выделили одну из заброшенных хижин. Первую ночь они спали всего пару часов, остальное время придавались любви.

— Как романтично трахаться на шкуре белого медведя, — заключила Эльпис, откидываясь на спину, и уже готовая ко сну.

— Интересно, в Океании есть медведи? — посмеялась Ника. — А то ради такого можно уложить одного.

— Точно, — усмехнулась Эли.

Ника перевернулась на бок, посмотрела на неё, свою несравненную большую медведицу, всегда освещающую путь морякам.

— Как твой... шум в ушах. — Осмелилась спросить Ника. — Ты не говорила, но я подумала...

Эльпис смутилась, тоже повернулась к ней, прислонив макушку к стене.

— Тише. Но я не могу сказать, что он полностью прошёл. Иногда мне кажется... — она замялась, — впрочем, ладно, не важно.

— Расскажи. — Настояла Ника.

— Да, не знаю. Как будто я слышу в нём что-то знакомое... Не важно, правда. — Она замялась, словно тщательно подбирала слова, — Ники, ты правда... — Эли посерьёзнела. — правда думаешь, что мы сможем туда попасть? Даже после слов Кжеила.

— Он не сказал ничего конкретного. — Пожала Ника плечами. — Только то, что антропосы знают секрет портала, но почему-то не пользуются им. Считают, что способ неверен.

— Если б всё было так легко, люди бы каждый день перемещались в Океанию. Но этого не происходит. Почему ты думаешь, что получится у нас?

— Потому что мы друг друга любим? — предположила Ника. — Потому что мы заслуживаем этого. Потому что мы помогли племени обрести своего пророка?

Эльпис выглядела обеспокоенной. Её голубые глаза наполнились влагой, во взгляде ярилось столько сомнений, а нижняя губа надулась.

— Ники, эти люди, как ты сама говорила, не понимают, что такое любовь. Они молятся духам животных и камней, приносят жертвы... ну и всё такое. И они считают этот способ неправильным. Что такого ужасного может быть в ритуале, что даже они не хотят им пользоваться?

Ника обняла её, прижала к груди, погладила светлые пушистые волосы. Её хрупкая Эльпис. *Я буду оберегать тебя. От всего. Всегда.*

— С нами же будет Торна. Почему-то теперь хочется называть её только Торной. Если пророчество о ней верно, то она исполнит ритуал как-то иначе... не знаю... в общем, я уверена, что у нас всё получится.

— Торна... Психея... даже лёжа на медвежьей шкуре со мной, ты думаешь о ней, — произнесла Эльпис холодно.

— Эли...

— Нет, Ника, это ведь правда. — В голосе Эльпис появилась сталь. — Ты знаешь, на что мне пришлось пойти ради этой поездки? Знаешь, какова была цена за «Икар» и отсрочку концертов? Я думала, мы проведём это время вдвоём, как всегда — будем только друг для друга, но ты взяла с собой свою новую подружку, хотя прекрасно знала, что я о ней думаю! И да, Ника, её история меня тоже трогает, я рада, что мы смогли ей помочь, но... — Она осеклась. В голосе появилась солоноватая дрожь.

В душе Ника знала, что этот разговор был неизбежен, но от гнева её возлюбленной у неё самой сжалось сердце.

— Я знаю, чего это стоило. И знаю, почему ты предпочла не говорить об этом. — Ответила Ника. — У нас с Торной ничего не было. И не могло бы быть. Я люблю только тебя и хочу пойти в Океанию с тобой. Эли. — Она ободряюще сжала её плечи. — Завтра мы будем в Океании. Только ты и я. И эта ссора не будет иметь никакого значения.

— Океания... как же. — Эльпис мрачно улыбнулась. Что это за эмоция на её лице? Сомнение? Безверие? Эльпис словно делала это всё ради Ники. Как если бы приносила себя в жертву её желаниям.

Но это же моя роль...

Хотела ли Эльпис действительно попасть в Океанию, или просто пошла за Никой? Верила ли она в то, что у них получится сбежать? Неужели были такие наручники, ключ от которых утерян навсегда. И если для Ники этот поход был давней мечтой, исполнением самого большого желания, то для Эльпис — просто весёлым приключением, которое несколько затянулось. Ника увидела её глаза — глаза птицы, которая вдруг покинула пределы клетки и теперь отчаянно мечется по комнате, пугаясь тому, как выглядит мир, лишённый прутьев.

Шутка затянулась. — Прочитала Ника на её лице. — *И она не готова идти со мной до конца.*

— Ты можешь вернуться домой. — От этого безвкусного слова свело язык. — Я не могу тебя заставить.

Эльпис перевела грустные голубые глаза на потолок, которым служила дублёная кожа.

— Давай доберёмся туда сначала. И всё узнаем.

Весь день они шли по пещерным лабиринтам. Кжеил не захотел идти с ними, сказав, что у него и без того много дел в поселении, зато вызвался Фликшу и уговорил пойти Кургуна. Кжеил уверял, что путь совершенно безопасен, но Ника почувствовала облегчение от того, что их будет сопровождать опытный воин. Вместе с Торной согласилась пойти Анка. Сводные сёстры за несколько дней сблизились, и много общались. Ника подозревала, что вскоре Торна заговорит на антропе, как на родном языке.

— Поход в храм для детей это своего рода праздник, — объяснила Торна. — Анка говорит, что это место, где происходит новое волшебство каждый час.

Нику поражала невозмутимость десятилетней девочки, которая только что потеряла мать и обрела сестру. Кажется, Глада хорошо подготовила свою дочь. Воспитала её в традициях сурового севера, закалила её сердце. Даже у детей здесь не было права на слабость и слёзы. В свои десять невозмутимая Анка могла бы стать шаманкой племени. Но пока ей выпала даже более значимая роль — обучить всему Торну, передать той знания их предков.

Анка неплохо говорила на элла. Похоже, мая верила в то, что её похищенная дочь однажды вернётся.

Они вышли в большой просторный зал. Потолок пещеры показался Нике живым, дышащим и трепыхающимся. При ближайшем рассмотрении, он оказался усеян летучими мышами. Удивительно, что эти животные обитали так далеко на севере.

Вдруг одна из мышей, возможно испуганная светом факела в руках Кургуна, сорвалась с потолка и пролетела над головами девушек. Эльпис взвизгнула от страха, но к счастью, всё обошлось, и животное воссоединилось с братьями. Ника успела заметить, что тело мыши покрыто длинной и густой шерстью.

— В пещерах тепло, мыши долго живут тут с нами, — объяснила Анка. Её речь немного отличалась от протяжного говора, который Ника успела приметить среди антропосов. Анка, наоборот, торопилась, подгоняя слоги, из-за чего её речь звучала отрывисто, так, словно она задыхалась после быстрого бега.

— Что они едят? — с сомнением в голосе спросила Эли, разглядывая бесконечную волну мышей, заполнявшую целый огромный зал пещеры.

— Птицы и рыбы, — ответила Анка. Они охотятся снаружи. А здесь спят.

— Значит мы у цели? Выход близко? — уточнила Ника.

— Почти, — подтвердила Анка.

Из просторного зала дальше вёл узкий коридор. Всей группе приходилось идти боком по извилистому туннелю, который к тому же, вдруг резко стал снижаться.

— Это называется «курчен тар» — «туннель смерти». — Объяснила Анка, шедшая посередине группы. — Проход в портал охраняют духи. Если ваши мысли злые, вас не пустят, вы застрянете в туннеле. Если добрые, то пройдёте.

Можно было предупредить заранее, я бы очистила мысли, — подумала Ника с сожалением. Идти пришлось, съёжившись в три погибели, буквально протискиваясь сквозь проход. Зато Фликшу и Анка шли совершенно спокойно, мальчик даже задорно посмеивался.

Ника шла, чувствуя, как уклон пошёл вверх, при этом потолок не вырастал. В конце концов, коридор замкнулся, показав только узкий круглый лаз.

— Здесь надо лезть в «курчен тар». — объяснила Анка. — Лезть надо особенно. Нужно считать до пятнадцать и вылезти ровно в конце счёта. Иначе вернёшься здесь. — Она опять

указала пальцем на лаз.

— Невозможно! — воскликнула Эльпис удивлённо. — Ты хочешь сказать, что если пролезть за десять или двадцать секунд, то вылезешь из того же отверстия, в которое влез?

Анка покивала с серьёзным и сосредоточенным видом.

Ника была заинтригована. Во всех сказаниях об Океании говорилось о расстоянии в 15 секунд, которые отделяют друг от друга два мира. Неужели, где-то на их материке было место, через которое возможно проскочить само время? Подобное казалось невозможным, однако Пацифида была наименее исследованной частью их мира. Антропосы тщательно охраняли это место от инландеров, держали в тайне сам факт существования древнего храма. Любые нерегулированные попытки попасть внутрь, неминуемо бы закончились смертью.

Тем временем беззаботный Фликшу первым нырнул в лаз, как наверняка делал сотню раз раньше. Для него, кажется, не составляло труда протиснуться в узкую щель и проскользнуть вперёд по туннелю. Он исчез, и больше не появлялся. Следом за ним, что-то пробубнив, в проход полез Кургун. Ника поразилась тому, как этот взрослый и крепкий мужчина ловко проскочил в туннель, совершенно не уступая по проворству мальчишке. Северяне не уставали удивлять её.

Анка подтолкнула Торну к проёму.

— Иди, ты, как мая, должна попробовать.

Торна с сомнением взглянула в узкий лаз.

— Что, если у меня не получится?

— Ничего. Вынырнешь тут и полезешь ещё.

Ника не представляла, каким образом можно было так точно рассчитать время, которое ты потратишь на то, чтобы проползти сквозь лаз. Тем более, если ты это делаешь впервые.

Торна нервно потёрла руками плечи, затем нерешительно подошла к норе и заглянула внутрь. Спустя несколько мгновений она всё-таки осмелилась вползти. Можно было предположить, что всё получилось, так как метиска исчезла в черноте «курчен тара».

Анка сказала, что пойдёт последней. Для десятилетней девочки, она очень храбро брала на себя ответственность за всю группу. Следующей полезла Эльпис. У неё, в отличие от предыдущих спутников с первого раза не получилось, и спустя секунд двадцать после того, как она вползла внутрь, она вдруг вылезла по эту же сторону. Ника взяла её за руку и помогла выбраться.

— Как это произошло?! — Воскликнула поражённая Эльпис. Ника и сама едва могла поверить глазам. Это место действительно было пронизано удивительной магией.

— Слишком долго. Считай нормально. Пятнадцать секунд. — Анка была равнодушна. — Не все могут с первого разу. Давай ещё. Главное считай и ползи быстро.

Со второго раза Эльпис, кажется, удалось. Она больше не появилась на этой стороне.

Ника подошла к дыре под названием «курчен тар». В конце не было видно вообще ничего: ни просвета, ни их друзей. Она крикнула в чёрный зоб, но никто не ответил ей.

— Отсюда туда нет связи. Можно только лезть. — Сказала Анка.

Деваться было некуда. Ника медленно просунула руки в щель и, оттолкнувшись ногами, поползла вперёд.

Раз.

В туннеле пахло сыростью, хотя грани лаза были почти гладкими и сухими. Места едва хватало на то, чтобы продираться вперёд. Локтями она утыкалась в отшлифованные стены «курчен тара».

Два.

Неужели мир действительно был сложнее, чем они привыкли думать? Ника по складу ума была реалисткой, её, безусловно, забавлял фольклор и легенды антропосов, но только как историка. Она бы ни за что не поверила в возможность подобного перемещения, если бы ей просто рассказали о нём.

Три.

Туннель противоречил простейшим законам логики мира, в котором они живут. Само его существование уже перечёркивало все те знания, что накопили сотни поколений до неё.

Четыре.

Внутри было так тихо, что казалось, ни единый звук не мог сюда проникнуть. «Курчен тар» скорее всего подавлял всё, что находилось с обеих сторон — голоса, запахи, лица. Он сам состоял лишь из мрака и запаха сырости.

Пять.

Мысли, которые Ника отгоняла от себя весь последний вечер, наконец настигли её, в этой кишке между двумя мирами, в пространстве, состоящим из пустоты.

Шесть.

Пойдёт ли Эли до самого конца? Нике начало казаться, что она сама совершает страшное предательство — впервые в жизни ставит свои желания вперёд желаний Эльпис. *Но ведь я делаю это для нас двоих.*

Семь.

Или нет. Вдруг она обманывала её всё это время? Вдруг Эльпис на самом деле не нужна никакая Океания, что, если единственным её желанием было сверкнуть на сцене в лучших залах Ойкумены? И сейчас Ника пытается отобрать у той её мечту.

Восемь.

Она вообще не верила, в то, что у нас получится. Хотела немного подыграть, порадовать меня. Для вида, для справедливости, чтобы я не чувствовала себя обделённой. Просто побыть вместе. Отправиться в курорт на заре конца дней.

Девять.

Все обещания, клятвы, признания — имело ли это всё какой-то вес или было таким же обманом. Подлой шуткой, насмешкой судьбы? Она когда-нибудь любила меня по-настоящему или просто игралась?

Десять.

Ника сбилась со счёту и не хотела больше считать. Боль сжала горло, и она заплакала навзрыд.

Через несколько мгновений, когда Ника собралась с силами, она вылезла из туннеля, Анка помогла ей спуститься. Девушка постаралась скрыть своё красное лицо и глаза, но от взора дочери шаманки это не укрылось.

— «Курчен тар» тебя поймал. — Заявила она.

— Что это значит? — спросила Ника разочарованно.

— У тебя в сердце зло. Он нашёл его и достал. Поймал тебя.

— И что теперь будет?

Анка что-то зашептала, едва шевеля губами, прикрыла глаза. Затем она стала чертить в воздухе непонятные Нике символы.

— Духи не хотят, чтоб ты шла, — заключила Анка. — Если попробуешь ещё, можешь застрять в «курчен тар» навсегда.

— Что мне делать? — Слёзы непроизвольно лились из глаз. Ника никогда не чувствовала себя такой беспомощной. Она понятия не имела, о каком зле шла речь. Она сама ведь не считала себя злой, и не совершала никогда ничего плохого.

— Можно рискнуть. Но это опасно. — Предупредила Анка. — Точно хочешь попробовать? Можем вернуться назад.

Вернуться назад? После всего, что они пережили! После той жертвы, что совершила ради них Эльпис, после такой дальней дороги, холода, опасностей... что ей вообще делать в их прежней жизни без Эли? Как она может вернуться сейчас, в метре от цели?

— Я хочу на ту сторону, к моей подруге. — ответила Ника единственное, что знала точно. — Отведи меня туда.

— Ты же не знаешь пока, на что придётся пойти, чтобы открыть врата. — Сказала Анка строго. Её речь стала более плавной, даже акцент куда-то улетучился. — Ты можешь передумать, пока не стало поздно.

— Я пойду туда. К Эльпис. — Ника чувствовала, как слёзы засыхают на щеках. Страх сменялся целеустремлённым гневом. Какое право это девчонка имела решать за неё?

— Хорошо. Но знай, что в этом случае ты увидишь своё собственное отражение. И оно может не понравится тебе, может испугать. Не у всех хватает смелости посмотреть себе в лицо.

— Веди меня, — настаивала Ника.

Анка достала из кармана тонкую ниточку, связанную, судя по всему, из шерсти оленей. Она подошла к Нике и обвязала нить вокруг её горла. Второй конец она привязала к своему ботинку.

— Я поведу. Не отставай. И не пытайся закрывать глаза, иначе «курчен тар» не отпустит тебя.

Анка полезла первой, у Ники, которая теперь ощущала себя собакой на поводке, не было выбора, кроме как последовать за девочкой. Она ещё раз погрузилась во мрак туннеля. Считать секунды теперь не имело смысла, она ползла прямо за Анкой, стараясь делать так, чтобы нить не натягивалась. Анка что-то шептала впереди, может считала до пятнадцати на антропе, может, уговаривала духов, но звук её голоса очень скоро стих. Видно не было совершенно ничего, даже ног девочки, Ника опять оказалась в пугающем вакууме без звуков и без видений. Она просто ползла вперёд, чувствуя, как с каждой её заминкой натягивается нить, сдавливая горло.

Вдруг вместо холодной стены лаза под рукой, она ощутила пустоту. Нить натянулась сильнее, вынуждая Нику ползти дальше. Вторая рука тоже провалилась в воздух, девушка хотела окликнуть Анку, но не смогла. Она вдруг рухнула в пропасть, неспособная нащупать опору. Горло сдавило тонкой ниткой, подавив любые попытки заговорить или закричать. Ника падала вниз. Она не видела куда, не видела вообще ничего, кроме слепого мрака. Сердце заколотилось, как бешеное. *Злое сердце*. Почему-то оно оказалось злым.

Она вдруг почувствовала что-то за спиной. Сильное и лишнее. *Крылья?* Ника попыталась воспользоваться ими. Взмахнула раз, два. Ощущение небывалой лёгкости наполнило рассудок. Она летела в смолистой темноте, как вдруг что-то липкое начало падать на неё сверху. Это был не просто дождь, а какая-то тягучая смола, которая намочила её новые крылья, ошпарило кожу своим ядом. Жидкость попадала на лицо, в глаза, в рот и Ника почувствовала солоноватый привкус. *Это же кровь!* Она была в водопаде горячей крови. Крылья не могли спасти её в этом полёте, Ника вновь падала вниз. Нить сдавила

горло так туго, что воздух больше не поступал в лёгкие. Ещё немного и тонкая верёвка просто перережет артерию, сухожилия, кости и... *обезглавит меня.*

Сильным рывком Анка вытащила её на воздух. Ника упала в белоснежный колючий снег. Верёвка ослабла, как утопающая, девушка неистово сильно вдыхала разряженный воздух, никак не могла насытиться им. Яркий белый свет ослепил её после мрака «курчен тара». Она принялась растирать снегом лицо, стараясь смыть с себя покрывавшую её кровь. Вместо дыхания изо рта рвался нечеловеческий хрип.

— Ника! — Эльпис припала к подруге на колени, пыталась поймать махавшие в воздухе руки, — Что с ней случилось?!

Голос Эли раздавался где-то бесконечно далеко. Ника чувствовала себя сумасшедшей, но не могла остановиться. Она всё ещё чувствовала вкус крови во рту, когда вдруг поняла, что не видит ни единой алой капли — ни на одежде, ни на снегу. Белые ледяные руки Эльпис поймали её лицо.

— Ники! — Эльпис выглядела такой перепуганной, что Нике стало стыдно за себя. *Почему все пролезли нормально, кроме меня? Почему у меня злое сердце?! Что это вообще значит?*

Она заплакала, не в силах бороться с эмоциями. Проверила рукой тяжёлые лопатки, но там не было ни единого намёка на крылья.

— Сейчас придёт в себя. — Пообещала Анка. — Не все могут «курчен тар» пройти Кого-то ломает. — Её речь опять вернулась в привычный торопящийся и немного рваный слог.

Ника обняла Эльпис. Несколько минут девушки сидели, боясь расцепить руки. Эли ждала, пока Нику перестанет трясти. Постепенно, она пришла в себя.

Что за жуткое видение! Какое отношение оно вообще имеет ко мне?

Ника хотела бы расспросить Анку поподробнее, но как только истерика улеглась, и она смогла взять себя в руки, её взгляду предстало что-то удивительное.

— Это и есть древний храм? — спросила Торна Анку, указывая на величественное сооружение.

Огромные колонны целились прямо в небо. Крыша храма была повреждена, так что его сложно было назвать помещением, снег беспрепятственно проникал внутрь, засыпая глубокими сугробами высокий помост, служивший алтарём. На стенах можно было увидеть многочисленные письмена, вырезанные прямо в камне. Но больше всего поражало небо над храмом. Оно имело какой-то удивительный цвет — сочетания багряного, фиолетового, синего. Краски собирались в причудливую воронку, которая медленно кружила над храмом, переливаясь невозможными оттенками.

Под пристальным надзором деда, Фликшу занимался не менее занятым делом. Мальчик принялся собирать что-то в снегу и, подойдя к нему поближе, Ника увидела, что это были жемчужины и морские ракушки, которые лежали повсюду вокруг храма. Кто бы мог подумать, что они действительно доберутся сюда! До самой Океании. Там, далеко на западе, откуда они пришли, люди думали, что это лишь сказка. И вот они стоят на пороге волшебной страны.

Эльпис не могла оторвать глаз от неба с его разноцветными переливами. Воронка манила, тянула к себе. Создавалось ощущение, что ещё немного, и они заметят проплывающих в небе китов и дельфинов.

Ника побежала к храму, совершенно забыв о пережитом ужасе. Она больше не хотела

обращать внимания на их провожатых, лишь бы поскорее открыть ворота и попасть туда. Эльпис вскоре догнала её у самых столпов, ознаменовавших вход в храм.

На изрезанных стенах можно было различить замысловатые письмена, Ника зачарованно водила пальцами по незнакомым ей буквам, желая определить, на каком языке были написаны эти строки. Символы были ей совершенно незнакомы, они напоминали какие-то древние скрижали или руны, вперемешку со странными рисунками. Помимо животных и примитивных человечков, можно было разглядеть и летающих на крыльях ангелов. *К чему бы это всё?*

— Это Океания? Там, наверху? — услышала Ника голос Торны за спиной.

— Верно, — ответила ей Анка.

— Как войти туда? Как активировать портал? — потребовала Ника, оглянувшись. — Ты же знаешь? Теперь, когда мы здесь, ты можешь рассказать?

Анка выглядела так, словно скрывала что-то неприятное, что никак не хотела рассказывать. Девочка стояла с недовольным и серьёзным видом, надув тонкие бескровные губы.

— Анка, — обратилась к ней Торна, — мая просила помочь им. Если бы не они, я бы не попала домой. Им двоим, правда, очень нужно уйти. Расскажи, как это сделать.

— Две не уйдут. — Сухо отрезала девочка.

— В смысле не уйдут?! — За весь прошедший день, после всего пережитого ужаса, который испытала Ника, она готова была наброситься на ребёнка, который встал между ней и их с Эльпис свободой. Она подбежала к девочке и была близка к тому, чтобы схватить её за шиворот. За спиной Анки сразу же вырос суровый Кургун. Мужчина лишь своим видом заставил Нику остановиться. — Ты привела нас сюда, протащила меня через этот «туннель смерти» и теперь говоришь, что я не могу попасть туда?!

— Ника, — Эльпис обняла подругу со спины. — Успокойся, — прошептала она.

— Расскажи, что нужно сделать. Мы уйдём вдвоём. — Потребовала Ника, вырываясь из объятий подруги.

Анка подняла глаза на стену с письменами и указала на один из символов.

— Здесь написано «эзкар». Это значит «жертва». — Ответила она. — Очень давно всем уура был дарован храм. Кто-то считает, мы пришли на землю, чтобы охранять ворота в другой мир. Но пользоваться воротами уура было нельзя, и мы передаём этот запрет от матери к сыну и дальше. Потому что есть всегда плата. И плата в том, что открыть ворота можно только через «эзкар».

— Через жертву. — Перевела Ника.

Анка покивала и указала рукой на широкую круглую плиту.

— Если там прольёт кровь тот, кто согласен быть жертва, второй сможет пройти сквозь ворота туда, — она указала рукой на воронку с разноцветными переливами в небе. — Только так можно. Мая разрешила вам пойти. Решайте сами, какая из вас готова на это.

Ника обернулась к Эльпис. Девушка стояла растерянная, переводила глаза с подруги на алтарь.

Мы проделали такой путь! Ради чего? Ради того, чтобы одна из нас умерла тут!

— Эли...

— Ника, — прервала её Эльпис. — Ты этого хотела. Это была только твоя мечта, не моя.

Всё вдруг пропало. Ника не видела больше ни Анку, ни Торну, ни даже стен храма и

огромную воронку Океании в небесах. Перед ней была только её Эльпис. Единственное существо во всём мире, в которой был смысл.

— Не говори глупостей! — разозлилась Ника. — Как ты вообще...

Тело стало таким неуправляемым и слабым, она рухнула на колени в снег и Эльпис осела рядом.

— Я сделаю это ради тебя, — прошептала Эльпис ей на ухо. — Если так надо...

— Так не надо! Ни для кого так делать не надо!

— Ники...

— Нет! — решительно оборвала её девушка. — Ты что, не понимаешь, что я живу ради тебя?! Не наоборот, а только так. И только так было всегда. Если кто-то и должен стать жертвой, то я. Потому что ты лучше, красивее, сильнее меня. Потому что ты — муза, Эльпиника, а я только твой дублёр, твоя скромная тень. Потому что ты правильная, а в моём сердце живёт зло. Я не знаю, что это за зло, Эли, но я не могу оправдать его. Мне не нужно это... — Она махнула рукой в небо, которого не видела, — если там не будет тебя.

Слёзы бежали по щекам обеих. Наверное, ещё никогда они не были так близки, как в эту секунду удушающей скорби.

— И мне совершенно всё равно, что было между вами с Пигмалионом. Потому что я знаю, что это было ради нас. Что ты любишь меня. Я не знаю зачем ты меня любишь, и за что. Но я знаю одно... что бы ни происходило, мы должны быть друг у друга. Если не в Океании, то... — С этой мыслью было куда сложнее смириться, — то мы вернёмся назад в Харибду ни с чем. Но мы будем живы, и мы будем вместе.

Эльпис протянула к ней руки, и они обнялись. Как тепло было прижиматься к её солёной щеке.

— Я люблю тебя, Эли, — прошептала Ника. — И я не могу и не смею пожертвовать тобой.

— Подумай немного, пока есть такая возможность, — ответила Эльпис, на что Ника слегка стукнула её ладонью по спине.

— Какая ты глупая для музы, — шепнула она в ответ.

— Я тоже люблю тебя, Ники, — отозвалась Эльпис.

Они ещё долго стояли на коленях в снегу возле храма антропосов, а в небесах над ними пронеслось брюхо огромного чёрного кита.

528 день после конца отсчёта

— Вестания и Тереня. — Уверенно произнёс незнакомец. Глаза девочек после долгого полумрака коридоров Акрополя теперь ослепли от яркого пронзительного света загудевшей лампочки. Заключённый, сидевший на стуле в решетчатой камере, тоже прищурился. На его лице были следы побоев, а руки были связаны за спиной. — Кто кого нашёл... — Произнёс он непонятную для Вестании фразу.

Сама мысль о том, что незнакомец мог знать их имена, пробуждала в Вестании трепет. Она понятия не имела о том, что ему было нужно.

— Кто вы? — сумела выдать она, справившись с волнением.

Мужчина не отвечал какое-то время. Камера № 601 могла быть только допросной, судя по её внутреннему устройству. Небольшое помещение с рабочим столом, посреди комнаты проходила решётка, отделявшая закуток, где стоял единственный стул. Незнакомец как раз занимал то самое место для допроса. Но как он мог знать их имена?

— Я пришёл за вами, — сказал он в пустоту.

— Откуда вы знаете, как нас зовут? — потребовала от него Вестания. — Вы назвали имена...

— Она послала меня. Алкиона. — Ответил мужчина. Вестания поймала себя на мысли что он до сих пор не назвал своего имени.

— Что?! Мама! — обрадовалась Тереня, ринувшись к решётке. Вестания едва успела схватить её за рукав.

— Тихо, глупая! — осадила её Вестания.

— Он знает маму!

— Мы не знаем его, — прошептала она.

— Она просила найти вас. И отвезти к ней. — Сказал он тихо.

— Где мама? — спросила Тереня.

— В Белизне. — Ответил он, и почему-то по спине Вестании пробежал холодок. — В поле, ждёт вас вместе с саями. Откройте клетку. Я вытащу вас отсюда и отведу к ней.

С мамой все хорошо! И совсем скоро всё закончится. Они больше не будут заключёнными Акрополя из-за того, что Тера несовершеннолетняя. Они уедут, и им не нужно будет присоединяться к Сопротивлению. Но Вестания была осторожной. Она не хотела прыгать в омут надежды головой вперёд.

— Вы не сказали, кто вы, — настаивала Вестания, на сей раз не дав сестре открыть рот.

— Меня зовут Аластор.

— Как вы познакомились с мамой? — настаивала она.

— Мы ехали в поезде. «Призрак». Он пришёл в Термину только вчера.

— Как вы попали в Акрополь? — спросила Тера.

— Военные привезли, также как вас. — Разозлился Аластор. — Это был единственный способ попасть внутрь. Я отведу вас к ней. Но вы должны меня выпустить.

Вестания поверить не могла в это чудесное спасение. Только что их жизни висели на волоске от смерти, а сейчас им предлагали помощь.

— Там много охранников. Они вооружены. — Сказала она. — Опасно...

— Я опаснее их, — перебил её мужчина. Голос его становился более надрывным,

кажется, он терял терпение. — Если хочешь выбраться с сестрой, придётся в это поверить.

Вестания с сомнением взглянула в яркие глаза Теренеи. Она так и умоляла её взглядом. Конечно, Вестании и самой больше всего на свете хотелось обнять маму. Знать, что всё в порядке, что она цела. Но события последних дней успели научить её осторожности.

— У меня есть компас. На нём гравировка «Никогда не теряйся». Алкиона отдала его, чтобы вы мне поверили. — Привёл Аластор последний свой аргумент. На Теренею он сработал самым фантастическим образом, она бросилась к камере так быстро, что Вестания не успела её остановить.

— Хорошо. Мы выпустим вас, — согласилась и она сама, в конце концов.

Дверь допросной скрипнула. Когда верёвка, связывавшая руки Аластора упала на каменный пол, Вестания едва подавила испуганный вскрик. Аластор тяжело поднялся с места, разминая затёкшие кисти. Девушка вдруг поняла, что её сестра совсем одна, так рискованно близко от этого опасного человека. Она рванулась внутрь камеры, решив, что он сейчас нападёт на неё, но едва Вестания влетела внутрь, как Аластор остановил её единым взглядом. Девушка и подумать не могла, что он такой высокий. Им точно не отбиться.

— Пора выбираться, — сказал он, натолкнувшись на её испуганные глаза. — Сначала мне нужно найти оружие. У вас его, конечно же нет?

Вестания покачала головой.

— Тогда ждите здесь до тех пор, пока не будет.

Он прошёл мимо изумлённой Вестании прямо к входной двери. Не сказав больше ни слова, Аластор выскочил в коридор, затворив за собой дверь.

— Что он делает? — прошептала Теренея.

Не успела Вестания пожать плечами, как снаружи до их ушей донеслась пальба. Сёстры вжались в стену, уже хорошо отточенным за эту ночь движением, опустившись пониже к полу. Вдруг все звуки снаружи смолкли. Через ещё мгновение дверь открылась. Вестания думала, что у неё сердце остановится в груди, но в проёме стоял Аластор.

— Пошли, быстрее, — мужчина кивнул на дверь. В руках у него теперь был пистолет.

Вестания схватила Теру за руку, и они выбежали в коридор вслед за их новым провожатым.

Он шёл тяжело, сильно припадая на правую ногу. У первого поворота Аластор остановился, выставив пистолет вертикально перед лицом. Затем он перегнулся, заглянув в проём, и уверенно шагнул туда, подозвав девочек взмахом пальцев к себе.

— Пока никого. — Заключил он. — Держитесь поближе ко мне и не шумите.

На полу они увидели два тела. Янтарная форма. *Он разобрался с ними голыми руками?*

— Вы знаете, где выход? — спросила Теренея, когда они подошли ближе.

— Я помню, как меня сюда вели. Но для начала мы зайдём ещё кое-куда.

— Куда? — не поняла Вестания.

— Комната конфиската. Все мои вещи там, и мне нужно их забрать. Трость, плащ и оружие. Ваш компас.

Вестании совершенно не нравилось это предложение. Тусклые лампочки под потолком неотступно гудели, кроме них, Вестания не слышала ни звука. Она уже плохо помнила, откуда они пришли. Неприятно чувствовать себя заблудившейся внутри огромной правительственной тюрьмы. Она вновь стала гадать, что с ними сделают, если поймают. Опять запрут в какой-то камере? Будут пытаться? Сразу расстреляют за попытку побега?

— Не отставать, — шепнул Аластор, обернувшись к ним, с этими словами он пересёк

коридор, прижался к противоположной стене и быстро заскользил вдоль неё.

Тереня взяла сестру за руку, было так хорошо сжимать в кулаке её костяшки пальцев, кожа холодная, совсем ледяная. Она не сводила глаз с Аластора. Высокий человек с пустым лицом, словно лишённым вовсе выделяющихся черт. Глаза у него были равнодушные, холодные. Он быстро оценивал ими ситуацию, рассчитывал что-то, но эмоций они не выдавали. Зачем вообще он согласился им помочь? Сомнения не оставляли её.

Аластор дошёл до места, где коридор врезался в другой, перпендикулярный ему. У самого поворота он замедлил шаги, держа пистолет наготове, а второй рукой загородив им путь. Тут её внимание привлекло движение его ладони. Он оттопырил указательный и средний пальцы. Двое. Прямо там, за поворотом. Мужчина обернулся к ним, и Вестания перехватила его взгляд. Правый глаз с разбитым виском был немного прикрыт, второй показался ей безумным. Ни на единую секунду она не заметила на лице Аластора страха, скорее, радость, ей показалось, что даже уголки его губ немного приподнялись вверх. В следующий миг он резко выскочил из укрытия и выстрелил дважды. Кроме звука стрельбы, она больше ничего не разобрала, она не слышала ни криков, ни падения тел, как раньше. Никто не ответил на пальбу, Аластор вернулся к ним, обхватил её за плечо и втолкнул в коридор. Было некогда возражать ему, он заставил их пройти по коридору, очень быстро, но девочки подчинились. Когда они оказались возле лежащих на полу, Вестания не сумела сдержать шумного вздоха.

— Не смотри, — приказал Аластор тихо, обошёл её, заткнув пистолет за пояс, быстро нагнулся к телам, прищурившись, когда сгибал правую ногу, поспешно обыскал их, подобрал у одного пулемёт, у второго револьвер, револьвер протянул Вестании. — Держи.

— Я... — начала было она.

— Хотите выбраться, делаете, что скажу, — бросил он быстро. Ей пришлось подчиниться. Револьвер был очень тяжёлым. Ей не хотелось держать его в руках, в конце концов, он принадлежал тому, кто теперь труп. Только что лежал в мёртвой ослабевшей руке.

Аластор вдруг напрягся, оглянувшись туда, откуда они пришли. Вестания едва успела проследить за его взглядом, как он вскочил с места, с силой толкнув её и Тереню так, чтобы загородить их. Сёстры едва не налетели на мертвецов.

Аластор встретил вошедших пулемётной очередью. Кто-то упал, скатившись на пол, кому-то удалось укрыться за стеной. Мужчина отступил к ним двоим, перешагнув через трупы, не говоря ни слова, оттолкнул их к концу коридора, заставив завернуть за угол, затем свободной рукой с лёгкостью подхватил одного из павших солдат за шиворот, и как раз вовремя, потому что тут же Вестания услышала звук стрельбы, заставивший её спрятаться за углом. Через несколько секунд, когда взрывы умолкли, Аластор вернулся к ним, небрежно швырнув истрелянное тело в проход. Тут Вестания заметила, что на его плече появился второй пулемёт.

— Мы всегда забираем оружие, — обронил он, протягивая новый пистолет Теренее, обхватил сестёр за плечи и повёл по коридору. Вестания ощутила что-то липкое под его рукой.

— Вы ранены? — спросила она, уставившись на кровь. Она поняла, что Аластор буквально весь залит красным. Рубашка пропиталась, и она почувствовала, как что-то тёплое и тягучее пристаёт к её затылку.

— Скользящее ранение на руке. Пустяки. Это не моя кровь. — Пояснил он, проводя их

дальше по коридору.

Некоторое время они двигались быстро, никого не встретили на пути. Затем Аластор удержал их, сам прошёл вперёд к новому повороту. Едва он высунулся, чтобы посмотреть, всё ли в порядке, пуля, пронёсшаяся возле его лица, заставила его отдёргнуться назад. Тереня чуть не закричала от неожиданности. Тогда Аластор выждал с несколько мгновений, потом бросился в коридор, прямо навстречу новым выстрелам, девушка видела, как он упал на колени, паля из обоих пулемётов. Через секунду после того, как стихли выстрелы, до сестёр донеслись звуки борьбы.

— Сюда, — тотчас позвал Аластор, когда тишина восстановилась.

В коридоре лежало четверо солдат. Он уже обыскивал их, поменял один из пулемётов на новый, теперь забирал только магазины.

— Далеко ещё? — спросила Вестания.

— Нет, мы почти дошли. — Сказал он, вдруг принявшись стаскивать с одного из солдат янтарную форму.

— Что вы делаете? — удивилась Вестания, пока Аластор вынимал обмякшие руки из рукавов.

— Вытаскиваю нас отсюда, — с этими словами он швырнул одежду Теренее. — Понеси это немного. Там нет крови. Я свернул ему шею.

Вестания отвела глаза от трупа. Аластор тут же повёл их дальше. Он не соврал, когда сказал, что они близки к цели. По пути им встретились ещё двое часовых, которые также полегли под пулями Аластора.

— У нас мало времени, — сказал он, выпустив несколько пуль в дверной замок. — Найдите тут какую-нибудь одежду. Лучше, чтобы не была похожа на ту, в которой вы пришли. Ещё нужна сумка, лучше мешок. Положите её туда.

Они вошли внутрь просторного помещения, где хранились все отобранные у узников вещи. Они лежали на полках вдоль стены, каждая полка была подписана номеру, совпадавшим с камерой заключения. Сёстры смогли найти и свои вещи, вот только свёрток с деньгами растворился без следа. Зато Тереня была рада вновь обрести свой дневник.

Вестания уже догадалась, что задумал Аластор. Идея с переодеванием была простой, но могла сработать. Аластор быстро нашёл сумку из грубой коричневой материи, и принялся перебирать попадавшееся ему на глаза оружие, проверяя его пригодность и наличие патронов. Вестания и Тереня последовали его совету и, не теряя времени даром, стали рыться в старых, пахнувших затхлостью шкафах. В конце концов, Вестания нашла меховую куртку, скорее всего, из куницы; для Теренеи им удалось подобрать пальто, которое все равно было ей великовато и, видимо, шилось на мальчика. Не прошло и минут пяти, как Аластор закончил с выбором оружия, потом отыскал плащ из плотной чёрной материи, сложил его в сумку. Он нашёл свою трость и ещё какой-то предмет, вроде маленькой плоской шкатулки.

— А это, должно быть, твоё, — сказал мужчина сухо, и протянул Теренее её компас. Подарок матери, который та принимала за подарок отца.

Младшая едва ли не запрыгала от восторга. Вся озарилась светом изнутри, улыбка растянула её губы.

— Спасибо! Теперь мы точно найдём маму! — воскликнула Тера.

— Не сомневайся, — ответил он ровным голосом.

— Вы не сказали, почему вы решили помочь нам. И маме. — Вестания осмелилась

продолжить расспрос. — Вы же не просто так ехали в «Призраке»? У вас должны были быть свои дела...

— У меня не было дел, — ответил нервно. — Алкиона предложила мне честную сделку. — *Какую?* — хотела спросить Вестания, но тут он произнёс, — нам нужно спешить, если хотите уехать. Янтари могут найти упряжку, тогда будут проблемы.

— Откуда упряжка? — Вестания продолжала свой расспрос. — И собаки?

— Подарок Сопротивления. — Ответил он безучастно.

Аластор натянул поверх своей грязной рубашки янтарную форму, которую ранее снял с мёртвого солдата. Трость спрятал на поясе за спиной и вооружился пулемётом.

— Пора, — скомандовал Аластор, подойдя к сёстрам. — Мне придётся сковать вам руки. Все должно выглядеть, как если бы я арестовал вас.

— Мне это не нравится, — запротестовала Вестания.

Тут он вынул пару наручников из кармана брюк. Должно быть, подобрал у кого-то из солдат.

— Я не стану сковывать браслеты. Вы сможете их всегда раскрыть. Но тогда сильно не шевелите руками, чтобы они не упали, — предупредил он, больше не церемонясь, и сцепив им обеим руки за спиной.

— Почему не спереди? — спросила Вестания.

— Никто не сковывает спереди, — отозвался Аластор. — Сразу поймут, что это цирк. Всё, теперь пошли.

Он мягко сжал их обеих за плечи и вывел из помещения, предварительно убедившись, что снаружи никого нет. Тут Вестания почувствовала ствол, упёршийся в спину. Ей пришлось зажмуриться и закрыть глаза, чтобы подавить вопль.

— Уберите это, — прошептала она, едва обретя в себе силы говорить.

— Шагай и молчи, — приказал он, слегка подтолкнув её дулом пулемёта вперёд.

Вестания усомнилась в его намерениях. А что если он сдаст их солдатам? Пусть, она не видела смысла в тех убийствах, которые ему пришлось совершить, пока они добирались до арсенала, он все равно мог оказаться предателем. Веста перестала доверять взрослым.

Ей казалось, что страшнее быть уже не может, но спустя минут пять в конце коридора она увидела ещё двух патрульных. *Только не это!*

— Что, ещё кто-то из серых? Или беглецы? — спросил один из солдат, пока они продолжали идти по коридору к ним навстречу. Расстояние все сокращалось.

— Две беглянки, — ответил Аластор невозмутимо. — Скольких ещё удалось поймать?

— Живым никого, — подал голос второй. Вестания очень плохо видела их в темноте, но догадалась, что они оба молоды. — Штук двадцать застрелили.

Аластор промолчал, продолжая слегка подталкивать Вестанию в спину, когда она замедляла шаг.

— Э, да это ж просто девчонки, — вдруг заметил первый солдат. Теперь девушка могла рассмотреть его лицо. У него был гладковыбритый острый подбородок, светлые волосы и голубые глаза. Лет не больше тридцати. Лицо выражало нахальную самоуверенность, как если бы он очень гордился службой в армии Ойкумены. Второй, немного постарше, короткостриженный, но заметно, что волосы сильно вились.

— Они были с отрядом серых, — ответил Аластор. — Но заблудились в коридорах.

— Поведёшь к капитану? — спросил второй. Они были совсем близко, Вестании удалось рассмотреть, как в улыбке кудрявого мелькнул золотой зуб.

— Да. — Ответил Аластор твёрдо.

— Хмм, — светловолосый шагнул к ним навстречу, несколько загородив путь. — Слушай, может, мы займём их у тебя ненадолго? — Он навис над Вестанией. — Сейчас такая суматоха, никто и не заметит. — Его глаза совсем не понравились девушке. Было в них что-то жестокое. — А мы просто немного повеселимся после такой беспокойной ночи. — Он наклонился. Эти мерзкие глаза ласкали её лицо, но нужно им было не это. Вестания не могла дышать и от страха, и от нежелания почувствовать его запах.

Второй присоединился к сослуживцу, теперь путь был перекрыт, а они полностью поравнялись с солдатами.

— Ну так что, насчёт этих кисок? — спросил светловолосый.

Вестания почувствовала, как рука Аластора неожиданно и резко толкает её и Теренею вниз. Одним рывком она раскрыла наручники и схватила Теренею, закрыв её собой и увлекая вниз.

В следующий миг они услышали два коротких выстрела. Спустя ещё миг Аластор навис над ними.

— Пошли. Быстрее. — С этими словами он протянул ей руку. Вестания не хотела отвечать на этот жест, но он сам схватил её и поднял с пола рывком. Теренея в это время встала сама.

Мертвецов удалось обойти, он схватил её за плечо и потащил куда-то вперёд.

— Быстрее, — повторил он.

— Я не могу быстрее, — крикнула Вестания. Теренея держала её за руку, бежала за её спиной и сильно оттягивала назад.

Аластор ничего ей не ответил. Он практически толкнул её в новый дверной проём. Вестания остолбенела. Перед ней раскрылось белоснежное поле Термины. *Белизна.*

Они побежали по снегу. Где-то позади них, наверное, с другого торца здания, доносились выстрелы. Удастся ли сегодня Соппротивлению покинуть Акрополь? *И неужели удалось нам?*

— Вперёд! Она ждёт вас там, — раздался надорванный голос Аластора позади. Через минуту он поравнялся с девочками и обогнал их.

Белый снег резал глаза даже в предрассветных сумерках. Аластор опирался на трость и сильно хромал на правую ногу. Вместе с тем, как продираться сквозь сугробы становилось все труднее, Вестания заметила, что и его походка существенно утяжелилась. Сёстры шли позади него, поэтому им всем пришлось замедлиться.

Снег заглушал голоса, так что они плохо различали слова Аластора. Белый цвет отвлекал своей бесконечной пустотой и резал глаза даже в ночи. Лишь спустя какое-то время, минут пятнадцать или больше, Вестания начала различать хоть какие-то посторонние очертания в непогрешимой чистоте зимней простыни. Кажется, там и вправду маячила собачья упряжка.

Совсем скоро! — подумала она. Мама ждёт их там, и они вскоре смогут обнять друг друга. Весь этот ужас, вся Термина растает где-то позади, а они унесутся на поиски другой, новой жизни. Она перевела взгляд на Аластора, на миг заметила край его лица, чуть обернувшегося к ней — нос с небольшой горбинкой, тонкие сухие губы, карий глаз под тяжёлой чёрной бровью и спутанные волосы, за которые зацепились крошечные снежинки. Он поможет им. Его присутствие всё ещё сбивало Вестанию с толку, но раз он пришёл сюда ради мамы и ради них...

— Где упряжка? — спросила Теренея.

— Там, дальше, — ровным голосом отозвался Аластор, не отрывая глаз от черты горизонта.

Он вёл себя странно, это было понятно Вестании, но сейчас она могла думать только о маме. На глазах наворачивались слёзы, то ли от радости, то ли от снега и пронзительного ветра.

Ей хотелось побежать, но снег стал совсем глубоким, так, что им приходилось идти совсем медленно. Трость Аластора увязала в нем почти наполовину.

Вестания вглядывалась в белое, силясь разглядеть упряжку, совсем скоро она её увидит. Совсем скоро всё закончится. На сердце почему-то стало очень тяжело. Она обернулась к Теренею, желая узнать, как она себя чувствует, сестра светилась, как новогодний фонарь, губы растянуты в широченной улыбке, глаза улыбаются. Странная волна тошноты захлестнула сознание Вестании на миг. Сердце утяжелилось в разы, стало трудно дышать, а внутри неё сделалось холоднее, чем на улице.

Она опять посмотрела вдаль, не понимая, с чем связать эти странные ощущения. И вдруг что-то изменилось. Снег больше не был таким белым, он словно потемнел, стал грязным и серым, позволив ей лучше видеть вдаль. И там она увидела отнюдь не маму на собачьей повозке. Нет. Там был только сугроб. Как и миллионы других сугробов.

Сугроб — гроб для обманутых.

От страха Вестания подавилась воздухом, сердце истерично застучало, предчувствуя угрозу. Ноги вдруг стали такими ватными, она поняла, что не может больше идти не из-за усталости или холода, лишь из-за страха. Не раздумывая, она схватила сестру за руку и остановилась.

— Веста... — открыла рот Теренея, та сжала её руку так яростно и сильно, что младшая сестра не смогла договорить из-за боли.

Он, видимо, услышал это и развернулся к ним лицом.

Что теперь делать? Кто он?

Вестания столько всего хотела сказать или спросить, но язык стал неповоротливым, страх гудел в голове, она слышала стук крови где-то в висках.

— Что происходит? — спросила Теренея.

— Упряжка. — Вестания обрела силы, наконец, услышав свой собственный дрожащий голос где-то очень далеко, эхом отдававшийся от заснеженного поля. — Её же не существует. Там нет мамы.

Аластор не шевелился ещё мгновение. Она могла поклясться, что в его глазах она увидела колеблющееся сожаление, потом оно пропало, сменившись пустотой.

— Она мертва, — сказал он вслух.

Что вы хотите с нами сделать? — хотела спросить Вестания.

Они стояли в шаге друг от друга. Бежать бесполезно, он схватит их раньше. Всё уже становилось понятно.

Мама умерла.

Что?

Мама умерла.

Как это?

Она уже плохо понимала, что происходит.

Спираль. Ей так сильно захотелось укатиться вдаль по острым граням этих завитков.

Где нет ничего. Совершенная пустота. Сейчас Аластор предоставит ей эту возможность. Она видела, как он достаёт оружие из кобуры. О чем она только думала? Сейчас пуля минует изгибы дула и, вращаясь по узкой спирали Смерти, вонзится ей в голову. Потом вторая поцелует Теренею в затылок. Два алых пятна на белой простыне. Белизна. *Она мертва.* Нет...

Она увидела пистолет так чётко. Его вид привёл её в ужас. Она не могла знать, о чем думала Теренея, что происходило сейчас с ней. Не могла ничего произнести вслух, ни взмолиться о пощаде, ни проклинать его за этот обман. *Её больше нет.* Ничего. Полное недоразумение.

Но что-то в ней, что не являлось Вестанией на самом деле, толкнуло её вперёд. *Зачем вперёд? Он же застрелит меня?* Нужно было действовать. Аластор покачнулся назад, прочь от Вестании. Вдруг все стало таким стремительным, все её движения стали необыкновенно быстрыми. *Мама мертва.* Страх стучал в голове, как молот о наковальню. Она не могла думать. Схватила его трость. *Мне никогда не вырвать её, он сильнее!* Но потом трость оказалась в её руке. Она ничего не видела, лишь смазанный поток белого цвета. Нагнувшись, увернувшись от его руки, она с размаху, так сильно, как только могла, ударила его тростью по правой ноге. *Бежать!* Нет, ещё рано. Он упал в снег, застонав, кажется, боль и вправду была необычайной. Она выронила трость, не рассчитав удара. Рванулась вперёд, утопая в океане снега. Револьвер в ослабевшей руке. Схватила его и, не задумываясь, швырнула куда-то в Белизну.

— Бежим! — крикнула Вестания Теренею и, в считанные секунды оказавшись возле неё, что было сил толкнула в обратную сторону. *Она умерла.* Не может этого быть!

Не смотреть назад было сложнее всего. Кто-то точно должен был догнать их. Аластор или солдаты Акрополя. Они должны быть схваченными. Она бежала что есть силы, она спотыкалась, проваливалась в сугробы, она поднимала упавшую сестру, она бежала, падала и вставала опять, вихри взрытого снега мелькали повсюду. Руки дрожали. Всё тело дрожало. Но оглянуться — значит сбавить скорость. Замедлиться — значит пропасть.

Что это?

Огромное массивное туловище невиданного чудовища выбило её из потрясения. Она подняла потерянные глаза, увидела его широкую морду прямо напротив себя.

— Вестания! — Теренея попыталась остановить её, но девочки оказались прямо перед зубастой пастью.

Слишком поздно Вестания рассмотрела занесённые снегом рельсы поезда. Две плохо различимые черты поверх безупречной Белизны.

Поезд?

Тут она вспомнила про челнок. Они приехали сюда на поезде. Но ведь поезд принадлежит Акрополю, он служит для транспортировки заключённых.

Сёстры оказались в круглом блике фар. С диким визгом закрипели колёса. Поезд замер в метре перед ними.

— Эти двое из Акрополя! У них был ключ от камеры! — Услышала она далёкий голос, голос из другого мира.

В её мире сейчас была лишь Белизна. *Мамы не стало.*

— Залезайте! Живо!

Вестания не помнила ничего, что было дальше. Их с сестрой подхватили на руки и втащили куда-то в тепло.

Она ничего не видела и не слышала. Лицо горело. Больше ничего не оставалось — только скорбь. Она обняла Теренею, покрасневшую от слез, уткнулась лицом в её взлохмаченные мокрые волосы и сотряслась в рыданиях.

343/528 дни после конца отсчёта

Белые пятна проплывали мимо окна. Как чья-то память. Как чужая жизнь. Белый — странный цвет. Вроде бы чистый, но пустой. В нем нет ничего: ни добра, ни зла. Пустота — ещё хуже грязи. Потому что нельзя осудить то, что не имеет сравнения.

Вестания не знала, сколько прошло времени, прежде чем она пришла в себя от шока. Вокруг неё что-то происходило, с ней разговаривали, её трясло, что-то спрашивали и выпытывали, она оставалась безучастной ко всему происходящему. Кажется, Тереня отвечала на вопросы сквозь слёзы. Они обе были слишком подавленными и усталыми, чтобы сейчас отчитываться перед участниками Сопротивления.

Очнулась она, полулежащей на плече Фрикса. Тотчас пришла в себя, приосанилась, отстранившись. Он был тут! В вагоне челнока, который угнало Сопротивление, вытаскивая своего лидера из тюрьмы. Веспер тоже сидела рядом, утешая плачущую Тереню.

Она ощутила себя такой опустошённой и слабой и в то же время была так благодарна этим двоим, за то, что они оказались сейчас тут. Ища хоть какой-то опоры, балласта, что не позволил бы ей утонуть в эту секунду, она, закрыв глаза на страх и осторожность, схватила Фрикса под руку и прижалась к грубой серой материи куртки щекой. Фрикс в ответ приобнял её за плечо.

— Мама умерла, — прошептала она ему иступлённо и почувствовала, как от произнесённых вслух ужасных слов повеяло холодом. Слёзы опять сжали горло.

— Чшшшшшш, — прошипел он тихо ей на ухо, и она закрыла глаза, на одно мгновение уносясь всем рассудком в эту бархатистую вибрирующую спираль его голоса.

Все будет хорошо, — повторяла она про себя снова и снова, но, кажется, мантра не работала и не помогала. Фрикс обнял её крепче. Странно, но она не чувствовала в его руках никакой страсти. Словно он и вправду делал это, чтобы поддержать её и успокоить. И его объятья... такие тёплые, даже несмотря на зиму, она чувствовала тепло его тела сквозь одежду. И с ним было хорошо. Ей нравилось думать о нём. Фрикс был её спиралью в эту минуту. На несколько мгновений, до того, как отпустить его, Вестания обрела покой, перестав думать о маме, ни о чём, кроме Фрикса. Оторвавшись от него, она сначала хотела извиниться или, наоборот, поблагодарить его, но столкнувшись с прозрачным льдом его голубых глаз, с этой загадочной улыбкой, она поняла, что не нужны никакие слова. Ничего не нужно.

— Веспер... — начала было Вестания, но девушка остановила её жестом.

— Мы обо всём поговорим потом, когда доберёмся до безопасного места. — Ответила она. — Челнок прибудет в Термину через десять минут. Янтари будут ждать нас там, будь уверена. Я представить не могу, что вы две пережили, и как вы устали, но нужно настроиться на последний бой. Мы сделаем всё, чтобы доставить вас до Некрополя в безопасности, но приготовьтесь бежать.

Очередной бой... сколько ещё их будет?

Они действительно невероятно устали за эту безумную ночь.

Фрикс закурил. Вестания не собиралась сдерживаться сейчас. Если что-то могло её успокоить, кроме спирали, то это расслабляющий голову дым.

— Можно мне тоже? — спросила Вестания тихо.

Фрикс сразу же полез в карман ещё за одной.

— Вестания! Ты куришь? — воскликнула Тереня. И как только у неё хватало сил удивляться за этот день?

— Отстань! — отмахнулась она, принимая сигарету у Фрикса. — Спасибо...

— Ты никогда не говорила. И не курила при мне. — Не остановилась Тереня.

Вестания закурила от зажигалки, протянутой Фриксом. Клубок дыма едва вылетел из её рта, как его тут же сдул ветер из разбитого окна. Вестания кратко кашлянула, загородившись свободной рукой.

Какое это сейчас имеет значение?

— Самое время начать, — ответила Вестания хрипло. Печаль вдруг сменилась невероятной злобой на всё происходящее. Она обратилась к Веспер. — Нам больше некуда идти. Мамы нет, мы одни. Наши деньги забрали. За нами гонится какой-то психопат. А ещё мы сбежали из тюрьмы Акрополя. Пожалуйста, помогите нам. Нам нужно выбраться из Термины и поехать дальше. Мама умерла ради нас за это. Мы будем работать на Сопротивление, но вы поможете нам сбежать потом, когда мы отработаем этот долг.

Веспер смотрела на неё глазами полными жалости.

— Не стоило бросать вас в поезде. Это была ошибка. — Сказала она. — Я обещаю, что мы что-нибудь придумаем. Дардан сказал, у вас был ключ от камеры Алкида. Можно сказать, что вы уже сослужили неплохую службу Сопротивлению. Ты уверена, что вы сможете поехать дальше на север одни?

— Да, — ответила Вестания уверенно. — И мы будем продолжать двигаться вперёд до тех пор, пока сможем идти, — сказала Вестания. — Так хотела мама.

— Я поняла, — кивнула Веспер.

Вестания отвела глаза, посмотрев в окно. Там всё ещё была бесконечная белая пустота. Белизна. Теперь она понимала, что значит это слово. В ней лежало тело их матери, в ней скрывался их преследователь. Где-то в ней был конец их пути. Каким бы он ни оказался.

— Там где-то есть Океания. — Заговорила Тереня, переловив взгляд сестры. — Прекрасная жемчужная страна вне времени. А в облаках летают киты.

Вестания задумчиво отвернулась к окну, выронив из пальцев давно потухший и сгоревший фильтр «евангелиоса».

— Или «там где-то» нет ничего, — сказала она вслух.

Аластор так и остался стоять на коленях посреди белой степи. Сбившейся со следа зверь, потерявший свою добычу. И что дальше? Куда ещё ему идти?

— Я подвёл тебя, Алкиона, — прошептал он в белую простыню снежного поля. Они сбежали. И он больше не сможет их найти.

Поначалу он вообще не хотел уходить отсюда. Пусть здесь, в Белизне, его найдёт янтарный отряд полиции, он даже не будет сопротивляться при задержании. Пусть теперь его убьют. А именно это они сделают, когда узнают, сколько военных он уничтожил за одну эту ночь. Какая теперь разница, если он упустил их?

Тереня, настоящая красавица, у неё волосы светлее, она очень добрая, — услышал он сломанный голос Алкионы в голове. Почему она преследовала его? Почему он мог не думать об Эхо, когда хотел, но Алкиона... она всегда была где-то поблизости.

Вестания, старшая, у неё тёмные волосы, как у их отца. Ей удалось победить его. Каким-то образом удалось сбежать. Боги! Откуда в ней было столько силы и решимости?

Такие непохожие друг на друга... Дочери Алкионы... Что ему теперь с ними делать? Могли ли эти девочки стать тем самым хозяином, о котором говорила Ино? *Я никому больше не стану служить*, — думал он всё время с тех пор, как покинул «Скиес».

Тебе нужно то же, что любому псу. Тебе нужен хозяин. — Сказала ему Ино. И, кажется, она не ошиблась.

Перед глазами стояло покрытое испаринами лицо Алкионы. Своими растрескавшимися губами она шептала слова любви в последние минуты своей жизни. Брала с него слово, что он найдёт тех, ради кого она так старалась. Поможет её дочерям. Какую ещё помощь мог предложить им Аластор? Он всю свою жизнь занимался тем, что помогал. Помогал обречённым поскорее попасть в царство смерти. Прокладывал для них самую короткую дорогу. Потому что, как говорят, Смерть спит где-то на белых лепестках. А Бешеный Пёс не спит никогда. Он всегда начеку, всегда идёт по следу.

Он прислушался к её голосу у себя в голове. Чего бы теперь она хотела от него? Он провалил задание, но вдруг у него был ещё один шанс?

Аластор закрыл глаза и представил компас, который отдал Теренее. Маленькая безделушка, какая разница, где север, если лето никогда не настанет? Если со всех сторон их всех всё равно окружает лишь бесконечная Белизна?

«Никогда не теряйся», — именно такая надпись была выгравирована на нём. Как сумасшедшая, неутомная стрелка, упорно показывающая на север, сколько не крути сам прибор. Путеводная звезда, неутомимо восходящая на свою точку в небе каждую ночь. Было что-то непреклонное в этом, что-то судьбоносное. В мире были вещи, которые неустанно стремились к порядку. Только Аластор, почему-то поддавался только внутреннему хаосу. Как истинный демон, он мог нести одну боль. И так было всегда, всю его жизнь. Что же теперь оставалось делать?

Он нашёл в сугробе пистолет, который выбросила Вестания. *Сугроб — гроб для проигравших.*

Застрелиться? Как он хотел уже давно. Оставить сестёр одних в Белизне. Пусть сами выбирают из неё, ищут свои пути в Элизий. *Или в Океанию. Да, они собирались искать Океанию. Глупая детская сказка.*

— Чего ты хотела от меня, Алкиона? — спросил он пустоту. Но тишина не отзывалась. И эхо тоже молчало. Его Эхо.

Вдруг вдали, как призрачное видение, появилась собака. Завидев человека, она, изумлённая, побежала к нему навстречу по тонкой веренице следов, которые они проложили вместе с сёстрами. Это был белый самоед, таких часто держали на севере. Собака подошла к нему, виляя закруглённым к спине хвостом и высунув алый язык.

Они же стреляют бешеных собак, не так ли? — Подумал Аластор.

— Алкиона, это и есть твой знак?

И если так, то что она пыталась сказать? Собака подсунула под руку чёрный нос, внимательно обнюхивая карманы мужчины. Увы, у него не было для неё еды.

— Ты ведь не хотела, чтобы я убил их. Нет, ты просила не об этом, — сказал он. — Ты наняла меня, Алкиона. Для того, чтобы я помог им найти то, что они ищут. Чтобы и я сам это нашёл. Я знаю.

Аластор погладил беспокойную суетливую голову.

— Я и раньше это знал. Просто решил по-своему. Решил сделать так, как всегда делал. Ты хочешь, чтобы я...

Собака, удостоверившись, что кроме ласки, она не получит ничего вкусного, развернулась и, потеряв всякий интерес к мужчине, побежала обратно, сливаясь с непогрешимой Белизной.

— Ладно, Алкиона. Я попробую. — Согласился Аластор. — У меня всё равно нет иной дороги.

Самоед замер, отойдя на некоторое расстояние. Развернулся к Аластору, словно ждал его. Мужчина усмехнулся и пошёл вслед за псом по белому холсту.

Их спутники решили сделать вид, что заняты своими делами. Анка присоединилась к Фликшу, помогая ему собирать жемчужины. Наверняка смогут сделать из них красивые украшения, когда вернутся обратно в Ууракулис. Кургун просто сел на камень и любовался сказочным видом на небо, в то время, пока Торна осматривала храм с таким любопытством, словно могла прочесть древние надписи, испещрявшие стены. Они позволили Нике и Эльпис выплакаться, оставить свою мечту и немного прийти в себя.

— Мы ведь напишем этот альбом, — усмехнулась Ника, утирая последние слёзы. — О котором ты говорила. «Музыка Океании».

— Ну, вернуться без песен мы теперь не имеем права, — рассмеялась Эльпис. — А то Пигмалиону это точно не понравится. Он был, прямо скажем, не в восторге, отпуская любимую музу на край земли проводить музыкальные сессии.

Они обе рассмеялись. На душе впервые за день появилась удивительная лёгкость. Ника посмотрела в небо, любуясь сказочной картиной, которая разворачивалась в другом мире.

— Мы сейчас под морем, Эли, — сказала она. — Там наверху вода и плавают рыбы. И киты тоже.

— Кто о чём, а ты всё о китах... — Сказала муза. — Запомни, напишешь такую песню потом. Надо набирать... — Тут её лицо исказилось. Она резко замолчала, прижав руку к голове.

— Что случилось? — напряглась Ника.

— Гул. Я слышу его. Как будто громче обычного, — сказала Эльпис.

— Может...

Эльпис поднялась с земли. Задумчиво пошла на недоступный для ушей Ники звук. Она брела, заплетаясь ногами в глубоком снегу вдоль входа в храм, мимо его колонн, достающих до неба, куда-то дальше. Ника встала и последовала за ней. Эльпис вдруг опустилась на колени, подобрала с земли громадную алую раковину и поднесла к уху.

— Быть не может, — эмоция истинного страха родилась на лице девушки. Брови насупились задумчиво, глаза наполнились смятением.

— Что такое? — спросила Ника, подойдя к ней ближе.

Эли протянула подруге ракушку.

— Этот гул. Он шёл отсюда.

Но ведь это невозможно! Как?

Ника подняла раковину и прислонила её к уху. К её изумлению, она услышала вовсе не шорох волн, который обычно носили в себе морские раковины в память о своём прошлом

доме. И не запутавшийся в лабиринте изгибов воздух. Ника слышала в раковине музыку. Глубокую, грустную и пронзительную. Где-то в её переливах звучали голоса, но отдельных слов было не разобрать и, скорее всего, они пели не на элла, и даже не на антропе. Из раковины лилась печальная и трагическая песня прямо из соседнего мира. Прислонившись к гладкому боку ракушки, они вдвоём могли слышать истинную музыку Океании.

Больше книг на сайте - Knigoed.net